

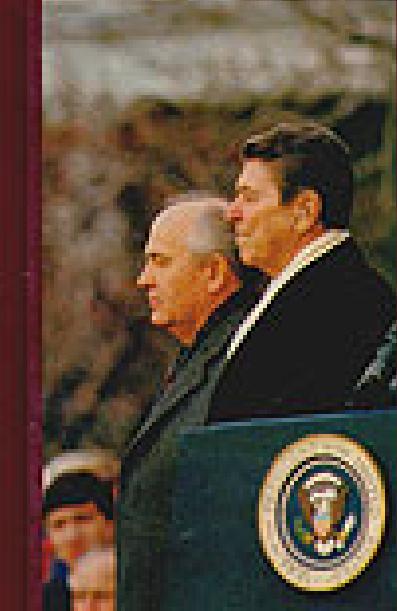
НОВЫЙ РАКУРС

А.П. Шевякин

РАЗГРОМ СОВЕТСКОЙ ДЕРЖАВЫ

**От
«оттепели»
до
«перестройки»**

Александр Петрович Шевякин

**Разгром советской державы.
От «оттепели» до "перестройки"**

За каждым значительным по продолжительности и глубине историческим фактом, повлекшим за собой грандиозные перемены, всегда стоят самые совершенные на тот момент политические механизмы. Не было исключением и разрушение или, если быть совсем точным, разгром Советского Союза. Формат книги не позволяет раскрыть подобный механизм во всех деталях, поэтому автор ограничился тем, что обрисовал, кем и как были разработаны методы управления этим трагическим процессом, имевшим, прежде всего советское и американское происхождение. В книге представлены все на сегодняшний день наиболее ценные материалы, освещдающие "перестройку" и предшествующие ей годы.

ВМЕСТО ПРЕАМБУЛЫ

Эта книга написана на основе материалов моей предыдущей книги **«Загадка гибели СССР. История заговоров и предательств. 1945–1991»**, неожиданно и для автора, и для издательства получившей широкий резонанс и выдержавшей подряд несколько переизданий. В новом варианте книги мы учли положительные отклики прессы и мнение читателей, высказанное в письмах. Вновь поступившие данные, а также проведенный нами еще более точный системный анализ позволили скорректировать некоторые выводы прежних исследований, достичь нового качества и глубины в нашей работе. Особый акцент сделан на теме национальной безопасности СССР, ее последовательном ослаблении и разрушении. Пристальное внимание уделено интеллектуальной работе главного «мозгового центра» США, внесшего огромный вклад в разгром СССР, — RAND Corporation.

Книга несколько необычна, как необычен и описываемый период (и прежде всего так называемая перестройка). Особенность его состоит в том, что это был невиданный пока еще в человеческой истории случай, когда абсолютное большинство событий было тщательно спланировано, смоделировано и проиграно на ЭВМ. Согласитесь, что такое необычно даже для ушедшего XX века с его взрывом компьютерных, технологий.

Столь необычные подходы требуют соответственно качественно иных методов их исследования. Поэтому в книге не так много хроникально-событийного рассмотрения случившегося, а основная часть посвящена тому, как такое могло произойти в принципе. Как были разработаны методы системного разрушения СССР, как они апробировались и, наконец, как они применялись. Все, что достоверно известно на сегодняшний день, приведено в этой небольшой по объему книге.

Годы «перестройки» были, пожалуй, самыми переломными для всех тех, кто ранее жил в СССР, а теперь живет на так называемом постсоветском пространстве. Ничтожно мало (и с каждым годом их все меньше и меньше) тех людей, кто помнит Великую Отечественную войну. Мало и тех, кто помнит триумф советских покорителей космоса в начале 1960-х гг.; он стерся за давностью лет, хотя лично причастны к нему были не только космонавты, но и десятки тысяч советских людей, которые входили в цепочку создания техники: от геологов до монтажников ракет-носителей и миллионы людей, переживших гордость за прорыв советской науки и техники.

1985 год запомнился большинству советских граждан приходом нового молодого лидера и установлением порядков, близких к «сухому закону». Затем «процесс пошел» в атмосфере какой-то одуряющей эйфории, и хотя время от времени и происходили события отрезвляющего свойства, но до самого последнего дня мало кто мог ожидать, что развязкой будет крушение Союза. И только зимой 1991/92 года наступил настоящий шок. Между ожиданиями и действительностью пролегла чудовищная пропасть, в которую рухнула вся страна. Это помнит подавляющее число живущих сегодня на постсоветском

пространстве. И до сих пор у этих людей воспоминания о Союзе вызывают ностальгирующие чувства. До сих пор большинство из них не может простить разрушителям страны их предательство.

В какой-то степени можно утешать себя тем, что в чем-то этот конец был запрограммирован. Внутренние процессы управления страной и несправедливого распределения народного благосостояния всей истории СССР во многом вели к этому. И хотя в стране была заявлена великая цель — построение коммунистического общества, она же одновременно с самого начала вызвала и не виданные еще в истории внутренние и внешние противоречия. Сразу же после революции — ожесточеннейшая гражданская война, потом борьба внутри самой партии за выбор пути построения социализма, коллективизация, индустриализация в условиях вредительства, процессы над троцкистами, Великая Отечественная война, а сразу по ее окончании — «холодная» война... Советский Союз пал тогда, когда все внутренние и внешние противоречия сложились в единое целое и набрали критическую массу. И именно этот исторический момент мы намерены подвергнуть анализу в той степени, в какой это возможно при нынешнем уровне информированности.

Глава I ИСТОКИ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ». GAME.EXE

Периоду зарождения «холодной войны» между СССР и США уже посвящено несколько исследований, и мы видим свою задачу лишь в том, чтобы выделить и осветить один из самых малоисследованных аспектов: нарастающий профессионализм в этом процессе американской стороны.

Историки обычно отмечают в качестве начала этого нового для тогдашнего мира явления известную речь У. Черчилля в Фултоне. Тем более что именно против нее было направлено острие советской пропаганды. Для нас же основным объектом исследования будет являться не те факты, что мгновенно становились известны, а то, что говорилось в узком кругу, те документы, которые когда-то были известны только доверенным лицам, т. е. подводная часть громадного идеологического «айсберга». К такого рода материалам относятся и тезисы выступления А. Даллеса на заседании Совета по международным отношениям (СМО) в присутствии Г. Трумэна, Г. Моргенау, Б. Баруха: «Окончится война, кое-как все утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, — все золото, всю материальную помощь на оболовивание и одурачивание людей.

Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посев там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России.

Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства мы, например, постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобъем у них охоту заниматься изображением, исследованием, что ли, тех процессов, которые

происходят в глубинах народных масс. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и подыметь так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху...

Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом... И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем выбрасывать духовные корни большевизма, опошлять и уничтожать основы духовной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением, вытравлять этот ленинский фанатизм. Будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растилевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов. Вот так мы и сделаем». (Тезисы доклада А. Даллеса на закрытом заседании СМО. Цит. по: [41. С. 167–168; 19. С. 26–27; 51. С. 117–118].)

И.В. Сталину было доложено об этом выступлении в кратчайшие сроки. Начальник Секретариата Л.П. Берия Б.А. Людвигов впоследствии вспоминал, что эти слова вызвали у Сталина резко отрицательную реакцию [52. С. 6, прим.].

Обратим внимание читателей на некоторые хорошо известные факты: высшему советскому руководителю в кратчайшие сроки стала известна достоверная информация о сепаратных переговорах в Берне между А. Даллесом и генералом СС К. фон Вольфом, начатые в феврале 1945 г., в том числе и текст выступления первого из них в СМО; а также было своевременно доложено об испытании первой американской атомной бомбы [1.01. С. 260]. Из этого можно сделать довольно смелое предположение о том, что внутри американской верхушки находился информатор(ы) И.В. Сталина. К настоящему времени есть свидетельства, пусть и не самого надежного характера, о том, что в числе агентуры могли быть жена Президента Элеонора Рузвельт и/или личный секретарь Рузвельта Локлин Карри [1.02. С. 465–467, 526]. Ф.Д. Рузвельт не был наивным дилетантом в политике и не мог не исключать указанного нами подобного варианта, при этом его опять же ставили в явно неудобное положение — он должен был почувствовать обычный дискомфорт из-за присутствия где-то рядом чужого разведчика, и в то же время этого близкого человека, который еще и содействовал поддержке его курса. И Сталин, тонко понимая всю двусмысленность этой ситуации, в одной из последних телеграмм Ф.Д. Рузвельту пишет об этих вполне понятных коллизиях: «Что касается моих информаторов, то уверяю Вас, это очень честные и скромные люди, которые выполняют свои обязанности аккуратно и не имеют намерения оскорбить кого-либо. Эти люди многократно проверены нами в деле» [1.03. С. 223].

Однако сколь бы ни был высокого положения такой человек, он мало мог повлиять на курс всего руководства в целом. И после смерти Ф.Д. Рузвельта, случившейся для СССР столь некстати, США начали против СССР и его союзников «холодную войну». И хотя выиграть ее оказалось не совсем простым делом, все же наиважнейшим для последующего успеха США в «холодной войне» стало то, что уже самые первые шаги были сделаны в правильном направлении.

Объективно на послевоенном укреплении Америки в международной политике оказались прежде всего достоинства самой американской политической системы. Оппозиционная партия не вовлекалась в процесс принятия решений, хотя все в Вашингтоне делается с оглядкой на оппозицию, она только критикует действия правящей партии, в то же время набираясь опыта на ее ошибках. При смене «караула» правившая партия уходит не просто в отставку, а в крупные корпорации, университеты, где делятся практическими навыками со студентами (непрерывно готовя таким образом достойную смену) и профессурой, которая черпает информацию, что называется, «из первых уст» (советские ученые, для сравнения, были лишены такого удобства — к такого рода деятельности допускались только немногие избранные). Благодаря такой гибкой и продуманной кадровой политике в Штатах появилась могучая прослойка интеллектуалов, которая и стала авангардом в «холодной войне» с СССР. И последующие успехи самих США в «холодной войне» (особенно в ее финале), как мы это увидим дальше, стали возможными только благодаря достаточно положительному отклику правительства на запросы американской официальной науки, получившей в политическом истеблишменте значительное влияние.

Главной заслугой симбиоза политиков и ученых явилось то, что Америке в частности и западному миру вообще удалось выстроить систему, атакующую СССР по всем направлениям. Напомним, что наибольшее число шансов в противоборстве двух систем-антагонистов имеет та система, которая на данный период времени обладает свойствами более высокого уровня, чем те, которыми располагает противник. Эти свойства накапливаются за счет силы импульса, направленного на преодоление разрушения подсистемы защиты противника. И в этой связи не столь важно, кто агрессор, а кто жертва первого нападения, — важно, кто предпринял больше усилий для подрыва подсистемы защиты и безопасности противника (как извне, так и, в особенности, изнутри).

В этом контексте все разнообразие атакующих свойств одной системы против другой описать весьма затруднительно — это тема необъятная. Отметим только некоторые из них. За атакующей стороной остается выбор места и времени действия, именно она назначает событие, она навязывает свою волю и правила игры. Атакующая сторона приобретает значительную фору во времени, а обороняющаяся сторона всегда запаздывает, пока принимает решение, как среагировать. Атакующая сторона быстрее изыскивает самоорганизующуюся поддержку в системе противника («пятую колонну»). Идеальным считается положение дел, когда каждое звено атакующей системы выбирает зеркальное звено у своего противника и разрабатывает план его уничтожения, или по крайней мере низведения его до уровня, когда оно уже не может угрожать. Так, к числу несомненных послевоенных успехов США следует отнести формирование специальных структур, нацеленных на участие в «холодной» войне, у каждой из которых имелся свой отдельный план по работе с СССР.

В политике, в отличие от тех же шахмат, где на каждый ход дается возможность сделать контрход, такой возможности никто не предоставляет. И,

начав наступательную партию однажды, ее можно безответно играть сколь угодно долго. США, определив стратегические цели еще в середине 1940-х гг., имеют настолько сильный импульс, что он действует до сих пор, подкрепляемый победами над СССР и его восточноевропейскими союзниками, Югославией, Ираком и т. д.

Исходя из самой природы такого явления, нападающая сторона всегда активна, обороняющаяся — пассивна. И если последняя может зачастую гадать, откуда и когда будет нанесен удар, то атакующая планирует нападение, она не просто знает о будущем больше, чем противник, она это *будущее назначает*. И это весьма важно, ибо каждый свободен в своих действиях, исходя лишь из степени своей информированности. Само состояние обороняющегося уменьшает возможность реалистично воспринимать и осознавать происходящие процессы. Кроме того, что та или иная система побеждает, она еще и неизбежно уходит значительно вперед в своем развитии и проигрывающей системе приходится ко всему почему не только взять реванш, но и, что не менее важно, обогнать победителя. За счет чего это достигается? Она тщательно (по мере своих интеллектуальных возможностей) изучает успех противника и старается воспроизвести его в своей системе. На примере США видно, что они переняли опыт СССР по тотальной зачистке своего тыла: работа Комиссии по антиамериканской деятельности сенатора Дж. Р. Маккарти — это точная копия стиля работы Особых Совещаний НКВД. Другой пример. Штаты совместно с рядом международных организаций, исходя из положительного опыта деятельности Коминтерна, постарались распространить американское присутствие на весь мир (или же, говоря терминами политологии, расширили свое политическое пространство до максимальных размеров). Разумеется, это не какой-то одномоментный выбор правильного пути, а длительная стратегическая работа, которая, очевидно, не окончена до сих пор.

Философы говорят по этому поводу так: «*Новое всегда побеждает старое*»; аналитики уточняют: «*Атакующая сторона всегда и во всем имеет превосходство над обороняющейся!*»

Глава II СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА. 1953-1985

ОТ СМЕРТИ СТАЛИНА ДО ПРИХОДА ГОРБАЧЕВА

М.С. Горбачев на XXVII съезде КПСС назвал период управления страной Л.И. Брежневым «застоем». Я бы рискнул предложить называть весь период 1953–1985 гг. — между гибелью И.В. Сталина и приходом к власти М.С. Горбачева — «Большим Застоем». В него вошел бы период с марта 1953 г. по октябрь 1964 г. — т. н. *оттепель* (или второе название, которое встречается иногда в литературе — *слякоть*), собственно период брежневского правления (или, пожалуй, царствования) и период с ноября 1982 г. по март 1985 г., который кто-то метко назвал *гонкой на катафалках*. Полагаю, что можно указать на некое единство всего этого периода. Ряд отечественных исследователей из числа коммунистов-ортодоксов спорят со своими оппонентами, утверждая с цифрами в

руках, что этот период не был *застоем* как таковым, т. к. согласно общепринятым определениям: «Застой... — 2. Остановка, задержка, неблагоприятная для развития, движения чего-нибудь. 3. Время замедленного развития экономики, пассивного, вялого состояния общественной жизни, мысли» [2.01. С. 225]. Мы ничего не имеем против таких уточнений, действительно, указываемый период характеризуется количественным ростом, однако при существенном отставании качественных показателей.

Исходя из сегодняшних представлений о состоянии советской системы, вторая половина 70-летнего коммунистического правления представляется как возвратный путь. При сохранении внешнего лоска, при непрерывном росте экономики, при сохранении движения по импульсу, заданному И.В. Сталиным, на самом деле страна давно повернула назад: «Очевидно, что вся история СССР четко распадается на две части: сталинский и послесталинский периоды. Причем эти две части истории — почти равные по времени, но разнонаправленные. 35 лет движения по социалистическому пути и 35 лет движения вспять к полному капиталистическому финалу. 35 лет власти сталинской ВКП(б) и 35 лет власти КПСС. Сколько шло созидание — столько и разрушение» [2.02. С. 157]. Это очень верная оценка. С позиции сегодняшнего дня мы также можем легко различить, что история второй половины XX века в нашей стране содержит два прочно связанных между собой процесса: это — эволюционный этап (1953–1985) и революционный этап (1985–1991) в разгроме СССР. Воззрения коммунистов, правда, описывают все семьдесят лет как серию победных маршей, но таковы казусы их сегодняшней пропаганды. Совсем наоборот, мы за эти семьдесят лет прошли весьма сложный, противоречивый и до конца еще не определенный путь, еще не все победы проявили себя в многообразии причинно-следственных связей, и неизвестны все те подводные камни, что были пройдены СССР незамеченными.

Следует отметить, что тенденции к развалу СССР были и «при Сталине» — да-да, они и тогда закладывались, но при этом тщательно маскировались. Конечно, преждевременно считать, будто в балансе центробежных и центростремительных сил сразу же после смерти Сталина перевес получили первые. Нет, система, заложенная Сталиным, имела несколько поясов стабильности, и каждый из них приходилось проходить шаг за шагом — иначе и не могло получиться в силу соблюдения законов сохранения системы. Лишь только к настоящему времени, на рубеже веков, страна подведена к последней черте. Такова была сила сталинской системы...

Время, «когда генсек губит СССР», свой отчет начало не в 1985 г., а гораздо ранее. Тенденции к развалу системы в лучшем случае обозначались, но ничего по сути не делалось для их исправления. Разложение (спаивание, разводы, аборты, преступность, «несуны», дедовщина) низов и обуржуазивание (турпоездки, невозвращенцы, «вещизм») верхов. Идеализм на одном конце социальной шкалы и неприкрытый цинизм на другом. Социальное расслоение и формирование будущих классов, криминализация и коррупция. Ряд перекосов в национальной политике. Нелегитимность и пагубность при выборах первых лиц от Кремля до колхоза. Зримый всеми тотальный дефицит товаров и услуг. Все это камнем лежало на каждом. Тем более что в каждой статье, в каждом публичном выступлении, в каждом телесюжете звучало: «Жить стало лучше...» Честно сказать, жить стало невмоготу. Ситуацию намеренно выводили из поля здравого смысла и превращали в абсурд. Требовалось ее разрешение...

ХРУЩЕВ: ЗАПУСК МЕХАНИЗМА РАЗРУШЕНИЯ

Наиболее меткая, как представляется, обобщенная характеристика деятельности Н.С. Хрущева была дана человеком, который непосредственно соприкасался с ним по работе. Д.Ф. Устинов уже на последнем году жизни, когда зашла речь о Хрущеве на Политбюро, сказал так: «Ни один враг не принес столько бед, сколько принес нам Хрущев своей политикой в отношении прошлого нашей партии и государства, а также в отношении Сталина» [2.03. С 18].

Естественно, что наипервойшей задачей Н.С. Хрущева было совершить перехват власти и удержать ее. И все события 1953–1956 гг. стоит рассматривать именно через эту призму. В этом ряду арест Л.П. Берия и высшего руководства органов МВД, борьба с группой сталинцев — и здесь надо отдать должное его последовательности, уже тогда он дал старт к последующему разрушению незаслуженно унаследованной им страны. В наиважнейшей сфере защиты страны — геополитической начался ряд перемен — были уничтожены советские базы в Финляндии (на одном из арендованных островов), в Порт-Артуре, выведены войска из Румынии. Кроме «отступления» с завоеванных геостратегических позиций Армия и Флот подверглись и другой «атаке сверху» — безоглядному разоружению. «С начала 1960-х гг., по настоянию Хрущева, были отправлены в распилку и переплавку мощные боевые корабли Военно-Морского Флота, подлежали недопустимому сокращению или полному уничтожению тяжелые самолеты. А с ними и вообще целый ряд вооружений с заменой их на ракеты стратегического назначения. Это распространилось даже на создание новых видов стрелкового оружия. Оказались закрытыми ценнейшие оборонные НИИ. Замечательные специалисты разбрелись кто куда. Это было в чистом виде разоружение перед лицом Америки, ставшей мощью оружия подавить нашу самостоятельность» [11. С. 28]. Произошло сокращение численности Вооруженных Сил в 1955–1960 гг. на 3 980 000 человек. Обращаем внимание на то, что Н.С. Хрущев прикрыл эту сторону своего предательства под видом разоружения. Его опытом впоследствии воспользовались М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин... Список можно продолжить.

Следующее злодеяние Н.С. Хрущева — доклад после XX съезда КПСС. С позиции других, последующих событий в истории КПСС на первое место здесь стоит поставить идейное и психологическое воздействие на партию и народ. Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что ни одна, даже самая захудалая партичайка КПСС не выступила против доклада Н.С. Хрущева. Именно отсутствие достойной негативной реакции на действия Н.С. Хрущева по очернению И.В. Сталина внутри партии привело к принятию пресловутого Постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 г. Н.С. Хрущев всегда своими действиями подыгрывал внешнему противнику. ЦРУ смогло добить текст доклада и опубликовать его именно в июне 1956 г. с комментарием «Русские сами признаются в своих жестокостях», и тут же в подтверждение этого как раз появляется постановление... Не было ли это первой согласованной акцией ЦК КПСС с западными спецслужбами?

Н.С. Хрущеву нельзя было доверять ничего: «В 1950-е гг. ЦРУ (очевидно, все же ФБР. — А.Ш.) тщетно искало источник утечки информации из руководящих кругов США. На эту мысль ЦРУ навели разглашения Хрущева и других

внешнеполитических деятелей, которые часто засвечивали в своих выступлениях содержание различных документов, в частности полученных от Филби. Хрущев тогда имел привычку заявлять: «Американский Президент еще только думает, а у меня на столе уже лежит информация об этом» [18. С. 22]. Видимо, одним из мотивов руководства КГБ ССР участия в заговоре в октябре 1964 г. было и желание положить конец утечкам информации.

Бесконечные реформы сопровождали все годы правления Н.С. Хрущева. Так, например, в стране было учреждено 105 совнархозов. То есть в дополнение к и без того неважному положению дел в сфере национальной, страна была подготовлена к расколу еще и по принципу экономического районирования. Бывший Председатель КГБ В.Е. Семичастный сообщает о большом желании Н.С. Хрущева разделить местные органы КГБ пополам (наподобие обкомов — на промышленные и сельскохозяйственные!) и «разлампасить, распогонить» все КГБ [2.04. С. 277], что неминуемо привело бы к снижению дисциплины, заполнению Лубянки случайными лицами со стороны, как это и произошло позднее.

Н.С. Хрущев в конечном итоге выполнил глубоко перспективную задачу, связанную уже не с «оттепелью», а с «перестройкой». Он провел эксперимент: насколько долго можно заниматься скрытым подрывом и разрушением страны и при этом не вызывать подозрений? Получилась цифра: примерно лет десять — последователю предстояло уложиться в этот срок. Еще одно замечание на эту тему. Если сравнивать разрушительную работу Н.С. Хрущева с «перестроющей» вакханалией, то следует заметить, что Хрущев все эти годы действовал в Политбюро ЦК КПСС в одиночку. Да, рядом с ним были лица, которые оставались верны ему до конца и слушались его во всем (А.И. Микоян и А.И. Аджубей), через них-то он и осуществлял контакты с внешним миром помимо МИДа. Н.С. Хрущев по возможности снял всех сталинских ставленников. И все-таки как активный разрушитель Советской системы в масштабе страны Хрущев оставался в одиночестве. Такова, была сила сталинских чисток. Его опыт был учтен, и уже у М.С. Горбачева в Политбюро появились два общепризнанных соратника, равных ему по масштабам и замыслам, — Э.А. Шеварднадзе и А.Н. Яковлев. С исторической точки зрения еще не известно, кому больше — М.С. Горбачеву или же Н.С. Хрущеву стоит отдать главный приз в деле сокрушения «Красного Континента». Н.С. Хрущев в свое время совершил невозможное: заложил основы разгрома ССР, сумел повернуть движение вспять, при нем и после него страна могла еще развиваться, но глубоко внутри уже были заложены основы разрушения, что было с удовлетворением отмечено и на Западе. В конце ноября 1964 г. в парламенте Англии на праздновании 90-летия У. Черчилля за него был предложен тост как за самого ярого врага России. Ответ Черчиля прозвучал так: «К сожалению, сейчас имеется человек, который нанес вреда стране Советов в 1000 раз больше, чем я. Это Никита Хрущев, так похлопаем ему!»

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ТАЙМЕР ВЗВЕДЕН

Наряду со многими факторами недостатков в устройстве Союза ССР особое место (в силу того, что это было федеративное государство), конечно же, занимала недостаточно продуманная национальная политика. В разных союзных

республиках СССР существовали как объективные, так и субъективные различия: неравномерность социального положения, разрыв в темпах экономического роста, разница в душевом национальном доходе, демографическая ситуация, выраженная прежде всего в естественном годовом приросте населения, многообразие моделей хозяйственной жизни, наконец, неучтенные особенности национальных менталитетов — все это и многое другое упорно свидетельствовало о том, что Союз представлял собой очень разнородное образование. Об этом достаточно написано, и мы не будем повторяться, а выделим из всего многообразия только одну компоненту — искажения в определении границ между национальными территориальными образованиями, что вызывало весьма справедливые претензии.

«Перекосы» в национальной политике начались сразу же после прихода к власти большевиков: «Национально-государственное устройство страны было сформировано под влиянием конкретных политических обстоятельств и интересов 1920—1930-х гг. и не отличалось последовательностью. Это вызывало большие неудобства, а иногда прямое национальное угнетение, когда полновластное руководство и подчиненное население принадлежали к народам с различными культурными стереотипами. Известный пример — Нагорно-Карабахская автономная область (НКАО). Большинство населения автономии было армянским, а руководство назначалось из Баку. Периодически это вызывало конфликты, иногда массовые (последние — в 1965 г.). Интеллигенция Армении при каждом удобном случае напоминала властям о нагорно-карабахском вопросе. Так, во время обсуждения Конституции 1977 г. на партийных собраниях в учреждениях науки и культуры Армении обсуждалась возможность переименования НКАО в «Армянскую НКАО» или даже передачи ее Армении. Армянские коммунисты показывали нелогичность положения, при котором исходя из экономических соображений НКАО была передана Азербайджану, в то время как отделенная от Азербайджана полосой армянской земли Нахичеванская АО также оставалась в составе этой республики. Армяне настаивали на передаче Армянской ССР или НКАО, или Нахичевани. Армянские коммунисты выдвинули 16 предложений о переименовании НКАО и 45 предложений о ее праве перейти в состав Армянской ССР. Возможно, советское руководство могло бы взять этим тревожным предупреждениям и пересмотреть решения 1920-х гг. Но это не соответствовало принципам брежневской политики, при которой изменения проводились лишь в направлении интеграции народов. Такая линия тоже не могла не приводить к росту напряженности» [63. С. 138–139].

Деятельность Н.С. Хрущева отличалась особыми подходами. Причем как в то время, когда он был фигурантом подчиненной, так и после того, как он стал первым лицом в стране.

Только-только 27 января 1938 г. произошло его избрание Первым секретарем ЦК КП Украины, и «в тот же день на пленуме ЦК КП(б) Украины кроме организационного рассматривались и некоторые текущие вопросы и среди них — о дальнейшей судьбе существовавших на Украине национальных районов с компактным проживанием населения. Таких районов насчитывалось десять, в том числе три болгарских, пять немецких и два греческих. В своей реплике Н.С. Хрущев заметил, что в этих районах украинцы подвергаются угнетению. С.В. Косиор (бывший до этого первым секретарем ЦК КП(б) Украины, а с января 1938 г. — заместитель Председателя Совнаркома СССР, расстрелян в 1939 г. — А.Ш.) решил выяснить мнение Никиты Сергеевича и, как говорится, задал

вопрос в лоб: «Что с ними делать?» На что тот мудро ответил: «Ликвидировать их не надо, но и иметь тоже не стоит» [2.05. С. 179].

В 1939 г., после того как к СССР отошли западные районы Украины и Белоруссии, он опять повторяет свои методы по исправлению (лучше сказать к искривлению) национальной политики в стране. Но тут он был остановлен И.В. Сталиным, которому не раз пришлось разрешать подобные вопросы, будучи Народным Комиссаром РСФСР по делам национальностей [2.06. С. 110–113].

В годы же своего правления страной Н.С. Хрущев развернулся в полную силу— под видом тех или иных невинных на первый взгляд событий на самом деле скрывалась очень извращенная национальная политика, таящая в себе опасный потенциальный заряд межнациональных вспышек. Здесь и передача Крыма (и Севастополя) Украинской ССР в 1954 г. (вот откуда сегодняшняя трагедия Севастополя и русского населения в Крыму), 9 января 1957 г. восстановлена Чечено-Ингушская АССР, в которую включили три русских района: Наурский, Каргалинский, Шелковской, зато часть Пригородного района осталась в составе Северо-Осетинской АССР. Кроме Кавказа подобного рода «инициативы» были и в других регионах. Вспоминает член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Казахстана Д.А. Кунаев: «Под руководством Хрущева я проработал около десяти лет. <...> Одна из первых стычек у нас произошла, когда он предложил мне передать несколько хлопкосеющих районов Узбекистану. Я выступил категорически против. Как раз в это время первый секретарь Южно-Казахстанского краевого комитета партии Юсупов Исмаил написал письмо Никите Сергеевичу, в котором выступил с подобным предложением. Несмотря на мои возражения, Хрущев обязал меня в партийном порядке передать Узбекской ССР Жетисайский, Кировский и Пахтааральский районы. Впоследствии все они были возвращены назад.

Кроме того, Хрущев внес предложение об организации Целинского, затем Западно-Казахстанского и Южно-Казахстанского краев. Я опять не согласился. Время показало, что я был прав — позднее все эти края упразднили.

Не сошлись наши мнения и о будущем Мангышлака. Как-то Хрущев сказал: «Мангышлак — полуостров несметного богатства. Освоить нефть там могут только туркмены. Надо его им отдать». Мои контраргументы он пропустил мимо ушей, поэтому я попросил его переговорить с министром геологии Сидоренко. Тот поддержал меня, и Хрущев был вынужден оставить Мангышлак Казахстану» [2.07. С. 11].

Застой потому и называется «застой», что решения насущных проблем всегда откладывались на «потом». В.Е. Семичастный вспоминает, что «Брежневу не раз советовали: вместо института марксизма-ленинизма создайте при ЦК КПСС институт по национальным проблемам. У нас достаточно разных марксистских университетов, институтов, кафедр, научных учреждений, а вот национальные вопросы по-настоящему никто не изучает и не разрабатывает, поэтому руководители в центрах и на местах часто творят отсебятину» [56. С. 1]. А с другой стороны, по свидетельству еще одного генерала КГБ, «США и НАТО уделяли национальной проблеме в СССР огромное внимание» [40. С. 204].

СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ СССР. 1953-1985

За годы Большого Застоя управление в СССР проделало длительную и не во всем удачную эволюцию: от бизнес-плана построения коммунизма к конкретному сроку (Третьей Программы КПСС), от хрущевских экспериментов, не имеющих ничего общего с элементарным здравым смыслом, через отставание экономики от общемировых, и в особенности западных, показателей к предкризисному состоянию. В первую очередь за это несет ответственность управленческая элита. Как происходил набор людей на вершину информационно-управленческого контура СССР? — «Системе нужен был руководитель-робот, любой ценой выполняющий заданный план, который им не разрабатывался, привнесенный ему сверху. Под этот план он получал фонды на ресурсы. Ему не нужно было искать поставщиков. Под этот план он получал перечень предприятий, которым надо отправить продукцию в таком-то квартале. Ему не надо было рыскать по рынку. За него решали, что нужно потребителю, имея в виду, что даже сам потребитель не дорос до того, чтобы понять, что ему необходимо. А если он и хотел поощрить кого-то, он тоже не мог это сделать, потому что был зажат в «тиски» строгих лимитов. Всякая незапланированная инициатива была недопустима» [2.08. С. 3].

Социализм (с его важнейшим экономико-управленческим атрибутом — *планом*) по сравнению с капитализмом (*рынком*) требует более грамотных, подготовленных, неслучайных руководителей, особенно верхнего звена. У нас же нарушались основные управленческие принципы. Так, отсутствие института надежной обратной связи между субъектом и объектом управления обернулось в конечном итоге катастрофой. Надежная обратная связь правительства с массами — вот залог того, что информация будет доведена до нужного участка, что будет корректировка курса, что будет решение проблемы. Ни одно правительство не способно само по себе «объять необъятное» море информации. Только народ в массе своей способен дать широкое подлинно свободное толкование происходящих процессов. Недаром в памяти именно Русского народа мы находим столько сакральных умозаключений, что их предостаточно для любой теории. Часть работы информационного центра страны можно вполне сократить: передоверь ряд полномочий на места, прислушивайся к мнению снизу, успевай гибко реагировать — исправишь все ошибки и свои, и предшественников, освободишь скованную (отсутствием ли средств, излишними бюрократическими барьераами, идеологическими или правовыми) — все зависит от провозглашенных приоритетов — рамками) волю людей к творческому труду и получишь результат, который потребует намного меньше затрат аппарата. Отсутствие такого механизма обернулось в конечном итоге крахом. Как известно, запаздывание сигнала в высшей нервной деятельности доисторического ящера приводило к тому, что от хвоста до головного мозга информация проходила за восемь минут. Столько времени какой-нибудь хищник мог его есть от хвоста, не опасаясь последствий. Советскую страну сознательно превратили в такого ящера. Только «ели» ее хищники не восемь минут, а гораздо дольше. В управлении страной не соблюдался принцип адекватности в многообразии субъекта управления и объекта управления. Что это значит в первую очередь? Наиболее важные решения принимались аппаратом ЦК КПСС. И хотя в его структуре были отражены все стороны жизни государства, но в полной нужной мере управление было недостаточным. Неадекватным было прежде всего положение между

числом объектов управления и числом управленацев: «В аппарате ЦК КПСС было всего две тысячи работников-функционеров. А в одном международном валютном фонде, в одном здании — восемь тысяч функционеров. Так что мало у нас было бюрократизма. В государственный аппарат США нанимают от 17 до 20 процентов всего населения, а у нас в СССР управленацев было всего до 12 процентов» [2.09. С. 4]. То есть поток информации был таков, что нам просто требовалось увеличить главный штаб страны на порядок. «В послевоенные годы <...> буквально в десятки раз увеличилось число предприятий, учреждений, организаций, произошло усложнение общества в таких масштабах и с такой скоростью, какой никогда до этого не было в истории человечества для объединения таких огромных размеров, каким был Советский Союз. Усложнились все аспекты общества <...>

Сущность надвигающегося кризиса заключалась в том, что сложившаяся и нормально функционировавшая до этого система власти и управления советского общества стала неадекватной новым условиям. <...> Необходимо было увеличить аппарат власти и управления, особенно партийный аппарат. <...> Необходимо было усилить систему планирования и ввести более строгий контроль за выполнением планов. Необходимо было повысить квалификацию работников системы власти и управления именно как работников коммунистической системы, <...>, усилить централизацию экономики и управления ею и т. д.» [24. С. 3].

Весь СССР нуждался только в консультанте по таким вопросам, и нельзя сказать, что его не было: «У некоторых государственных чиновников, имевших прямое отношение к информационным делам, особенно разведок, знакомых с их организацией в западных странах, время от времени возникали проекты создания у нас государственного органа <...>, который бы осуществлял координацию работы ведомств и способствовал выработке разумной системы доклада информации главе государства. Но таким проектам не давали хода» [40. С. 108]. Вот именно, что все было устроено так, чтобы такие люди не могли пробиться со своими идеями на высший уровень власти и чтобы к их мнению никто не прислушивался!

Разумеется, что известное отставание по количественным параметрам от Запада, о котором все знают — и это при наличии в стране природных кладовых и потенциале социализма, который позволяет аккумулировать средства и информацию на решающих направлениях, — имеет еще и качественную сторону. Количественную компоненту можно еще нарастить, а вот то, что ущерб был глубоко внутри системы и тщательно затушевывался, впоследствии возымело огромные негативные последствия. На него потом указывали сами разрушители. Вот вам готовый ответ на вопрос: может ли существовать социализм, раз позволяет себе, например, такое: Председатель Совета Министров СССР в 1964–1980 гг. «Косыгин, озабоченный жалобами на ухудшение качества обуви, посетил одну из столичных фабрик, где стояла импортная линия, и стал сурово распекать директора за плохую работу. Но расторопный директор ответил:

— Алексей Николаевич, помните, эту импортную линию мы закупили при вашем содействии пятнадцать лет назад. Она была рассчитана на выпуск миллиона пар обуви в год и производила сто операций. Но потом нам увеличили план до полутора миллионов. Для ускорения производственного процесса мы вынуждены были сократить двадцать пять операций. Потом план довели до двух миллионов. На конвейере осталось — пятьдесят операций. Но какое может быть качество, если вместо ста операций мы делаем лишь половину?

Этот анекдотический пример весьма показателен. А между тем идеология отдела плановых и финансовых органов ЦК по сути дела толкала нашу экономику именно на этот порочный путь» [49. С. 83].

«Волюнтаризм» Н.С. Хрущева, «застой» Л.И. Брежнева, «неосталинизм» Ю.В. Андропова и «полный маразм» (как будто до него был «неполный»?) К.У Черненко — всего лишь идеологические штампы, не отражающие сути промахов. На верх пробивались умелые интриганы, а не толковые управленцы. В стране образовалась, успешно действовала и разрасталась криптократия: «В сфере управления всегда существовали официальная и теневая власти, причем от последней зависело принятие ключевых решений. Вспоминается молодой человек, представитель крупного объединения в Ленинграде <...>, часто наезжавший в Москву. Он весьма успешно пробивал дела объединения в министерствах и ведомствах, используя тайный список лиц для каждого ведомства, которые реально принимали решения. Согласовывать заявки и проблемы нужно было только с ними. И этот список отнюдь не совпадал с номенклатурными должностями. Успех деятельности молодого человека объяснялся тем, что он имел дело с реальной теневой властью, существовавшей уже на среднем уровне. <...> Высшую власть, как правило, осуществляет сетевая структура, которая обычно носит скрытый характер. В СССР недееспособность генсеков Л. Брежнева и К. Черненко, формально обладавших огромной властью, практически не отражалась на повседневных делах. Реальное управление осуществляла неформальная сетевая структура, в состав которой входила относительно небольшая группа людей. Ее взаимосвязи и взаимозависимости оставались в тени» [41. С. 323–324].

Вследствие различных объективных и субъективных причин в стране не было информационно-управленческой культуры. Запад в это время переживал «экспертный бум» и «революцию менеджеров», а СССР отставал.

Доктору экономических наук В.И. Терещенко, до 1960 г. жившему в США, больнее других было сознавать, как используются «преимущества социализма»: «У нас в Союзе масса искусственно создаваемых препятствий. Сплошь и рядом они влекут за собой непроизводительные затраты времени. Всяческие бюрократические препоны. Перестраховка. А уж безответственность — просто массовое явление! За всем этим— десятки, да что там, сотни тысяч упущеных возможностей улучшить жизнь. По правде говоря, при максимальной отдаче работе я делаю лишь треть того, что мог бы сделать в Америке. Очень обидно! Время необратимо...» [2.10. С. 13].

Главной же ошибкой, приведшей затем к катастрофе, было слепое абсолютное следование тому пониманию марксизма (оставлявшим, как и всякая идеология, широкое поле справа и слева для свободного необязательного толкования), которым грешил тот или иной генеральный руководитель. Не просто отсутствие надежного механизма критики снизу, но, наоборот, заглушение *его*, не синтез достоинств, и как следствие, негатива, а наоборот, указание в конце доклада на «в то же время имеющиеся отдельные недостатки». (М.С. Горбачев потом открыл шлюзы негатива, перенацелил русло, и вот он результат: нет вожделенного социализма, нет СССР.) Мир все более усложнялся. Практика построения «социализма» все более упрощалась. Отражение реальных процессов опошлялось, примитизировалось, загонялось в догматы. «Волюнтаризм» в Третьей Программе КПСС имел тот смысл, что к 1980-м гг., не

достигнув коммунизма, советский народ был бы вынужден вообще отказаться от этой цели.

АППАРАТ ЦК КПСС: НА ВЕРШИНЕ ВЛАСТИ

Как по характеру, так и в силу исторически сложившихся обстоятельств (поскольку всем руководили партийные комитеты, делегировав некоторые функции советским и другим органам) главным институтом власти в СССР был аппарат КПСС. Официально высшая власть в СССР была закреплена за Верховным Советом СССР (делегатов созывали дважды в год в Кремль, чтобы они подняли руки и проголосовали за принятие того или иного закона — и на этом все!) и Советом Министров СССР. На деле же главную роль в руководстве страной играли верховные (по уставу) партийные органы — Съезд КПСС (иногда Всесоюзные партконференции) и Центральный Комитет КПСС, собиравшийся, как правило, дважды в год на Пленумы. При этом 6-я статья Конституции только закрепляла политическую власть в стране за партией, но нигде не было никакой расшифровки этого положения: ни в Конституции СССР, ни в каких бы то ни было других законах об этом не говорилось ни единого слова.

А если совсем точно, в текущем повседневном управлении государством главную роль играл не сам ЦК КПСС, как таковой, а *аппарат ЦК КПСС*. Поясню. В Центральный Комитет КПСС входили члены КПСС и кандидаты в члены ЦК КПСС. Это были, как правило, высшие партийные сановники, «разбавленные» для проформы рабочими, колхозниками, научной и творческой интеллигенцией, дважды в год произносившие на Пленуме вполне откровенные речи о положении в стране и голосовавшие по тому или иному вопросу (кандидаты в члены ЦК имели право выступать, но не голосовать).

Но члены и кандидаты в члены съезжались дважды в год, а аппаратчики работали ежедневно, и все эти сановники (особенно с мест) приезжали к ним на Старую площадь в качестве просителей и ходоков и решения по их делам и вопросам принимались в *отделах ЦК*, т. е. в аппарате. Эта разница была весьма ощутимой: «В первый же день службы мне объяснили: «Запомните, вы работаете в *аппарате ЦК* (курсив мой — А.Ш.), само же ЦК — это совсем другое!» [2.11. № 3. С. 12, прим.].

Понимая свою нелегитимность, аппаратчики старались держаться в тени, и делалось это, по-видимому, несколькими способами, из которых мы знаем о трех.

Первый заключался в том, что в первый же день службы при получении удостоверения работника аппарата ЦК последнему рекомендовалось не предъявлять его без особой на то нужды [2.11. № 4. С. 13].

Второй способ — не давать ответов по существу на обращения, письма и т. п. в адрес аппарата, а переслать письмо в другое госучреждение, которое всю ответственность должно было взять на себя. ЦК должен был оставаться чистым и непогрешимым: таким образом, в случае ошибки виновным оказывался любой другой адресат, но ни в коем случае не главный партийный штаб, или того хуже, партия в целом: «Правило было такое: аппарат ЦК письменных ответов не дает, только устные. И в определенный срок. Если мы направляем письмо в какой-нибудь журнал или институт, то те, по своему усмотрению, могли послать человеку ответ в виде письма. Аппарат же — нет!» [2.12. С. 367]. Чего было в

этой установке больше: заботы об авторитете ЦК (неудачный ответ может бросить на него тень) или же отсутствия доверия интеллектуальным способностям своего аппарата? Возможно, в равной мере и то и другое.

Третий способ. Даже тогда, когда, об аппарате ЦК КПСС нельзя было не сказать, то о нем говорилось вскользь. Пример. Из печати вышел учебник «Партийное строительство» [2.13]. В нем есть глава «Руководящие органы партии», в которой есть параграф «Партийный аппарат» [2.13. С. 173–179], где отражена полная схема аппарата ЦК КП союзной республики [2.13. С. 167] и всех других нижестоящих организаций, но вот об аппарате ЦК рассказано немного: какие решения по его структуре принимались на XVI съезде (1930 г.), а какие — на XVII съезде (1934 г.). О последнем же, XXIV съезде (1971 г.) сказано лишь следующее: в отчетном докладе прозвучало, что за предшествующие 14 лет численность партии выросла вдвое, а партийный аппарат сократился на 20 %. Далее — только общие слова [2.13. С. 176]. Словом, то, что на Западе не было секретом (в чем мы убедимся в дальнейшем), то для граждан СССР оставалось неизвестным.

Аппарат ЦК, имея всю полноту власти в своих руках, имея разветвленную структуру, охватывающую все стороны внутренней и внешней политики, тем не менее был чуть ли не полуконспиративной организацией. При этом наличие таких органов не держалось в секрете и не отрицалось в официальной хронике: лица, занимавшие должности в ЦК, представлялись наравне с государственными.

Была и еще одна точка уязвимости центрального аппарата — управляемическая: над ним не было одного главного хозяина, который бы устанавливал правила игры и отвечал бы за аппарат и только. Если у его предшественника — Собственной Его Императорского Величества Канцелярии был Управляющий, если у его преемника — Администрации Президента РФ есть Глава Администрации, то аппарат ЦК такого важного элемента был лишен. Такая ситуация сложилась еще в первые годы его существования, когда им руководило несколько секретарей. Тогда-то было решено выделить главного, чтобы именно он руководил аппаратом через простых секретарей. 3 апреля 1922 г. И.В. Сталин был избран Генеральным секретарем ЦК именно с такими функциями и не более, однако со временем сам И.В. Сталин, не оставляя своего поста, начал совмещать свою основную работу с другими постами, и его роль вышла за рамки простого «главного управляющего». Его преемники продолжили эту традицию. Вот так исторически сложилось, что у аппарата не было непосредственного управляющего, а Генеральный Секретарь руководил всем аппаратом через Секретариат ЦК. Согласно источникам, в 1980-е годы аппарату ЦК КПСС принадлежали следующие структуры: 1) Военный отдел (на его правах существовало Главное Политическое Управление Советской Армии и Военно-Морского Флота); 2) Международный отдел; 3) Оборонный Отдел; 4) Общий отдел; 5) Отдел Административных органов; 6) Отдел внешней торговли; 7) Отдел информации; 8) Отдел культуры; 9) Отдел легкой промышленности и товаров народного потребления; 10) Отдел машиностроения; 11) Отдел международной информации; 12) Отдел науки и учебных заведений; 13) Отдел оборонной промышленности; 14) Отдел организационно-партийной работы — *Функциональные секторы:* 1) Контроль над партдокументами; 2) Обучения и переобучения кадров, 3) Работа с общественными организациями, Советами и комсомолом; 4) Инспекция; *Региональные секторы:* 1) Украина, Молдавия; 2) Средняя Азия, Казахстан; 3) Закавказье; Прибалтика, Белоруссия; 15) Отдел

плановых и финансовых органов; 16) Отдел пропаганды и агитации — *Секторы: пропаганды, агитации, массовой работы, прессы, радио и телевидения;* 17) Отдел по работе с заграничными кадрами и выездом за границу; 18) Отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран; 19) Отдел сельского хозяйства и пищевой промышленности; 20) Отдел строительства; 21) Отдел торговли и бытового обслуживания; 22) Отдел транспорта и связи; 23) Отдел тяжелой промышленности и энергетики; 24) Отдел химической промышленности; 25) Экономический отдел; 26) Инспекция; 27) Управление делами [2.14. Р. 78; 2.15. С. 86].

В Москве, на Старой площади, где размещались основные службы ЦК, работали разные люди. Случайные люди, державшиеся нейтральной позиции, были здесь большой редкостью. Среди работников ЦК были как те, кто проявил себя со временем ярыми антисоветчиками, так и их противоположности.

Разным был интеллектуальный уровень и научный статус: были лица только с одним высшим образованием, а можно было встретить и академиков АН СССР, таких как Г.А. Арбатов, Б.Н. Пономарев, Г.Л. Смирнов, И.Т. Фролов, а также член-корреспондентов АН СССР В.А. Григорьева, В.А. Медведева. Одни получили ученые степени и звания в вузах и научных учреждениях, другие — не покидая стен зданий ЦК. Шла ротация кадров не только в сторону науки, но и прессы (обозреватель отдела сельского хозяйства «Правды» В.И. Болдин стал помощником Секретаря ЦК, В.Н. Игнатенко после работы в ЦК — главным редактором журнала «Новое время», поэт Ю.П. Воронов — «Литературной газеты», Л.П. Кравченко — «Строительной газеты», И.Д. Лаптев — членом редколлегии «Правды», но и он потом возглавил газету «Известия»); из ЦК ВЛКСМ; с близко расположенной Лубянки (В.А. Крючков и Ю.С. Плеханов ушли туда вместе с Ю.В. Андроповым в 1967 г., В.В. Шарапов был рекрутирован помощником генсека в конце 1982 г., подполковник Ю.А. Кобяков перешел из 5-го управления, в ноябре 1988 г. Е.И. Калгин стал начальником 12 отдела КГБ (прослушивание), уйдя с должности помощника генсека ЦК КПСС (уволен сразу после августа 1991 г.), количество же ответработников профильного Отдела административных органов, переместившихся в центральный аппарат госбезопасности, вообще было очень велико; в МИДе, включая посты послов, или, наоборот, с этих постов в ЦК (посол на Кубе А.С. Капто стал 1-м замзавом Отделом пропаганды, а вернулся послом в Северную Корею, В.М. Фалин, работавший в аппарате в 1950-е гг. побывал послом в ФРГ, а потом стал Секретарем ЦК и зав. Международным отделом). Количество работников ЦК, ушедших на посты провинциальных первых секретарей, вообще трудно учитываемо, разве только напомним о Е.К. Лигачеве, ушедшем в Томскую область на 18 лет, чтобы вернуться и со временем стать Вторым в ЦК. Одни, сделав удачный старт в карьере, уходили навсегда, а будущий первый в истории СССР первый секретарь ЦК РСФСР И.К. Полозков, например, поставил «рекорд»: приходил и уходил трижды, работая в Главном Штабе партии в 1975–1978 гг., в 1980–1983 гг., в 1984–1985 гг. и каждый раз возвращался на периферию с повышением. Были и рекордсмены-долгожители: некий Л.О. Оников проработал с 1960 по 1991 г.

Секретари ЦК КПСС были неоднородны по своему положению и функциям. Так, были секретари, одновременно являющиеся членами Политбюро ЦК или кандидатами в члены Политбюро, а такие как В.И. Долгих, Б.Н. Ельцин, В.А. Купцов, Е.К. Лигачев, А.И. Лукьянов, Б.Н. Пономарев, И.Т. Фролов совмещали

свою главную должность с заведыванием курируемого отдела (Отделов тяжелой промышленности, строительства, по работе с общественно-политическими организациями, организационно-партийной работы, административных органов, международного соответственно, а последний и вовсе — с постом Главного редактора газеты «Правда»). Большинство же курировало несколько отделов. Семейственности там не наблюдалось, за одним, пожалуй, исключением — помощником у Секретаря ЦК А.Н. Яковлева работал В.А. Кузнецов, сын расстрелянного по «ленинградскому делу» А.А. Кузнецова.

Двое из ответственных работников аппарата ЦК КПСС — Ю.В. Андропов и К.У. Черненко — смогли достичь наивысших постов.

Однако, кроме различий, было на Старой площади и общее: правила поведения, в особенности иерархия и чинопочтание, открывающиеся возможности, возраст, о чем скажем ниже, карьерный путь, с которого не свернешь: «Я попал на эскалатор, с которого по своей воле не сходят, если, конечно, с тобой не произойдет какое-нибудь ЧП. Но такое — редкость» [2.11. № 3. С. 12].

В аппарате ЦК проблемы с кадрами как таковой не было... Но вот качество... При ЦК существовало четыре научно-исследовательских и учебных заведения: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Институт общественных наук при ЦК КПСС; Высшая партийная школа при ЦК КПСС; Академия Общественных наук при ЦК КПСС. Они, конечно же, готовили кадры для партаппарата, но, во-первых, как правило, их оканчивали люди уже солидного возраста больше с целью успешного продолжения карьеры, чем получения самых современных знаний по управлению; во-вторых, образование хотя и было максимально качественным для СССР, но строилось на том же марксистско-ленинском идеологическом базисе, что и везде, который на тот момент безнадежно отстал от лучших западных подходов, и ничего более точного даже для высшей элиты партийная наука предложить не могла. Отсутствие своего «Гарварда» сыграло большую отрицательную роль в подготовке кадров.

Управление государством, — если это действительно управление, а не послушное выполнение чужих инициатив, — это очень тяжелый труд и, чтобы им заниматься в полной мере, требуется довольно много энергии, которой не могут похвастаться люди преклонного возраста. Знания, опыт, связи, которыми они могли бы гордиться, тоже многое значат, но как быть с тем, что все физические силы уходят только на то, чтобы уверенно выглядеть на публике? В США каждые четыре года (может быть, и дольше — восемь) команда меняется. В Союзе же при Л.И. Брежневе одна и та же команда проработала почти 20 лет, большинство ее членов при этом перешагнуло пенсионный рубеж...

Однако нижний эшелон ответственных приглашался на работу в цветущем возрасте. Вспоминает как раз один из таких работников: «К сорока годам человек достигает расцвета духовных и интеллектуальных сил. В нем еще не пошла на убыль жизненная энергия, и он полон устремлений. Это хорошо понимали в руководстве государством. И именно в этом возрасте рекрутировались кадры в аппарат ЦК со всей страны» [2.11. № 4. С. 12]. Мы решили перепроверить эти слова и сделать небольшую выборку (первая цифра — возраст, в котором сотрудник был взят на работу, вторая — количество лет на работе в ЦК): Г.А. Арбатов (41/3); С.Б. Арутюнян (39/10); Н.В. Багров (49/1); В.В. Бакатин (46/2); Ю.А. Беспалов (40/7); В.И. Болдин (46/10 (до 1991 г.)); А.-Р.Х-оглы Везиров (40/6); А.В. Власов (58/1 (до 1991 г.)); А.И. Вольский (37/19); Ю.П. Воронов (57/2);

А.С. Грачев (32/18)... Думаю, на этом можно прерваться для того, чтобы согласиться с высказанным. Самый старший — А.В. Власов — до прихода в аппарат успел поработать 1-м секретарем обкома и министром СССР. Молодые сотрудники, конечно же, лучше выполняют тяжелую работу, но кто ими руководил? Тот самый Секретариат, который состоял из лиц пожилого возраста...

В техническом отношении аппарат ЦК КПСС себя ничем не обделял, поспевая за новшествами оргтехники, и за таким техническим чудом, каковыми являлись тогда компьютеры, даже внедрена была пневмопочта по линии «Старая площадь» — «Кремль».

Так они и функционировали сами по себе — без особого давления...

«МОЗГОВЫЕ ЦЕНТРЫ» СССР: «ОАЗИСЫ СВОБОДНОЙ МЫСЛИ»

Нужную справку в нужное время на нужный стол.

Кредо Евгения Примакова [2.16. С. 11]

Термин «мозговой центр» не так уж широко известен, хотя написано об этом институте управления на сегодняшний день много, но не всегда в том объеме, чтобы на это однажды обратила внимание и навсегда запомнила самая широкая публика. Поэтому необходимо дать пояснение, что это вообще такое. «Мозговой центр» — наименование формально организованного совета экспертов и специалистов в различных областях политики, экономики и других отраслей знания при высшем руководстве страны или главе государства (президенте), а также неформальное окружение из советников, интеллектуалов, знаниями которых пользуется руководитель страны или отдельного ведомства. Понятие «мозговой центр» вошло в употребление в послевоенные годы (например, «Мозговой центр Кеннеди»), когда роль науки в политике резко возросла, а сами общественные, политические, военные и иные науки развились настолько, что могли оказывать значительную помощь руководящим учреждениям власти в принятии ответственных решений. «Мозговой центр» могут объединять значительное число специалистов — несколько сотен и даже тысяч человек. Их кадровый состав обычно нестабилен и может формироваться в зависимости от потребностей момента, личных качеств руководителя и его склонности обращаться к научному знанию и ценить его. Экспертные оценки политических, военно-политических, военно-стратегических и других ситуаций способствуют значительному повышению профессионализма политики [54. С. 184]. Употребляются и другие наименования-синонимы: «фабрики мысли», «бункеры мысли» и проч.

Надо указать на то, что «мозговые центры» — это не то же самое, что обычные научные учреждения или проектные организации, они не однотипны. Основные отличия экспертных центров от традиционных научных учреждений и коллективов заключаются в том, что: их общее количество исчисляется сотнями в отличие от обычных научных организаций, число которых — десятки тысяч; экспертный центр пользуется определенным влиянием на процесс принятия решения высшим руководством, причем на уровне стратегии; информационные потребности ориентированы как минимум на отраслевой, на государственный и как максимум на международный уровни; тематический охват и глубина

исследований, предлагаемый набор отдельных приемов и законченных по циклу технологий заключаются в активном определении новых направлений, полнота информации дается по всей глубине проработки; осуществляется постоянное сотрудничество со сторонними специалистами для информационного поиска и для экспертизы; процесс обработки информации содержит в себе несколько этапов критического анализа документов, вплоть до содержательного уровня текста; ведется индексирование документов по специально разработанным исследовательским классификациям; проводится активный поиск литературы, при этом ведется определение новизны и достоверности сведений из нее; идет постоянный поиск, создание и ведение библиографических, реферативных, фактографических, объектографических, проблемно ориентированных и полнотекстовых баз данных по специально разработанным технологиям; постоянно и самостоятельно осуществляется подготовка критических и поисковых исследований; интеллектуальная продукция в глазах ее потребителей, как правило, получает самую высокую оценку.

Строго говоря, кадры, занимающиеся политическим консультированием и пограничными областями, составляют три категории специалистов: *консультанты* как таковые — внешние эксперты, привлекаемые по информированию о тех или иных узких вопросах, где они особенно компетентны; *советники* — эксперты по более широкому кругу вопросов, которые владеют знаниями, необходимыми для помощи руководителю, на которого они замкнуты по своей должности, в число их функций входит также постоянное отслеживание информации о тех внешних консультантах, которых можно подключить для разрешения той или иной проблемы, советник должен также уметь «перевести» документ, подготовленный экспертом по узкому вопросу на доступный язык; *помощники* — аппаратчики, которые не только хорошо выполняют те или иные организационные функции, но и широко эрудированы в тех вопросах, что приходится решать их руководителю, они могут составить для него короткую справку без привлечения лиц со стороны, написать за него доклад и т. п.

Особая ответственность лежит на консультантах, от этих специалистов требуется сразу же ухватить замысел научного руководителя, т. к. необходимо зафиксировать имеющуюся ситуацию в той системе координат, в которой она может быть рассмотрена, чтобы при проведении «мозговых штурмов» и научных семинаров иметь возможности вести дискуссии на достаточно научном уровне. От них требуется также умение генерировать идеи, выдавать вполне читабельную информацию, и хотя «правила игры» в главных штабах и предписывают подчиненным участвовать только в информационном плане — косвенно отслеживать информацию, но в то же время им и многое позволяет: например, выдвигать обоснование необходимости для проведения тех или иных мероприятий, рекомендуемых ими же. Не считается чем-то зазорным, если в процессе самообразования и самопознания кто-то обретает способность менять убеждения и отказываться от своего прежнего мнения по тому или иному вопросу. Им предназначается ключевая роль в управлеченческих и научных коммуникациях. Ими создается информация для принятия решений общегосударственного уровня. Эксперты работают одновременно в среде информационных организаций и в то же время поддерживают тесный контакт с коллегами предметной области.

Роль руководителя такого центра действительно хорошо описывается тем принципом, который мы вынесли в эпиграф. Распорядительные функции выполнить не так уж и сложно. Упрощенно это выглядит так: получив новое задание, директор определяет круг сотрудников, которые его способны выполнить, и отдает соответствующий приказ. Дальше обычная работа и применение интеллектуальных технологий, которыми сотрудники владеют. Разумеется, что полная загруженность работой коллектива также зависит от управляемческого таланта. Но вне стен института руководителю приходится играть роль постоянной значимости, рекламировать свои способности, поддерживать нужные контакты, четко знать, как работает государственная машина (или иная политическая система, выступающая как заказчик), быть чуть-чуть впереди ее и самому инициативно навязывать информацию для последующих действий. Ошибки любого рода здесь неизбежны, и надо быть готовым к тому, чтобы во всеоружии встретить критику.

Известным советским мозговым центром являлся Всесоюзный Институт Системных исследований Государственного Комитета по науке и технике и Академии Наук СССР. С момента основания его директором был Д.М. Гвишиани, действительный член Академии Наук СССР, Заместитель Председателя Государственного Комитета по науке и технике СССР, Председатель Совета Национальной Ассоциации содействия Римскому Клубу, Иностранный член Шведской Академии инженерных наук, действительный член Американской и Международной академий управления, Председатель Совета Международного Института Прикладного Системного анализа. Его отец — генерал НКВД, выдвиженец Л.П. Берии. Само имя, которое он дал сыну, Джермен, означает: ДЗЕРжинский-МЕНжинский. Жена — Людмила Алексеевна Косыгина-Гвишиани, единственная дочь А.Н. Косыгина, директор Библиотеки Иностранной литературы. Муж его сестры — Е.М. Примаков.

До основания института Д.М. Гвишиани, естественно, работал в другом месте — начальником международного отдела Государственного Комитета по науке и технике. Одним из его подчиненных был полковник О. Пеньковский, работавший на английскую и американскую разведки. После разоблачения шпиона пострадали все, кто его протежировал, но только не Д.М. Гвишиани. С 1980 г. и до неопределенного времени работал в институте и Е.Т. Гайдар. Вот как он вспоминал потом о своем первом рабочем месте: «По идее институт должен был представлять собой советский аналог «Рэнд корпорейшн»: объединив способных экономистов, математиков, системщиков, философов, специалистов по организационным структурам, развернуть серьезные теоретические исследования и решать самые сложные задачи государственного масштаба. Место Джермена Гвишиани, зятя Косыгина, в формальной и неформальной иерархии советского общества того времени обеспечивало институту хорошие связи, а следовательно, и относительную идеологическую автономию. <...>

Нашу институтскую лабораторию возглавляет профессор Вадим Павлюченко. <...> В нашей лаборатории работали Владимир Гарсимович, Олег Ананьев, Петр Авен, Вячеслав Широнин, Марина Одинцова. Основная сфера исследований — закономерности развития социалистического хозяйственного механизма, сравнительный анализ экономических реформ социалистических стран.

Во ВНИИСИ исчезла привычная по экономическому факультету двойственность — жесткое разделение того, что можно обсуждать открыто, и того, о чем можно думать, но ни в коем случае высказывать вслух в официальной

обстановке научного семинара. Здесь можно обойтись без «кукиша в кармане», обсуждать самые острые теоретические проблемы без оглядки на идеологическую «чистоту» суждений» [12. С. 30].

Другое интеллектуальное подразделение — **Группы консультантов при ЦК КПСС**. В самом начале 1960-х гг. в Международный Отдел и Отдел по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран ЦК КПСС были введены должности консультантов. Впоследствии из них были сформированы подотделы, в 1965 году их переименовали в группы консультантов при Отделе. Консультант был приравнен к заведующему сектором, а заведующие группой консультантов — к заместителю Заведующего Отделом. Потом институт консультантов появился в Идеологическом и других Отделах ЦК КПСС [3. С. 79–85]. «В сентябре 1966 г. в Отделе пропаганды решением ЦК была создана группа консультантов, на которую, по аналогии с такими же группами международных отделов, и были возложены задачи политических и теоретических документов.

Главные требования, которые предъявлялись к кандидатам в консультанты, — всесторонняя эрудиция, способность творчески мыслить и грамотно, в меру живо и ясно излагать мысли на бумаге» [9. С. 109]. В разное время сотрудниками этого аппаратного подразделения являлись: В.А. Александров, Г.А. Арбатов, А.А. Беляков, Н.Б. Биккенин, А.Е. Бовин, О.Т. Богомолов, Ф.М. Бурлацкий, Г.И. Герасимов, В.В. Загладин, Н.П. Коликов, Р.И. Косолапов, Е. Кусков, И.Д. Лаптев, Ф.Ф. Петренко,

В. Проваторов, Н.В. Шишлин, Р.П. Федоров, А.И. Черняев, Г.Х. Шахназаров. Теперь их характеризуют как «группку квазиинтеллектуальных приспешников, которая в качестве мозгового протеза брежневского руководства лишила страну способности использовать гигантский потенциал» [2.17. С. 5–6].

Неформальный кабинет при Л.И. Брежневе. На его наличие (называя его то *теневой*, то *узкий*), деятельность и состав указывает только один источник (см. [2.18].

С. 10, 27]). Включают туда министра внутренних дел СССР Н.А. Щелокова, Управляющего делами ЦК КПСС Г.С. Павлова, 1-го замзава Отделом организационно-партийной работы Н.А. Петровичева, Зав. Отделом науки и учебных заведений СП. Трапезникова

Институт мировой экономики и международных отношений. Первый его директор — А.А. Арзуманян. Женат на сестре жены члена Политбюро ЦК КПСС, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР А.И. Микояна, с 1953 г. работает в Москве. Кадры института серьезные — было предложено сразу же 300 единиц.

Отношения между серьезными исследователями и их оппонентами из идеологических служб складывались далеко не просто. Интересный эпизод подковерной борьбы между ними приводит в своих мемуарах Г.А. Арбатов: «В связи с одной из записок, в которой критиковались формы нашей помощи развивающимся странам <...> произошел характерный эпизод. Арзуманян разослав записку «тиражом» 50 экземпляров, так сказать, «в заинтересованные инстанции», включая ГКЭС (Государственный Комитет Совмина СССР по внешним экономическим связям), в основном занимавшийся помощью «третьему миру». Руководство этой организации пожаловалось М.А. Суслову, тот вызвал Арзуманяна и, как последний сообщил на закрытом заседании партбюро

института <...> заявил ему примерно следующее: «Арзуманян, мы с тобой старые члены партии, ты помнишь и знаешь, как действовала оппозиция — писала платформы и рассыпала их по собственному усмотрению. Так дело не пойдет. Ты, если пишешь записку, присытай нам ее сюда в одном экземпляре, а мы уже будем решать, кому ее направлять».

У Арзуманяна хватило решительности (и «плавучести» — с учетом его родства с Микояном и незаурядной способности завязывать нужные связи, притом весьма высокие) проигнорировать это указание — готовить и рассыпать по своему собственному усмотрению записки он продолжал» [3. С. 72].

Дополнительно можем указать, что хотя **Институт США и Канады** и замышлялся изначально как академический, но и ему не был чужд некий налет «мозгового центра». Так в своих мемуарах в специально выделенной главе «Комментарии для любознательного читателя. Об Институте США и Канады АН СССР» его директор пишет, что «замысел при организации института <...> состоял в том, чтобы создать центр, занимающийся фундаментальными исследованиями, который бы не ограничивался публикациями академических книг и статей, а доводил результаты этих исследований до практических выводов и рекомендаций, прежде всего в сфере советско-американских отношений. Предполагалось, что исследования будут вестись на междисциплинарной основе — экономистами, политологами, историками, социологами, специалистами по военным проблемам и т. д. Думаю, в какой-то мере сама идея создания института была подсказана публикациями (подчас рекламными) о работе американских «Рэнд корпорейшн», Гудзоновского института, тогда еще возглавлявшегося знаменитым Германом Каном, и других подобных исследовательских центров, а также сведениями о том, что «у них», то есть в США, есть при университетах десятки институтов, занимающихся СССР» [3. С. 382].

Эти учреждения в конечном итоге попали под западное влияние и стали выразителями воли Америки. Еще в застойные годы они прошли длительную эволюцию и в конце концов превратились в продолжение информационно-аналитических подразделений транснациональных корпораций.

КГБ СССР: ДВА ЛАГЕРЯ В ОДНОЙ СИСТЕМЕ

В далеком прошлом у КГБ СССР действительно заслуженная слава, тем более что большая часть ее будет замалчиваться еще долго, если не всегда: специфика работы спецслужбы в том и состоит, чтобы не только что-то совершить, но при этом и не оставить следов. Но это достоинство несет и неизбежный негатив. Анализ в этой сфере крайне затруднителен. Закрытость КГБ, секретность от всего и вся, такие понятия как «честь мундира», присяга, понятия братства заставляют даже самых откровенных (и редких в органах) или в отставке патриотов помалкивать о том, что слышали, видели и знают. Публикаций о спецслужбах появилось много, но в нужном нам контексте — как в КГБ появился климат предательства, из-за чего был проигран первый раунд «холодной войны», о давлении на всю страну и русский патриотический лагерь — явно недостаточно. Оно и понятно. Напакостили, а теперь, опасаясь праведного народного гнева, спасаются за секретностью.

Для понимания противоречий внутри любой структуры требуется как минимум дифференцированный подход. В политической организации необходимо еще и диалектическое понимание, ибо борьба там носит крайне напряженный, нешуточный характер; необходимо также учесть, что ее деятельность неминуемо отражается еще и на всей внешней среде. Мы же в нашем исследовании коснемся этих сторон с исторической точки зрения. Подобно тому, как работников МВД упрощенно делят на продажных «ментов» и честных милиционеров, так и работники ВЧК— КГБ—ФСБ делятся на «чекистов» и разведчиков-контрразведчиков. Поясним. Внутри ВЧК—КГБ—ФСБ всегда существовали два лагеря. Один лагерь — «чекистов», который в 1920-е гг. был монополистом. Другой лагерь — это разведчики и контрразведчики. Эти государственники (как мы бы их назвали сегодня), не выходя за рамки того понимания, что любой стране нужны крепкие границы, защита от посягательств извне, разведка внешней среды, как могли крепили «тайный фронт». Если первый лагерь может считать себя сложившимся с момента основания ЧК 20 декабря 1917 г., то второй лагерь, соответственно, отсчет ведет со своего первого успеха — ареста и расстрела Я.Г. Блюмкина в 1929 г. за несанкционированные контакты с Л.Д. Троцким. Самый крупный успех контрразведчики осуществили в 1937 г., перестреляв, по мере возможности, своих конкурентов внутри «конторы». Борьба между ними не прекращалась, а велась все 70 лет с переменным успехом. Лагерь «чекистов» постепенно переродился, он теперь выполняет роль прислужника компрадорской буржуазии. Это они устанавливают наиболее выгодные рынки для размещения капитала за рубежом, они оберегают наиболее прибыльные отрасли в самой России, в том числе и от посягательства западных конкурентов, защищают интересы элиты России и других стран бывшего СССР.

Второй лагерь, выполняя функцию подлинной защиты Отечества, проиграл, сведя всю подлинную госбезопасность к тому минимуму, который позволяет сохранять хоть какое-то реноме.

В СССР в силу разного рода причин не было понимания, что сама по себе та или иная структура — это мощное оружие и ничего более. Самым же важным является то, в чьих руках она находится. Название должно наполняться содержанием, но иногда оно не будет ему соответствовать. Мы воспринимаем нечто как *своё* только лишь потому, что оно находится на *нашей* территории, но оно может на самом деле оказаться *чужим*. Большинство населения, которое не владеет диалектикой во всей ее глубине, не понимает, что такое возможно в принципе. Для того чтобы понимать это, требуется корректировка подобного понимания окружающей политической реальности, состоящая в том, что именно в годы «перестройки» проявили себя во всей полноте такие факты, которые не укладываются в сложившуюся до этого в привычную и абсолютно бесспорную картину событий, т. е. раз написано *КГБ СССР*, то, значит, это и относится именно к *СССР*. Увы, это оказалось не так, и в конечном же итоге, благодаря своему и более высокопоставленному партийному руководству, КГБ СССР оказался в контуре управления Запада.

Дадим справку в отношении кадров главной спецслужбы СССР. В типовой характеристики обо всех без особого разбора было принято писать: «Беспредельно предан делу КПСС». И многие из них оказались преданы этому делу даже тогда, когда это дело повернулось на 180°. Почему?

Начинающие работники спецслужб и тогда, и сейчас — это люди двух типов: наивные романтики, с детства начитавшиеся книг, и жесткие прагматики, присмотревшие себе в советской системе исключительное место. Как в принципе становились комитетчиками? Путь среднего комитетчика был стандартен. Заканчивался любой вуз, во время учебы кадровики уже присматривались к неофитам, которым следовало предложение. В Комитет попадали также либо по комсомольско-партийной путевке, либо для начала вербовали в качестве информатора. Далее — школа КГБ в зависимости от последующей специализации. После стажировки лейтенантом «закрывали направление». Комитетчик выполнял самостоятельные задания, рос в званиях, стремился к повышениям в должности, либо к работе в центральном аппарате, это давало возможность уйти на пенсию полковником, а то и — чем черт не шутит! — генералом. Для этого нужно было на виду заниматься партийной работой и нелегально пить водку с начальством и приезжими из Москвы.

Комитетчики не были глубоко интегрированы в советское общество, они варились в собственном соку. Налицо была некая герметичность. В конце концов, это стало настолько систематическим, что возымело и обратную силу: «Люди их сторонятся: ни в одной компании, собирающейся на вечеринках, вы не встретите сотрудника «органов», даже в компании номенклатурщиков из партаппарата или дипломатов; гебистов не избегают только их собственные коллеги из карательных органов — МВД, прокуратуры, суда» [2.19. С. 400]; «В КГБ всегда существовала тесная спайка и взаимовыручка. Здесь дружили семьями, в свой круг старались никого из посторонних не пускать, а детей зачастую устраивали работать в этой же системе» [2.20. С. 9]. Как отмечают ученые, такого рода явление, как «замкнутость рождает тип устойчивой системы, который препятствует ее развитию. Доведение такой устойчивости до логического конца означает эволюционный тупик, смерть, что, собственно, и подтверждается идущим в таких сообществах процессом вырождения...» [2.21. С. 269].

Единицы из серой массы выбирались в элиту, становились значимыми фигурами. Самый значительный формальный руководитель той поры генерал армии **Андропов Юрий Владимирович**: «Он был двойным, тройным, даже четвертым в своих подходах. Он посыпал разные сигналы разным слоям населения: защищал Любимова и его Театр на Таганке и одновременно жестко боролся с диссидентами, выпустил дешевую водку и призывал к борьбе с прогульщиками, пьяницами, боролся со взяточниками в Ташкенте и Москве и не интересовался взяточниками в Азербайджане, где правил его человек — генерал КГБ Гейдар Алиев, интересовался рыночными реформами и призывал «оживить почины сталинских лет» [2.22. С. 129].

В подтверждение этого наблюдения высказываются так: «Одни считали Андропова скрытым либералом и евреем. Другие — патриотом и держимордой. Одни надеялись, что с его приходом в стране наконец-то начнутся реформы. Другие — ждали повторения 1937-го. Самый закрытый из всех генсеков. Самый популярный в народе деятель. Самый уважаемый председатель КГБ». (Московский комсомолец, 1999, Цит. по: [20. С. 81–82].); «Между тем, если даже подойти к оценке личности Андропова как председателя КГБ с позиций узкопрофессиональных, <...> то и в этом случае остаются не очень ясными мотивы особого почтения к нему со стороны политической охранки буржуазного государства. Очевидно, например, что некоторые важные решения, принимавшиеся Андроповым в интересах защиты социалистического строя,

оказались в профессиональном отношении несостоятельными, поскольку приводили на практике к результатам, обратным тем, ради достижения которых затевались. Вот, например, при Андропове вошло в моду высылать из страны так называемых диссидентов <...>. Однако, оказавшись за границей, они моментально рекрутировались антисоветскими пропагандистскими центрами и принимались в поте лица своего трудиться против СССР уже с использованием всей технической мощи их новых работодателей. Ну разве это профессионально?

Или, скажем, в интересах укрепления все той же социалистической законности Андропов провел через Политбюро решение, в соответствии с которым упразднялась проверка по спецканалам КГБ лиц, поступающих на работу в партийные органы. Законность окрепла, но зато в политические структуры стали проникать всевозможные прохиндеи, карьеристы и коррупционеры, люди с темными пятнами в биографии. Со временем даже на уровне Политбюро начала почти в открытую действовать агентура влияния стратегических противников СССР» [2.23. С. 6],

Неформальный лидер КГБ первый заместитель Председателя КГБ СССР генерал армии **Бобков Филипп Денисович**. Историк Н.Н. Яковлев, сам в 1952 г. отсидевший на Лубянке и общавшийся с Ф.Д. Бобковым, замечает: «На моих глазах с конца 60-х — к началу 80-х он вырос до генерала армии и стал первым заместителем Председателя КГБ. Я где-то читал, что на протяжении ряда лет он был подлинным руководителем ведомства» [65. С. 150]. Прочитать об этом профессор мог в журнале «Огонек»: «Став зампредом после ухода из КГБ в ЦК Ю.В. Андропова, Бобков с той поры и до сего времени является фактическим руководителем КГБ СССР. Чебриковы и Крючковы приходят и уходят, а Бобковы остаются. По данным на 1987 г., подавляющее большинство членов коллегии КГБ были прямыми ставленниками Бобкова. В свое время он расставил их по всей стране в роли начальников Пятых управлений республиканских КГБ и пятых отделов областных управлений, после чего они не без его помощи заняли должности, позволявшие им войти в состав коллегии» [33. С. 30]; «После госпереворота 1991 года Бобков удивил многих, когда в звании генерала армии и с опытом работы первого заместителя председателя КГБ СССР вдруг перешел с частью своей команды на содержание к бывшему карточному шулеру Гусинскому, разбогатевшему одновременно на руинах СССР. Вот ведь, даже какие большие деревья падают на крутых поворотах истории! А может быть, он и раньше был «внутренним диссидентом», как, например, Примаков» [38. № 10. С. 7].

Как и в любом сообществе, здесь были и свои предатели. Только явные из них бежали на Запад из СССР, а неявные остались и уничтожили страну. Во многом последние и сформировали свою среду. Если первые разоблачались и в случае опасности уходили за кордон, то вторым нельзя было ничего конкретного предъявить. Множество «внутренних диссидентов», стратегических антикоммунистических изменников, которые не искали контактов с внешним врагом, но чьи собственные интересы пошли вразрез с интересами страны, которые только на словах были за провозглашенные цели, а на деле обделявали только свои личные дела, в лучшем случае были равнодушными к своей стране людьми.

Одних — обывателей и настоящих патриотов — они держали под давлением. К другим — партийным деятелям у «чекистов» было совсем иное отношение.

До 1953 г. отношения спецслужб иправленческой элиты складывались непросто: первые присматривали за вторыми, и информация о последних

монопольно доводилась до Сталина: «Обслуга не умела написать своего имени <...>, но ни на миг верхние, богатые, властные, всесильные жильцы не забывали, кто набирает обслугу, кто платит ей деньги, какая беспощадная сила, обозначаемая в русской истории тремя или четырьмя буквами, владеет душами всех этих улыбчивых официанток, ласковых нянек, это была особенность коммунистической роскоши — она имеет пределы, и, выйдя внезапно в переднюю, можно было застать одного из гостей за обшариванием карманов, услышать: «Спокойно. Я на работе» — и, кто бы ты ни был, ты поворачивался и уходил...» [2.24. С. 14]; «Органы НКВД имели решающее слово при любых выдвижениях или передвижках партийных, государственных и хозяйственных кадров, и они всегда согласовывались с НКВД» [58. С. 63, прим].

Такое положение дел не могло устраивать номенклатуру, и она поддержала антисталинскую позицию Н.С.Хрущева, который в благодарность свернул всякую, оперативную работу на этом направлении. Кланами же в послесталинские времена были выработаны правила, по которым провинившихся наказывали не слишком сурово. Проанализировав реакцию высшего руководства и его карательного органа в разоблачениях предателей и шпионов, можно отыскать любопытную закономерность. Как только в число виноватых и предателей попадало лицо из номенклатурного «истеблишмента», то ответный ход отличался более мягким вариантом наказания: так, например, 5 мая 1960 г. на дипломатическом приеме заместитель министра иностранных дел Я.А. Малик в состоянии алкогольного опьянения рассказал шведскому послу Рольфу Сульману (сын посла Михаил посещал 110 школу у Никитских Ворот для деток элиты, впоследствии был исполнительным директором Нобелевского Фонда, начисляя премию для другого Михаила — Горбачева. — А.Ш.) о том, что пилот самолета-разведчика американских BBC U-2, сбитого 1 мая 1960 г., Ф.Г. Пауэрс жив и предстанет перед судом. Официально же было объявлено о его смерти, и по замыслу Н.С. Хрущева об этом необходимо было молчать до самого суда. Однако Я.А. Малику решением Президиума ЦК КПСС был вынесен только строгий выговор [2.25. С. 81–88]. Так, и В. Беленко — военный летчик, бежавший на истребителе МиГ-25 в Японию — мог в принципе не опасаться за жизнь и благополучие семьи: «Людмила и Дима? <...> Ее родители достаточно влиятельны, чтобы не допустить этого» [2.26. С. 3]. А. Шевченко, бывший заместитель Генерального Секретаря ООН от СССР, учившийся вместе с сыном министра иностранных дел А.А. Громыко, был вхож в эту семью и назначен на свой высокий пост благодаря протекции. Однако стоило прегрешение совершить представителю «простонародья», как реакция следовала более жесткая. Налицо было то, что субъективные факторы даже в этом случае играли большую роль. Государство имело — в лице КГБ и пограничных войск — очень жесткую защиту от всякого рода лазутчиков, но не могло даже глаз поднять на высокопоставленных предателей. И что бы ни творил высокопоставленный «деятель», КГБ, оставаясь в рамках своих полномочий, был бессилен. А за рамки никто выходить не хотел — инициатива наказуема...

В годы гласности этот момент стал одним из самых больших доказательств разложения элиты и одним из доводов при борьбе с «незаконными привилегиями» — привилегией на невмешательство в личную жизнь: «Существуют приказы председателей КГБ, запрещающие производить какую бы то ни было проверку советской элиты и членов их семей. Если сотрудник КГБ получает информацию компрометирующего характера на этих людей, он обязан

немедленно ее уничтожить. <...> Ведомство занималось поиском шпионов исключительно среди рабочих, крестьян и «бездонной» интеллигенции. Хотя в других приказах тех же председателей лицемерно требовалось всегда иметь в виду, что иностранные спецслужбы стремятся приобретать агентуру прежде всего в руководящих партийных и советских органах, а также среди сотрудников КГБ и МВД» [33. С. 29]; «Был снят всякий контроль (в том числе КГБ) с высшей партноменклатурой — членов ЦК, секретарей обкомов. Существовала инструкция для органов государственной безопасности, согласно которой запрещалась агентурная работа (включая прослушивание, наружное наблюдение и т. п.) над депутатами, партийными, комсомольскими, профсоюзовыми работниками высокого ранга. Даже если в следственных делах КГБ нити вели к ее представителям, то они обрывались, а расследование прекращалось.

Любые материалы на высшую партноменклатуру (например, случайно проявившиеся по другим делам) подлежали уничтожению. Можно сказать, что высшая номенклатура получила право на безнаказанную измену Родине. Партийная верхушка, находящаяся под контролем идеологов КПСС, «укрепляла» КГБ с помощью спецнаборов из бывших партийных и комсомольских работников, среди которых значительный процент имели люди, отработавшие свое на соответствующих должностях и не имевшие перспектив на дальнейшее продвижение по партийной линии» [42. С. 114]. Итак, в годы руководства страной Н.С. Хрущевым из-под оперативного наблюдения были выведены номенклатурщики. Более того, для большей гарантии, в послевоенные годы в высшем руководстве КГБ СССР была очень широко представлена группа товарищей, пришедшая из партийных органов (иногда — науки), которую можно назвать «Руководящие непрофессионалы» (в то время как ранее в спецслужбах были лица, чей чекистский стаж шел с 15 лет — генерал-лейтенант П.А. Судоплатов, или же генерал Е.П. Питовранов, которому звание «генерал-майор» присвоено в 28 лет). К такого рода непрофессионалам относятся следующие:

- 1-й заместитель Председателя КГБ СССР (08.08.90–28.08.91) генерал-полковник ГБ Г.Е. Агеев (в органах — с 36 лет, перемещен с должности 2-го секретаря Иркутского горкома КПСС);
- Председатель КГБ (18.05.67–26.05.82) генерал армии Ю.В. Андропов (53, Секретарь ЦК КПСС);
- 1-й заместитель Председателя КГБ (04.02.84–08.08.90) генерал армии Н.П. Емохонов (47, директор НИИ);
- заместитель министра ГБ по кадрам (26.08.51–11.03.53) генерал армии А.А. Епишев (43, 1-й секретарь Одесского обкома КП(б) У);
- Председатель КГБ (01.10.88–21.08.91) генерал армии В.А. Крючков (43, помощник Секретаря ЦК КПСС);
- начальник управления кадров КГБ (04.07.74–31.01.83) генерал-полковник В.Я. Лежепеков (46, 2-й секретарь Минского обкома КПБ);
- 1-й заместитель Председателя КГБ (13.03.54–28.08.59) генерал-майор К.Ф. Лунев (46, зав. Административным отделом МГК ВКП(б));
- заместитель Председателя КГБ (12.03.71–29.01.91) генерал-полковник В.П. Пирожков (44, 2-й секретарь Алтайского крайкома КПСС);
- заместитель Председателя КГБ — начальник управления кадров КГБ (05.12.85–28.08.91) генерал-лейтенант В.А. Пономарев (38, 1-й секретарь райкома);

- заместитель Председателя КГБ — начальник УКГБ по г. Москве и Моск. обл. (16.03.91–28.08.91) генерал-лейтенант В.М. Прилуков (34; секретарь райкома);
- Председатель КГБ (13.11.61–26.05.67) генерал-полковник В.Е. Семичастный (37, 2-й секретарь ЦК КПАз);
- Председатель КГБ (17.12.86–01.01.88) генерал армии В.М. Чебриков (44, 2-й секретарь Днепропетровского обкома КПУ);
- Председатель КГБ (25.12.58–13.11.61) А.Н. Шелепин (40, завотделом аппарата ЦК КПСС).

«Послесталинский КГБ был прочно поставлен под контроль КПСС. <...> В органы ГБ периодически «спускали» кадры из партийно-комсомольской номенклатуры. <...> Партия в КГБ осуществляла «политическое руководство», что подразумевало возможность некомпетентного вмешательства в оперативную работу даже со стороны партсекретарей областного масштаба» [2.27. С. 130–131]. Видимо, здесь автор статьи имеет в виду пример, который известен всем из самой популярной книги времен «перестройки» — «Исповедь на заданную тему» Б.Н. Ельцина: «В Свердловск приехал заместитель председателя КГБ В.П. Пирожков. <...> Сидели у меня втроем — я, Пирожков, Корнилов. Шла спокойная беседа, и Корнилов, между прочим, сказал, что управление КГБ работает дружно с обкомом партии. И вдруг Пирожков рявкнул: «Генерал Корнилов, встать!» Тот вскочил, руки по швам. Я тоже в недоумении. Пирожков, чеканя каждую фразу, произнес: «Зарубите себе на носу, генерал, во всей своей деятельности вы должны не дружно работать с партийными органами, а вы обязаны работать под их руководством и только» [2.28. С. 59]. Шагнув за временные рамки, мы обнаружим, что именно критика таких установок была «первой ласточкой», когда начали разыгрывать карту КГБ во время перестройки. И сделано это было провокационно — именно со стороны самого КГБ: один из ветеранов написал статью под почти толстовским названием «Стыдно молчать» и отправил в «рупор перестроечных сил» — журнал «Огонек», там ее заметили, и вся страна могла прочитать о нанесенной ей «несправедливости» [2.29].

БРЕЖНЕВ: НЕУДАЧНЫЙ ВАРИАНТ СДЕРЖИВАНИЯ

Захват власти, совершенный в октябре 1964 г., есть некое исключение в политической биографии Л.И. Брежнева. Видно, что, дойдя до высочайших постов в партии и государстве, став членом Политбюро ЦК КПСС, Л.И. Брежнев никогда и никого из своих вышестоящих начальников не «подсидел» и не «свалил». И во время работы на Украине, в том числе и в такие сложные годы, как 1937—1938-й, и на фронте, и потом, в хрущевское десятилетие, он никогда не пробивался к высоким постам поверх чужих голов. Он всегда работал там, где ему поручалось, справлялся с работой и, соответственно, получал повышение, но иногда и перевод «по горизонтали». И не более того. Смещение Н.С. Хрущева с высоких государственных постов в свою пользу — первое и последнее исключение в ходе аккуратного продвижения по служебной лестнице. Конечно, всеми методами непростой аппаратной игры он владел вполне профессионально и впоследствии успешно применял их для смещения своих противников и замены их на свои проверенные кадры, но лично для себя он использовал их лишь

единожды. Мотивы для такого исключения могли быть одни: Н.С. Хрущев довел управленческую элиту до определенной точки кипения, когда потребовались самые решительные меры.

Что же касается деятельности самого Л.И. Брежнева, то, надо сказать, ему дают разные оценки — от самых мягких до прямо обвинительных, однако никак не аргументированных: «Лидером «перестройки» скорее можно считать Л.И. Брежнева, который сделал собственно для развала Советского Союза гораздо больше М.С. Горбачева» [2.30. С. 147].

Сообщают, что сам Л.И. Брежnev, давая себе характеристику, довольно объективно оценил свой уровень: *первый секретарь обкома*. И тут, видимо, он был прав как никогда. Пост высшего руководителя такой страны, как СССР, конечно же, был не по его способностям. Он не имел талантов ни полководца, ни дипломата, ни теоретика. В лучшем случае его можно охарактеризовать как «верного продолжателя дела строительства коммунизма». Он не выдвинул новых стратегических инициатив, а лишь продолжил то, что было начато до него. Он умело вел аппаратную игру, назначая своих и удаляя чужих людей. Если у Н.С. Хрущева, М.А. Суслова и Ю.В. Андропова можно отметить прямо их обвиняющие моменты (в свете последующих «перестроечных» процессов), анализируя то, что они сделали, то наша оценка Л.И. Брежнева несколько иная: Брежнев не был особо проницательным политиком, он не предвидел последствий многих политических интриг. Он позволил вовлечь себя в те западные проекты, которые сыграли зловещую роль для всей советской системы (разоружение, продажа нефти, диссидентство). Так, не будучи гибким политиком, он не сделал глубокой ревизии преступлений Н.С. Хрущева, событий в Венгрии (1956) и в Чехословакии (1968). Если бы он более серьезно подошел к этому, поручив сделать основательную проработку возможного исхода этих и подобных событий, проиграв все ситуации, то СССР оказался бы готов к польско-советскому хаосу. А ведь все возможности были в его руках. Через преданного ему К.У. Черненко он имел доступ ко всем архивам. Он смог бы понять суть внутренних противоречий, возможно, даже лучше, чем И.В. Сталин, у которого в 1937–1938 гг. не было возможностей анализировать и обобщать, который должен был только действовать, чтобы не погибнуть. В случае же Брежнева ему была предоставлена передышка. Экстраполируя на ту ситуацию, в которой находился сам Л.И. Брежнев, тогда вполне возможно было уловить многие и многие тенденции, а не «отдельные недостатки и пережитки прошлого», по-новому оценить всё более нарастающие угрозы. По целому ряду обстоятельств этого не было сделано.

Разумеется, мы отлично понимаем, что Л.И. Брежневу были отправлены в несистематизированном виде сотни различных сигналов, таких как известная Записка КГБ СССР в ЦК КПСС «О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан» [35. Ч. 2. С. 389–390.] и т. п., что разобраться в разнообразии этих сигналов было довольно затруднительно и что поэтому правильные выводы сделаны не были. К тому же он воспринимал все достаточно однобоко, как руководитель, воспитанный в определенном идеологическом русле. В свете грядущей «перестройки» самой, как мне кажется, негативной стороной его деятельности стало то, что им и его людьми был сформирован клан, который занял порочную позицию, допустив формирование других кланов. Когда клан Брежнева упрочился у власти и у всесоюзной кормушки, уверовал в свое всесилие, он смог заявить о себе как о силе, претендующей на довольно долгое существование. «В так называемой Ленинградской программе, опубликованной в

Франкфурте в 1970 г., говорилось: «Номенклатура неотчуждаема, как неотчуждаем капитал в обществе «среднего класса». Это столь же законная основа нашего общества, как и право частной собственности при капитализме». <...> Именно при Брежневе появилась органическая связь между политиками и преступниками. Номенклатура была инкубатором, взрастившим мафию, которая окрепла и усилила свое влияние на общество после распада СССР» [2.31. С. 46]. Кланы, прорвавшиеся к неограниченной власти в СССР, — как в центре, так и на местах, — постепенно возраждали к этой власти присовокупить собственность. Эту тенденцию заметили на Западе, где давно уже все вещи назывались своими именами: «Россия становится классовым обществом. Около трех тысяч семей образовали элиту, и они хотят оставаться элитой» [2.32. С. 90]. Именно в этой среде и принимались решения о малой и большой распродаже родины.

При этом стоит выделить, что подобно тому, как сейчас чиновника можно заинтересовать реализацией какого-либо проекта, не иначе как указав при этом на его долю личного обогащения, так и «при Советской власти» многие и многие проекты создавались специально под интерес элиты, либо сиюминутный, либо с перспективой: «К началу 1970-х годов кланы красной элиты начинают заниматься только собой, а проекты (уже псевдопроекты) начинают тасовать под перераспределение элитных возможностей. Элитный контур выворачивается наизнанку. Клановое доминирует над общеимперским» [2.33. С. 3].

Постепенно в стране вырастает параллельная империя — империя грязных замыслов о том, как эксплуатировать социалистический полумир, как максимально «выжать» из доверенного в управление региона, как пробиться к *столичным кормушкам*. Нынешние кланы, согласившиеся на развал страны, лишь бы не потерять свой удел, есть продолжение этой теневой империи. Эта империя тогда еще только формировалась, она была еще призрачной, она еще помнила кровавый кошмар 1937 года, откуда она воссталла, как сказочная птица Феникс. Каждый раз, когда она показывалась из тени, она тут же становилась заметной, о ней подавали сигнал, ей не давали выйти на свет, загоняя обратно во тьму. «Образ «цеховика», компенсирующего своей предприимчивостью абсурдность советской экономики и покрываемого советским партийным боссом, — вот предел информированности рядового гражданина нашей страны, достигнутый в ходе перестроечного периода. За чертой обсуждения по-прежнему остаются вопросы о финансовом теневом капитале, о его контроле за теневым производством, о региональных и межрегиональных «теневиках», их связях и противоречиях, об истории накопления сокровищ в каждом из регионов СССР, о теневой религии, идеологии, политике, теневых мозговых центрах, о региональных ведомствах (министерствах), захватываемых капиталом что называется «на корню» и превращаемых в штабы и «теневые совмины», одним словом, о наличии, по сути дела, второй властной системы, «государства в государстве», способного предъявить стране новую тоталитарную модель. Вторая власть предполагает, по сути, все тот же тоталитаризм с другим знаком» [2.34. С. 19].

Полагаю, что все же в годы позднего Сталина система была максимально для России XX века (но все же не до конца), — что диалектически закономерно, — оздоровлена, максимально упрощена, слова больше соответствовали действительности. Затем все опять стало уходить в сторону вышеназванного парадокса, стало больше ненужных действий, за которыми скрывался нередко чей-то материальный интерес. В развитие этого процесса был придуман и

положен гениальный ход. Между изощренными конспираторами и силами, их обслуживавшими, было заключено молчаливое соглашение по решению задачи создания абсурда как явной и неотъемлемой компоненты советского социалистического строя. Это было видно и известно всей стране, но не в виде полной и целостной картины, а представлено в виде фрагмента — каждый видел это только на своем рабочем месте или мог почерпнуть из критики в виде беззубых фельетонов.

Возникает вопрос: в чем же тут, собственно говоря, дело? Для того чтобы ответить на этот вопрос, мне хочется сделать некое допущение. Как хорошо известно из истории всего человечества, всегда была и остается при любом строе, в том числе и социалистическом, правящая верхушка и ее антипод — оппозиция. Логично допустить все же, что основная масса элиты в те годы была как минимум настроена прокоммунистически. Тогда также логично предположить, что ей скрыто противостояла прокапиталистически настроенная оппозиция. Целью любой оппозиции всегда является неявно проводить политику по принципу: «Чем хуже — тем лучше!» Всегда в правилах любой оппозиции проводить политику всяческой дискредитации нынешней власти с той целью, что, когда придет момент, этот негатив припомнить и переложить ответственность за него целиком и полностью на власть, крича «Держи вора!» громче всех. Конспираторы-дискредитаторы позднего СССР в своей деятельности ничем не отличались от любой оппозиции, единственno только, что эта деятельность была скрыта за ширмой фиктивного единства КПСС. Дело велось очень умело. Процессы в направлении прогнозируемого кризиса социализма в СССР велись не столько «самотеком», сколько сознательно: «Все острее чувствовалось, что в обществе и в государстве накапливаются негативные проблемы и тенденции.

Под прикрытием официальной риторики развитого социализма происходило ползучее социальное расслоение общества. Основные массы рабочих, колхозников, инженерно-технических работников, служащих, учителей, врачей, военных вкладывали свои силы, знания, нервы, здоровье, энергию, умение в производство, сельское хозяйство, образование, науку и культуру. Это проявлялось во все большем и большем количестве добываемого сырья, выплавленного металла, выработанной электроэнергии, выращенного урожая, разработанных новых образцов техники, обученных школьников и подготовленных студентов и т. д. Но их собственная жизнь существенно не менялась в лучшую сторону, им все больше не хватало ни времени ни средств для удовлетворения потребностей собственной деятельности и развития своих детей. <...>

И в то же время, оберегаемые общенародным государством, формировались социальные группы и целые слои, представители которых имели в избытке богатейший выбор благ и возможностей для удовлетворения своих потребностей и прихотей.

Накапливались материальные и денежные богатства, полным ходом шел грабеж общенародной собственности. В ее порах, высасывая кровь трудового народа, действовали ловкие предприниматели и спекулянты, очковтиратели и бракоделы. Особенно хорошо чувствовали себя лица, причастные к распространению потребительских благ и услуг по общественным каналам» [2.35. С. 17–18].

Заместитель главного редактора газеты «Завтра» Н.М. Анисин пишет: «Пятая колонна» не только грабила страну, опустошая прилавки наших магазинов, но и с блеском вставляла палки в колеса экономики. В СССР сгнивало до 30 % зерна и 40 % картофеля— не хватало крытых токов, зерносушилок, овощехранилищ. Но «пятая колонна» подсовывала престарелым членам Политбюро постановление о мелиорации: возьмите огромные деньги, заройте их в землю, улучшите ее, побольше вырастите урожай и побольше сгноите. Деньги зарывались и в котлованы бесчисленных и бессмысленных строек новых заводов. Деньги транжирились через запуск встречных перевозок (лес из Вологды — в Красноярск, а оттуда — в Вологду, уголь из Украины — в Сибирь, а из Сибири — на Украину). «Пятая колонна» опутала трудовые коллективы инструкциями, лишавшими их стимула к труду, переливала излишки капиталов в самые неперспективные отрасли и загружала самые лучшие предприятия заказами на устаревшую военную технику, которая на повышение обороноспособности никак не влияла.

Горбачев получил страну с мощной высокоразвитой экономикой. Но экономикой, которая, с одной стороны, работала во многом в пользу Запада, а с другой стороны — на ветер. Дефицит товаров в СССР вызывался не пороками самой экономической системы, а искусственными помехами в ее деятельности» [2. С. 38–39].

Л.И. Брежневу было вполне по силам заранее создать надежную систему передачи власти от одного первого лица в стране другому. И сделать это на законодательной основе, заложив этот механизм в Конституцию СССР, принятую в 1977 г. Однако, как и многое другое, этому уже не суждено было осуществиться. Таким образом и смерть самого Брежнева стала еще одной загадкой (см. [2.36. С. 6]).

МАШЕРОВ И СУСЛОВ: ЗВЕЗДА И СМЕРТЬ ПАРТИЙНЫХ СЕКРЕТАРЕЙ

МАШЕРОВ

Обстоятельства смерти кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КП Белоруссии, Героя Советского Союза, Героя Социалистического Труда Петра Мироновича Машерова, в общем-то, всем известны. Они многократно описаны в литературе, было несколько телевизионных сюжетов. Ныне обращают внимание на странную ротацию на посту Председателя КГБ БССР прямо накануне трагедии. Прежний — Никулкин Яков Прокопьевич (1913–1983) — находился на этом посту с 23 июня 1970 г. по 4 августа 1980 г. С 17 ноября 1980 г. — на пенсии. Новый — Балуев Вениамин Георгиевич — переведен с должности заместителя начальника Инспекторского Управления КГБ СССР, с 4 августа 1980 г. по 24 ноября 1990 г. — Председатель КГБ БССР. Кроме того: «Незадолго до трагедии сменили начальника личной охраны Машерова полковника Сазонкина, которого перевели в центральный аппарат КГБ республики. И мощный машеровский «ЗИЛ», который мог выдержать

столкновение с любым транспортным средством, как раз в эти дни отправили в ремонт» [22. С. 414].

Коротко об обстоятельствах происшествия. Трагедия произошла 4 октября 1980 года в 15 часов 04 минуты. Как известно, его личный шофер Зайцев Е.Ф., 1919 года рождения, накануне ночью перенес приступ радикулита. Машина в нарушение приказа МВД СССР № 0747 от 1974 г. не была технически оборудована для сопровождения охраняемых лиц.

Обращается внимание на то, что Игнатович Николай Иванович, 1940 года рождения, следователь по особо важным делам республиканской прокуратуры, который вел это дело, став народным депутатом СССР и первым Генеральным прокурором «незалежной» Беларуси, умер при невыясненных обстоятельствах в 1992 г.

Дочь П.М. Машерова Наталья стала депутатом парламента Республики Беларусь, считая, что это поможет ей разобраться до конца с трагедией, произошедшей с ее отцом. Пока она комментирует этот факт так: «Отец не дожил до Пленума ЦК КПСС менее двух недель. Все было решено. Он шел на место Косыгина. Я понимаю, что отец мешал многим. Именно тогда, в октябре 1980 года, «взошла звезда» Горбачева.

Я полагаю, что, останься отец в живых, история СССР разворачивалась бы по-другому» [22. С. 441–442; 10. С. 317].

Мы с этим замечанием полностью согласны.

СУСЛОВ

Михаил Андреевич Суслов был самым опытным, искушенным политиком из всего Политбюро ЦК КПСС рубежа 1970—1980-х гг. Достаточно сказать, что он счастливо пережил чистку конца 1930-х годов, работая уже в то время в центральном аппарате. Он помнил большие и малые «загадки» и отсюда «своеобразным было отношение М.А. Суслова к медицине. Он не доверял врачам и всячески ограничивал с ними контакты. В начале 1982 г. медикам все-таки удалось убедить М.А. Суслова лечь в Кремлевскую больницу на очередное обследование. Этот визит в больницу оказался для него роковым: в ходе обследования он неожиданно для многих скончался» [2.37. С. 8].

Вот еще одно из наиважнейших свидетельств: «Старый больной человек рассказывал мне:

«Я служил в аптеке 4-го управления, это кремлевская аптека. Временами приезжал человек. Он был из КГБ. Очень скромно держался. Приходил ко мне. Я был одним из тех, кто составлял лекарства для кремлевской больницы, только для больницы.

Этот человек просматривал рецепты и говорил: «Вот этому больному добавьте в порошок (таблетку, микстуру)...» — и давал мне упаковочку, там уже все было дозировано.

Смысл добавлений заключался в следующем: вместо срочного расширения сосудов лекарство, скажем, вызывало их сужение. А другая часть подобных лекарств начинала оказывать свое действие вообще через полгода или восемь-

девять месяцев. Я старался не интересоваться такими больными. Что умирали — знал. Что другие, которые должны были бы поправляться, страдают и положение их необратимо ухудшается — тоже знал. Как не знать? Я просто ни с кем ни одним словом о них не обмолвился.

Я сознавал, в чем участвую, но любое неподчинение или не согласие означало мою немедленную смерть. Я совсем недавно понял: они поставили меня там как своего, рассчитывали на меня, ввели меня в штат и на эту должность, хотя в КГБ я не служил. Изучили меня, раскусили... Как слабого человека подчинили себе.

Часто задаю себе вопрос: «А если бы я был сильной воли, выполнял бы приказы?...» Не знаю. И с сильной волей, наверное, выполнял бы. Понимаете, некуда было деться...» [11. С. 82–83, прим]. Знал ли М.А. Суслов об этом? — Конечно знал, чего бы он тогда врачей боялся? Что он, маленький ребенок? Интересно, нужны ли еще какие-то комментарии к приведенным свидетельствам с ретроспективой на т. н. «Дело кремлевских врачей»?

АНДРОПОВ: ПУТЬ НАВЕРХ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ

Первая задача Ю.В. Андропова состояла в том, чтобы занять максимально высокий пост. В частности, такую ключевую должность, как Председатель КГБ при Совете Министров СССР. Случилось это в результате хорошо разыгранной интриги. Тут надо сказать, что подлинных мотивов для смещения В.Е. Семичастного было несколько (бегство С.И. Аллилуевой только предлог). Его убрали с ключевого поста не столько потому, что у него в силу его обеспечения успеха переворота 1964 г. сложились особо доверительные отношения с новым высшим руководством страны, которое было всем обязано ему; не столько потому, что его пост был нужен лично для Ю.В. Андропова, сколько вследствие того, что он был членом команды А.Н. Шелепина, которая делала попытки обрести всю полноту власти. И хотя деятельность их не отличалась последовательностью шагов в подковерной борьбе, членов этой команды потихоньку, по одному смещали для того, чтобы эту группировку максимально ослабить, и последним (уже в 1975 г.) убрали самого А.Н. Шелепина. Слабым местом В.Е. Семичастного было то, что именно он поставил первого руководителя партии в октябре 1964 г., — а на посту руководителя такого серьезного органа власти, как главная политическая спецслужба органически должен быть человек, который благодарен за это выдвижение нынешнему высшему руководителю страны (если он, конечно же, заинтересован в своей карьере), — а тут ситуация в точности наоборот.

На вопрос, были ли другие альтернативы на посту Председателя КГБ, кроме вчерашнего Секретаря ЦК Ю.В. Андропова, мы должны ответить скорее отрицательно: у В.Е. Семичастного и Ю.В. Андропова до их назначения на Лубянку уже был опыт работы со спецслужбами, хотя и на республиканском уровне. И тот, и другой работали вторыми секретарями ЦК компартий союзных республик, в число функций которых входило кураторство со стороны партии республиканского КГБ, милиции и непосредственные связи с Москвой; как правило, 2-й секретарь принадлежал к славянской национальности (для Ю.В.

Андропова, как видим, было сделано исключение). В.Е. Семичастный был 2-м секретарем ЦК КП Азербайджана (с августа 1959 г. по 13 ноября 1961 г.), Ю.В. Андропов был 2-м секретарем ЦК КП Карело-Финской ССР (небольшая справка: Карело-Финская ССР была 16-й республикой Союза ССР, но в результате хрущевских преобразований ее статус был низведен до Карельской Автономной Советской Социалистической Республики в составе РСФСР; пост занимал с января 1947 г. по июль 1953 г.). То есть, повторюсь, кое-какой опыт общения со спецслужбами у них был: их знакомили с результатами своей работы.

В любом случае можно с уверенностью сказать, что в мае 1967 г. произошел реванш за октябрь 1964 г. — на высший ключевой пост проник человек, который сделал наиважнейший вклад в разрушение Советской Империи, причем не столько лично своими руками, сколько обеспечивший продвижение непосредственных погромщиков: М.С. Горбачева, Е.К. Лигачева, Н.И. Рыжкова, В.А. Крючкова, А.Н. Яковлева, Э.А. Шеварднадзе.

Казус, случившийся с В.Е. Семичастным, позволил Ю.В. Андропову сделать глубокий вывод — любая большая политическая игра пойдет прахом, если всесторонне не обезопасить себя от подобного внезапного вызова на Политбюро ЦК КПСС. До конца упредить все угрозы в принципе невозможно — от провалов в такой динамичной сфере, как разведка, не гарантирован никто. Тогда остается одно: сделать так, чтобы никогда члены Политбюро (как все вместе, так и каждый в отдельности) не посмели посягнуть на самого Ю.В. Андропова. Самый напрашивающийся вывод — стать самому одним из членов Политбюро. Это же давало со временем возможность стать генсеком. О том, как это произошло, — небольшой рассказ.

Сообщают о том, что у Ю.В. Андропова никак не складывались отношения с третьим по весу в руководстве страны человеком — главой правительства А.Н. Косыгиным — причем даже на уровне личной совместимости [37. № 7. С. 6]. Такое, как правило, устанавливается между людьми с первых же минут знакомства, поэтому будет вполне логичным предположить, что данный случай не есть исключение. На тот момент вето А.Н. Косыгина могло остановить политический рост любого сановника и для малейшего продвижения Ю.В. Андропова требовалось временное устранение Председателя Совета Министров СССР. Так оно и произошло.

Ближайший же после назначения Ю.В. Андропова на пост Председателя КГБ Пленум ЦК КПСС, на котором только и возможны какие-то перемещения, состоялся в период израильской агрессии 1967 г. против арабских стран — 20–21 июня 1967 г. На нем обсуждался доклад Л.И. Брежнева «О политике Советского Союза в связи с агрессией Израиля на Ближнем Востоке» и, видимо, под предлогом угрозы было принято решение поднять статус нового главы Лубянки — Ю.В. Андропов избирается кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС. А.Н. Косыгина в этот момент в Москве не было: он был в Америке в ООН, выступая там с протестами и добиваясь признания Израиля агрессором с санкциями против него, и вернулся — пролетом на Кубу — дней через десять. Так — при первой же возможности — состоялся еще один шаг вверх по лестнице.

Можно только предполагать, делал ли еще Ю.В. Андропов какие-то попытки для следующего продвижения: это ведь не так просто. Возможно, что все они были отвергнуты, и тогда было решено пойти в атаку небольшим коллективом — во всяком случае, факт очередного передвижения состоялся только в связке с министром иностранных дел А.А. Громыко и министром обороны А.А. Гречко.

Видимо, мотивация была обозначена как усиление всего комплекса безопасности. Получилось это только спустя почти 6 лет— 27 апреля 1973 г., когда все трое были избраны членами Политбюро. Формально— в свете последующих событий — можно сказать так: умри Генеральный секретарь ЦК на следующий день, и у Ю.В. Андропова были бы шансы занять его место. Но было еще рано... Членство в Политбюро ЦК не есть еще полная гарантия *от увольнения с поста Председателя КГБ СССР*, а только лишь один из рычагов влияния на то, быть или не быть ему на этом посту. Это только еще статус. Единственным же реально действующим механизмом, который давал полную гарантию от покушений на его должность, был только один: политическое давление через компромат на всех членов Политбюро, кандидатов в члены Политбюро, Секретарей ЦК; а также на упреждение — на тех, чей существующий на сегодня пост давал возможность занять одну из этих должностей. Отдельным моментом в таких случаях стоит не столько компромат, сколько возможность запачкать человека. И это делалось как напрямую — через распространение слухов о том или ином человеке внутри страны, так и через фабрикацию паскудных (извините за прямоту) инсинуаций зарубежных радиоголосов. Если, например, о члене Политбюро, первом секретаре Ленинградского горкома партии Г.В. Романове нельзя было найти что-то реальное, то ему приписывали роман с молодой певицей и артисткой Л. Сенчиной (о чем она поведала сама в недавней телепередаче); или пресловутую свадьбу дочери, на которую якобы привезли дорогой сервиз из Эрмитажа, часть которого подвыпившие гости перебили (на самом деле Г.В. Романов, почему-то рассорившись со всеми, удалился в кабинет, на свадьбе же было только 12 человек, и уложилось это торжественное мероприятие в два часа). Итак, в то время как формально КГБ было запрещен сбор компромата на членов руководства (напомню — с уровня члена обкома партии), о чем нами уже подробно говорилось, сам его Председатель поставил себя вне этого правила.

В связи с этим нужно сказать, что иногда приводятся слова Ю.В. Андропова якобы подобного содержания: «У меня на каждого из вас есть материал. У меня на прослушивании сидят молодые девушки. И им тяжело слушать то, что иногда говорят на дачах». Верить этому или нет — живых свидетелей в любом случае нет. Такие слова, как правило, приводятся в контексте того, что безупречный Ю.В. Андропов боролся по мере возможности с коррупционерами. Но тому есть несколько «Но». Такого не скажешь, при всем желании, всем членам руководства — это было бы чревато для самого хозяина досье. Таким компроматом (или выдуманными «сведениями») можно оперировать только в борьбе с каждым руководителем по отдельности, если же такие слова сказать во всеуслышание всем вместе, то это сразу же вызвало бы желание избавиться от такого Председателя КГБ, и члены руководства это могли бы сделать, каждый по отдельности— нет, но объединившись вместе— да! Уровень же политической культуры самого Ю.В. Андропова не таков, чтобы настолько демонстративно противопоставить себя всему руководству — на такой риск он не мог пойти даже с целью запугать своих оппонентов: еще раз повторю, что если решиться на такое, то лучше всего с глазу на глаз. И еще небольшая, как мне представляется, неточность. Вряд ли было организовано прослушивание высших руководителей (выборочно или totally — не суть важно): они нередко обсуждают (в том числе и в неформальной обстановке) важнейшие политические и военные мероприятия Советского Союза, при этом обмениваясь информацией, которая составляет высшую государственную тайну. И ею будут располагать какие-то «молодые девчата»? Да, на этом может закончиться карьера любого Председателя КГБ,

даже если такие мероприятия проводились с самыми благими намерениями. Наоборот, в функции КГБ входила защита подобных разговоров от любого прослушивания. И последний штрих: насколько мне известно из достоверных источников, когда в 1993 г. прежние технические отделы в милиции превращались в Управления Оперативно-Технических Мероприятий при УВД областей и краев, личный состав предлагалось набирать из числа замужних женщин с двумя детьми старше 35 лет при хороших семейных отношениях — так органы стремились обезопасить себя от авантюристок.

Можно с уверенностью сказать, что Ю.В. Андропов пришел в КГБ не случайно, а заранее зная, что это назначение состоится. С самого начала он имел четкую программу действий. Ибо первое, что он сделал на новом посту, — это воссоздал во всех отношениях печально знаменитое 5-е (идеологическое) управление. 3 июля от Ю.В. Андропова ушла записка в ЦК. Уже 17 июля вопрос был решен на Политбюро. Приказ по КГБ отдан 25 июля. 4 августа с должности секретаря Ставропольского крайкома начальником 5-го управления назначается А.Ф. Кадашев; будучи освобожденный от должности в декабре 1968 г. 23 мая 1969 г. начальником 5-го управления назначается Ф.Д. Бобков, сделавший впоследствии головокружительную карьеру.

Одной из задач Ю.В. Андропова стало удержать и расширить партийные посты как для себя, так и для своих последователей: «Андропов вскоре стал кандидатом в члены Политбюро. В свое время на пленуме ЦК партии <...> Хрущев сказал: «Мы уже обожглись не один раз и убедились в том, что нельзя в состав Политбюро вводить министра обороны и председателя КГБ». <...> Дело в том, что когда руководитель становился членом Политбюро, аппарат за его спиной сразу выпадал из-под партийного и государственного контроля. Потому что к аппарату без него никто притронуться уже не имел права» [56. С. 3].

В целом под его руководством КГБ СССР стал весьма противоречивой организацией: «Нельзя сказать, что работа КГБ была безупречной во времена руководства этим ведомством Юрия Владимировича. Были очень серьезные ошибки и недочеты как во внешней деятельности <...>, так и внутриполитической. <...>

Деятельность Андропова всегда носила характер максимального извлечения личной выгоды, завоевания наиболее влиятельных позиций. Он с удивительной ловкостью мог совмещать в себе внешний либерализм и внутреннюю жестокость. <...> Евреи стали проявлять неслыханную активность в СССР, создавая правозащитные движения и другие различные организации, которые КГБ по мере надобности хотя и разоблачал, но делал это чрезвычайно топорно и неумело, создавая больше рекламы этим движениям, чем пытаясь искоренить их на самом деле» [28. С. 53]. Совершенно ясно, что цели Запада по разрушению СССР не могли быть выполнены до тех пор, пока на пути стоял КГБ СССР сталинского типа. Предстояла длительная работа по ограничению его способностей, изъятию и уничтожению ценных методов работы, снижению бдительности, переориентированию с одних целей на другие, по дезинформации и разложению кадров, внедрению наиболее подготовленных и законспирированных представителей «пятой колонны», перехвату информационных каналов, изменению структуры как центрального аппарата, так и на местах.

Другой задачей Ю.В. Андропова стало создание интеллектуального ядра, которое со временем могло бы стать главным «мозговым центром» будущих катализмов «внутри» системы. Именно он смог отобрать нужных и верных лиц

из широкого числа конспираторов, обработать их, помочь им выдвинуться и закрепиться на нужных, ключевых постах целой плеяде будущих «перестройщиков»-разрушителей. О кадровом составе «птенцов гнезда Андропова» нами говорилось — при этом нужно помнить, что ряд «нейтралов» и патриотов выпадает из этой обоймы. О том же, что именно «Ю.В.» был инициатором таких групп, говорится в воспоминаниях одного из «птенцов» [9. С. 258].

Хотя Ю.В. Андропов и не получал откуда бы то ни было существенной помощи в своей личной карьере, т. е. его не протектировали, но тем не менее он сделал многое для того общего дела, которое проявило себя только при крахе СССР. Вот один пример. Ставший в годы «перестройки» демократом, генерал О. Калугин сделал быструю карьеру: «Он был назначен во внешнюю контрразведку примерно в конце 1972-го — начале 1973 года. Прибыл он из Соединенных Штатов и, естественно, возглавил американское направление. Вскоре его назначили заместителем начальника управления внешней контрразведки, через два-три месяца первым заместителем, а еще примерно через три месяца начальником управления. Ему сразу же присвоили звание генерал-майор, и в 38 лет он оказался самым молодым генералом в КГБ». Но уже с 1975 г. он находится «под колпаком» своей же службы. А с какого-то времени самому Ю.В. Андропову стало не только достоверно известно о том, что его протеже генерал КГБ О. Калугин работает на ЦРУ, но эта информация распространилась и среди высшего руководства Лубянки. Держать его на ключевом посту начальника управления «К» далее не представлялось возможным. Что должен был сделать человек, который не только имеет в своем окружении компрометирующую фигуру? В самом мягком случае его следует уволить, чтобы не быть запятнанным самому. Можно было бы и убрать так, что и следов бы не осталось... Это в том случае, когда преследуешь только свои сугубо карьерные цели. Но Ю.В. Андропов поступает иначе: после крупного разговора он переводит О. Калугина на пост первого заместителя начальника Ленинградского УКГБ, к тому же «считалось, что он поехал туда с повышением и перспективой на замещение должности начальника управления» [18. С. 194–196]. Опасно шпиону ЦРУ держать на таком посту? Опасно! Но доля опасности есть и для самого Ю.В. Андропова: О. Калугина могли разоблачить открыто и, следовательно, создать массу неприятностей для самого Ю.В. Андропова, но тем не менее он идет на такой шаг. Откуда точно пришла такая команда, неизвестно, но предположить можно...

Трактуется этот факт по-разному: Герой Советского Союза М.С. Докучаев, как и всякий другой генерал КГБ, не смеет критиковать своего бывшего шефа и считает, что «...это было сделано очень мудро по указанию Ю.В. Андропова, который полагал, что Калугин исправится и станет на путь честного отношения к порученному делу и к своим гражданским обязанностям» [18. С. 196]. Но, как известно, О. Калугин продолжал исправно сотрудничать с Америкой и предпочитает ее гражданство любому другому.

Замечательный исследователь и важный свидетель того времени В.М. Легостаев видит здесь только личный интерес Ю.В. Андропова: «Политический контекст этой ситуации понятен. Борьба за кресло генсека вступала в решающую фазу, и, естественно, Андропову не хотелось привлекать внимания к факту предательства в руководстве своего ведомства. А интересы личной карьеры всегда были для Андропова абсолютным приоритетом по сравнению с его служебным и партийным долгом. В случае с Калугиным, обеспечив ему

безнаказанность, Андропов, получается, сам совершил акт государственной измены» [37. № 8. С. 1]. Да, по отношению к СССР этот поступок выглядит так, но с точки зрения ситуационной, повторяю, здесь раскрывается то, что Ю.В. Андропов пошел на некоторый риск для себя лично, оставляя О. Калугина в рядах КГБ.

Задача, которую выполнил Андропов, носила еще и зондажный характер. На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС им была произнесена насколько загадочная фраза: «Если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок». Сейчас об этом много высказываются, трактуя это по-разному. Многие ищут скрытый подтекст.

Последней задачей Ю.В. Андропова было вовремя умереть. Ему помогли ее решить. Впрочем, это уже из области «загадок».

«ГОНКА НА ЛАФЕТАХ»

БРЕЖНЕВ

В настоящее время акцентируется внимание на том, что из всех трех Генеральных секретарей ЦК КПСС именно Л.И. Брежнев был наименее больным. И особенно, как заверяют свидетели, на период, непосредственно предшествующий смерти. Да, внешне он выглядел совсем развалиной, но умер он не в больнице, что было бы естественно для тяжело больного, а в рабочей обстановке.

В год смерти организм этого 76-летнего человека перенес немало. 23 марта 1982 г. во время посещения Ташкентского авиастроительного завода он и ряд сопровождавших его людей попали под обвалившуюся под напором толпы площадку в сборочном цехе. У Л.И. Брежнева была сломана правая ключица, и, невзирая на это, на следующий день он пошел читать доклад на торжественном заседании! Ключица, кстати сказать, так до конца и не зажила. Несет ответственность за это не столько охрана из КГБ, сколько капризность самого Л.И. Брежнева. Злого умысла здесь не было — скорее всего это действительно стеченье обстоятельств: Л.И. Брежнева сначала отговорили от посещения, а потом он настоял сам и охрана практически за 10 минут не успела осуществить весь комплекс мероприятий [43. С. 165–170]. Если бы устранение Л.И. Брежнева «созрело» к тому моменту, то ошибки бы не было и он мог быть легко убит при таких обстоятельствах. Тогда Ю.В. Андропов мог прийти к власти и на полгода раньше.

Полностью понять состояние здоровья Л.И. Брежнева можно только на контрасте. С одной стороны, человек больной: плохой сон и неконтролируемый прием снотворных; операция, связанная с ранением на фронте; заболевания, приведшие к нарушениям речи, и проч. [43. С. 93–95]. С другой стороны, человек чуть ли не совершенно здоровый: летом по несколько часов плавает в море, в

том числе и во время непогоды, но опять же доводит себя до такого состояния, что теряет сознание [43. С. 94–95]; водит автомобили (причем, как подчеркивается, — только дареные иномарки, но не государственные лимузины), опять же чуть ли не доводя до автокатастрофы [43. С. 88–89]. Более того, я как-то читал, что в это время у Леонида Ильича появилась новая пассия, взамен к тому времени отлученной медсестры Н., что тоже, в общем-то, свидетельствует в пользу его здоровья. Одним словом, картина весьма противоречивая.

Сами же обстоятельства смерти таковы. Л.И. Брежnev хотел видеть на своем посту В.В. Щербицкого, бывшего на тот момент 1-м секретарем ЦК КП Украины. На ближайшем Пленуме ЦК КПСС планировалось выдвинуть его кандидатуру. С этой целью Л.И. Брежнев пригласил 9-го ноября 1982 г. на 12 часов к себе Ю.В. Андропова для консультации и чтобы заранее обеспечить себе поддержку [37. № 6. С. 6; 2.36. С. 6]. А утром 10-го числа он уже был мертв.

От 12 часов дня 9-го ноября, когда состоялась эта встреча в кабинете № 1, и до 9 утра 10-го ноября, когда обнаружено его тело, — таковы четкие хронологические рамки загадки смерти Л.И. Брежнева. Что еще случилось или могло случиться в этот промежуток времени? С Л.И. Брежневым все как всегда: обед, потом спал до 17 часов, работал до 19 часов, потом поехал на дачу в Заречье, в 20.30 ужин с женой Викторией Петровной и прикрепленным охранником В. Медведевым. Потом — сон. Утром приезжает сменщик охранника В. Собаченков и просит В. Медведева вместе подняться в спальню. Л.И. Брежнев мертв. Охранники вместе пытаются сделать искусственное дыхание в течение 30 минут — до приезда Ю.В. Андропова. Тщетно...

Судя по всему — это было отравление. И если заказчик — Ю.В. Андропов, то кто же мог быть исполнителем? В число их входит чрезвычайно узкий круг: это — только те члены Политбюро, кто имел быстрый и непосредственный доступ к генсеку, но не сообщается, что в этот день кто-то из них был на приеме; контактируют только телохранители и obsłуга (нужно ли напоминать, что все они — без всякого исключения — набраны Ю.В. Андроповым) и члены семьи.

Л.И. Брежнев, как об этом пишут, принимал снотворное [43. С. 143–151, 172], и тогда его могли уничтожить, подложив яд под видом лекарства. Вообще, как о нем сообщают, он не был подозрительным, и это могли легко использовать...

Как сейчас представляется, в целом ситуация, предшествовавшая смерти Л.И. Брежнева — захвату власти Ю.В. Андроповым, выглядит так. Л.И. Брежнев использовал смерть М.А. Суслова для того, чтобы шефа КГБ переместить на освободившийся пост. А его место в здании на Лубянской площади занял В.И. Федорчук, до этого с 16 июля 1970 г. — Председатель КГБ Украинской ССР. Укажем на то, что могли быть и альтернативы такому назначению, например, на место второго секретаря ЦК поставить другого человека, а Ю.В. Андропова, соответственно, не перемещать. КГБ мог бы возглавить и кто-то из числа хорошо знакомых Л.И. Брежневу генералов из центрального или московского аппарата. Но и этой возможностью пренебрегли, и главой спецслужбы должен был стать человек из Киева, который пусть не всем, но очень многим обязан лично В.В. Щербицкому. Все это наводит на мысль об определенном интересе: главная задача В.И. Федорчука должна была заключаться в том, чтобы обеспечить безболезненный переход власти к новому Генеральному Секретарю, а Л.И. Брежнев действительно должен был уйти на задуманный специально для него пенсионный пост Председателя партии.

Понял ли Ю.В. Андропов сразу, что произошло? Более чем. Оказался ли он готов к такому обороту дел, что его карьера может прерваться? Как показывают события, он был готов. Но чтобы такая операция (полагаю, что операция очень рискованная) прошла безупречно, нужна стопроцентная гарантия. Такую гарантию мог дать особый политический вес и сила, которыми обладал только Андропов. Это органически вытекает из компромата, собранного на всех других членов высшего органа партии.

Поэтому если все же (предположительно) единственным виновником смерти Л.И. Брежнева является Ю.В. Андропов, то тогда надо сказать, что Л.И. Брежнев сам виноват в таком стечении обстоятельств. Усыпив бдительность лестью, демонстративной верноподданностью, безотказностью и выстраиванием линии так, чтобы собственные интересы никогда не пересекались с политическими и личными интересами самого Генерального секретаря, Ю.В. Андропов становится одним из членов Политбюро ЦК КПСС и соответственно получает все связанные с этим возможности.

Элемент угрозы для Л. И. Брежнева мог заключаться еще и в том, что накануне — 19 января 1982 г. — застрелился его свояк, 1-й Заместитель Председателя С.К. Цвигун, до этого надежно надзиравший за Председателем КГБ. Его сменил Г.К. Цинев, которого отправят в отставку 1 декабря 1985 г. и он проживет до 1996 г., чуть-чуть не отметив свое 90-летие. В связи с этим позволю себе отступление, чтобы рассказать анекдот (хотя тут он не совсем уместен), ходивший в кругах гэбистов тех лет. Брежnev встречает Новый год. Без 15 минут — звонок. На проводе — Цвигун: «Леонид Ильич! С Новым годом вас — не волнуйтесь: в КГБ все в порядке, граница на замке!» (С.К. Цвигун курировал Главное управление погранвойск с 30 июля 1970 г. до января 1982 г.) Без 10 минут — второй звонок. На проводе — Цинев: «Леонид Ильич! С Новым годом вас — не волнуйтесь: в КГБ все в порядке, войска — в пунктах дислокации!» (Г.К. Цинев курировал 3-е Управление (с июня 1982 г. — Главное управление) — военная контрразведка (с того же времени и по декабрь 1982 г.). Без 5 минут — третий звонок. На проводе — Андропов. Брежнев ему говорит: «Юрий Владимирович! С Новым годом вас — не волнуйтесь: в КГБ все в порядке, граница на замке, войска — в пунктах дислокации!» Так что полной безопасности никто не мог гарантировать... А когда Ю.В. Андропов стал вторым секретарем ЦК, то контроль за ним могли и ослабить, перенаправив все усилия на нового Председателя, но такие люди, как Ю.В. Андропов, уходят, оставляя дверь открытой... И его реальная сила нисколько не уменьшилась от того, что он вернулся на работу в аппарат ЦК.

...Воспользовавшись тем, что смерть Л.И. Брежнева случилась сразу же после праздничной демонстрации, негласно объявили, что он простудился, пока стоял на Мавзолее.

АНДРОПОВ

Метод, примененный к Ю.В. Андропову, можно назвать *управляющей смертью*. Суть произошедшего заключается именно в доведении его до смерти в нужный момент: не позже, но и не раньше: «Факт есть факт: Андропов ладил более или менее благополучно со своими болезнями 20 лет, но как только достиг того, к чему всю жизнь стремился, — высшей власти, — смерть подобрала его»

[38. № 10. С. 7]. Вы помните свидетельство, которое мы приводили в связи со смертью М.А. Суслова о том, как приходил человек из КГБ и ускорял смерть правящей элиты? Здесь картина в принципе та же. Этим же методом могли свести в могилу и Ю.В. Андропова. И еще один вопрос в связи с этими случаями. Кто же на самом деле руководил страной и сферами влияния: Брежnev, Андропов, или, может быть, тот человек, который отдавал приказания «из КГБ»? Да и из КГБ ли он был, а может, из ЦРУ?..

Ю.В. Андропов мог подписать себе смертный приговор и неосторожными словами. На июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, прервав выступавшего К.У. Черненко, он вдруг сказал: «Да, кстати. Мне известно, что в этом зале находятся люди, которые позволяют в беседах с иностранцами распространять ненужную и вредную для нас информацию. Я не буду сейчас называть фамилии, товарищи сами знают, кого я имею в виду. И пусть они запомнят, что это — последнее предупреждение им». (Цит. по: [50. С. 54].) «Последнее предупреждение» действительно оказалось последним — но только для Ю.В. Андропова.

В связи с этим обратите внимание на следующий момент: мог ли Андропов предположить, что от него избавляются как от ненужного человека на посту Генерального секретаря? Вполне. Человек он, судя по многому — описаниям очевидцев, его решениям и достижениям, — был далеко не глупый. В таком случае он мог предположить, что избавляются от него в пользу М.С. Горбачева. Тогда логичным становится и ухудшение отношений между ними, о котором сообщается следующее: «Горбачев после смерти Брежнева и избрания генсеком Андропова стал везде говорить, что они с ним большие друзья, дружат семьями и так далее. Зная подноготную этой ситуации, могу сказать, что это был большой блеф. Если первое время после переезда Горбачева в Москву Андропов относился к нему лояльно (именно лояльно, не более), то потом отношения изменились до такой степени, что он перестал Горбачева принимать. <...>

В последние месяцы жизни Андропов приглашал к себе в больницу других членов Политбюро, но только не Горбачева, и только накануне ухода от нас он встретился с Горбачевым и Лигачевым (с декабря 1983 г. по июль 1990 г. — секретарь ЦК КПСС, сначала по кадровым вопросам, потом второй (по вопросам идеологии), затем по сельскому хозяйству. — А.Ш.)» [8. С. 8].

Ю.В. Андропов был связан с циниками, которые, его же уничтожив, использовали его смерть в своих интересах: «Агент Ленинградского КГБ, вернувшийся из Москвы вскоре после смерти Андропова, сообщал: «Среди персонала 1 — го медицинского института, связанного с 4-м Главным управлением Минздрава СССР, циркулируют разговоры о загадочности смерти Генерального секретаря ЦК КПСС. По мнению ряда специалистов, в ГУ есть люди, которые на ранней стадии болезни Андропова умышленно вели неправильный курс лечения, что впоследствии привело к его безвременной кончине. На более поздней стадии ведущие специалисты страны были бессильны что-либо сделать, несмотря на все предпринимавшиеся ими меры. Люди, «залечившие» Андропова, связаны с группировкой (название условное) некоторой части партийных аппаратчиков в Москве, которым пришли не по вкусу позитивные изменения и реформы, начатые Андроповым...» [2.38. С. 13].

ЧЕРНЕНКО

Кому-то очень не хотелось, чтобы этот человек стал Генеральным Секретарем. Сообщают, что когда в 1983 г. К.У. Черненко был в Крыму, то с соседней дачи, где отдыхал министр внутренних дел В.В. Федорчук, ему доставили копченую рыбу. Проверять ее врачи не стали. И К.У. Черненко отравился... Кстати, Ю.В. Андропов нисколько не обидел В.В. Федорчука, когда перевел его в МВД — одновременно тому присвоили звание генерала армии. Тот факт, что К.У. Черненко травили еще летом 1983 г., указывает на неких неустановленных лиц, заинтересованных в том, чтобы он умер как можно скорее и не занял свой последний пост. Почему яд не сработал (хотя это была чрезвычайно ответственная операция, а не какое-то банальное бытовое убийство), не берусь утверждать, тут должны сказать свое слово специалисты — в области токсикологии иногда бывают срывы, как, например, КГБ, при всем желании, не удалось отравить Амина в декабре 1979 г.

И все же после смерти Ю.В. Андропова К.У. Черненко сажают в главное кресло страны. Что это было за правление — тема отдельного исследования...

Наступает лето 1984 г. Е.И. Чазов и М.С. Горбачев уговаривают Черненко ехать в горы, но поскольку у того болезнь легких, а в горах разреженное давление и большой суточный перепад температур, Генеральному становится совсем худо, и его самолетом доставляют в Кремлевскую больницу, откуда он уже не выходит... [38. № 10. С. 7].

* * *

В глазах общественности на тот момент вся эта драма воспринималась как естественный процесс: для обывателей его смерть была банальным и закономерным концом жизни в ряду ставших уже привычными смертей престарелых вождей. О глубине и масштабе перемен, вызываемых уходом из жизни таких столпов власти, никто и не помышлял.

СМЕРТЬ ЧЕТЫРЕХ МИНИСТРОВ ОБОРОНЫ: СОВПАДЕНИЕ ИЛИ ЗЛЫЙ УМЫСЕЛ?

Раскрывая обстоятельства смерти члена Политбюро ЦК КПСС, министра обороны ЦК КПСС Маршала Советского Союза Д.Ф. Устинова, нужно описать саму ситуацию, в которой ему пришлось работать в последние годы жизни. Те, кто имел возможность наблюдать его в это время, отмечают, что он работал с полным напряжением сил, ежедневно и по много часов, справляясь со всем объемом задач. А проблем было множество, наряду с уже привычным кругом: созданием новых образцов боевой и другой техники, строительством оборонных объектов, поддержанием на должном уровне боевой подготовки и дисциплины войск. На рубеже 1970–1980 гг. у военных появились еще две острые проблемы, мучительно требовавшие разрешения: Афганистан и Польша. Такова была ситуация, и она напрямую связана со смертью Д.Ф. Устинова и трех его коллег из стран социалистического блока.

Начнем с разоблачения небольшой, но весьма знаковой лжи, которую сегодня вдруг стали распространять о покойных: «Генералы, униженные Афганистаном, где армия сверхдержавы, истекая кровью, не может победить горцев, кажется, увидели спасение: ввести во всех странах Варшавского договора, включая и СССР, военное положение по образцу Польши. С армией шутки плохи, но с ней не церемонятся. Железная хватка особых отделов КГБ, подчиненных Андропову, прослеживает каждое движение военачальников. При малейшем подозрении — «скоропостижно скончался». И все.

О том, что высший военный генералитет подумывал о военном перевороте в социалистическом лагере (в той или иной форме), существует много свидетельств. Увлекал опыт других стран, когда на пути от тоталитаризма к демократии устанавливалась временная автократия военных. Заговор тогда не удался» [64. С. 3; 21. С. 633–634]. Автор этого опуса А.Н. Яковлев, по своему обыкновению, мягко говоря, клевещет на покойных. Обвинение абсурдно и алогично: не было еще никого из военачальников в мировой истории, кто в ответ на военный проигрыш стал бы свергать свое правительство, — скорее всего усилили бы военное присутствие в Афганистане. Кто знал в 1984 г. из высокопоставленных военных о том, что страну уже повели по пути от «тоталитаризма» к «демократии»? Однако наши оппоненты не слишком обременяют себя логикой... Для них важнее оговорить честных людей. Итак, повторюсь, что обвинение абсурдно и относится к серии операций по замятию следов, касающихся прошлого, и к опорочиванию памяти понесенных нами жертв. Мотивация же вообще выходит за рамки здравого смысла и потому тем более не может относиться к области истории. А если найдется хоть кто-то, кто этому поверит, что ж— Большая Ложь и здесь собирает свою жатву.

По всей видимости, министров обороны четырех стран: СССР, ГДР, Чехословакии и Венгрии объединяла договоренность ввести войска в Польшу. Это вполне очевидно — события в ней вышли из-под контроля, несмотря на военное положение и интернирование ведущих лидеров оппозиции. Обычно в таких случаях следовала «братская интернациональная помощь». О том, что такое возможно в принципе, говорилось еще Л.И. Брежневым [2.39. С. 14–15]. Прямых подтверждений, почертнутых из открытых источников, у меня нет, но высказать версию я могу.

Откуда ЦРУ могло получить точную информацию о том, что в Польшу будут вводить войска стран — участниц Организации Варшавского Договора? В Польше, в Генштабе армии, на ЦРУ работал полковник Рышард Кухлинский. «Один из агентов американской разведки, офицер польского генерального штаба Кухлинский находился на самой вершине советского альянса. Он весьма смело предоставлял информацию о планируемых советских акциях в Польше» [60. С. 44]. Другие источники подтверждают, что он сообщал в ЦРУ о планах введения в стране военного положения. В декабре 1981 г. его вместе с семьей вывезли из Польши, после чего он работал аналитиком в ЦРУ [2.40. С. 16]. Однако одного ценного «крота» оперативно заменили на другого, новый шпион ЦРУ был более высокого ранга. Бывший разведчик ЦРУ Петер Швейцер сообщает, что удалось завербовать одного из заместителей министра обороны Польши [60. С. 212]. Издательство, выпустившее книгу, сочло нужным сделать примечание о том, что это не соответствует действительности. Однако британский публицист Нигель Уэст в своей книге приводит фамилию заместителя министра национальной обороны ПНР генерала Тадеуша Тучанского, которого называет «бесценным

наследником» пана Кухлинского. Генерал жив, и хотя сегодня США — союзники Польши, он отрицает свою причастность к ЦРУ. Однако приводится выдержка из письма варшавского резидента в центр, в котором он пишет, что «приобретен агент-самородок в должности заместителя министра обороны, имеющего доступ к правительственныйм «дискуссиям на тему внутренней безопасности» [2.41. С. 13].

Подтверждением того, что в Польше был довольно широкий круг лиц, ознакомленных с планом вторжения, служит и свидетельство из самых последних источников: «Генеральный штаб Польши предпринял независимый анализ разработанных в СССР планов вторжения и обнаружил, что они основывались на «полнейшем непонимании ситуации, возникшей в Польше, игнорировании подлинных настроений (польского) общества и неспособности оценить мощь движения «Солидарности» [2.42. С. 144]. Кроме того, могли использоваться и технические средства. Так, например, в посольство США в Польше прибыла группа из 4 человек «Special Collections Element» с подслушивающей аппаратурой.

Итак, для того чтобы продолжить польскую «бархатную» революцию, требовалось ни больше ни меньше... устранить четырех министров обороны из стран социалистического блока. По крайней мере, так было решено и так получилось. «Акция по преданию казни» (терминология ЦРУ) состоялась...

«Сама смерть Устинова была в определенной степени нелепой и оставила много вопросов в отношении причин и характера заболевания. Осенью 1984 года состоялись совместные учения советских и чехословацких войск на территории Чехословакии. В них принимал участие Устинов и министр обороны Чехословакии генерал Дзур. После возвращения с маневров Устинов почувствовал недомогание, появилась небольшая лихорадка и изменения в легких. <...> Удивительное совпадение— приблизительно в то же время, с такой же клинической картиной заболевает и генерал Дзур» [2.43. С. 206].

Такая операция возымела вполне ожидаемый дополнительный эффект — шантаж: врач, лечивший Л.И. Брежнева, начальник Четвертого главного управления при Совете Министров СССР «академик Чазов, приезжая на Ставрополье, делился с Горбачевым многим, в частности, регулярно информировал об образе жизни кремлевских обитателей. <...>

Будучи в курсе состояния здоровья всех руководителей Кремля, академик намекнул Горбачеву, что смерть уносит лидеров одного за другим, как только у них обостряются отношения с США. Причем заболевают они и умирают как-то странно, нелепо. Так, Брежnev, обладавший незаурядной энергией, вдруг захворал астеническим синдромом. <...>

У Черненко с невероятной быстротой развивается флегмона. Так же неожиданно наступило обострение болезни у Андропова. Военачальники России и Чехословакии Устинов и Дзур после маневров заболели одной и той же болезнью, приведшей их к смерти. Если о смертях генсеков можно спорить, были ли они случайными, то уход из жизни Устинова и Дзура — явное доказательство того, что против них была совершена целенаправленная акция» [28. С. 180–181].

Для наглядности приведем хронологию соответствующих событий.

7 декабря 1984 г. министром обороны Венгрии назначается Иштван Олах. Предыдущий — генерал армии Л. Цинеге был назначен заместителем Председателя Совета Министров ВНР.

20 декабря 1984 г. в результате «острой сердечной недостаточности» скончался член Политбюро Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза министр обороны Маршал Советского Союза Д.Ф. Устинов.

12 января 1985 г. министром обороны Чехословакии назначен Милан Бацлавик.

15 января 1985 г. в возрасте 66 лет в результате «сердечной недостаточности» скончался член Центрального Комитета Коммунистической партии Чехословакии министр национальной обороны генерал армии Мартин Дзур.

20—24 марта 1985 г. СССР посещает министр обороны Чехословакии М. Бацлавик.

26 апреля 1985 г. в Варшаве состоялась встреча высших партийных и государственных деятелей стран — участников Варшавского Договора. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенный 14 мая 1955 г., продлен на 20 лет с последующей пролонгацией еще на 10 лет.

20—23 мая 1985 г. в Будапеште проведено заседание Военного Совета Объединенных Вооруженных Сил государств — участников Варшавского Договора.

25—31 мая 1985 г. на территории ЧССР проведены совместные учения Центральной Группы Войск и Чехословацкой Народной Армии — численностью войск до 25 тыс. человек.

11—15 июня 1985 г. СССР посещает министр обороны Венгрии И. Олах.

6—12 июля 1985 г. проведены совместные учения Группы Советских войск в Германии и Национальной Народной Армии ГДР с форсированием Эльбы.

10 июля 1985 г. с участниками сборов руководящих военных кадров встретился в Минске и выступил перед ними М.С. Горбачев.

22—23 октября 1985 г. состоялось Совещание Политико-Консультативного Комитета государств — участников Варшавского Договора.

21 ноября 1985 г. в Праге состоялась встреча высших руководителей государств — участников Варшавского Договора.

28 ноября 1985 г. — 75-летие министра обороны ГДР Г. Гофмана, по этому случаю он был награжден высшей наградой ГДР — орденом Карла Маркса.

2 декабря 1985 г. в результате «острой сердечной недостаточности» скончался член Политбюро Центрального Комитета Социалистической Единой Партии Германии, министр национальной обороны Германской Демократической Республики генерал армии Гейнц Гофман.

2—5 декабря 1985 г. в Берлине состоялось очередное заседание Комитета министров обороны государств — участников Варшавского Договора.

3 декабря 1985 г. министром обороны ГДР назначен генерал-полковник Гейнц Кесслер, ему присвоено звание генерала армии.

15 декабря 1985 г. на 59-м году жизни в результате «сердечной недостаточности» скоропостижно скончался член Центрального Комитета Венгерской Социалистической Рабочей Партии, министр обороны Венгерской Народной Республики генерал армии Иштван Олах.

Конечно же, это еще неполная информация, за пределами нашего краткого обозрения остались другие не известные нам приемы по срыву механизма ввода войск в Польшу. По моему разумению, такая беспрецедентная операция, выполненная, как представляется, Службой физической ликвидации ЦРУ США, уже может быть оценена на *отлично*, и последующая перестройка выглядит по сравнению с ней не более чем детская задача. Единственный минус в этом — то, что Д.Ф. Устинов был, по всей видимости, сторонником возвышения М.С. Горбачева в противовес Г.В. Романову и приходилось лишаться одного весомого голоса на Политбюро. Но игра стоила свеч.

Глава III «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

ЭПИЗОД 1. ИМПЕРИЯ ПОД УДАРОМ

Рубеж 70—80-х гг. века минувшего ознаменовался такой степенью конфронтации на мировой арене, что эти события впору отнести к полувоенным — то есть получению таких результатов, которые ранее достигались только в ходе открытых военных действий. Привычное название для этого «холодная война» не отражает полностью всех нюансов, и нам для широкого толкования потребуется ввести понятия подвидов этого штампа.

Сам автор термина «холодная война» (Cold war) Бертольд М. Барух (1870—1965) — в годы Второй мировой войны начальник снабжения армии США — употребил его впервые в своем выступлении на заседании Законодательного Собрания штата Южная Каролина 16 апреля 1947 г. в контексте сравнения со Второй мировой: «Сегодня мы находимся в состоянии холодной войны». Война эта шла со вчерашним союзником — с СССР, с Россией. В дальнейший оборот этот термин запустил публицист Х. Суоп, а уж более широкое употребление он получил благодаря статьям журналиста У. Липпманна в «Нью-Йорк трибюн», в ноябре 1947 г. они вышли отдельным изданием «Холодная война. О внешней политике США» [3.01. С. 31].

Вправе ли мы относить крупнейшую геополитическую катастрофу, каковой является устранение СССР с политической карты мира и утрата им своего политического и идеологического влияния во всем мире, к военной сфере, хотя бы и по результатам? Думается, да. До сих пор такого рода события и установление новой геополитической эпохи всегда были следствием либо одной войны, либо целой их серии, почему бы и нынешнюю ситуацию не назвать чем-то похожим на обычновенную войну. Это только на первый взгляд может показаться, что настоящая попытка назвать произошедшее явлением близким к войне обречена на несостоятельность. На самом же деле, если тут и не было явных внешних эффектов войны — стрельбы, бомбардировок с воздуха, колонн военнопленных, оккупантов и кровавых расправ над захваченным населением (кстати, на какой-то фазе добивания страны к этому недолго и вернуться, а жители окраин некогда спокойной и безмятежной империи перенесли весь этот набор в самой полной мере), то все остальное — утрата завоеванных позиций,

отвод войск сначала из стран Восточной Европы, потом их оставление на произвол судьбы на территории бывших союзных республик, жертвы и разрушения — все это является результатами действий, близких к военным.

В незаметности для широких масс населения и состоит отличие таких *пара военных* действий от обычных войн. Оружие новых «войн» заключается в их страшном разрушающем воздействии, при этом отсутствует внешний эффект. В этом их отличие. А все остальное — по изменениям в геополитической конфигурации, в разорении проигравших государств и народов — как обычно.

Что такое войны обычного характера, хорошо представляют себе все: как правило, воюют с географическими соседями через общую сухопутную границу (либо сначала завоевывают соседей или делают из них союзников и подходят к границе, как поступали Наполеон и Гитлер по отношению к России). Если агрессора и жертву разделяют моря, то значит, накапливаются достаточные силы для преодоления оных и захватчик высаживает десант. Существуют и войны, которые ведутся исключительно на море. Между началом войны и ее окончанием происходит взаимоистребление противоборствующих сторон: наступления чередуются с позиционными боями и отступлениями. Проходит какой-то промежуток времени, и война заканчивается. Победитель диктует проигравшему свои условия, на основании которых его оставят в покое. (Вариант: победитель оккупирует всю территорию проигравшего, и договор в таком случае подписывать не с кем.) Так в истории было всегда — с тех самых незапамятных времен, как прачеловек взял в руки палку, а может быть и камень, и нанес им удар по представителю соседнего племени. Никто не спорит — в значительной степени это актуально и сегодня, да так будет и всегда!

Но еще большее значение к настоящему дню приобрели другие «войны» (оставим пока вокруг них кавычки). Они уже отмечены дотошными исследователями, но пока они ещё не получили своего окончательного наименования, а носят только некие довольно условные. Разные авторы называют их по-разному, не стремясь сильно-то утвердить какое-то одно, уточняя прежнее широкое понятие «холодной»: «война без войны» [3.02. С. 3]; неортодоксальная [3.03. С. 100]; политическая [3.04. С. 46]; необъявленная [3.05; 3.06. С. 10]; разведывательная [3.07. С. 268]. Специалисты из Гудзоновского Института Г. Кана пользовались термином «нестандартные» войны. Даже ортодоксальные коммунисты, которые воспринимают происходящее только через труды К. Маркса и В.И. Ленина, и где о перестройке ни слова, признают некую новизну. Р.И. Косолапов констатирует: «Это тоже была борьба, для которой социологи и политологи еще не придумали определения» [3.08. С. 72].

На обычных войнах много стреляют и много убивают. Здесь тоже бывает, что стреляют — никто не спорит, но делается это редко и только в виде исключения.

Главное здесь — достичь тех же целей, что и в обычной войне, но практически без единого выстрела — чтобы явными действиями не вспугнуть врага. Эти «войны» (далее мы кавычки снимаем и больше не применяем) не что иное, как конфликты уровня обычной войны: «Некоторые специалисты полагают даже, что мир вступает в период войн нового поколения, направленных не столько на непосредственное уничтожение противника, сколько на подрыв его военной мощи изнутри, достижение целей путем политического и экономического давления» [3.09. С. 121; 3.10. С. 3].

Для кого-то эта тема не новость, хотя бы потому, что об этом же писал еще китайский полководец Сунь Цзы: «Обычно правило ведения войны таково: важнее сохранить государство противника в целостности, чем разгромить его. <...> Поэтому сто раз вести бой и сто раз одержать победу не является лучшим из лучшего. Лучшее из лучшего заключается в том, чтобы покорить войско противника без боя. <...> Кто искусно ведет войну, тот покоряет чужие войска без сражения, захватывает чужие крепости без осады, сокрушает чужие государства без длительной кампании. Непременно сохранив все в целости, борется за господство в Поднебесной. Поэтому, не прибегая к войне, можно иметь выгоду. Это и есть правило стратегического нападения» [3.11. С. 41–42]. Как эти войны соотносятся с обычными, учитывая, что слова, приведенные нами, принадлежат человеку, жившему в VI–V в. до н. э.? Можно признать, что они во многом *параллельны*, потому, что они могут вестись одновременно с основной — нисколько ей не противореча, а наоборот, ускоряя достижение целей. В древности перед битвой воины диких племен исполняли боевые танцы, заражая друг друга агрессивной энергией, лица и тела «украшались» боевой раскраской (что также исполняло роль своеобразного «мундира» на поле боя и помогая древним полководцам идентифицировать по принципу «свой — чужой»), а непосредственно перед битвой наводили ужас на противника своими леденящими душу криками, стуком дубины (потом меча) о щит, и т. д.; противник, естественно, поступал так же. Лагеря укреплялись не только частоколами и рвами, заполненными водой, но и черепами поверженных врагов, рядом с которыми всегда оставлялись пустые места — как бы говоря атакующим, что эти места вакантны. Всё это влияло на психическое состояние противника. Надо сказать, что это не было чьим-то отдельным изобретением, а было присуще всему дикому обществу.

Развитие военно-морского дела перенесло с собой такие действия на море. — до конца существования парусного флота сохранилась практика наименования судов именами святых покровителей и золотые (!) украшения на верхней палубе, что составляло до 1/5 стоимости всего корабля. Эти «украшения» должны были, по замыслу кораблестроителей, повергать противника в трепет и, наоборот, укреплять дух своих моряков...

Таков вкратце исторический обзор того, что принято называть *информационно-психологической войной*.

Вторая мировая война, как показывает её более пристальный анализ, была войной синтеза старых устоявшихся методов и новых, где частями единого целого выступили боевые действия обычных сухопутных войск и сил флота, воздушная война, подводная война, малая война (партизаны СССР и Югославии), пропагандистская война (министр пропаганды Геббельс против начальника Главного Политического Управления А.С. Щербакова и Лондонского радио и др.). По заданию Гитлера также пытались подорвать финансовую систему Великобритании, наладив довольно качественный выпуск поддельных фунтов стерлингов (операция «Бернхард») и даже со своими шпионами расплачивались этими банкнотами (пример турецкого подданного Эльяса Базна, инициативно предложившего свои услуги немецкому посольству в Анкаре — операция «Цицерон»), но успеха такая финансовая война не имела. Тем не менее у Геббельса зародилась идея «тотальной войны», и это не было обычным пропагандистским штампом. Тотальная война — это когда воюет вся система. Увы, по разным причинам соответствующей оценки у наших аналитиков это не

получило, и Вторая мировая или Великая Отечественная рассматривалась только как война традиционная. И вот вам результат...

Эти войны, в сравнении с предыдущими, имеют качественно новое содержание. Новая динамика борьбы так повлияла на характер войн, что задела сферы, которые ранее непосредственно в столкновении не участвовали — это совсем не значит, что глубокий тыл готов в любой момент превратиться в передовую, теперь это не так — он и есть передовая. «Теперь войны включают не только армии, сражающиеся между собой на обособленных театрах войны, не только генералов, но и государственных деятелей и народ; не только стратегию, но и политику; не только военную науку, но и дипломатию, экономику и общественные науки. Тотальный характер войны, все охватывающий, всюду проникающий характер современного столкновения, ведет к тому, что все большее значение приобретают невоенные стороны войны» [3.12. С. 153]. Новым является и то, что эти войны увеличивают пространственный размах до планетарного масштаба. Весь мир, включая и околоземное пространство, вовлечен в противостояние. Осознание этого отразилось в названии одного из американских документов: «Стратегическая концепция «Всеохватывающее господство».

Временные масштабы также необыкновенно велики. Так, «холодная война» зародилась году в 1945—1946-м (не будем уточнять здесь дату начала, хотя бы потому, что если для обычной войны началом можно считать переход границы, а окончанием — подписание мирного договора и т. п., то эти «войны» такого удобства лишены) и не прекращается до сих пор, хотя многие и многие задаются банальным вопросом: кончилась она или нет?! Хотите знать, спросите у жителей Югославии или Ирака. Спросите у руководства Китая, который поднял знамя, выпавшее из рук павшего Советского Союза.

Такие войны лежат где-то в диапазоне между политическим давлением обычного характера и войной в явном виде. Видимо, осознание наличия в современном обществе такого рода войн требует уточнения самой простой категории: «Мир как отсутствие войн», например, дифференциации такого рода: «Мир как отсутствие войны и мир как отсутствие процессов, подобных «перестройке»?

Именно фактор неявности этих войн (до поры, до времени), невидимости, необъявленности может являться ответом на вопрос: почему проиграли «перестроечную» войну. Потому что главный принцип в этих войнах — наступательность. Это подчеркивает, что первый успех, и причем значительный, может быть только за агрессором. Атак как русские агрессорами в конфликтах практически не были, то они просто обречены на первичное поражение. (Разумеется, и обычные войны, как правило, выигрывают за счет наступательных действий. Хотя могут быть и исключения — Германия в 1918 г. признала свое поражение тогда, когда ее войска на западе находились на территории Франции, а на востоке — в России, поскольку против кайзеровской Германии была проведена нетрадиционная война под названием «революция»). Сдержать такую «войну» на границе никогда не удается. И в такой войне реванш возможен только в полном объеме, здесь не как в обычной войне: сегодня вы у меня отобрали территорию — завтра я ее верну себе. Здесь отирается практически все или ничего.

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА: ОТРАБОТКА «НОУХАУ»

Об этой войне, как наиболее ощущимой и к тому же занимающей наибольший удельный вес среди других подвидов, соответственно и больше литературы. Мы не станем пересказывать ее содержание, а сосредоточим свое внимание на аналитических разработках и на том, что жертвами ее атак стало не только советское общество в целом. Сконцентрированное, безшибочное, высококачественное ее наступательное воздействие было предназначено и для управлеченческой элиты СССР. Были разработаны, апробированы и применены *законы поведения информации* при прохождении через сознание людей в сложной, динамично развивающейся, психически неоднородной (устойчивой и неустойчивой) социальной среде. Целью информационно-психологической войны было через явную — со стороны идеологического аппарата США — и через неявную — уже опосредованно со стороны непосвященной части советских СМИ — *подмену понятий* добиться доведения объектов воздействия до измененного состояния сознания, сужения интеллектуальной базы, встраивания в свой контур управления.

В целом, как это хорошо известно, «психологическая война» — это в широком смысле целенаправленное и планомерное использование политическими оппонентами пропаганды и других средств (дипломатических, военно-политических, экономических и т. п.) для прямого или косвенного воздействия на мнения, настроения, чувства и, в итоге, на поведение противника с целью заставить его действовать в нужных направлениях. На практике термин «психологическая война» чаще употребляется в более узком смысле: еще недавно он трактовался как совокупность идеологических диверсий империализма против стран социализма, как подрывная антисоветская и антисоветская пропаганда, как метод идеологической борьбы против социализма. Аналогичным образом понятие «психологическая война» использовалось и в рамках конфронтационного мышления на Западе как совокупность приемов, применяемых «восточным блоком» для подрыва духовно-психологического единства сторонников западной демократии [54. С. 322].

Американцы занимались разработками в этой области со времен Второй мировой войны: «В 1943 году <...> в уставном документе американской армии (наставление М33—5) впервые появилось понятие «психологическая война». Расшифровывалось оно так: «планомерное ведение пропаганды, главная цель которой заключается в том, чтобы влиять на взгляды, настроения, ориентацию войск и населения противника, населения нейтральных и союзных стран, с тем, чтобы содействовать государственным целям и задачам» [61. С. 74]. И естественно, свертывать это направление научных разработок после войны не торопились. Совсем наоборот, в 1948 г. СНБ США рекомендовал предпринять «огромные пропагандистские усилия» против СССР. Планированием зарубежной пропаганды стал заниматься специальный орган — Аппарат по связям с общественностью за рубежом. Из государственного бюджета ему было выделено в 1949 г. 31,2 миллионов долларов, в 1950 г. — 47,3 миллионов [61. С. 82].

В то время как США отрабатывали свои технологии, разворачивая их практическое применение, в СССР в этой сфере шло одностороннее разоружение, что заметно на таком конкретном примере, как закрытие Военного Института

иностранных языков (ВИИЯ) ВС СССР, где на 4-м факультете обучали разложению войск и населения противника [3.13. С. 175]. (Насколько важен был этот факультет, можно судить по тому, что его слушатель Ю.И. Дроздов стал впоследствии начальником нелегальной разведки КГБ СССР.) Вполне понятно, что для нашего исследования, в контексте дальнейших событий, закрытие этого учебного заведения представляется исключительно важным. Последующая замена целого научного направления пропагандистскими акциями типа книжек небезызвестного генерал-полковника Д. Волкогонова, чрезвычайно значима — в стране перестал действовать коллектив специалистов, занятых в информационной войне. А в США разработали ряд технологий.

НЕЙРО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ (НЛП)

Пожалуй, самый успешный прорыв произошел в области непосредственного воздействия на подсознание объекта. Человек, попавший под такое воздействие, становится загипнотизированным в легкой форме, он вполне отдает отчет своим действиям, но считает, что все это он делает по собственной воле.

Чтобы заставить человека принять угодное решение, его надо обмануть. Именно этому учат методики опытного специалиста Д. Карнеги, которые на Западе использовались давно и были доведены до совершенства. Если книги Д. Карнеги в т. н. *свободном мире* были изданы массовыми тиражами, то в СССР книга «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей» впервые появилась в 1978 г. тиражом 600 экземпляров. Впрочем, с тех пор как Д. Карнеги написал свои книги, а умер он в 1955 г., наука ушла далеко вперед. Против СССР использовались уже другие технологии, одной из которых и стало НЛП. НЛП широко применяется в разведке, там где речь идет о *человеческом факторе* [3.14].

Суть НЛП в том, что ученые-первооткрыватели (в их ряду такие апологеты НЛП, как Д. Гриндер и Р. Бэндлер) обнаружили прямую жесткую взаимосвязь между жестами, мимикой человека и структурой его речи. Стоит только выявить эту связь, как ею можно будет пользоваться в качестве кода, скрытым образом управляющего поведением человека. Первыми НЛП использовали спецслужбы США. В СССР в одной из лабораторий КГБ также велись исследования в этом направлении, но их результаты до сих пор засекречены. Воздействие может быть как непосредственным — при обычном человеческом контакте так и опосредованным — через СМИ, которые навязывают свои представления, вкладывая мысли непосредственно в подсознание. Человек, находясь в таком информационном поле, может жить в виртуальном мире и неадекватно воспринимать реальность. И то и другое, повторяю, происходит для объекта воздействия в неявной форме — человек не осознает того, что им манипулируют.

Одним из частных, но широко применяемых приемов была т. н. *подмена понятий*: «Качественное изменение в вопросах воздействия на противника произошло в середине XX в. Была разработана стратегия информационно-психологической войны, направленная в будущее и рассчитанная на длительный срок, причем конкретные действия определялись долгосрочным сценарием. В основе этой стратегии лежало крупное научное открытие, сделанное

сотрудниками ЦРУ под руководством Аллена Даллеса (1893–1966). Суть открытия заключается в использовании объективных закономерностей общественных процессов, встраивании в эти процессы, модификации их и достижения на этой основе своих целей. Для необходимой модификации протекания общественных процессов при сохранении их общей направленности требуются сравнительно малые усилия и финансовые затраты. Так, борьба против колониализма путем определенной модификации и подмены понятий превращается в борьбу за расчленение государств, противников США. Процесс как бы сохраняется, но превращается в орудие разрушения крупных держав. Борьба за демократию (власть народа) в России превращается в 90-е годы в установление тоталитарного режима, когда Президент страны обладает правами самодержца» [41. С. 165]. В самом деле, методы подмены понятий по-своему очень своеобразны и очень качественны: по их «логике», например, в декабре 1991 г. не развалили Советский Союз, а строго наоборот — создали СНГ.

Истоком всех информационно-психологических технологий был ряд проектов. «Один из таких самых засекреченных спецпроектов носил название «Гарвардский». С.П. Новиков, профессор Стратфордского университета, составил его довольно подробное описание:

«Об этом Гарвардском проекте известно, что в нем содержится обширное психологическое исследование новой эмиграции из СССР, так сказать, гомо советикус, что над ним работали лучшие американские советологи, что на этот проект было ассигновано несколько миллионов долларов и что он подготовлен в 1949–1951 годах, в основном в Мюнхене. В процессе работы над этим проектом сотни советских беженцев подверглись специальным психологическим исследованиям вплоть до интимнейших интервью на сексуальные темы, где каждое слово записывалось на магнитофон. Давались и другие тесты, где с помощью психоанализа выясняли различные психологические комплексы. Одним из таких комплексов был «комплекс Ленина».

В Гарвардском проекте были изложены научные планы и соображения по подготовке соответствующих кадров для начинавшейся в то время психологической войны между Западом и Востоком. Этот проект стал ее отправной точкой» [61. С. 78–79]. Последним элементом этого проекта являлись допросы военнопленных и перебежчиков в Афганистане.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ВОЙНА: КАДРЫ И СТРУКТУРЫ

КАДРОВЫЙ ПОДХОД

Ранее нами говорилось о внедрении одной системы в другую в достаточно общем плане, поскольку этой темой, по многим причинам, широкий читатель не избалован. Теперь же мы поговорим о внедрении противника в контур управления. Начало этой части многоходовой операции положили заморские высококачественные исследования московской верхушки, как оказалось впоследствии, сугубо прикладные:

1. Для изучения индивидуальных особенностей и потенциальных возможностей «базовых элементов» ССР на Западе была создана целая наука со своими служителями—**кремленология**.

2. Кремленологи самым дотошным образом изучали аппарат ЦК. И не только изучали, а оказывали на партийных руководителей влияние. Как? Через средства массовой информации. Через помощников, советников. Через дипломатов, журналистов, агентов КГБ. Можно признать как факт, что Запад в восьмидесятые годы начал во все усиливающейся степени манипулировать высшим советским руководством.

3. Кремленологи изучили ситуацию при Брежневе. Андропов и Черненко были больны, долго протянуть не могли. Так что главную роль, так или иначе, предстояло сыграть кому-то из двух — Романову или Горбачеву. Изучив досконально качества того и другого (а возможно, уже как-то «подцепив на крючок» Горбачева ранее), в соответствующих службах Запада решили устранить Романова и расчистить путь Горбачеву.

4. В средствах массовой информации была изобретена и пущена в ход клевета на Романова (будто он на свадьбу дочери приказал принести драгоценный сервис из Зимнего дворца), и началась его всяческая дискредитация. Причем изобретатели клеветы были уверены, что «соратники» Романова его не защитят. Так оно и случилось. Даже Андропов, считавшийся другом Романова, не принял мер, чтобы опровергнуть клевету. Мол, не стоит на такой пустяк реагировать. А между тем это был не пустяк, а начало крупномасштабной операции с далеко идущими последствиями.

5. Возьмем теперь сами выборы Генсека! То, что они были явно частью операции соответствующих служб США, даже на Западе многие хорошо понимали. Все было подстроено умышленно так, что выбирало всего 8 человек. Задержали под каким-то предлогом вылет из США члена Политбюро Щербицкого, который проголосовал бы против Горбачева. Не сообщили о выборах другому члену Политбюро, находившемуся в отпуске. Это был сам Романов, который тоже наверняка проголосовал бы против Горбачева. Если бы хотя бы эти двое голосовали, Горбачев не стал бы Генсеком, — он прошел с перевесом в один голос!» (Цит. по: [41. С. 170–171].)

Если о кремленологии, как об области политических исследований в США, слышали если не все, то по крайней мере большинство, то тема применения организационно-информационного оружия для литературы сверхновая. «Первой ласточкой» стала статья «Существует ли «организационное оружие»? [3.15. С. 3], написанная полковником внешней разведки, в которой ответ на вынесенный заголовок дается вполне положительный. Несмотря на новизну темы, для широкой публики это было достаточно очевидно: мало ли существует закрытых методов спецслужб, периодически раскрываемых печатью? Но то, что управляемая элита союзного уровня накануне грандиозных по своей преобразовательной сути событий оказалась вне этих информационных потоков, это совершенно ненормально и обернулось катастрофой.

Та, действительно все еще советская часть партийной элиты просто не сообразила, что она давно уже ведома и управляема, а уровень общей подготовки ее представителей был таков, что и после факта их использования они с чистой совестью утверждали, что действовали исключительно самостоятельно. Для этой части элиты — во всех отношениях не подготовленной — был задан такой ритм, что она не могла попасть в общий такт: «Перестройка»

обладала еще одной характеристикой, на которую никто не обратил внимания. Это кардинальное увеличение скорости принятия решений. Наши стандартные механизмы не позволяли этого делать. <...> То есть скорость изменений была такова, что система была вынуждена децентрализоваться» [3.16. С. 40].

Самый, пожалуй, опасный организационный прием — это проникновение в структуры власти неявных агентов; либо тех, кого можно будет сделать со временем таковыми. Хотя это довольно трудный прием, но и наградой в случае удачи будет полная победа. Трудность здесь скорее не методологического, а индивидуального, субъективного характера, ведь речь идет о людях с довольно низкими целями, которых необходимо все время подстраховывать, т. к. они способны на самые грязные и нечистоплотные поступки, которые иногда становятся известны окружающим... Нам неизвестно, какой именно прием (или их целый ряд) был использован западными аналитиками, для того чтобы провести М.С. Горбачева на пост Генерального секретаря. Отметим лишь то, что без иностранных спецслужб здесь не обошлось: «По мере того как я проникал в кухню политической стряпни, узнавал новые факты, мне все более очевидной становилась крупная и тайная игра за престижные места в руководстве нашей страны, и прежде всего за трон генсека. В середине 1980-х годов действовали разные силы, которые стремились занять ключевые позиции. И в этой борьбе правил не соблюдалось. Нельзя исключить и того, что в расстановке ключевых фигур на Олимпе, устраниении возможных претендентов действовали не только отечественные спецслужбы. <...>

Анализом расстановки сил в Политбюро ЦК КПСС занимались научные центры, разведывательные и иные службы НАТО. Они внимательно следили, как меняется в зависимости от смены генсеков обстановка в России. И пришли к выводу, что наиболее вероятным будущим лидером страны станет Горбачев. Маргарет Тэтчер познакомилась с ним в 1984 г. на похоронах Андропова. Британская сторона попросила, чтобы делегацию Верховного Совета СССР, приглашенную посетить Лондон, возглавил Михаил Сергеевич. Беседа его с премьер-министром Великобритании проходила с глазу на глаз. В ней принимал участие только Яковлев.

<...> Тогда его отчеты в Политбюро ЦК КПСС были какими-то невразумительными. Не мог же он прямо написать, о чем говорила ему «железная леди», что советовала. А между тем как раз тогда сложились необычные отношения Тэтчер с Горбачевым. Она заявила: «С этим человеком можно иметь дело». Михаила Сергеевича назвали «новой звездой» и приступили к созданию его политического имиджа. «Мы сделали Горбачева генеральным секретарем», — однажды заметила Тэтчер. И это было в значительной мере правдой» [21. С. 575, 600].

Если цель в обычной войне — это либо боец враждебной стороны, либо боевая техническая единица, то в войне организационного плана — высокое кресло для *своего человека* и те возможности, часто неограниченные, которые перед ним открываются. «Ключевые фигуры в руководстве СССР, многие из которых ранее обучались почему-то в зарубежных учебных заведениях <...> удалось установить на приготовленные для них места именно в системе управления, потому что других мишеней для целенаправленного информационного воздействия не существует» [3.17. С. 322].

При этом следует помнить, что аналитики Запада не только не забывали о существовании теневой власти в структурах, но, совсем наоборот, отмечая ее

существование, они начали разрабатывать прежде всего именно эту составляющую. «В СССР недееспособность генсеков Л. Брежнева и К. Черненко, формально обладавших огромной властью, практически не отражалась на повседневных делах. Реальное управление осуществляла неформальная сетевая структура, в состав которой входила относительно небольшая группа людей. Ее взаимосвязи и взаимозависимости оставались в тени. США, чтобы добиться победы над СССР, приложили значительные усилия для изучения и дезорганизации его высшей сетевой системы управления. Действия организаций кремленологов, созданных еще Алленом Даллесом, многими воспринимались с юмором. Но собранные и систематизированные ими, казалось бы, мелкие факты давали общую картину происходящего наверху, включая роль отдельных лиц, входящих в сетевую структуру, а также открывали возможности влияния на эту среду и внедрения в нее. К этому времени высшая власть в СССР приобрела неустойчивый характер» [41. С. 324].

Ну а самая, конечно же, массовая операция на фронте этой войны, это когда в результате первых *подлинно независимых выборов* 1988–1990 гг. к власти в законодательной сфере удалось прийти значительному числу демократов, откуда они частично перекочевали и в исполнительные структуры.

Наличие и использование подобных приемов по внедрению в контур управления государственной системы враждебных элементов, искажение процессов управления говорит о том, что имеется острая необходимость выделить из общей безопасности принципиально новую область — безопасность управленческую.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЙ ПОДХОД

Тема, о которой идет речь, настолько серьезна, что лучше начать ее с анекдота, что называется *в тему*. Встречаются в 1990-е гг. два генерала: один — из КГБ, другой — из ЦРУ, первый спрашивает: «Дело уже прошлое, ничего не воротишь, скажи, но только честно: Чернобыль ваших рук дело?» — «Говорю честно: Чернобыль взорвали не мы, дело наших рук — Агропром!»

Тема, которая привлекла наше внимание, базируется, как ни странно, на современном менеджменте. В этой науке есть довольно солидный раздел, имеющий название «организационное проектирование». Мы не станем утомлять читателя пересказом всех положений науки по этому вопросу, а добьемся его согласия лишь в одном: раз это научно доказано и апробировано, то согласитесь, что правила нужно исполнять, и если этого не делать, то можно на свою голову навлечь большие проблемы или даже довести дело до самоуничтожения.

Но без нескольких научных положений в этом пункте нам никак не обойтись и мы дадим некоторые сведения. Анри Файоль — первый ученый, который занимался исследованием управленческих функций, насчитал их шесть: техническая, коммерческая, финансовая, страховая, учетная, административная [3.18. С. 6–9]. Мы принадлежим к несколько иной школе и насчитываем их семь: 1) административная, 2) страховая, 3) учетная, 4) материально-техническая, 5) коммерческая, 6) социальная, 7) организационная. Каждой из этих функций в настоящее время на любом предприятии соответствует какое-либо функциональное подразделение: 1) дирекция, 2) служба безопасности, 3)

бухгалтерия, 4) служба главного инженера (как минимум — завхоз), 5) отделы сбыта, маркетинга и проч., 6) отдел кадров. Для исполнения последней функции не всегда выделяются штатные единицы, роль распределителя организационных операций между штатными подразделениями может исполнять и сам директор. Часто привлекают специалиста по консалтингу. Но на самых крупных предприятиях обязательно должен иметься внутренний консультант.

Я не открою Америку в науке управления, если скажу, что предприятие и система государственного масштаба управляются по одним и тем же законам. Значит, и на уровне общегосударственном должны быть такие же специалисты. Простое пренебрежение оргпроектированием (без пагубного воздействия извне или изнутри) грозит дублированием функций, либо, наоборот, атрофированием функций, раздуванием штатов, функциональной неполноценностью системы управления, отставанием в развитии, отклонением от заданной цели. В динамике же, если заранее уничтожить ту или иную функцию (на предварительной фазе оргвойны), а затем в активную fazu оргвойны через этот пролом в системе заполнить эту пустоту своими элементами, то можно подорвать всю систему. Автор не склонен рассматривать все организационные перемены в государственном масштабе только либо как научно обоснованную необходимость, либо как проявление враждебных сил, нет, есть еще и третий фактор — глупость, которую со временем можно выявить и использовать. Мы не позволяем себе во всем видеть враждебные проявления, понимая, что человек в своих действиях несовершенен, и бывает так, что с полным основанием могут сказать: «...забыли», «не знали, что это так важно», «до этого же как-то обходились...» И спорить с этим мы не собираемся. Бывают ошибки и промахи случайного характера, но бывает и искусвенное их создание. И на практике их не так уж легко отличить. Но одно дело, когда к разрушению прикладывают все силы, другое — если после замечания «сверху» или совета «снизу» признают свою ошибку и исправляют ее. Это совершенно разные вещи, хотя итог часто один и тот же. Доказать вину в таких случаях практически невозможно — потому-то часто звучит формулировка, не имеющая четкого обвинительного характера: «вольно или невольно, но были созданы условия для поражения, отставания в развитии или утраты завоеванных рубежей в той или иной области». Учитывая это, мы не стремимся к тому, чтобы назвать те или иные фамилии в обвинительной трактовке, что легко позволяют себе иные исследователи. Мы больше говорим о методах подрывной работы, нежели о ситуациях и конкретных людях.

Разговор пойдет о вещах чрезвычайно важных, по-своему необычных, о которых в систематизированном виде мало где упоминалось или по крайней мере мне лично не встречавшихся, а потому требующих особого внимания. Речь пойдет, я бы сказал, об убийстве государства, но не целиком, а по частям — через ампутацию то одной его части, то другой. Причем речь идет о том, чтобы у жертвы удалить качественно важный орган, без которого она не может обходиться. Если сравнить государство с человеком, то это напоминает удаление, скажем, не конечности, а жизненно важных отделов головного мозга, после чего, как вы понимаете, человек не сможет в дальнейшем быть полноценной личностью. Но в то же время внешних, заметных проявлений может и не быть — он будет выглядеть как все. Так будет и с государством, если удалить какие-то части его руководящего аппарата.

Надо сказать, что сама Советская власть также зарождалась в условиях организационной войны, но только в ее открытой форме: служащие бывшего Временного буржуазного правительства объявили бойкот новой власти и устроили саботаж, в котором приняли участие около 10 тыс. служащих банков, 6 тыс. почтовых работников, 4,7 тыс. телеграфистов, 20 тыс. конторщиков [3.19. С. 450]. В.И. Ленин это отметил и сам потом не раз говорил о том важнейшем значении, которое имеет правильная постановка дела. «Наш способ борьбы — это организация», — провозглашал он в Докладе Совета Народных Комиссаров от 5 июля 1918 г. на V Всероссийском съезде Советов [3.20. С. 502].

Нельзя сказать, что такая важная сфера была полностью пущена на самотек. Наоборот, можно сказать, что когда союзная система еще только зарождалась, многое делалось исходя из уже имеющегося опыта. Так, например, при формировании Совета Народных Комиссаров СССР в 1923 г. по указу Президиума ВЦИК была создана комиссия по составлению проекта построения наркоматов СССР, одним из ее членов был нарком РКИ И.В. Сталин [3.21. С. 436], который курировал эти вопросы через свой наркомат. После вопрос этот поднимался на рассмотрение несколько раз, и всегда издавались отдельные документы. Так, например, 4 июня 1938 г. Совнарком утвердил решение Экономсовета при СНК СССР, согласно которому наркоматы и центральные учреждения СССР, а также совнаркомы союзных республик не имели права без разрешения издавать приказы по вопросам заработной платы и проведения пересмотра норм выработок и расценок. Затем, для постоянной работы была образована «Государственная штатная комиссия — состоит при Совете Министров СССР, в ее обязанности входит разработка общегосударственной номенклатуры должностей и должностных окладов, упорядочение штатного дела; упразднение искусственно созданных звеньев аппарата и устранение параллелизма в работе учреждений. Образована в июне 1941. Советам министров союзных республик и министерствам запрещено производить какие-либо организации аппарата, изменения наименования должностей и должностных окладов без разрешения Г.ш.к.» [3.22. С. 300]. К сожалению, мне не удалось пока точно установить, когда эта организация прекратила свою деятельность. 13 августа 1946 г. вышло еще одно уточняющее Постановление Совета Министров СССР «О запрещении расширения штатов административно-управленческого аппарата советских, государственных, хозяйственных, кооперативных и общественных организаций».

Как видно из этих примеров, верно выработанная практика была и она действовала, но стоило только И.В. Сталину умереть, как эти правила подменили. Особую роль в исследуемом явлении сыграл Н.С. Хрущев. Смело можно утверждать, что обрушение государственных и надгосударственных структур, которое произошло во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг., не имеет аналогов в истории и является прежде всего делом его рук. Прошло чуть больше месяца после смерти И.В. Сталина, и уже 11 апреля 1953 г. выходит Постановление Совета Министров СССР о расширении прав министров СССР, в том числе и по вопросам самостоятельности министров СССР в установлении штатной численности министерств и оплаты труда.

Вспомним, как были созданы совнархозы, или, вернее сказать, было уничтожено 10 промышленных министерств. На Пленуме ЦК КПСС 13–14 марта 1957 г. с подобной инициативой выступил первый секретарь ЦК КПСС Н.С. Хрущев. «Правда» за 30 марта 1957 г. опубликовала тезисы доклада для всенародного обсуждения. В течение 30 марта— 4 мая состоялось 514 000

собраний, на которых присутствовало 40 820 000 трудящихся, свыше 2 300 000 выступило на них. В газетах выступило 68 000 человек. Можно только поприветствовать такое: в Советской стране нашлось 2,3 млн специалистов по оргпроектированию! 7—10 мая 1957 г. на сессии Верховного Совета СССР было упразднено 10 промышленных министерств, а их функции переданы на места.

То, что подобные мероприятия проводились при полной поддержке народных масс, обращает внимание на следующее. Народ в таких случаях используют для того, чтобы выразить возмущение бюрократизмом, ростом аппарата, который поглощает значительную часть бюджета, и это не считая казнокрадства и коррупции чиновников, как крайнего явления, которое существовало всегда. Я сам, конечно же, как простой гражданин при всяком столкновении с бюрократами страдаю не меньше остальных и отлично понимаю их возмущение. Но следует понимать, что отнюдь не к каждому чиновнику можно приклеить ярлык бюрократа, что не каждое внешне полезное явление, как, например, сокращение числа управленцев или чистка, приносит пользу государству и народу. Наоборот, под видом борьбы с бюрократизмом можно уничтожить то или иное подразделение, которое выполняло полезную функцию для общества и государства, и тогда наносится удар в контур управления. Иногда — поправимый, но иногда ущерб носит необратимый характер. Из этого мы видим, что соответствующим образом обработанное население может наносить ущерб самому себе.

Пострадали не только министерства и ведомства Союза ССР, но и более низкий уровень. Согласно Постановлению Пленума ЦК КПСС 26 февраля 1958 г. «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» и одноименному Закону от 31 марта 1958 г., были ликвидированы машино-тракторные станции (МТС). Не сумев нанести крупного ущерба для КГБ СССР, о чем говорится в соответствующей главе, Н.С. Хрущев перенес свой гнев на соседние ведомства. 31 мая 1956 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР упразднено Министерство юстиции СССР, а 13 января 1960 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР об упразднении Министерства внутренних дел СССР — его функции были переданы местным органам. 19–23 ноября 1962 г. на Пленуме ЦК КПСС функции Госплана СССР, осуществлявшего реализацию перспективных планов по годам, передавались новому органу — Совету Народного Хозяйства СССР, Госэкономсовет преобразовывался в Госплан СССР, ему была поставлена задача заниматься перспективным планированием. Налицо дублирование функций — скорее всего нужно было оставить все как есть. Это решение отменено Законом от 2 октября 1965 г. на основании постановления Пленума ЦК КПСС от 27–29 сентября 1965 г. (по докладу А.Н. Косыгина). В октябре 1962 г. произошло разделение на сельскохозяйственные и промышленные обкомы. Что еще было на уме у инициаторов подобных процессов, неизвестно, но тут произошел поворот в развитии событий — Н.С. Хрущева сняли...

По версии московского кремленолога Р.А. Медведева, М.А. Суслов в своем докладе на Октябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС дал несколько оценок деятельности Н.С. Хрущева на этом поприще. По его словам, первый секретарь ЦК «...допустил организационную чехарду. <...>

Очень критически высказался далее о разделении партийного руководства по производственному принципу. Эта работа стала началом как бы двух партий — рабочей и крестьянской. <...>

Рассыпая членам Президиума записки, Хрущев требовал письменных заключений, давая для этого иногда лишь 40–45 минут. Никто из членов Президиума не мог составить за столь короткий срок письменных заключений».

Хрущев так запутал управление промышленностью, создав госкомитеты, совнархозы, что представляется очень трудным все это распутать. <...>

Из примеров самоуправства Хрущева М.А. Суслов остановился на эпизоде с Тимирязевской академией. Узнав, что в Московской сельскохозяйственной Академии имени К.А. Тимирязева есть ученые, не согласные с его сельскохозяйственными рекомендациями, Хрущев решил выселить академию из Москвы, а ее факультеты расселить по глубинке в разных местах. При этом он говорил: «Нечего им пахать по асфальту». Суслов сказал, что члены Президиума не были согласны с Хрущевым и под разными предлогами оттягивали переселение, создавая разные комиссии» [3.23. С. 197–200; 3.24]. Однако глубоких выводов сделано не было, ревизия хрущевских «инициатив» не проводилась, в глубине партаппарата породили фразу, что «решения были не совсем продуманными», и на этом успокоились.

Напомним, что вопросами противоборства с подобного рода управлеченческими экспериментами занималась Государственная Штатная Комиссия СССР. Впоследствии делались попытки возродить подобную структуру, что было многократно отражено в научной литературе. Итак, страна Советов настоятельно требовала себе советчиков в лице специалистов по управлеченческому консультированию, что, по мнению компетентных ученых, было необходимо создать межотраслевой Госкомитет. Согласитесь, что ученые требовали это совершенно обоснованно. А что же высшее руководство? Повторило вслед записанным другими не раз в разных редакциях: «Совершенствование системы управления — не разовое мероприятие, а динамический процесс решения проблем, выдвигаемых жизнью. Эти проблемы и впредь должны будут находиться в центре нашего внимания» [3.25. С. 268]. Сказало и забыло... А между тем именно такой орган власти мог бы стать механизмом, который был бы главным звеном, борющимся с противником, как внутренним, так и внешним, в «организационной войне». Никак нельзя утверждать, что эти важные вопросы были целиком упущены из внимания. Нет, в главном информационно-управленческом органе страны, каковым являлся «штаб партии» — аппарат ЦК КПСС, этими вопросами занимался Отдел партийно-организационной работы. Ранее мы уже говорили о нем, рассказывая о работе аппарата ЦК КПСС. Он имел довольно разветвленную иерархию —

Функциональные секторы: 1) Контроль над партдокументами; 2) Обучения и переобучения кадров; 3) Работа с общественными организациями, Советами и комсомолом; 4) Инспекцию; *Региональные секторы:* 1) Украина, Молдавия; 2) Средняя Азия, Казахстан; 3) Закавказье; Прибалтика, Белоруссия. Видно, что структура Отдела была построена так, как это сложилось исторически, по мере появления какой-либо идеи, нужды, но никак не с позиций научного подхода, т. е. применялась «наука» партстроительства вместо известного уже и тогда функционально-структурного анализа. Как видим из этого, в самом «штабе» вопросы эти были решены на достаточно проработанном уровне — ни один отдел в ЦК не имел столь разветвленной структуры. Однако при этом была упущена одна возможность: иметь при отделе группу внешних консультантов, что была при некоторых других отделах, о чем нами уже говорилось. Но в СССР совершенно не готовились специалисты по управлеченческому консалтингу.

Прорабатывались эти вопросы и учеными, но доверены они были не специалистам-кибернетикам, а юристам из Института государства и права АН СССР. Понятно, что в юридических терминах невозможно изложить такие понятия, как, например, «пропускная способность канала связи» или «преимущества и недостатки дивизионной системы управления». Но именно ими и описывается структурно-функциональная сущность системы управления. Юристы же в большинстве своем могут дать только правомочность существования того или иного высшего органа власти, но не более того.

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА

ПОЛЕ БИТВЫ: ОТ ХЛЕБА ДО РАКЕТ

Несмотря на то что финансово-экономические технологии по нанесению ущерба врагу используются очень давно, сама терминология для широкого читателя во многом звучит как новая. Цель этой широкомасштабной войны со стороны США против Советского Союза, стран Восточной Европы, да и вообще против всех конкурентов была одна — выкачать как можно больше ресурсов, лишить возможности СССР широкого маневра в управлении материальными и финансовыми средствами, не позволить Союзу выйти на новые рубежи научно-технической и информационной революций; и как результат извлечь максимальную прибыль в результате «совместной революции» и нетрадиционной войны.

Новая тема как минимум требует определения: «Финансовая война — это составная часть войны экономической, которая, в свою очередь, является компонентой так называемой стратегии напряженности. Финансовые битвы могут вестись любыми силами, имеющими достаточные финансовые ресурсы, соответствующие структуры и связи. Сегодня, как показывает практика, таким набором средств располагают отнюдь не только конкурирующие с нами государства. Более того, сами по себе государства могут оказаться жертвами авантюристов мощных финансовых группировок, имеющих свои клановые интересы. Не исключено, что групповые интересы могут и не совпадать с интересами своих «родных» стран. Только люди, воспитанные в наивно-марксистском духе, уверены в том, что между государством и «какими-то там» монополиями не может идти необъявленных войн. Именно нам, согражданам, трудно поверить в такой факт: кто-то внутри страны вздумает противостоять государству. Жупел нашего тоталитарного государства мешает человеку понять суть расстановки сил в современном мире» [3.26. С. 162].

За относительно короткий промежуток времени был проведен целый ряд мероприятий в ключевых для СССР направлениях экономического развития.

ПАДЕНИЕ ЦЕН НА НЕФТЬ

В апреле 1981 г. директор ЦРУ У. Кейси посетил Саудовскую Аравию, где встретился со своим коллегой шейхом Тюрки аль-Фейсалом, отвечавшим за безопасность Саудовской Аравии, и королем аль-Саудом. Обрисовав положение и сообщив, что существует опасность захвата богатой Саудовской Аравии со стороны просоветски настроенных соседей, директор ЦРУ договорился о «привязке» Саудовской Аравии к США в создании проблем для СССР. Надо сказать, что положение Саудовской Аравии было действительно очень неустойчивым. Ее действительно окружали со всех сторон государства с просоветской направленностью. Все они имели в своих Вооруженных Силах советских военных советников: в Северном Йемене — 500, в Сирии — 2500, в Эфиопии — 1000, в Ираке — 1000 [60. С. 63–71]. Геополитическая изоляция, таким образом, была доминантой в разработке ее внешнеполитической деятельности. Аравия была готова протянуть руку любому союзнику — дальнейшие события в Персидском заливе, когда Ирак захватил в результате блицкрига Кувейт, показали обоснованность такого подхода. Саудовская Аравия была главным поставщиком нефти на мировой рынок, так, в свое время ее доля доходила до 40 % всей продукции ОПЕК. По сути дела именно она диктовала цену на нефть, поэтому большинство стран ОПЕК давили на Саудовскую Аравию, чтобы она уменьшила экспорт и подняла цены с 32 долларов за баррель до 36 долларов. Москва формировала бюджет как СССР, так и своих «зарубежных друзей», в основном исходя из прибыли от экспорта нефти. С каждым разом, когда цена поднималась на 1 доллар за баррель, в казну СССР поступал 1 миллиард долларов. США этого ни в коем случае не могли допустить.

В настоящее время рассекречены и приводятся оценки экспертов США по этому вопросу: «Советы, если хотят увеличить или удержать на нынешнем уровне производство некоторых видов натурального сырья, должны привлекать капитал и технологию с Запада. В восполнении существующих дефицитов, а также в развитии технологического прогресса важную роль может сыграть импорт. Советский Союз имеет щедрые залежи энергетического сырья, которые может экспортовать. Но стоимость их добычи растет, советская экономика плохо приспособлена к повышению производительности и техническому прогрессу. Производство нефти увеличивается, но очень медленно.

Даже небольшой прирост в последние годы требовал огромных усилий. Использование западной технологии являлось бы главным фактором поддержания этой надежной отрасли хозяйства, приносящего доход в твердой валюте.

СССР будет вынужден импортировать западное оборудование, необходимое для добычи газа и нефти, чтобы уменьшить падение добычи на месторождениях, которые имеют уже в значительной мере выработанные ресурсы, и повысить ее на других, а также открывать и разрабатывать новые запасы. Оборудование для укладки труб большого диаметра производится лишь на Западе. По нашим оценкам, Советам на строительстве проектируемых газопроводов до конца восьмидесятых годов будут нужны по крайней мере 15–20 млн тонн импортных стальных труб. Они также будут нуждаться в современном оборудовании для добычи — компрессорах большого объема и, вероятно, турбинах большой мощности.

Но возможность изыскания источников твердой валюты, необходимой СССР для оплаты за импорт товаров с Запада, уже сейчас весьма проблематична, а в будущем может стать еще более затруднительной. Главным в создании такой ситуации является приостановка и возможное падение производства нефти. Согласно нашим прогнозам, поступление твердой валюты, возросшее в результате увеличения подземного газа, лишь частично покроет ожидающееся уменьшение поступления от экспорта нефти. В основном из-за падения цен на энергетическое сырье советские соглашения между СССР и Западом в 80-х годах будут менее выгодны, чем в семидесятых, когда кривая цен на нефть и золото позволяла СССР получать огромные доходы. Страны ОПЕК будут иметь меньше возможностей, чтобы платить валютой за советское оружие». (Цит. по: [60. С. 182–183].)

Об этом же заговорили и российские исследователи: «Преобладание топлива и сырья в советском экспорте существовало всегда, но «нефтяной бум» 1970-х гг. довел ресурсную ориентацию нашего экспорта до крайности. Так, если в 1960 г. вывоз сырой нефти из СССР составлял 17,8 млн т., то в 1980-м он достиг уже 119 млн т. Стыдно сказать, но в начале 1980-х гг. на топливо, сырье и полуфабрикаты приходилось свыше 4/5 всего вывоза товаров из страны — это больше, чем у иных развивающихся стран. Не замечая, какую «мину замедленного действия» для нашего общества представляет растущий экспорт природных ресурсов, усердно писались многочисленные монографии, раскрывающие механизм эксплуатации империализмом природных богатств стран «третьего мира», пагубность ориентации их экономики на вывоз сырья» [3.27. С. 3].

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА

Другим искусственным приемом в экономической войне стали ненужные закупки Союзом ССР зерна за границей, часть из которого оказывалась просто невостребованна и соответственно погибала. Отечественного зерна почему-то ежегодно «не хватало». «По-прежнему шел поиск средств для закупок зерна в Америке, Канаде, Австралии. В 1981–1982 гг. было закуплено столько пшеницы, что мировой рынок дрогнул. По всем странам прокатилась волна возмущения: Россия объедает действительно нуждающихся в хлебе. Однако дело было сделано: в тридорога, но закупки состоялись. По сложившейся традиции, за подобную операцию работникам внешнеторговых организаций обильно посыпались высокие награды, в том числе присваивались звания Героев Социалистического Труда. И это в то время, когда иностранные и наши теплоходы стояли месяцами неразгруженные, хлеб гибнул и иногда выгружать было просто нечего.

Но денег тогда не считали, а полученные награды требовали умалчивания о случаях засоренности и зараженности купленного не по самым дешевым ценам зерна, гибели его значительных партий. Обо всем этом специальные службы регулярно докладывали руководству, но говорить было страшно, а молчать выгодно, иначе можно сесть на скамью подсудимых. А те, кто совершал преступления, выходили сухими из воды.

Шла осень 1982 года. Расчеты показывали, что своего зерна вновь не хватит.
<...>

Н.С. Леонов (генерал-лейтенант, ушел в отставку с поста начальника Аналитического управления КГБ СССР в 1991 году): «...В 1984 году мы были вынуждены закупить за границей рекордное количество зерна — 54 млн. тонн. Хорош рекорд! А планы закупок на 1985 год составляли 40 млн тонн» [21. С. 320–321]. Такого рода проблема — это не только исчезновение из государственного кармана огромных сумм в валюте, но и полная зависимость перед Западом в области продовольственной безопасности, причем в крайней форме — пороговой. (В настоящее время она еще больше усугублена.) И это в то время, когда, по словам Ю.В. Андропова на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, СССР — «страна, обладающая чуть ли не половиной черноземов мира, ввозит десятки миллионов тонн зерна — величайший позор и несчастье». (Цит. по: [21. С. 325].)

ПРОДАЖА ЗОЛОТА

Наиболее ценным сырьем, преступно разбазариваемым правителями СССР, было золото и прочие активы. Если до 1980 г. продавалось до 90 тонн золота в год, то с января по ноябрь 1981 г. было продано 240 тонн, далее продажа увеличивалась [60. С. 126]. Цена на золото соответственно упала, хотя СССР и предпринимал все меры к тому, чтобы осуществлять продажу максимально выгодно: «В закатные годы застоя разведка подверглась еще одной напасти. С самого «верха» ей стали давать задания, мягко говоря, не по профилю ее работы. Ее стали превращать в «затычку для каждой бочки». Диапазон ее деятельности начал опасно расширяться. Однажды, например, мы получили задание подготовить прогноз колебаний цен на мировом рынке золота. Задание было крайне деликатным, к его выполнению было разрешено привлечь весьма ограниченный круг работников. Причем нас предупредили, что поручениедается в связи с предстоящим выходом СССР с крупной партией золота на мировой рынок. Ошибка в прогнозе может означать потерю многих десятков, а может, и сотен миллионов долларов. Когда я сформулировал задачу перед специалистами своего управления, то раздались недовольные голоса: «А что, у нас нет Государственного банка? Что будет делать Министерство внешней торговли? Куда подевались советские банкиры, которые постоянно работают за рубежом и руководят советскими банками?» На такие вопросы у меня ответа не было, и пришлось сослаться на предположение, что, возможно, нам доверяют в таких делах больше, чем иным специалистам, репутация которых может быть подмочена постоянными связями с заграницей. Такие спонтанные реакции возмущения не были редкостью, но люди быстро успокаивались, польщенные тем, что именно к ним обращаются со столь неординарной просьбой. Но оставалась большая проблема — как решить поставленную задачу. Ведь разведка никогда не занималась такими делами, у нас не было даже представления о необходимом технологическом процессе, а срок был поставлен весьма жесткий — неделя.

Началась работа, в которой все было импровизацией. Одним поручалось вычертить график движения цен на золото за последние три года; другие занимались выявлением состояния мировых запасов этого металла, ходом строительства новых шахт, разрезов; третьи оценивали научно-технический прогресс в области золотодобычи и его влияние на себестоимость золота;

четвертые исследовали кривую забастовочного движения на приисках, пятые — промышленное и торговое потребление металла и т. д., и т. п. Не раскрывая предмета нашей заинтересованности, мы втемную опросили широкий круг специалистов, так или иначе связанных с золотом. В конце недели мы собирались и в процессе «мозгового штурма», длившегося несколько часов, обсудили все собранные сведения. В результате пришли к выводу, что в ближайшие три-четыре недели будет сохраняться устойчивая тенденция роста цены на золото. Вывод сформулировали в неформальном рабочем документе, адресованном Председателю КГБ, и в состоянии невероятного нервного напряжения стали следить за колебаниями и скачками цены на проклятое золото на бирже.

Мы не были подготовлены к таким поручениям и выполняли их на уровне простого здравого смысла и неглубокого научного исследования. К счастью, небеса были милостивы к нам. Цена на золото действительно в указанный период шла все время вверх, и мы, как дети, радовались, что угадали правильно, хотя в душе чувствовалась тревога при мысли, что неважно обстоят дела у государства, которое обращается к нам с такими заданиями» [40. С. 309–310].

Если в ситуации с нефтью главным конкурентом СССР на уровне государств была Саудовская Аравия, то на рынке золота — ЮАР. Москва установила тайные контакты с компаниями из ЮАР. В 1978 г. на территории Швейцарии состоялась первая тайная встреча. В течение 1970-х гг., пока цена на золото была высокой, обе стороны неплохо заработали. Однако в дальнейшем, когда СССР выбросил чрезмерно много золота на мировой рынок и цены упали, это вызвало огромное недовольство «Де Бирс» и прочих компаний. Американская сторона была великолепным образом информирована об этом и других нюансах, поскольку в Штатах составлялся мониторинг всего, что относилось к стратегическим материалам: «В США и в годы советской перестройки и сейчас регулярно составляют разведывательные отчеты о состоянии российского золотого запаса. А ведь это очень важная стратегическая разведывательная позиция, позволяющая судить о тенденциях в развитии экономики.

В одном из таких отчетов сообщалось: «Советы с 1981 года резко увеличили продажу золота. В 1980 году они продали 90 тонн, приблизительно столько же, сколько и раньше. Но до ноября 1981 года они обратили в деньги 240 тонн и далее увеличивали продажу». Отчет содержит такие выводы: «У Советов большие затруднения. Нашу политику следует продолжать последовательно».

За этими рекомендациями кроется тайная сторона разрушительной стратегии администрации Рейгана, направленной на развал Советского Союза. В них просматривается ее «святая святых» — ведь золото казны испокон веков использовалось для подрыва государственной независимости противника. И многочисленные факты дают все основания утверждать, что США тоже применили против России это тайное оружие. «Под прикрытием» гайдаровской инфляции Запад внедрил в российскую экономику один из самых разрушительных механизмов ее подрыва и дестабилизации — механизм неплатежей, что в конечном итоге быстро привело к опасному сокращению золотого запаса России, а вместе с ним и к общему ослаблению страны.

Кстати, этот прием не нов. Аналогичный механизм был впервые успешно задействован еще во времена заката Второго Рима — Византийской империи. Одновременно с натиском внешних сил, ставивших своей целью разъединение народа и разрушение великой византийской культуры, в ход были пущены тайные экономические пружины, которые привели к полной катастрофе: в

Империи вдруг исчезло золото! Вся золотая монета была скуплена подставными лицами, а затем вывезена из страны. В результате разразилась катастрофа, которую мы сегодня назвали бы «кризисом неплатежей». Острая нехватка золота парализовала торговлю, нарушила нормальный товарообмен и, как следствие, привела к параличу всей византийской экономики» [61. С. 63–64].

Таким образом, для вытеснения СССР с рынка золота ЦРУ заключило свои тайные соглашения с ЮАР и другими заинтересованными сторонами против Советского Союза. Обе стороны выполнили свои договоренности.

ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ

Эта часть экономической войны заключается в переводе экономики СССР на колею значительных расходов в области вооружений, что принесло гигантский ущерб — переориентировав экономику на ВПК, СССР уже не мог развиваться так, как ему было необходимо, если бы не было постоянной внешней угрозы. Соревнование в области вооружений, начатое сразу после окончания Второй мировой войны, имело свою интеллектуальную базу: «Теория «истощения» СССР не только путем «периферийных войн», но и безудержной гонки вооружений. Как сообщал 2 октября 1961 г. журнал «Ньюсик», «существуют растущие убеждения в Вашингтоне» в том, что доведение государственных расходов, прежде всего военных, до «рекордных» цифр необходимо, «если Соединенные Штаты» должны употребить свой полный экономический потенциал в «холодной войне».

В качестве одного из наиболее влиятельных авторов этой теории выступил бывший сотрудник «Рэнд корпорейшн», занявший в правительстве Д. Кеннеди пост заместителя помощника министра обороны, Генри Роэн. В своем специальном исследовании о «Национальной безопасности и экономике в 1960-е годы» он выдвинул тезис о том, что при минимальном ежегодном приросте общего национального продукта США на сумму около 15 миллиардов долларов военные расходы могут увеличиваться больше чем на 10 миллиардов. Доводы Роэна представляют собой, — писал «Ньюсик», — новую форму, геополитической стратегии» [3.28. С. 281–282]. Весьма значительную долю финансово-экономического подвида «холодной войны» составляют и события зеркального порядка. Финансово-экономическую войну против России активно поддержали с «советской» стороны. «Еще во времена «застоя» перевели за рубеж порядка 100 миллиардов долларов (вырученных в основном от продажи нефти). В 1985–1991 гг. к ним добавилась примерно такая же сумма, преимущественно образовавшаяся от продажи золотого запаса СССР» [10. С. 373]. Если в годы существования СССР это было вредительством, за которое, кстати сказать, перестали сурово наказывать после смерти И.В. Сталина, то после 1985 г. и поныне — это ставшая нормой продажность компрадорской буржуазии, поддержанная нормативно-правовой базой.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА: БРАК — НА КОНВЕЙЕР...

Штаты начали войну в этой области одновременно с началом общей «холодной», по крайней мере, по срокам они совпадают: «В 1947 г. и 1948 г. министерство торговли США приняло предписания, согласно которым практически все поставки товаров восточноевропейским странам и СССР подлежали индивидуальному лицензированию.

Согласно закону о контроле над экспортом (февраль 1949 г.) лицензированию подлежали и поставки в другие регионы, с целью контроля реэкспорта в СССР и Восточную Европу. Таким образом, начал зарождаться один из важнейших элементов «холодной войны» — «экономическая война» Запада против Востока» [3.29. С. 28].

Для экономики Советского Союза первостепенное значение имел сбыт в Европу газа по знаменитому соглашению «трубы в обмен на газ». В постсоветской печати этот контракт века давно уже получил свою отрицательную оценку как явно ущербный по всем параметрам. США хотелось усугубить этот ущерб в еще большей степени. В ответ на введение военного положения в Польше, США наложили эмбарго на ввоз высоких технологий в СССР и заставили присоединиться к нему другие страны.

Колossalное значение имела программа дезинформации в технологической области: «Зная то, что в Кремле в 1980-х все западное воспринималось как непогрешимое, Штаты принялись подбрасывать в СССР измененные или искусно сфабрикованные технологические проекты. Так, чтобы мы впустую тратили миллиарды народных рублей. Среди фальшивок— <...> устройство газовых турбин, технологии бурения нефти, компьютерные схемы и химические составы. Только продажа в СССР через посредников негодных электронных деталей привела к срыву работы многих заводов и фабрик» {3.30. С. 25}; эта «программа имела значительный успех. Химическая фабрика в Омске использовала неверную информацию в планах расширения. Проект вел специалистов по техническим лабиринтам и в конце концов оказался абсолютно бесполезным. Это стоило фабрике около 8–10 миллионов долларов, прежде чем ошибку смогли исправить.

Завод по изготовлению тракторов на Украине пробовал выпускать инструменты на основе проектов, составленных через ЦРУ. В течение 16 месяцев завод работал лишь на половину своей мощности, пока инженеры не отказались от «новой системы автоматизации», на основе которой создавался проект.

Состав комплектующих газовой турбины был передан Советам в начале 1984 г. Несколько таких турбин было установлено на газопроводе. Но там были заложены ошибки. Турбина не могла работать. В результате пуск газопровода был замедлен.

Поврежденные детали компьютеров, проданные через посредника, оказались в устройствах многих советских военных и гражданских фабрик, и лишь по прошествии многих месяцев удалось разгадать, в чем дело. Конвейеры стояли целыми днями.

Управление занималось технологией гражданских проектов, а Пентагон — военных. Москва ежегодно экономила на исследованиях и внедрении время, значительные деньги, занимаясь кражей западных военных технологий и используя их в своих военных системах. Акция Пентагона по дезинформации

охватывала шесть или семь секретных проектов военной технологии, которыми Советы, согласно предположениям США, должны прежде всего заинтересоваться. Это касалось технологии уменьшения обнаружения летающей техники радарами и термолокацией, СОИ, самого современного тактического самолета. Дезинформация охватывала все стадии операции, включая сказанное на пресс-конференции перед иностранными журналистами. Фальшивыми данными снабжались планы разработки, результаты проверки, графики продукции и эксплуатационные испытания.

В начале 1984 г. Кейси получил внутреннюю записку относительно большого успеха программы дезинформации. Записка называла те явные проблемы, которые создавала Советам реализация этой программы, однако обращала внимание и на парализующий эффект, который она производит на дальнейшие попытки Советом в добывании западных технологий. «Невозможность отличить правду от неправды приводит к тому, что способность Советов присваивать и использовать западные технологии резко уменьшается» (Внутренняя записка дирекции разведки (1984))» [60. С. 314–316, 332].

Отметим, что война на технологическом фронте велась и ранее, но массированное применение технологических диверсий во второй половине 1980-х гг. привело советскую экономику прямо-таки к коллапсу.

ГЛАВА IV «МОЗГОВЫЕ ЦЕНТРЫ» США

«ЯЙЦЕГОЛОВЫЕ» ЗА РАБОТОЙ

Систему «Советский Союз» погубила такая же большая и сложная система, но только с противоположным знаком. Эта враждебная система включала в себя руководящие круги, спецслужбы, другие организации Запада, все те элементы, которые по команде из Вашингтона повернулись против СССР. Механизм разгрома СССР включал подсистему учреждений и ведомств США, занимавшихся вопросами национальной безопасности, как на территории страны, так и вне ее; мир ученых, публицистов, общественных деятелей, тесно соприкасавшихся с государством, но так, чтобы в любой момент оно могло дистанцироваться от острых заявлений своего гражданина; на территории Штатов имелось множество организаций, на вывесках которых значилось «международная», но они имели более прочную привязку к стране пребывания, чем ко всему миру. Важнейшей составляющей этой системы была подсистема *мозговые центры США*, задачей которых была выработка методик и метрической информации по удушению России, разгрому коммунизма. Роль этой подсистемы настолько велика, что ее невозможно переоценить. Главным достижением этих центров является невозможность обнаружить очевидную связь между деятельностью этих заокеанских учреждений и советской «перестройкой» (исключая, пожалуй, целенаправленное, всестороннее и внимательное исследование, чем я и стараюсь заниматься в данной главе).

Собственно говоря, об этих учреждениях достаточно много было написано в свое время, чтобы мы чрезмерно увлекались, давая этим институтам развернутую характеристику. Нас интересуют все те учреждения, как государственные, так и негосударственные, которые принимали участие в разработке планов разрушения СССР и претворении их в жизнь.

Условно говоря, первая советологическая, или, по-другому, русистская, организация «Общество по изучению России» была создана еще в 1913 г. в Германии при ведомстве по колонизации министерства иностранных дел. Следующая — «Школа славянских исследований» была создана при Лондонском университете в 1915 г. и существует до сих пор.

Гуверовский институт войны, революции в мира Стэнфордского университета — старейший среди американских мозговых центров данного направления. Он был создан еще в 1917 г. для изучения «зла марксизма». С этой целью осуществлялся сбор материалов, касающихся революционного движения в России. Начало библиотеке и архивам института положили документы, которые вывез в 1921–1923 гг. из Советской России Г. Гувер (H. Hoover), возглавлявший американское Управление по делам помощи — орган, руководивший центрами по оказанию помощи Европе после Первой мировой войны. Так в библиотеке института, насчитывающей более миллиона книг и занимающей основную часть возвышающейся над территорией Стэнфордского университета «башни Гувера», оказались важные материалы, касающиеся не только СССР, но и дореволюционной России. К числу наиважнейших материалов отнесен захваченный немецко-фашистскими войсками в 1941 г. архив Смоленского обкома партии, обнаруженный на части территории Германии, оккупированной американскими войсками в 1945 г. Этот архив многократно изучался американскими учеными и разведчиками, на основе этих изучений до сих пор пишутся труды (см., в частности: [4.01]).

Значительно расширив диапазон своих исследований после второй мировой войны и всецело подчинив их антисоветским и антикоммунистическим целям, Гуверовский институт претендует на роль «национального центра по сбору документальных материалов по проблемам политических, социальных и экономических изменений в XX веке». Основной для института остается деятельность, которую Г. Гувер определил в 1959 г. как «исследования и публикации, направленные на борьбу с учением Карла Маркса».

Другой «лабораторией» по изучению России в Америке является т. н. Рижская школа в лице группы дипломатов из консульства в Латвии в 1920-е гг. Именно эти дипломаты составили костяк первого посольства в Москве. В конце 1940-х гг. они имели исключительное влияние в Государственном департаменте. Особенно выделялся Джордж Ф. Кеннан — младший (J.F. Kennan Jr.), племянник Дж. Кеннана-старшего (1845–1924), путешественника и публициста, автора русофобской книги «Сибирь и ссылка» (1891), высоко оцененной Ф. Энгельсом. Родился в 1904 г. Образование: бакалавр — Принстонский университет, 1925 г. В 1926–1949 гг. — на дипломатической службе. Весной 1945 г. для Госдепартамента США составил записку «Международное положение России по окончании войны с Германией». Запад, по его мнению, должен был приложить руку к развитию событий в СССР. В 1949–1952 гг. — посол США в СССР. Автор т. н. «длинной телеграммы» от 22 февраля 1946 г. [4.02. С 140–147] и статьи в журнале «Foreign Affairs», в которой голословно обвинял СССР в экспансии коммунизма, за что был отзван из СССР как персона нон-грата, 1961–1963 гг. —

посол в Югославии, руководитель отдела планирования госдепартамента. Профессор политических наук Принстонского университета. Основатель и директор Института углубленных русских исследований в Вашингтоне им. Дж. Кеннана-старшего. Председатель совета института, член СМО. Автор 12 книг.

В 1940-е гг. в Соединенных Штатах ощущалась острые нехватка не только специалистов-аналитиков по Советскому Союзу, которые способны были бы обрисовать ситуацию в СССР и американский подход к ней, но даже людей, владеющих русским языком и способных перевести материалы советских газет об Америке [4.03. С. 40].

Однако положение было быстро исправлено, была создана целая «советологическая» система, и такие центры разрослись до нескольких сотен. Но был один центр, о существовании которого мы уже трижды говорили и который имел особые отличия, и на нем следует остановиться подробно.

RAND CORPORATION: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ЛОКОМОТИВ

Адрес: RAND Corporation 1700, Main Street, Santa Monica, CA 90406, USA.

По сути дела, именно эта корпорация является родоначальницей других специализированных научно-исследовательских центров. Она резко выделяется по интеллектуальным способностям своих работников, степени влияния на разработку методологии принимаемых решений. Кроме того, RAND Corporation является самым знаменитым и одним из наиболее влиятельных учреждений среди элитной группы американских научно-исследовательских организаций, известных в качестве мозговых центров. Учреждения, которые вполне заслуживали подобного названия, существовали и в прошлом, но развитие в этом направлении приобрело реальный характер только с появлением RAND Corporation в послевоенный период. Она стала основным образцом для десятков организаций, занимающихся разработкой современной политики и созданием новых политтехнологий.

Она учреждена в 1948 г. в качестве некоммерческого независимого предприятия. Как указывалось в свидетельстве о ее регистрации, она создавалась «для того, чтобы содействовать достижению целей в области науки, образования и благотворительности, в интересах общественного благополучия и безопасности Соединенных Штатов Америки».

RAND нуждался в решении двух проблем, которые бы сделали первичную прибыль возможной. «Первая была Советом Попечителей; другая была оборотный капитал, — вспоминал вице-президент RAND Дж. Голдстейн (Goldstein). — Было трудно добиться решения одной без другой и относительно легко добраться через одну с помощью другой».

Совет Попечителей RAND Corporation был выбран по тому же принципу, что и в других некоммерческих правлениях. Впоследствии в 1962 г. Ф. Коллбом (Collbohm) сказал Конгрессу, что RAND намеревается выбирать членов правления по принципу: «одна треть — от промышленности, одна треть — от академической области, и одна треть — от того, что мы называем общественным интересом». Помощь пришла от некоего Р. Гайтера (Gaither) и за его способности он был

выбран Председателем Правления RAND. Фонд Рокфеллера (Rockefeller Foundation) вложил круглую сумму в исследования отдела социальных наук [4.04; 4.05. Р. 124–126, 318].

RAND Corporation имеет довольно разветвленную структуру.

Руководство состоит из Директора, Академического Совета, включающего 10 профессоров — специалистов в самых разных областях знаний (Совет дважды в год на своих заседаниях обсуждает тематику предстоящих научных исследований), и Попечительского Совета, в который входят президенты различных крупных корпораций и банков, профессора престижных университетов. Срок пребывания в членах в составе Попечительского Совета — 10 лет. Кроме того, имеется Консультативный Совет, ведающий преимущественно организационными вопросами — учебными планами, приемом аспирантов и экзаменами, бюджетом корпорации.

Штаты RAND Corporation разбиты на отделы:

- внутренних проблем;
- проблем национальной безопасности;
- Военно-Воздушных Сил;
- проблем управления;
- анализа ресурсов;
- инженерных наук;
- изучения систем;
- экономики;
- прикладной техники;
- информатики;
- физики;
- общественных наук;
- международных исследований;
- наук об окружающей среде;
- изучения проблем материально-технического снабжения;
- анализа себестоимости.

Институт аспирантуры создан в 1969 г. Если в других центрах, функционирующих вне университетов, лишь подготавливаются исследования для защиты ученой степени доктора философии, то RAND Corporation получила право присваивать эту степень. В аспирантуру принимаются по конкурсу лица, окончившие преимущественно престижные частные университеты. Аспиранты не только учатся, но и принимают участие в выполнении готовящихся корпорацией работ, посещают конференции и симпозиумы. Темы диссертаций соответствуют профилю исследований корпорации. Обучение платное. После защиты диссертаций доктора поступают на службу в федеральные учреждения, часть из них оставляют работать в RAND Corporation.

Кроме того, имеются трехлетние курсы по эконометрике, математической теории игр, статистике. Совместно с Калифорнийским университетом осуществляется программа подготовки специалистов по советской (ныне российской) внешней политике на уровне доктора по философии.

Библиотека насчитывает около 70 000 книг и 225 000 докладов.

Естественно, что имеются и вспомогательные службы. Развернута обширная издательская деятельность.

Длительное время RAND Corporation проводила работу для штата Калифорния на основании ряда контрактов. Вскоре власти Нью-Йорка совместно с корпорацией RAND создали «фабрику мысли», получившую название Нью-йоркский РЭНД-институт (New-York City— Rand Institute), который начал свою деятельность в апреле 1969 г.

Имеются филиалы.

Центр изучения поведения СССР за рубежом корпорации РЭНД и Калифорнийского университета, Лос-Анджелес. (Center for The Study Soviet international behavior, RAND-University of California, Los Angeles.)

Прежде чем мы приведем некоторые сведения об этом центре, требуется дать объяснение самого замысла его создания. И истолковать его можно только с позиций системного понимания. Дело в том, что такая сложная социальная система, как современное государство, не может находиться в пределах только своих границ, что отражены на политической карте мира. СССР не был исключением. Во многих странах — в Восточной Европе и в «третьем мире» — было столь значительное «советское присутствие», что невозможно представить себе устойчивое развитие этих стран без нас. Обратно этому — невозможно представить себе СССР без этих государств. Этот момент вроде бы на первый взгляд был незаметен, но «советское присутствие» было как корни для дерева по имени «Советский Союз». И если уничтожить эти корни, то дерево неминуемо должно рухнуть. Конечно, только сами по себе эти мероприятия не гарантировали успех, они дублировали и подстраховывали действия на территории СССР, они имели большое значение, т. к. воздействовали на всю социалистическую систему. Я полагаю, что именно такими были соображения по созданию в 1983 г. этого центра, хотя официальная точка зрения, высказываемая Президентом RAND Corporation Дональдом Райсом (Rice), расходится с вышеизложенной. По его словам, необходимость создания RAND исходила из нехватки специалистов по советской внешней и военной политике, и центром проводилась только их подготовка. Кроме того, в фокусе внимания специалистов центра были взаимосвязи между внутренними и внешними факторами советской стратегии.

Директором центра являлся Арнольд Хорелик (Horelick), бывший до этого штатным исследователем отдела общественных наук, руководителем Группы по изучению СССР и Восточной Европы RAND Corporation.

Основные направления деятельности Центра — подготовка высококвалифицированных кадров для госаппарата и СМИ, подготовка докторантов, которым читались курсы лекций: роль СССР в международной политике; отношения между СССР и странами Восточной Европы; советская внешнеэкономическая политика; американо-советские отношения; внутренние факторы советской внешней политики; советская политика в области обороны. Кроме того, проводились исследования: взаимосвязи внутренней и внешней политики СССР; внешней и военной политики СССР; отношений СССР и стран Восточной Европы. Под особым надзором центра была деятельность советских МИДа, Министерства внешней торговли, Государственного Комитета по внешним экономическим связям.

Столичный филиал: **Вашингтонское отделение корпорации RAND Corporation** (RAND Corporation, Washington office).

Адрес: RAND Corporation, Arlington VA 22202—5050. Tel. 703-413-1100, fax 703-413-8111. В филиале 40 научных и 40 научно-технических сотрудников. Разбит на 4 сектора: внутренних проблем; гражданского судопроизводства; национальной безопасности (по планам госдепартамента); национальной безопасности (по планам RAND Corporation).

Проводятся исследования по проблемам: тыловое обеспечение действий ВВС США; прикладная наука и технология; стратегическая оборона и вооруженные силы; людские ресурсы; информационные системы и др. Ежегодно отделение направляет несколько сотен секретных инсекретных докладов, памятных записок в военные ведомства, корпорации, а также в 300 библиотек.

Кроме этих филиалов имеется также **отделение в г. Дайтон** (штат Огайо), близ военно-воздушной базы Райт-Паттерсон.

В 1946 г. весь кадровый состав корпорации насчитывал несколько человек; в 1949 г. уже до 200 чел.; 1957 г. — 2605 чел.; в 1965—1970 гг. — 1 100 чел., из них половина — специалисты; в 1986 г. — 840 чел. [4.06. С. 24; 4.07. С. 68; 4.08; 4.09. С. 150, со ссылкой на: Harvard Business Review, 1970, Mar.-Apr., P. 104].

RAND Corporation обладает уникальными способностями. По мере роста ее создателям стало ясно, что эксперимент оказался удачным. Дело было не только в том, что частично удалось сохранить талантливый научный коллектив, созданный во время войны, но, кроме того, военное ведомство получило в свое распоряжение творческий аппарат такого масштаба и таких возможностей, который было бы невозможно создать иным путем. RAND предоставляла рассчитанные на длительную перспективу теоретические изыскания в самых разнообразных областях, причем эти рекомендации нельзя разработать в кабинетах правительственные учреждений, сотрудники которых приспособили свое мышление к повседневным потребностям и решению узких задач. Стало также очевидным, что организация, подобная корпорации RAND, является более маневренной и более управляемой по сравнению с любым университетским центром, где возникает слишком много проблем в связи с преодолением ведомственных границ между факультетами при комплектовании крупных научных коллективов для изучения проблем, затрагивающих различные научные дисциплины.

Нельзя не признать, что в корпорации царит атмосфера живой мысли, которая является несколько неожиданной для учреждения, поставленного на службу военному делу. Бригадный метод, применяемый RAND при решении разного рода проблем, и та легкость, с которой устанавливаются контакты между представителями различных дисциплин, обеспечивают ему динамичность, которую не так-то легко найти в обычном научном заведении, где, как правило, царит суровый академический формализм.

RAND Corporation смогла процветать и создала для своих сотрудников сугубо интеллектуальную, стимулирующую мысль атмосферу лишь потому, что все, на что наклеен ярлык «национальная безопасность», при распределении государственных средств считается бесспорно первоочередным.

Как выразился один специалист, его рассуждения относительно китайско-советских отношений, вероятно, в конце концов попадут на стол президента Соединенных Штатов или одного из его ближайших помощников, и на такую

возможность вряд ли может рассчитывать кто-либо из университетских профессоров. Подобное осознание своего могущества и способности к действию наблюдается во всех подразделениях корпорации. По словам сотрудников, для их деятельности характерны срочные выезды в Вашингтон с целью проведения консультации с Комитетом начальников штабов, свободный доступ в высшие сферы государственного департамента, ощущение повседневной причастности к важнейшим проблемам.

Авиация и космос — первая и постоянная область внимания для RAND Corporation. Даже в самые «худшие годы» на BBC и НАСА работала треть оборота этой фирмы.

Одной из главных проблем в предстоящей войне с СССР была геополитическая неуязвимость некоторых отдаленных районов. Эта задача была решена с помощью разработок RAND Corporation [4.10] о развертывании вокруг СССР авиационных баз. Однако требовалось еще и создание системы беспосадочных перелетов на небывало большие расстояния для барражирования в воздухе, с тем чтобы часть самолетов была в постоянной готовности к нанесению удара по территории СССР. Для дозаправок бомбардировщиков путем «мозговых штурмов» была разработана идея о создании «воздушного танкера». Впоследствии она была реализована, и уже в начале марта 1949 г. был совершен первый беспосадочный полет вокруг земного шара стратегического бомбардировщика американских BBC с неоднократной дозаправкой в воздухе. Это было демонстрацией как технической новинки, так и грозный вызов Кремлю, которому было дано понять, что теперь зон вне досягаемости атомной бомбы просто нет. Конец этому был положен только в октябре 1957 г., когда была продемонстрирована ракета-носитель, способная запускать космические спутники.

Корпорация RAND осуществила ряд секретных программ по разработке технических средств для военных нужд, в том числе вращающейся сканирующей фотокамеры для воздушной разведки, загоризонтной радарной установки, «бесшумного» самолета для ночной воздушной разведки, а также новых методов бомбометания. Примером постоянно ведущейся секретной работы RAND является составление, проверка и обновление перечня объектов для ядерной бомбардировки на территории Советского Союза. Сходный характер носит и значительная часть секретных работ для BBC по изучению возможности использования радиоактивных осадков в качестве «смертоносного оружия». При этом делаются попытки решить некоторые специфические проблемы: например, каким путем можно добиться, чтобы при бомбардировке красного Китая максимум радиоактивных осадков выпал на его территории и чтобы эти осадки не выпали на Тайвань и Японию.

Пожалуй, самая важная работа, когда-либо выполнявшаяся корпорацией RAND в области стратегических разработок, началась с обычного запроса от BBC о предоставлении консультаций, а привела к принятию Соединенными Штатами новой оборонной концепции. Исследование, послужившее основой для ее создания, стало упоминаться как «новое евангелие сдерживания», о котором следует сказать подробнее.

В 1951 г. руководство BBC обратилось к корпорации с просьбой оказать помощь при выборе мест расположения дополнительных авиабаз, которые предполагалось создать за рубежом в период 1956–1961 гг. Запрос передали Альберту Уолстеттеру (Wohlstetter), специалисту по применению экономико-

математических методов, который впоследствии стал одним из главных авторитетов корпорации в области стратегического анализа. А. Уолстеттер решил провести его не только с тем, чтобы разработать требующуюся рекомендацию, а скорее исходя из рассмотрения предположений, связанных с самой постановкой вопроса. На протяжении полутора лет он и его сотрудники анализировали те варианты, которые имелись у страны для размещения ее стратегических сил. Они пришли к выводу, что создание дополнительных баз не только крайне рискованно (по их мнению, самолеты, размещенные в других странах, вблизи Советского Союза, в наземном положении слишком уязвимы для внезапной атомной атаки), но и связано с огромными дополнительными расходами. Альтернатива, выработанная группой А. Уолстеттера, предусматривала строительство большего числа баз в Соединенных Штатах, дополняемых небольшими комплексами для обеспечения дозаправки самолетов, расположеннымными в других странах. Доклад представлен командованию ВВС и дополнен путем проведения инструктивных совещаний и обсуждений. Последствия доклада были потрясающими. Дело не только в том, что были приняты рекомендации корпорации относительно размещения баз (данное решение, согласно последующему подсчету штаба ВВС, сэкономило более миллиарда долларов только за счет сметы на строительство), а в том, что эти взгляды в значительной мере изменили американские стратегические концепции. До проведения этого исследования политика Соединенных Штатов была направлена на создание потенциала первого удара или же обеспечение способности сдержать возможных агрессоров, внушая им страх перед первым ударом, который нанесет Америка. В исследовании, однако, выдвигалась концепция способности ко второму удару или способности выдержать первоначальную атаку противника, сохранив достаточно сил, чтобы разгромить его. Короче говоря, благодаря этому исследованию американская ядерная оборонная политика претерпевала изменения и ее задачей стало обеспечение способности Соединенных Штатов выиграть во втором раунде, даже если бы почти все жители страны погибли после первого удара. Концепция второго удара, выдвинутая в докладе, была принята и до сих пор является главным доктринальным аспектом американской «политики сдерживания».

В данном случае корпорация RAND, отвечая на обычный запрос, осуществила фундаментальный анализ и пересмотр стратегии. Это исследование не только привело к перестройке ВВС, но и оказало значительное влияние на саму корпорацию. Выступая с сообщением об этом исследовании на заседании Международного совета по научному управлению, Роджер Э. Левиен (Levien), руководитель программы RAND по системным наукам, перечислил четыре вывода, которые были получены или подтверждены благодаря этому исследованию и в известной степени другим исследованиям этого периода и включены в выработанный RAND комплексный подход к решению проблем. Во-первых, подчеркивалась необходимость разработки новой формулировки поставленного вопроса, с тем чтобы выяснить, не основан ли этот вопрос на неправомерных или устаревших предположениях. Во-вторых, было доказано, что отрешенность полезна для подобного рода исследований. Третий урок заключался в том, что прогнозируемые будущие события должны стать существенным фактором исследования. При проведении исследования, посвященного базам, специалисты, осуществлявшие анализ, приняли во внимание все наиболее существенные, по их мнению, технические, стратегические и экономические соображения, касающиеся того периода, когда

базы вступят в строй, а также более отдаленного будущего. Наконец, в работе еще раз была подчеркнута необходимость тесного контакта с заказчиком при разработке мероприятий в соответствии с его запросом.

Последующие исследования, проведенные группой А. Уолстеттера и другими учеными, привели к новым изменениям в политике. В одной из работ рекомендовалась «гарантийная процедура» для ядерных бомбардировщиков, которая была принята стратегическим авиационным командованием. В соответствии с этой процедурой американские бомбардировщики получают преимущество перед своими противниками, так как вылетают в направлении вражеских объектов при получении даже сомнительной информации. Однако они должны автоматически вернуться на свои базы, достигнув заранее намеченного «гарантийного» пункта, если только от президента не поступит конкретный приказ лететь дальше и осуществить атаку. А. Уолстеттер также отстаивал концепцию (и она была принята) о необходимости размещения ракет в подземных шахтах — эта идея подкрепляет концепцию второго удара, поскольку в этом случае ракеты, вероятно, уцелеют после первой атаки противника [4.04. Р. 195–240].

Во время реального ядерного конфликта в сторону цели, очевидно, полетят не только настоящие ракеты, но и безобидные их макеты, рассчитанные на отвлечение оборонительных систем, а также части ракет, с помощью которых доставлялись боеголовки. Одна из основных проблем Пентагона заключалась в том, что существующие приборы были не в состоянии отличить подлинную угрозу от мнимой. Таким образом, возникла опасность, что средства противоракетной обороны будут израсходованы на перехват никчемного хлама. Поэтому RAND предприняла в середине 1950-х гг. ряд исследований с целью разработки новых методов обнаружения ракет. В качестве одного из путей было решено использовать зрение и разум человека, а не самостоятельно действующий автоматический прибор. Опыты показали, что люди в состоянии удивительно точно отличать макеты, и специалисты RAND пришли к заключению, что диапазон человеческого зрения может быть значительно расширен в сторону инфракрасной полосы спектра и радиочастот и тогда глаз будет функционировать лучше любого автоматического прибора [4.11].

К следующей категории изысканий, проводимых корпорацией RAND, не менее важных, чем деятельность в области стратегии и тактики, относится создание принципиально новых подходов к политическим исследованиям. Некоторые из этих приемов и методов возникли в ходе осуществления многочисленных исследований, проводимых корпорацией, тогда как другие были предложены теми специалистами, которые уже с момента ее создания занимались главным образом поисками новых методов анализа. Многие из этих методов были разработаны в стенах корпорации, а затем усовершенствованы другими организациями. Отдельные приемы были предложены другими исследовательскими группами, но использованы и доработаны RAND Corporation. Одни методы являются математическими, они настолько сложны и трудны, что неспециалисту трудно разобраться в их деталях. Другие же в такой мере опираются лишь на здравый смысл, что представляются самоочевидными. В совокупности все эти методы определяют непревзойденный стиль корпорации.

Первой ее работой в области советологии был цикл исследований, предпринятых в 1948 г., которые были посвящены экономическому и военному потенциалам Советского Союза, — это была первая попытка прозондировать

систему советских взглядов. RAND первой среди американских учреждений стала разрабатывать науку «холодной войны» с использованием методов, которые предусматривают интенсивное изучение потенциального противника с некоторого расстояния. В одном из ранних исследований в данной области делалась попытка определить руководящие принципы (своего рода операционный код), которые направляют советское внешнеполитическое поведение. Исходя из того условия, что советская политика твердо опиралась на базу сочинений В.И. Ленина и И.В. Сталина, исследователи провели скрупулезный анализ всех работ классиков марксизма, а также изучили в историческом аспекте действия Советского Союза, после чего на свет появился соответствующий доклад, имеющий право на название «Эксплуатационный кодекс Политбюро» [4.12]. Этот доклад широко использовался американскими дипломатами, пытавшимися предугадать действия коммунистов. В качестве конкретного примера можно упомянуть, что во время переговоров о перемирии в Корее он был их настольной книгой. Как заявил впоследствии глава делегации, «каждому союзному дипломату было вменено в обязанность прочесть этот доклад».

Другая ранняя работа RAND, озаглавленная «Советская военная доктрина», была первой монографией подобного рода, опубликованной на Западе и в дальнейшем пополнилась несколькими работами на такую тему [4.13— 4.16]; в другом сочинении, написанном Маргарет Мид (Mead), рассматривался советский национальный характер [4.17].

На протяжении значительной части раннего этапа своей деятельности по изучению советской экономики корпорация сталкивалась со значительными трудностями. Из России поступало очень мало сведений о ее экономике. В корпорации был создан штат экономических экспертов, которые приступили к созданию надежных статистических и оценочных материалов. В рамках RAND Corporation была создана организация, под руководством Абрама Бергсона (Bergson) [4.18. С. 55–93], которая рассчитывала свои показатели советской экономики, в частности цены, индексы стоимости жизни и заработной платы, а также покупательную способность рубля.

Текущая продукция такого непрестанного изучения СССР представлена, в частности, журналом «Обозрение советской кибернетики» (The Soviet Cybernetics Review), в котором помещаются и анализируются сообщения о русских достижениях в области электроники и вычислительной техники. В данном журнале можно найти наглядные примеры того, как ведется научно-разведывательная работа. В одной типичной сноске, например, читателю сообщается, что о существовании одного из компонентов советских ЭВМ стало известно из данных, «которые были погребены в табличном материале одной малоизвестной (советской) книги, выпущенной в 1968 г., о применении ЭВМ на морском транспорте».

Аналогичным образом RAND является одним из важнейших центров по сбору и анализу информации о материковом Китае. Работа в этой области была начата в 1955 г. и в значительной степени ведется посредством такого же изощренного анализа документов, докладов и периодики, как и в отношении СССР. В качестве типичного примера, относящегося к Китаю, можно назвать специальное исследование, проведенное с целью определить структуру армии и технический потенциал китайской промышленности. В докладе, опубликованном в 1969 г., который явился результатом углубленного изучения китайской экономики,

оказалось, что многие недавние китайские утверждения об экономических успехах содержали завышенные сведения; по данным RAND, фактический темп экономического роста составлял не 9 %, как сообщалось, а около 3.

Из RAND Corporation ушли многочисленные специалисты для того, чтобы основать новые центры: в частности, Г. Кан (Kahn) в 1961 г. основал Гудзоновский институт (The Hudson Institute) [4.04. Р. ix]. В связи с тем, что об этом человеке мы будем еще говорить, считаю нужным дать о нем небольшую биографическую справку. Кан Герман родился в 1922 г. Образование: Калифорнийский университет, Калифорнийский технологический институт. В 1945–1946 гг. — сотрудник корпорации «Дуглас аэйркрафт», работал в RAND Corporation. С 1961 г. — создатель и директор Гудзоновского института, занимавшегося проблемами военно-политической стратегии США, консультант комиссии по атомной энергии, корпорации «Боинг», мобилизационного управления Министерства обороны США, министерства ВВС США. Философ с мировым именем. Умер в 1983 г.

Однако нельзя утверждать, что все существование RAND Corporation является триумфальным шествием, не омраченным никакими коллизиями. Таковых было немало. Самая невинная — это незамеченные перспективные идеи, выдвигаемые «рэндовцами». Так, например, в одной из книг была высказана идея, не получившая своего дальнейшего развития. Суть идеи в создании центрального правительенного органа для выработки комплексной национальной стратегии исследований и их организации в общегосударственном масштабе, оценки и проведения ревизии конструктивных предложений. Тогда в этом было отказано [4.19. С. 434, 528].

Книга Г. Кана «В термоядерной войне» («On thermonuclear war»), наоборот, была замечена и сразу же была воспринята обществом в штыки. Считалось, что в ней очень много неприкрытого цинизма вокруг применения ракетно-ядерного оружия и связанного с ним неизбежного уничтожения всего живого на Земле. Книга появилась в 1960 г., а на следующий год Г. Кан ушел из RAND [4.20. С. 245]. (Последний случай из этого ряда, когда «RAND Corporation неправильно поняли», касается уже послеперестроечной России. Был написан и попал в открытую печать доклад «Заключение о степени упадка России. Тенденции. Последствия для США и ВВС США». На русском языке он опубликован в книге «Геополитика России. Возрождение или гибель?» [4.21. С. 288–309]).

RAND занимается не только своими работами, ему доверено быть и главным научным экспертом чужих программ. Комплексный подход к оценке каждого исследовательского проекта отражен прежде всего в организационной структуре. Поскольку для оценки проектов требуются специалисты многих профилей, экспертные коллективы формируются из представителей различных отделов, в результате чего происходит миграция ученых из одних отделов в другие. Это способствует образованию гибкой организационной структуры, позволяет быстро и основательно проверять проектную документацию, сокращать сроки и стоимость выполняемых работ [4.09. С. 149]. В 1962 г. Р. Макнамара (McNamara) издал приказ, который обязывал всех руководителей военных ведомств (министерства армии, флота и авиации) представлять на проверку все исследовательские проекты. Статус независимости экспертизы прежде всего включает в себя анонимность и отсутствие административного давления [4.04. Р. 55, 228].

Связи с НАСА привели к участию в измерении эффективности выполнения космических программ. В 1968 г. вышел «Исчерпывающий каталог научных целей в космосе», содержащий 1033 наименования в пяти основных направлениях исследований: Земля и ее среда; жизнь на других планетах; Солнечная система; Вселенная; космос как научная лаборатория. Также RAND Corporation проводила анализ эффективности программы «Спейс Шаттл».

За первые 25 лет, с тех пор как RAND стала корпорацией, было подготовлено более 11 тыс. книг и отчетов, а также бесчисленное количество памятных записок, инструктивных материалов и сообщений. Эта колossalная словесная продукция содержит огромное многообразие исследований и мнений, которое, взятое в целом и по любым здравым стандартам, оказывает значительное воздействие на образ жизни и поведение нации. Джозеф Крафт (Kraft) в статье, опубликованной в журнале «Harper's» в 1960 г., весьма удачно сформулировал результаты работы корпорации: «Хотя деятельность этого учреждения малоизвестна, она оказала огромное влияние на стратегические концепции нации и ее системы оружия и тем или иным образом сказалась на жизни каждой американской семьи».

RAND Corporation вовлечена в процесс перестройки работы органов государственного управления [4.09. С. 147]. Именно она консультирует правительство, какова должна быть структура государственных органов США.

RAND достигла таких интеллектуальных высот, что выполнить разработки по созданию «перестроечных» процессов в какой-либо стране не представляло никакого особого труда. Хотя бы потому, что для этого практически не пришлось разрабатывать новых методов ведения политики, внедрения в чужие структуры — все было уже проработано и апробировано заранее. Эта задача была для нее не труднее и не легче остальных. Разумеется, можно только приветствовать, когда лица, сомневающиеся в наличии американского следа во внутренних делах СССР 1980-х гг., требуют тому убедительных доказательств. Но на сегодня можно опираться только на крайне недостаточные свидетельства, в том числе добытые и оперативным путем, и немногие открытые документы, и потому дело не в том, что кто-то ими не располагает, а дело в том, что на всем еще лежит гриф секретности — причем весь парадокс в том, что в этом заинтересованы обе стороны.

Вопрос о том, насколько глубоко американские институты прорабатывали подобные задачи, можно ставить в такую плоскость: разгром СССР — это сложная задача, не имевшая решения традиционными политическими средствами. Для ее решения требовалось применить наиболее совершенный механизм делания политики и весь набор совершенных методов, и пока мы выделяем только тот фрагмент всей системы, который создал эти методы. Они во многом универсальны: с их помощью можно запускать космические корабли, но можно и уничтожить противника. Мы, по своей основной профессии зная о наличии RAND, указываем на то, что она и только она одна способна на такое достижение, как, повторюсь, наиболее совершенная фабрика мысли.

Я должен признать, что вследствие отсутствия достаточной фактуры наша доказательная база имеет слабые места, будто бы в деле убийства СССР, как говорили на Диком Западе, *нет дымящегося кольта*. И нам пришлось идти не от *факта*, который полагают историки в основу своих умозаключений, а скорее от *метода*, пришлось идти от замысла, утешая себя тем, что знание большинства принципов легко возмещает незнание некоторых фактов.

Да, весь механизм, начиная от ЦРУ и до какого-нибудь советолога, предпочитавшего трудиться в одиночку, убивал СССР каждый по мере своих сил, но в целом науку «холодной войны» могли создать именно в RAND Corporation. И именно поэтому сегодня мы уделяем ей наше особое внимание.

Мы ориентируемся здесь не на выявление тех, кто был на месте преступления в момент его совершения (о них уже сказано достаточно). В данном случае мы имеем дело с работой настолько виртуозной, на которую (по почерку) способен только один-единственный коллективный специалист — RAND Corporation. Это организация сегодня — самый совершенный киллер, который берется за дело тогда и только тогда, когда оно касается какой-то сложной системы.

Возможно, одну из самых точных оценок работе RAND мог бы дать... театральный критик. Да-да! В этом деле все было как в хорошем спектакле. Были актеры, были режиссеры, были зрители. Но был и автор *сценариев* — причем в буквальном смысле (один из методов прогнозирования так и называется). И опять имя ему — RAND Corporation...

Говоря о различных тематиках, проработанных в RAND, мы уже несколько раз ссылались на составленный нами библиографический список трудов корпорации, но только сейчас обращаем внимание читателя на него. Добротные, высокоинтеллектуальные материалы вышли под маркой «Made in RAND Corporation». Они отличались совершенно особой, неповторимой логикой мышления, способностью описать проблему с различных сторон, как следствие того, что в учреждении работали ученые разных специальностей, готовые помочь друг другу математически точными, проверенными данными. Они называют такой уровень и направление мысли термином «randomization», по-русски это слово переводится как «рэндомизация», и хотя бы однажды, но такой термин уже использовался [см. 4.22. С. 535].

Первая опубликованная работа корпорации была датирована 1 июня 1946 года и носила пророческое название «Предварительный проект экспериментального космического корабля, вращающегося вокруг Земли». Несмотря на то что искусственные спутники в то время считались преимущественно достоянием научной фантастики, в этом документе давалась детальная оценка перспектив использования научных спутников в деле изучения космоса, подготовленная 50 учеными. Поскольку данное исследование оказалось удивительно продуктивным, оно впоследствии в огромной мере способствовало укреплению престижа фирмы. Космические исследования RAND Corporation оказались пророческими не только в этом случае. Так, когда в середине 1957 г. была названа предполагаемая дата запуска первого спутника, то, как выяснилось впоследствии, погрешность составила всего две недели.

В любой момент корпорация может одновременно заниматься разработкой около двухсот различных тем. В течение года выпускается около семи тысяч различных публикаций, включая 2700 технических работ и около 70 книг. Однако, известно, что наибольшее значение среди исследований, которые когда-либо осуществляла корпорация, имеют ее работы в области анализа систем и анализа стоимости [4.06. С. 24].

Невзирая на то, что временами внутри RAND может проявляться инакомыслие, существуют некоторые постоянные факторы, которые налагают свой отпечаток на нормальную академическую манеру выступать и печататься. Большинство работ имеет секретный (Secret) или хотя бы ограничительный

(Unpublisher) режим доступа к информации, поэтому по вполне понятным причинам мы вынуждены пользоваться только хорошо известными и рассекреченными (Declassified).

Незасекреченные работы корпорации имеют широкое распространение в 100 американских и 50 зарубежных библиотеках.

В ссылках я привожу библиографический список работ RAND Corporation, имеющих открытый характер и наибольший индекс цитируемости. Сразу же хочу извиниться за то, что он столь велик, но такова необходимость; к тому же мы уже обращались к его темам, будем делать это и впредь, и потому нет нужды знакомиться с ним полностью — это можно будет делать по мере чтения. Следует также обратить внимание на то, что междисциплинарный характер исследований, проводимых учеными, заставлял их одновременно обращаться к самому широкому диапазону источников — поэтому в книгах по советологии, которые интересуют нас, часто можно было встретить ссылки на самые различные труды RAND Corporation, формально далекие от рекомендаций, к примеру на тему, что предпринимать правительству Америки по советской проблеме.

В многочисленных ежегодных отчетах (Annual Report), исследовательских проектах (Research Project), памятных записках (Rand Memorandum), печатных материалах (Paper), докладах (Report), отчетах о проведенных конференциях или «мозговых штурмах» (Report of a Conference) [4.04. Р. 144] содержатся совокупные результаты труда работников RAND Corporation. Здесь можно встретить материалы: по вопросам авиации, астронавтики, воздушной войны [4.10]; о Советских Вооруженных Силах [4.23—4.38]; о различных аспектах советской политики, и в том числе и о конфликтах внутри СССР [4.12, 4.17, 4.39—4.49]; по советской экономике [4.50—4.68]; о Китае и по советско-китайским взаимоотношениям в частности [4.69—4.76]; об американской политике; по проблемам ядерной войны, по военному планированию, по исследованию операций и теории игр, по анализу стоимости, по научной политике, по системным исследованиям и разработкам, прогнозированию, по компьютерам, по психологии, бихевиористике и физиологии; в СССР было издано лишь несколько работ «рэндовцев» [4.77—4.84], мы перечисляем их не все — некоторые работы носят узкий характер и могут быть понятны только математикам; для нас, конечно же, особый интерес представляют книги, изданные в 1980-е гг. по советской проблеме [4.85—4.148].

В течение 1950—1980-х гг. советологи пропагандистского плана работали на текущий момент, а советологи-исследователи — на перспективу. Говоря о вторых, следует отметить, что профильный сотрудник мог вести исследования только по отдельным акциям, направленным на разрушение Советского Союза. Так, например, экономист был способен дать совет только в рамках того процесса, который нами уже назван «финансово-экономической войной» против СССР. Разгром же в общем плане был под силу только системным технологиям. В этом ракурсе главный успех в разрушении СССР принадлежит не столько «агентуре влияния», но в значительно большей степени Неизвестному Аналитику из заокеанских штабов «перестройки».

Особую роль должны были сыграть люди, являвшиеся выходцами из Советского Союза, особенно «свежие», только что оттуда прибывшие и согласные добросовестно (если здесь, конечно же, уместно оперировать понятием «совесть») помогать Штатам. При этом мы понимаем, что и без них среди советологов было много русских, потомков выходцев из России, и не

только потому, что им лучше, чем кому бы то ни было, известна фактура, но и потому, что престиж русских исследователей всегда был очень высок. Кто-то из них оказался за границей по стечению самых различных обстоятельств, а кто-то, особенно из «третьей волны», — в итоге спланированной игры спецслужб по выдавливанию их из СССР, или, согласно модному термину, «утечки мозгов». Среди них — А.Г. Авторханов, И.Я. Бирман, М.С. Восленский, И. Г. Земцов, А.А. Зиновьев (который все доказательства своего прямого использования при разгроме СССР приводит сам [4.149. С. 10, 30; 4.150. С. 4; 23. С. 71, 191; 25. С. 18–19]), И.Б. Калмыков (псевдоним — Г.П. Климов, автор знаменитых книг «Князь мира сего» и «Красная каббала»), В.А. Лефевр, А.С. Шевченко, В.Э. Шляпентох и др.

Понятно, что не только бывшие граждане СССР интересовали заокеанскую сторону, но также и ученые из стран Восточной Европы. Ситуация еще больше усугублялась тем, что созданные ими труды автоматически попадали в закрытые спецхраны, и советские ученые не могли ими пользоваться.

ПРОДУКЦИЯ МОЗГОВЫХ ЦЕНТРОВ: ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ (R&D), ДОКТРИНЫ

Теперь зададимся вопросом: для чего, собственно, создавались мозговые центры? Или, говоря языком кибернетиков: что у них было «на выходе»?

Прежде чем начать говорить о методах, которые использовала внешнеполитическая часть госаппарата США по отношению к СССР во второй половине 1980-х гг., нужно обратить внимание на то, что сами русские подходы в области мышления и образования существенно отличаются от американских. Русско-германская школа, как в прошлом, так и в настоящем, стремится к раскрытию факта, выявлению его причинно-следственных связей, его позитива и негатива, структурности. Это относится ко всей гуманитарной сфере образования. В Англии и Америке сам стиль мышления иной. Они сильнее в анализе, особенно многостороннем. Они сильнее в синтезе. Причем если в России мышление построено в рамках всей системы, то в США будут рассматриваться более детально отдельные явления, случай и т. п., но на таком уровне, когда что-либо добавить будет трудно — скорее это будет уже повтор. Поэтому когда в советской прессе писалось, например, что и взрослые, и школьники не знали о Второй мировой войне наипростейших вещей (когда? где? кто против кого? и т. д.), то это неудивительно: они знают другое — не владея фактурой, они могли продемонстрировать при раскладе событий совершенно парадоксальный вывод. И тогда пришлось бы удивляться тем, кто знал только факты: под таким углом хорошо знакомое явление рассматривать не приходилось.

ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ (RESEARCH AND DEVELOPMENT)

Теперь перейдем к теме. RAND Corporation в основном пользовалась понятием «исследования и разработки» (Research and Development — в дальнейшем сокращенно: R&D), поэтому мы не будем изобретать свое, а шаг за шагом последуем за «рэндовцами».

В общем понимании R&D — это совокупность методов по получению, перепроверке, обработке, изменению состояния, доведению до готовности к потреблению информационного продукта. R&D различается по тем средствам, с которыми исследователь собирается работать и чаще всего носит методологический, общенаучный характер. R&D — это прежде всего работа по сбору информации. В дальнейшем — это перепроверка полученных сведений, как правило, сверка с уже имеющейся информацией (методически-обобщенного характера или же экспериментально-исследовательским путем). Затем создаются модели целенаправленных систем, и их удачное построение свидетельствует о безошибочности прежних подходов.

Следующий этап — это анализ полученной информации. Созданное делится на законченное число составляющих, заполняются ячейки с неполной информацией. Этот момент широко известен как анализ. Затем через полученные ранее результаты осуществляется сбор и окончательное слияние полученной информационной системы, изучение внешней среды. (Таким образом производится синтез.) В том случае, если все предыдущие операции были выполнены верно, появляется возможность сделать прогноз на перспективное будущее. Для этого вся лишняя информация отбрасывается. Остается лишь та, которая удовлетворяет трем требованиям: «ограниченность — точность — локальность».

Из всего полученного и переработанного массива информации выбирается, как правило, востребованная. Именно она, соответствующим образом обработанная, т. е. разбитая на рубрики, с учетом психологии человеческого восприятия, соответственно подтвержденная, оформленная стилистически с наглядным материалом, предлагается для потребления следующему пользователю. Причем делается это достаточно оперативно — когда последний в этом нуждается. Такова обобщенная картина. Но у каждой R&D имеются свои отклонения от этой картины.

R&D — это прежде всего работа мозга человека, отсюда, даже при самых лучших результатах, она будет связана с известным ограничением возможностей, с которыми борются, как правило, двумя способами: первый — применяя компьютерную технику, второй — путем коллективного творчества. Таким образом облегчается работа, обеспечивается достаточное качество, расширяются возможности одного индивидуума, совершается переход на уровень следующего звена (самого подготовленного) в работе с информацией. В работе временного творческого коллектива, специально созданного для написания документа и т. п., могут быть использованы нижеследующие методы.

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ (SYSTEM ANALYSIS)

Возможно употребление выражения близкого к синониму: «системный подход» — *System Approach*. Прежде чем дать какие-то определения, считаю нужным провести небольшое сопоставление советского системного подхода и американского *System Analysis*. В СССР тоже были неплохие системные познания, но наши школы разительно отличались. Советский системный подход, если судить по открытым материалам, весьма мало занимался проблемами именно военного системного анализа, не открывал те возможности, что имеет эта наука для противодействия двух и более систем. Советская школа больше всего внимания уделяла вопросам устройства системы, ее целостности, управления, принятия решений, в том числе и в условиях неопределенности с применением математического аппарата, теории развития системы, информатики, прогнозирования, вопросам сложности систем, их функционирования и самоорганизации, энтропии и упорядоченности, моделирования, искусственному интеллекту и т. п. При этом ссылались и клялись в верности историческому материализму. В СССР абсолютное большинство трудов начиналось с простых объяснений: есть некая система, что это такое, ее окружает внешняя среда, что это такое, а теперь... И дальше шло объяснение какого-то частного вопроса. (Я, естественно, значительно упрощаю картину). Советские ученые были заняты искусством решения своих проблем (но никак не создания проблем другому.) Из всей известной советской литературы по системам лишь немногие избрали своей темой показать возможности прикладной диалектики [4.151—4.156]. Я сужу, повторяю, по открытым источникам. Нисколько не сомневаюсь, что ученые-систематики вносили непосредственный вклад в разработки оружия, ракет, особенно в область сложных математических вычислений, знаю некоторые фамилии, но, повторяю, как прикладная диалектика системный подход рассматривался недостаточно. Я не упоминаю никаких фамилий в отрицательном контексте: в этом мало кто виновен. Советский системный подход, чьи корни уходят к трудам великого русского философа А. А. Богданова (Малиновского) [4.157], так сложился исторически. Никто и никогда не ставил перед советскими учеными задания: разработать план захвата всего мира через уничтожение главного противника — США. Разработка таких планов — всегда функция агрессора.

А теперь — американская школа (очень коротко): есть система «A» и система «B»; «A» характеризуется тем-то и тем-то, она противостоит системе «B»; задание: как системе «A» уничтожить систему «B»? — и дальше решение в контексте задания. Я думаю, что каждый мог подставить вместо «A» и «B» две страны: США и СССР. Вот что такое американский *System Analysis*. Он действительно все время военный (Military). Или можно это же уточнить еще и с помощью такой формулировки: советский подход направлен на выяснение и разрядку проблемы внутри своей системы, а американский — на выявление проблемы внутри и вокруг чужой системы, и доведении этой чужой системы до катастрофы. Итак, пока советские доктора философских наук «лишь различным образом объясняли, как устроен мир», пользуясь известными словами основоположника марксизма, американские математики думали, «как этот мир изменить».

Сама история создания американского *System Analysis* такова. В начале Второй мировой войны командование американских ВВС предложило Высшим

курсам делового администрирования при Гарвардском университете (Harvard University School of Business Administration) в кратчайшие сроки найти решение следующей задачи: требовалось найти способ увеличить за один год ВВС с имеющихся 4000 боевых самолетов и 300 000 человек личного состава до 80 000 самолетов и 2,5 млн чел. Конгресс смог выделить только 10 млрд долл. Требовалось еще и уложиться в эту сумму. Чтобы справиться с этим заданием, при Курсах была создана особая «статистическо-контрольная секция». В ее работе, в частности, принял участие Р. Макнамара. Проблема была решена в заданный срок [4.158. С. 29].

Теперь перейдем к тому, что, собственно, представляет предмет нашего внимания. Одного и того же, принятого всеми определения системного анализа не существует. Даже внутри самой RAND Corporation имеются несколько школ, которые трактуют эту науку по-разному. Приведем лишь два, ставших нам известными. Бернард Рудвик (B.N. Rudwick), в книге «Системный анализ для эффективного планирования: принципы и примеры» [4.159. Р. 3] утверждает, что «Системный анализ— это исследование, цель которого помочь руководителю, принимающему решение, в выборе курса действий путем систематического изучения его действительных целей, количественного сравнения (там, где возможно) затрат, эффективности и риска, которые связаны с каждой из альтернатив политики или стратегии достижения целей, а также путем формулирования дополнительных альтернатив, если рассматриваемые недостаточны». (Цит. по: [4.160. С. 459].)

«В военном контексте термин «анализ систем» применяется очень широко для обозначения любого системного подхода к сравнению альтернатив. Таким образом, хотя характер анализа, предлагаемый для решения такой, например, проблемы, как улучшение боевых характеристик радиолокационной сети, вероятно, по своей сущности отличается от анализа, целью которого является достижение устойчивого термоядерного равновесия в мире, они оба будут служить примерами анализа систем. <...>

На основании его развития и применения анализ систем можно было бы охарактеризовать как исследование, которое помогает тому, кто принимает решение, выбрать направление действий путем системного изучения своих собственных целей, количественного сравнения затрат, эффективности и степени риска, связанных с осуществлением альтернатив политики или стратегии, необходимых для достижения поставленных целей, а также путем формулирования дополнительных альтернатив, если изученные альтернативы окажутся недостаточными. Анализ систем представляет собой подход к рассмотрению или способ рассмотрения сложных проблем выбора в условиях неопределенности (например, проблем, связанных с национальной безопасностью). При рассмотрении таких проблем преследуемых целей обычно бывает много, и они могут быть противоречивыми; анализ, позволяющий облегчить принятие решений, должен по необходимости включать в себя немалую долю суждения.

Понятие анализа систем отнюдь не является понятием, связанным исключительно с военными системами. <...> Он является средством отыскания рекомендаций, как спроектировать или эффективно использовать со временем технически сложную структуру, в которой различные компоненты могут иметь явно противоречивые назначения, т. е. как найти подход к выбору стратегии, которая дает наилучшее соотношение степени риска, эффективности и затрат.

Цель анализа систем — путем рассмотрения каждого элемента системы в его собственной среде добиться того, чтобы в конце концов система в целом могла выполнить свою задачу при минимальном расходе ресурсов» [4.83. С. 26–27], еще одно его же определение в [4.161. Р.1–2] любопытно, но несколько расплывчено, поэтому я его опускаю. Тот системный анализ, что разработан RAND Corporation, имел именно прикладной характер, и прежде всего — атакующий. О таких свойствах американской системы в целом мы говорили выше.

В RAND Corporation было выпущено много книг непосредственно по технологии системного подхода, а остальная литература писалась строго на его базе. Авторы первой книги— Г. Кан и Дж. Манн (Mann) [4.162]. Вторая книга— см. [4.163].

Главное в системном анализе заключается в том, как сложное превратить в простое; в поиске эффективных средств управления сложными объектами; **как трудно-понимаемую проблему оптимизировать в серию задач, имеющих метод решения** (выделено мною. — А.Ш.) [4.164. С. 324]. И последнее весьма важно в нашем исследовании, так как задача разгрома СССР как задача в целом не имеет однозначного положительного решения, да, нашему противнику вполне по силам было развязать несколько конфликтов в «горячих точках», провести ряд кампаний в прессе, нужные голосования в парламенте... Продолжить этот ряд при желании может каждый. И лишь в сумме своей они дали тот результат, что мы все сейчас имеем. Кроме того, такой системный эффект дает дополнительный — сохранение тайны замысла, ибо «.. каждое мероприятие по отдельности не выглядело как контрреволюция, а их связь не обнаруживала себя очевидным образом» [24. С. 3].

Считается, что с системным анализом связана еще одна функция: он соединяет в одно целое все остальные методы RAND Corporation. Это своеобразная квинтэссенция стиля работы корпорации, для которой характерно стремление по-своему смотреть на вещи, неуемная жажда к нахождению новых путей и методологий, а также прямо-таки фанатическое стремление к применению многодисциплинарного подхода к решению проблем. При применении системного анализа трудности, естественно, возрастают, поскольку специалисту приходится начинать с нуля.

На деле системный анализ представляет собой сложный, бесструктурный, приблизительный и индивидуализированный подход к рассмотрению новой системы, будь то новое оружие или массовая кампания против недоедания, в котором используются различные аналитические методы — от высшей математики до интуиции. Это не формальный способ анализа, опирающийся на застывшие догмы, а скорее концептуальный подход, требующий использования максимального диапазона дисциплин и исследовательских приемов для рассмотрения какой-либо одной проблемы [4.04. Р. 8–14, 110–111, 160–164, 316–320; 4.07. С. 84–85; 4.08. Р. 64–65].

Мы еще вернемся к системному подходу в контексте описания событий 1985–1991 гг.

«МОЗГОВАЯ АТАКА» (BRAIN STORMING)

«Мозговая атака» — известный оперативный метод. Его создатель — А.Ф. Осборн (Osborn) использовал его впервые еще в 1938 г., назвав его «brainstorming» («мозговой штурм»). «Мозговая атака» — способ генерации идей, с помощью которых в дальнейшем можно решить ту или иную проблему. Применяется в случае необходимости полного, оперативного и неконфликтного учета и структурирования мнений участников, включенных в некоторый процесс, в том числе и политический. Метод «мозговой атаки» коренным образом отличается от дискуссионного и предполагает отказ от всякой критики идей. Его лучше всего использовать для решения задач, которые не являются точными и специальными. При решении очень сложных задач и задач технического характера эффективность применения этого метода менее вероятна, чем при решении задач более общего типа.

Предварительный этап. На стадии организации «мозговой атаки» должны быть выполнены следующие задачи. 1. Определение групповой цели и стимулирование группы к размышлению о том, что она хотела бы получить в результате «мозговой атаки». 2. Руководитель группы «мозговой атаки» укомплектовывает группу из 4— 12 человек. Он сообщает членам группы суть решаемой проблемы за 2–3 дня до ее проведения. Проблема должна быть обозначена как можно более четко и комплексно. В случае если компетенция членов группы по обсуждаемой проблеме недостаточна, требуется пригласить к участию экспертов со стороны, хорошо информированных по данной проблеме. 3. Руководитель временного творческого коллектива как минимум за два дня сообщает членам коллектива место и время проведения совещания и информирует о проблеме, подлежащей решению. Информация помогает членам коллектива сориентироваться и дает им возможность обдумать проблему еще до совещания. Руководитель должен за это время разработать контрольный список вопросов, если в этом есть необходимость, и как только у членов коллектива ослабевает способность выдвигать новые идеи, руководитель должен предложить свои идеи, которые будут стимулировать дальнейшую работу.

Состав и число участников. Ограничение числа участников обсуждения исходит из того, что мозговая атака наиболее эффективна тогда, когда состав группы не превышает определенного количества человек. Если это число все-таки больше, целесообразно проведение мозговой атаки в подгруппах, а затем суммирование результатов их работы. Разные авторы численность коллектива определяют по-разному, но ставят ее в зависимость от специфики проблемы. Однако цифры лежат в пределах от 4 до 12 человек (некоторые авторы настоятельно рекомендуют включить в состав группы 2–3 женщин). Наиболее оптимальная структура постоянного коллектива: руководитель, заместитель, пять постоянных членов и примерно пять приглашенных специалистов. Постоянные члены — это обязательно люди, способные выдвигать новые идеи. В качестве гостей приглашаются специалисты из отделов, для которых данная проблема решается, или из отделов, работа которых связана с данной проблемой.

Главное в отборе — это то, что участники должны представлять собой группу лиц, отобранных для генерации альтернатив; главный принцип отбора — разнообразие профессий, квалификации, опыта (такой принцип поможет расширить фонд априорной информации, которой располагает группа).

Все члены такого коллектива должны находиться в равном положении. Члены группы не должны быть связаны отношениями «руководитель — подчиненный», так как может не сложиться атмосфера доверия.

Атмосфера обсуждения. Эффект «мозговой атаки» основывается на возникновении свободных ассоциаций. «Мозговая атака», как правило, обычно проводится в первой половине дня, когда участники еще не успели устать, но может проводиться и в любое другое время дня.

Требуется изменение привычной для членов группы обстановки. Нужен подбор такого времени и места, которые бы как можно больше отличались от ситуации обычных дискуссий. Руководитель должен заботиться о создании неформальности атмосферы. Во время проведения «мозговой атаки» необходимо размещение участников рядом друг с другом, лучше всего в круг — тот факт, что участники команды сидят бок о бок, сам по себе стимулирует желание сообща заняться проблемой.

Все собираются в одной комнате вокруг круглого стола — не должно быть ни «галерки», ни «президиума»: это очень важно для облегчения психологического барьера «начальник — подчиненный» — здесь все равны. Руководитель занимает позицию не ведущего, а просто присутствующего. По одним рекомендациям жестко определяется время обсуждения — в этом случае дефицит времени порождает стресс, стимулирующий мозговую деятельность, по другим — время обсуждения может быть увеличено до тех пор, пока не иссякнет источник стимулирования идей и участники не устанут.

Требуется раздача участникам вспомогательных материалов.

Поощряется генерация идей, выдвижение возможно большего количества идей, подхода к обсуждаемой проблеме со всех сторон, принятие к сведению даже «диких» идей, так как при появлении идей, находящихся вне сферы возможного, группа начинает в ответ генерировать другие варианты, которые реальны и о которых никто прежде не задумывался.

Свободные ассоциации чаще появляются при коллективной деятельности каждого индивида и стимулируются при этом двумя импульсами. Как только у члена коллектива возник замысел, это автоматически стимулирует его на разработку следующих замыслов. Это способствует возникновению ассоциаций у всех остальных членов коллектива. Следующим импульсом воображения является соревнование, соперничество. Так как творчество в значительной степени зависит от прилагаемого усилия, соревнование мотивирует затрату усилий. «Мозговая атака» использует эти усилия одновременно.

Руководитель коллектива обращает внимание его членов на четыре основных правила проведения «мозгоатакующего» совещания:

- Критика исключена; внесение суждения — благоприятного или неблагоприятного — также не допускается. Единственной задачей «мозгоатакующего» коллектива является выдвижение идей; категорически запрещается всем участникам начинать фразы со слов «Нет...», «Это невозможно...» и т. п. Это связано с тем, что 95 % людей не могут творчески работать в условиях «моральной угрозы».

- Свободные ассоциации приветствуются; чем смелее и необычнее замысел, тем лучше; члены коллектива должны высказать все появившиеся у них идеи.

- Весьма важно множество замыслов; чем больше замыслов, тем больше вероятность их использования; доказано, что количество замыслов рождает их качество.

- Комбинирование и улучшение замыслов желательны; участники совещания должны взаимно улучшать, комбинировать и направлять замыслы остальных. Замыслы других могут быть использованы как «трамплин» для замыслов индивида. Наилучшие замыслы индивида являются, как правило, комбинацией замыслов других членов коллектива.

«Мозгоатакующее» совещание никогда не должно носить формальный характер. Единственным формальным моментом является запись мыслей. Совещание ведется в форме дружеской беседы. Шутливые предложения по решению проблемы тоже фиксируются.

При проведении мозговой атаки следует создать непринужденную атмосферу в группе. Этому содействуют состав группы, поведение руководителя, помещение, освещение и т. д. Никто из участников не должен бояться того, что его высказывания не представляют ценности. Предложения или идеи нельзя негативно оценивать ни словом, ни жестом, ни интонацией. Наоборот, желательны их поддержка и развитие. Свои идеи участники должны высказывать откровенно и свободно. Не надо бояться нереальных идей. Нередко именно они ослабляют скованность группы и являются первопричиной рождения оригинальных идей. Чем больше идей, тем лучше. Надо стремиться к тому, чтобы предложения поступали быстрее, это тоже уменьшает скованность группы. Хотя опыт проведения «мозговых атак» и показывает, что с увеличением числа предложений ухудшается их качество, но зато в конечном счете увеличивается количество оригинальных предложений. В некоторых случаях группа выдвигает более 200 идей в час!

В первые минуты неизбежно должны звучать банальные и стереотипные идеи (если, конечно, не имеются «домашние заготовки»). Отбирайте лучшие идеи, а не отбрасывайте худшие! Не устанавливайте авторство идей. Самые лучшие идеи — плод коллективного творчества.

Совещание. Выбранная для работы комната может быть соответствующим образом оформлена: иметься соответствующее проблеме наглядное справочное оформление или может быть совершенно нейтральная обстановка. Руководитель собирает группу «мозговой атаки» в отведенное помещение и еще раз формулирует проблему. Сначала участники группы решают какую-либо легкую проблему, проводя разминку. Приглашенные специалисты и новые члены, которые еще никогда не участвовали в «мозгоатакующем» совещании, могут начать обсуждение с решения какой-либо элементарной проблемы.

Затем следует перейти к собственно «мозгоатакуемым» проблемам. Руководитель просит членов коллектива высказывать предложения по решению данной проблемы. Количество предложений, высказанных приблизительно в течение первого часа «мозгоатакующего» совещания (при хорошем руководстве совещанием), быстро возрастает.

В первый час (если совещание длительное) мысли возникают относительно легко и быстро. Это обычно замыслы и предложения, которые мог бы придумать каждый. После такой интенсивной «мозговой атаки» большинство участников устают и думают, что они не способны что-либо предложить. Однако совещание следует продолжать. В заключительной части «мозгоатакующего» совещания у

членов коллектива возникают обычно две-три наиболее оригинальные идеи. Новые и оригинальные мысли возникают тогда, когда кажется, что исчерпаны все мысли и ассоциации.

Эффективность «мозгового штурма» снижается при постоянном привлечении к сеансам одних и тех же лиц, наличии в группе «сильной личности», невысокой квалификации привлекаемых специалистов, а также при большом числе участников сеанса.

Член коллектива может за одно выступление предложить только один замысел — иначе было бы трудно управлять ходом совещания. Иногда запрещается пользоваться предложениями, подготовленными заранее. Если одновременно хотят высказаться несколько членов совещания, то предпочтение отдается тем авторам, чьи предложения возникли по ассоциации с предыдущими предложениями или вызваны этими предложениями.

Абсолютно все, без исключения, произнесенные идеи должны обязательно фиксироваться. Варианты для этого: на доске или большом листе бумаги (это может делать специально выбранный протоколист; есть вариант, когда участники сами записывают их на карточках; запись на диктофон) и таким образом, чтобы это всем было видно, — визуальная фиксация идей создает у группы ощущение коллективного достижения, снижает тенденцию к повторению и стимулирует новые идеи. При этом соблюдаются следующие правила: ни одна мысль не записывается вместе с именем того, кто ее предлагает — она могла непосредственно исходить из мысли, которую предложил кто-то иной, или ее мог бы предложить чуть позднее другой член коллектива. Нумерация мыслей даст возможность руководителю моментально фиксировать их количество и в конце совещания определенным образом стимулировать коллектив.

Обработка полученных данных. После окончания «мозговой атаки» необходимо обработать его результаты. Провести: 1. Уменьшение перечня идей (за счет синтеза сходных). 2. Выделение консенсусных (самых приемлемых) идей. Наиболее простой способ здесь — определить такого рода идеи с помощью принципа «*вето*», когда членам группы задается вопрос: «*Есть ли кто-то несогласный с тем, что данная идея считается важнейшей?*» При любом количестве несогласных идея снимается с консенсусного рассмотрения. 3. Формирование рейтинга (иерархии) оставшихся идей хотя бы с помощью вопроса «*Кто голосует за то, что данная идея является важнейшей?*» При этом каждый член группы голосует неограниченное количество раз, после чего рядом с формулировкой каждой идеи проставляется число поданных в ее поддержку голосов. 4. Детализация самых лучших идей, обсуждение путей их улучшения. Можно предложить членам группы начинать такое обсуждение со слов: «*Данная идея станет лучше, если...*»

По окончании совещания его участникам рассыпается список высказанных предложений, в который каждый может дописать новые мысли.

На второй или третий день после «мозгоатакующего» совещания созывается следующее совещание, которое должно из множества предложенных мыслей выбрать наилучшие и решить, какие из них можно реализовать. В новом совещании могут принимать участие и те, кто не участвовал в «мозговой атаке» — это повышает объективность оценок. После проведения окончательных испытаний, экспериментов и т. д. используется примерно 10 % предложенных мыслей.

Различные варианты «мозговых штурмов» взяты из обзора Дж. Р. Хинрикса, который частично излагается в [4.19. С. 164–166, со ссылкой: *Hinrichs J.R. Creativity in Industrial Scientific Research, A Critical Survey of Current Opinion, Theory and Knowledge. // AMA Management Bulletin, 12.N.Y., 1961*].

Фон Фанге обращает особое внимание на формулирование проблемы, для чего требуется выделить единственный центральный пункт [4.19. С. 164, со ссылкой: *Fange E.K. von, Professional Creativity*].

Исследования позволили прийти к некоторым ободряющим выводам: ситуация «мозговой атаки» может превысить продуктивность мышления ее участников, при соблюдении правила, по которому требуется подхватывать идею любого рода, даже если ее уместность кажется вам в это время сомнительной. Поэтому «хороших» идей возникает больше в свободном обсуждении, чем если бы выискивали одни только «хорошие» идеи [4.19. С. 165, со ссылкой: *Mesdow A., Parnes S.J., and Reese H. Influence of Brainstorming and Problem Sequence on a Creative Problem Sequence on a Creative Problem Solving Test. // Jornal of Applied Psychology, Vol. 43, 6, Dec. 1959*].

При подходе, основанном на «операционном творчестве», вводится следующее уточнение: только руководитель группы знает истинный характер проблемы и организует обсуждение таким образом, чтобы найти решение — причем предполагается, что имеется единственное решение [4.19. С. 165, со ссылкой: *Gordon W. Operational Approach to Creativity. // Harvard Business Review, Vol. 34, 6, Nov. / Dec. 1965*].

В настоящее время «мозговая атака» используется в качестве одного из элементов более крупной системы, которая охватывает аналитические функции до и после «совещаний по методу «мозговой атаки» — если этот термин можно еще применить к заседаниям комитетов или к встречам для «перекрестного опыления». Комитеты или «мозговые тресты», не опирающиеся на постоянный персонал, занятый анализом (в тех случаях, когда члены комитета сами не производят детального анализа), все больше выходят из моды. Некоторые модификации можно ныне обнаружить чаще в промышленности европейских стран, особенно во Франции, чем в США.

Заключительный этап. Итогом проведения «мозгового штурма» становится документ. Это может быть изложение нескольких идей на выбор заказчика; какая-то одна рекомендация; или же детально проработанный многооперационный план. В последнем случае, если заказчику по той или иной причине требуется, чтобы полнота информации была дана по всей глубине проработки, то тогда создается описание по отдельным, далее неделимыми, элементам или, в терминологии RAND Corporation, на уровне «гаек и болтов» (*nuts & bolts*). Главным здесь является поиск числа элементов операции, которое позволило бы описать все полностью, но при этом ни разу не повториться. В разных редакциях это описывают по-разному, но из классической литературы нам известна наилучшая. Римский ритор Квинтилиан (*Quintilianus*) (ок. 35–95 гг. до н. э.) предлагал своим ученикам ответить в выступлении на семь вопросов: «*quis? quid? ubi? quibus auxilles? cur? quomodo? quondo?*» (кто? что? где? какими средствами? зачем? как? когда?). Такой подход позволял не забыть о чем бы то ни было и в то же время избежать повторов. Нам известна более современная трактовка полноты информации, которую мы и предлагаем: «кто? что? как? где? когда? зачем? сколько?». Как правило, заключительная стадия «мозгового штурма» в этом случае сводится к тому, чтобы заполнить пустые

классы. Тогда получается довольно объемная таблица, где левый столбец — номера производимых операций по порядку, их наименования, а остальные это — содержание, где будут расписаны ответы на все 7 вопросов.

Перефразируя известное выражение, можно сказать, что при «мозговом штурме» рождается истина. Его значение для решения проблем очень велико, хотя и не исчерпывающе. Применение методов типа «мозгового штурма» очень широко, оно ограничено только некоторыми опытно-конструкторскими разработками научно-технической сферы, в политических же технологиях используется везде [4.19. С. 164–166; 4.165. С. 243–245; 4.166. С. 40–46; 4.167. С. 3; 4.168. С. 329; 4.169. С. 70–74; 4.170. С. 334–335; 4.171." С. 726–727; 4.172. С. 79–81].

СЦЕНАРИЙ (SCENARIO)

Это один из наиболее распространенных методов, применяемых в США Для прогнозирования международных отношений. Сценарий — это еще не прогноз; последний, как правило, в этом случае будет строиться на выводах, полученных в результате разработки целого ряда сценариев. В ходе такой разработки проверяются различные комбинации внешнеполитических целей, предпосылок и различных факторов, определяющих и развитие международных событий, и возникновение той или иной гипотетической ситуации. Сценарий — пошаговый список наиболее вероятных ситуаций и их решений, и, как правило, является плодом коллективного труда потому, что сценарий — это довольно объемный труд, который нужно создать в кратчайшее время [4.173. С. 122–125]. Сценарий отличается неформализованным подходом, т. е. каждая научная школа и каждый ученый, выполняющий определенную часть, в зависимости от того, как ими формулируется данная проблема, может предложить свое видение ее решения и изложить по-своему. Сценарий легко включает в себя любые методики — от математически строгих, системных до нечетких. Сценарий включает в себя такое понятие, как «формализация». Если решение математической задачи (пусть и многовариантное) будет предполагать ее исполнение через строго определенный аппарат формул и кратких словесных комментариев, то сценарий предполагает использование графиков, рисунков, формул, словесных описаний и т. д. Если характерным недостатком обычного прогнозирования является описательный характер, то здесь он устраняется опытным разработчиком через включение в себя четкого планирования необходимых, по мнению авторов, компонентов, без которых достигнуть поставленной цели невозможно в принципе.

Сценарий — преимущественно качественное описание возможных вариантов развития исследуемого объекта при различных сочетаниях определенных условий. Он в развернутой форме показывает возможные варианты будущих событий для их дальнейшего анализа и выбора наиболее реальных и благоприятных условий. Этот метод является средством первичного упорядочения проблемы, получения и сбора информации о взаимосвязях решаемой проблемы с другими и о возможных и вероятных направлениях будущего развития. Группа квалифицированных профессионалов начинает с того, что составляет план сценария, где стремится наметить области, которые не должны быть упущены из внимания при постановке и решении проблемы.

Различные виды сценария обычно пишутся разными группами людей, где развертывается вероятный ход события. Использование разных специалистов помогает потом проследить разветвление информации.

Сценарии могут быть написаны как полные документы, так и в качестве отдельного этапа более общего системного анализа. В этом случае он будет выступать в качестве начального этапа (анализ проблемы) и одного из промежуточных (прогноз и анализ будущих условий) [4.164. С. 240–246].

Метод сценария был разработан RAND Corporation в качестве вспомогательного средства для исследований в области стратегических проблем. При использовании данного метода предпринимается тщательно продуманная попытка написать искусственный сценарий будущих событий, который служит основой для рассмотрения еще не возникших политических проблем. Сторонники составления сценариев утверждают, что их метод помогает воображению, что это прием, который заставляет учитывать реалистические детали вместо абстрактных концепций, создает возможности, которые могли бы не возникнуть при обычном анализе, позволяет разработать и рассмотреть будущие альтернативы, а также сосредоточить внимание на взаимосвязи событий. При этом не предполагается, что сценарии должны быть точными или предсказывать будущее [4.07. С.80; 4.08. Р. 61].

ИМИТАЦИОННЫЕ ИГРЫ(SIMULATIONS GAMES)

Имитационные игры относятся к одному из разделов высшей математики, поэтому изложить их суть для широкого читателя представляется несколько затруднительным, и мы вынуждены рассказать о них лишь крайне поверхностно. «Теорию игр можно определить как теорию математических моделей принятия оптимальных решений в условиях конфликтов. Подчеркнем, что здесь «конфликт» понимается в широком смысле, охватывая способы разрешения любых, в том числе социальных, противоречий: антагонистических и неантагонистических, открытых и завуалированных, острых и смягченных, важных и несущественных. <...> Она представляет один из первых примеров сложных математических выводов, относящихся исключительно к вопросам, возникающим в общественных науках. Идея теории игр возникла из нефизических задач, и для трактовки этой идеи был разработан математический аппарат. <...>

В большинстве наук, содержательно изучающих конфликты, основные понятия задаются пока еще при помощи чисто словесных описаний, оставляющих возможности различного их понимания и истолкования» [4.174. С. 29–31]; «Теория игр— математическая теория оптимальных решений в конфликтных ситуациях. Поскольку участники конфликта, как правило, заинтересованы в том, чтобы скрывать от противника свои действия, ситуация задач теории игр является ситуацией принятия решений в условиях неопределенности. Логической основой теории игр является формализация понятий конфликта, принятия решения в нем и оптимальности этого решения. Конфликтом называют явление, в котором присутствуют участники (игроки), имеющие различные цели и располагающие определенным множеством способов действия — стратегий.

Игроки могут объединяться в коалиции, т. е. объединять свои интересы в конфликте. В этом случае рассматривают стратегии коалиции, а не отдельных игроков. <...> Наиболее распространены бескоалиционные игры двух игроков — игры антагонистические...» [4.170. С. 189].

В RAND Corporation ею занимались очень плотно [4.04. Р. 111–112] и довольно большое число сотрудников, из которых выделяют, например, философа по образованию Нормана Долки (Dalkey), автора нескольких трудов [4.175—4.178], который много рабочего времени проводил за военными играми. Эти игры, имитируя условия подлинного кризиса, помогли научным работникам RAND уточнить проблемы, встающие перед людьми, на которых возложена обязанность принимать решения в области обороны.

Порой эти игры имитируют дипломатические конфликты, в которых сотрудники RAND играют роль государств, сталкивающихся друг с другом в ООН. Так, два отставных генерала по много часов проводили в т. н. красной комнате, обсуждая детали внезапного бомбового налета. Электрический календарь на ее стенах показывал дату на десятилетие вперед. Стены были увешаны картами Азии — это «поля сражений».

«Красная комната» находится в подвальном этаже одного из корпусов RAND. Ведущая в нее дверь напоминает дверь огромного сейфа — ее толщина около 30 сантиметров. По соседству расположены еще две комнаты; на дверях одной из них красуется табличка «красная армия», на другой — «синяя армия». Сообщение их с «красной комнатой» осуществляется через раздвижные окошечки — «двери Иуды», через которые находящиеся в двух боковых комнатах красные и синие офицеры передают генералам свои решения о дальнейшем ходе операции. Эти решения принимаются после многочасового обсуждения.

Отметив на карте Азии передвижение войск, воздушные атаки, подсчитав потери личного состава и техники, генералы вызывают из смежных комнат офицеров и сообщают им свои выводы по проведенной операции. Такого рода войны RAND Corporation проводит ежедневно с середины 1960-х гг.

Военные игры проводятся отделом операционных систем. Во время игр создаются ситуации, близкие к действительности. Выявляется действенность разведки, различных систем вооружения, радарных установок. В результате игр выявляются многие недостатки. Так, например, одним из последствий этих игр явилась замена некоторых видов вооружения на более современные.

Другой пример. Участник одной из игр, генерал морской пехоты, понеся огромные «потери» из-за плохо налаженной связи наземных войск с авиацией, создал устройство, представляющее собой переносный радиопередатчик, который гарантирует связь с тем или иным родом войск. На щитке расположены кнопки, каждая из которых пронумерована. Такие передатчики могут быть использованы также агентами американцев для сигнализации и наведения бомбардировщиков на цели противника.

На вопрос, не считает ли он несовместимой свою специальность — философию — с игрой в воображаемую ядерную войну, Н. Долки ответил: «Я давно уже примирил это кажущееся противоречие. Если вас тревожит характер войны, подобные игры — наилучший способ оценить все проблемы ядерной войны в их совокупности, в том числе и моральные. Военная игра является орудием анализа — она нейтральна. Полезно понять, из-за чего происходит та или иная война» [4.06. С. 25–26].

Обширная литература убедительно свидетельствует о том, как многократно прорабатывались эти методы. Достаточно было подставить вместо абстрактных «синих» и «красных» конкретных людей, организации, страны, группировки, как происходящее наполнялось реальным содержанием; но математическая суть игр оставалась неизменной. Мы не можем выделить какой-то даже один характерный пример по теории игр и привести убедительные доводы по его использованию против СССР — это потребовало бы весьма глубокой проработки вплоть до использования математического аппарата, что многие читатели просто бы не поняли.

Как метод прогнозирования международных отношений игры используются для разработки возможных вариантов будущих международных (прежде всего кризисных) ситуаций путем имитации развития событий. Конфликтом, где антисоветская руководящая элита объединилась в тайную коалицию с внешней средой в борьбе с СССР в целом, можно рассматривать всю перестройку. Популярность имитационных игр, несмотря на некоторый спад в увлечении ими в конце 1960-х гг., и сейчас остается весьма высокой. Они применяются в десятках исследовательских центров и высших учебных заведений США.

Главное в этой интеллектуальной технологии для нашего исследования то, что конфликты в теории игр делятся на два класса — игры со строгим соперничеством и игры с нестрогим соперничеством. В первом случае интересы сторон прямо противоположны и непримиры. Победа одной стороны означает поражение другой. Суммы выигрыша и проигрыша в играх со строгим соперничеством равны нулю, поэтому их также можно назвать играми с нулевой суммой. В игре с нестрогим соперничеством интересы сторон сталкиваются, но их нельзя считать прямо противоположными, поскольку существует более или менее обширная область компромиссов, уступок, сотрудничества. Итог игры не является строго определенным, как в случае игры со строгим соперничеством. Эксперты по теории игр не могли уйти от того, чтобы не навязать СССР игру с нестрогим соперничеством, они это сделали и одержали свою «викторию».

Метод военных игр, разработанный RAND Corporation, находится в тесной связи с методом составления сценариев. В наиболее простой форме он предусматривает, что участники игры принимают на себя роль государства в целом, отдельной группы или лица, принимающего решение, например, выступают в качестве «Испании», «католической церкви в Испании» или «Генерального секретаря ООН» и изображают их действия в ответ на критическую ситуацию. Наиболее часто RAND Corporation использовала игры для искусственных экспериментов с условиями, которые не могут быть созданы в реальности. В простейшей кабинетной форме они часто использовались в качестве средства подготовки сотрудников с учетом требований, возникающих в кризисной ситуации. Особенно популярной такая форма была в Пентагоне и государственном департаменте в начале 1960-х. Упрощенная игра этого типа могла начинаться с предположения об атомном взрыве в штате Юта, и участник игры, выступающий в роли президента США, не знал, произошел ли взрыв в результате преднамеренной иностранной диверсии, какой-либо неисправности или же это дело рук доморощенного безумца.

Для осуществления операций в некоторых играх используются ЭВМ, причем действия лиц, принимающих решения, влекут за собой вычисления таких переменных, как оптимальная структура вооруженных сил или количество потерь, которые, вероятно, будут вызваны какой-либо акцией. Например, в игре

«RAY 2», организованной министерством обороны и проводившейся в RAND Corporation в 1970 г., ряд групп, которые находились в различных «фабриках мысли», военных учреждениях и в Агентстве по контролю над вооружением и по разоружению, были связаны сетью телетайпов и ЭВМ, охватившей всю страну. Игра состояла из нескольких этапов, во время которых имитировались кризисы и войны, возможные в конце 1970-х гг., с тем чтобы определить, в какой мере такие переменные, как технический потенциал, оружие, а также численность и состав вооруженных сил великих держав, могут влиять на окончательный исход.

Эти игры потребовали от специалистов RAND Corporation полного напряжения сил и привели к разработке различных альтернатив, о которых раньше бы не подумали, но они также оказали влияние на эволюцию важнейших политических решений. В 1950-х гг. был начат цикл игр, в которых изучалась возможная роль авиации в случае войны на Среднем Востоке, а другой цикл, начатый в этот же период, назывался «Проект Сьерра» (Project Sierra) и был в основном посвящен войнам ограниченного характера [4.04. Р.111–112; 4.07. С. 80–81; 4.08. Р. 62–63].

Весьма важным для качественного значения данной разработки является то, что она имеет и программно-компьютерное обеспечение.

ТЕХНИКИ ИМИТАЦИИ (SIMULATION TECHNIQUE)

Эта компьютерная программа зародилась в стенах RAND Corporation, где был написан ряд работ на эту тему (см. [4.177, 4.179–4.181]), а позднее подхвачена рядом других ученых, в том числе и в СССР. Наибольшее практическое применение техники имитации нашла при специально выбранном пути изучения советской системы. Эта программа позволяла учесть сколь угодно большое число постоянно меняющихся и неопределенных факторов и она была принята как методологически обслуживающее средство для разведывательно-исследовательских разработок в США, направленных против Советского Союза. «Сложные системы логично рассматривать только в динамике, понимая, что изменения, происходящие в них на наших глазах, вызваны отнюдь не только что оказанным на них существенным воздействием, а опосредованы целой цепочкой действий и ответных реакций систем на протяжении прошлого периода времени, неопределенного уходящего в глубь лет, десятилетий и даже веков.

Для моделирования таких систем <...> начали широко применять методы имитации поведения систем с использованием ЭВМ. Имитационная модель описывает структуру и внутреннее взаимодействие в системе. Модель записывается на специализированном алгоритмическом языке имитации. <...> Методы имитации более трудоемки, чем математические методы, менее изящны и лаконичны, но зато имитация обладает большей эвристической силой, проста в использовании и широко доступна для восприятия людьми, не подготовленными специально к работе с моделями.

В отличие от математической модели имитационная модель допускает вмешательство в ее работу на любом этапе моделирования, перестройку, вставление, устранение или замену отдельных блоков модели без существенной

перестройки остальных; ее структура независима от характера используемых переменных и от точности исходных данных. В силу своей гибкости, хорошей адаптируемости к условиям моделирования, нечувствительности к его условиям, нечувствительности к изменениям структуры и характера переменных имитационные модели отлично соответствуют особенностям применения системного анализа к исследованию сложных систем» [4.182. С. 9].

Электронное моделирование или же создание при помощи ЭВМ системы, имитирующей работу другой системы, которая может быть всем, чем угодно — от модели человеческого сердца до проектируемой системы оружия. Подобные возможности открывают перспективу для проведения экспериментов в условиях, не существующих в реальном мире [4.07. С. 81–82; 4.08. Р. 63].

АНАЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА «FACTION» (РАЗНОГЛАСИЯ)

Шаги Советского Союза становились все более непредсказуемыми, и прогнозы, построенные на методах «оперативного кода» Н. Лейтеса [4.12], с каждым годом все более и более не совпадали с реальностью. Такое происходило в следствие того, что само руководство КПСС и СССР размежевалось по большому счету как минимум на два лагеря, а по отдельным вопросам и того более, и все труднее было выработать компромиссное решение. Американским аналитикам требовалась иная методика, и она была выработана. Такая «система была разработана и введена в действие в 1984 г. специалистами ЦРУ США. Главная ее цель — составление с помощью специальных компьютерных программ прогнозов динамики развития политической и экономической обстановки в зарубежных странах. <...> Эксперты, занимающиеся исследованиями в рамках этой системы, заявляют, что на основании многолетнего опыта ее использования можно с большой долей уверенности говорить о высокой точности прогнозов. В частности, по их словам, с помощью методики «Фэкшнз» в мае 1991 года был предсказан августовский путч. Долгое время методика была строго засекречена... <...>

...Следует отметить очень высокий профессиональный уровень этих специалистов (из ЦРУ и других учреждений США. — А.Ш.): в процессе общения они демонстрировали знание таких нюансов российской политики, в которых разбираются далеко не все отечественные журналисты, пишущие на политические темы» [4.183. С. 1].

Хотя сказанное относится уже к постсоветским временам, приведенное описание мы можем смело переносить на предыдущий промежуток в жизни страны — применялась эта система и в годы «перестройки».

«Сама же работа более всего напоминала то, что в наших научных и деловых кругах называется мозговой атакой. То есть дискуссию, в которой сначала каждый участник высказывает свое суждение по обсуждаемой проблеме, мотивируя его насколько возможно, а окончательное решение принимается консенсусом. Методика исследования на первый взгляд оказалась несложной. Прежде всего следовало определить объекты исследования. Таковых в итоге оказалось три: пути развития российской экономики; отношения, складывающиеся между центром и регионами; политика России по отношению к

США. Затем составлялась команда «игроков» — личностей или групп, наиболее влиятельных в исследуемой области. В каждом из трех случаев состав немного менялся <...> Естественно, что главными «игроками» во всех случаях являются...» например, ведущие политики (вставка моя. — А.Ш.). «Каждый игрок получает оценки в баллах (от одного до ста) степени своего влияния на проблему и степени своей заинтересованности в ней. После чего игроки распределяются по шкале, также разделенной на сто единиц между крайними позициями. Таково весьма краткое описание технологии того политологического полуфабриката, в котором мы участвовали и который загружается в конечном счете в компьютер и появляется из него уже в виде готового продукта — экспертной оценки и диаграммы, показывающей место и влияние самых главных игроков» [4.183. С. 1].

Сама методика «Фэкшэнз» носила закрытый характер, но ее первооснова была уже известна и в примитивном виде заключается в том, что западные журналисты, аккредитованные в Москве, и кремленологи были заняты поиском расклада сил на советском политическом Олимпе: «Десятилетиями зарубежная пресса писала о «тайнах Кремля», подразумевая под этим процесс принятия решений на высшем уровне советского политического руководства, а также борьбу между сторонниками различных тенденций развития, между ведущими политиками, претендующими на лидерство. Вообще говоря, ничего удивительного в наличии таких тайн нет и быть не может — во всех странах политическое руководство вынуждено ограждать свою деятельность от чрезмерного любопытства прессы и повышенного внимания зарубежных политических разведок» [4.184. С. 5]. Учитывая, что многое было недоступно рядовым журналистам, то и методы сбора информации были самыми примитивными и косвенными: «Специалисты по Советскому Союзу зачастую основывали свои представления и прогнозы о СССР по расположению членов Политбюро на мавзолее Ленина» [4.185. С. 35]. Исходя из «борьбы между сторонниками различных тенденций развития» и делались выводы о том, каким именно путем СССР пойдет дальше.

Спустя три недели те же «Известия» опубликовали возражение к уже цитированной нами статье. Подписано оно было и Юрием Батуриным, который на тот момент занимал должность помощника Президента РФ по национальной безопасности. Оценка методу «Фэкшэнз» давалась довольно высокая: «Даже по косвенным признакам, которые содержатся в газетной публикации, можно дать оценку методических достоинств «Фэкшэнз».

Первый важный аспект этой модели заключается в ее подтексте, согласно которому считается принципиально возможной адекватная формализация динамики политических процессов. <...>

Методика «Фэкшэнз» как раз и отличается <...> способом представления, в котором параметры состояния общества, отражающие политическое устройство, социально-политическую систему, расщепляются в спектр своеобразной «призмой» — интеллектом экспертов.

Такой подход, безусловно, является строго научным. Основной практической проблемой на этом пути описания является лишь ширина спектра, необходимого и достаточного для построения достоверных прогнозов. <...>

Отдадим должное достоинствам «Фэкшэнз». Прежде всего измерению процессов в трех ракурсах: ведущих хозяйственных отраслей, регионов и

политиков. Каждая из действующих сил развития общества имеет свою направленность и свой «вес» [4.186. С. 4].

Понятно, что методика «Фэксенз» имеет гораздо более широкое поле применения, нежели упомянутое.

ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ (CONSUMER SENTIMENT INDEX)

Газета «Известия» сообщает, что «После Второй мировой войны американский бизнес и правительство США были обеспокоены вопросами, что станет делать население с весьма значительными сбережениями, накопленными за время войны? Будут ли их тратить? Если будут — то как и на что? Это важно было знать, потому что в рыночной экономике именно рядовой массовый потребитель является главной фигурой. Потребительские расходы, скажем, в США составляют, по разным расчетам, от двух третей до трех четвертей валового внутреннего продукта. Следовательно, потребительское поведение является главным фактором экономики. Вот почему в 1946 г. в университете штата Мичиган, что в городе Анн Арбор, надумали исследовать показатель, получивший название consumer sentiment index (CSI). <...>

В основе лежат данные опроса 2400 человек в 101 точке страны, отобранных по социальному положению, полу и возрасту так, чтобы они наиболее точно представляли мнение всего населения страны» [4.187. С. 4].

Индексом потребительских настроений (ИПН) в Америке занимался Центр изучения закономерностей реакции потребителя. В переводной литературе указывалось, что это была «первая «фабрика мысли», выражающая интересы потребителей». На самом деле она не выражала интересы потребителей, она их учитывала, делая, скажем откровенно, из этих же самых потребителей управляемые объекты. В Советском Союзе за все время только известный аналитик СЕ. Кургинян, о котором мы еще будем говорить ниже, лишь один раз сказал о взаимосвязи между уровнем жизни и сменой строя [36. Ч. 1. С. 70]. Сделал он это в январе 1991 г. в закрытых материалах для ЦК КПСС, а потом они были опубликованы. В RAND Corporation этими вопросами занимался О. Хелмер [4.188], причем первая конференция состоялась еще в сентябре 1947 г. [4.04. Р.35].

Стоит указать на то, что ИПН сам по себе есть метод только отслеживания информации, но в целом, благодаря огромному прогнозирующему эффекту, он применим и в технологиях социальной кибернетики. Итак, для того чтобы знать о тенденциях развития общества, оказывается, много и не надо — достаточно опросить несколько его представителей. Конечно, нужно только посочувствовать тем, кто обрабатывал данные по СССР — с его-то тотальным дефицитом, но работа была проведена на самом высоком уровне и здесь. В одиночку западным технологам было не справиться — обязательно должна была поставляться информация из той страны, которую исследовали.

Предполагаю, что «помощь» Западу в сборе информации о советском обществе с советской стороны была и была довольно качественной. Как нам представляется, информацию могли доставлять Центр по изучению

общественного мнения при ЦК КП Грузии, социологические службы, действующие при Ставропольском крайкоме и Свердловском обкоме КПСС [4.189. С. 28]. Обращаю внимание на то, что они находились под контролем и прикрытием соответствующих первых секретарей региональных комитетов партии — Э.А. Шеварднадзе, М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина. Особое внимание уделялось поведению жителей Москвы и Ленинграда — в самом деле, масса событий перестройки произошла именно в этих городах, а не где-то на периферии. Здесь исходили из того правила, что бунты — удел провинций, а революции — столиц. Поэтому обе столицы должны были рассматриваться как отдельные социальные системы, и для них должны были даваться отдельные оценки и, соответственно, здесь должны быть свои ИПН.

Дополнительно укажем, что сейчас это дело в РФ поставлено на более существенную основу — в России работает над этим ВЦИОМ, с американской стороны — Альбина Бирман, которая 23 года использовала этот показатель в США, а до этого являлась экономистом в СССР Нашему читателю такой прием уже знаком. Новыми являются только имена.

CASE-ТЕХНОЛОГИИ

CASE— Computer Aided System Engeneering (компьютерная поддержка проектирования систем). Современный рынок насчитывает не менее 10 °CASE-продуктов. CASE-технологии отличаются стремлением вскрыть логику процессов там, где обыденное сознание видит лишь груду ничем не связанных между собою феноменов. Там же, где ученые видят лишь компоненты, принципиально не сводимые в единое целое, специалисты по CASE-технологиям видят процессы, различные по типологии, но тем не менее способные к сводимости по общим знаменателям.

Так, например, одна из наиболее часто используемых и простейших методологий — **IDEFO — методология создания функциональной модели производственной среды или системы**. Она была основана на базе метода функционального проектирования SADT, сформированного в середине 1970-х гг. С тех пор системные аналитики всего мира используют этот подход для разработки компьютерных программ долгосрочного и стратегического планирования, создания программного обеспечения оборонных систем, управления ресурсами. В рамках специальной программы методы SADT были стандартизованы, после чего и получили название методологии IDEF0. С 1981 г. BBC США потребовали, чтобы все фирмы, конкурирующие за заключение контрактов, представляли и обосновывали свои предложения в терминах IDEF0. Это произошло вследствие того, что с помощью данной методологии легко описываются управление, обратная связь и механизм исполнения. Основной конструкцией IDEF0-модели является функциональный блок. В основе методологии лежат следующие правила: функциональный блок преобразует входы в выходы; управление определяет, когда и как это преобразование может или должно произойти; механизм непосредственно осуществляет это преобразование. IDEF0-модели — это не блоки и не диаграммы, а

предписывающие диаграммы, которые представляют вход/выход преобразования, а также подсказывают правила этих преобразований.

Методология IDEF1X — один из подходов к семантическому моделированию данных, основанных на ER-концепции (Entity Relationship) (сущность — отношение), созданной ученым Ченом (Chen), которая, в свою очередь, появилась на базе т. н. «концептуальной схемы». Компонентами является сущность, отношения между сущностями, атрибуты сущностей. Одним из важнейших компонентов является отношение «многие-ко-многим», характеризующее связь между двумя сущностями, при которой каждый элемент первой сущности связан с произвольным (в том числе нулевым) числом элементов второй сущности, а каждый элемент второй сущности связан с произвольным (в том числе нулевым) числом элементов первой сущности. Такого рода подход позволил детализировать любой анализ до такого уровня, что все бесконечно сложные виды отношений типа «многие-ко-многим» были раскрыты и заменены соответствующим множеством простых отношений [4.190. С. 9—14].

Методологии применялись для проектирования деятельности, как отдельных лиц, так и целых организаций союзного уровня, чья деятельность должна была иметь воздействие на всю сложную систему «СССР»; проведение анализа наиболее важных подсистем, в том числе полный учет управлеченческих связей, а также изменений комбинаций связей, в том числе неформальных; рекомендации по встраиванию чужеродных элементов, связанных с определенными сегментами в системе с целью свертывания программ, и изменению (отказу) от достижения целей, а также совершенствованию управлеченческой деятельности самих США таким образом, чтобы ряд элементов СССР стал их гармоничным продолжением. Именно CASE-технологии и математический инструментарий позволяют достичь успешного решения такого рода задач.

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ

RAND Corporation разработала также целый ряд весьма сложных и тонких математических методов, в частности **линейное программирование** (linear programming), **динамическое программирование** (dynamic programming), **метод Монте-Карло** (Monte Carlo method), **нелинейное программирование** (nonlinear programming), **определение очередности проблем** (problems scheduling), а также новые подходы в области методов футурологии и технического прогнозирования. Самый знаменитый метод известен под названием **«Дельфи» (Delphi)** [4.175, 4.191]. В свое время он был в большой моде в правительственные учреждениях, в университетах и в коммерческих фирмах. «Дельфи» — это комплекс процедур, используемых для опроса специалистов с целью определения вероятности будущих событий. Он предусматривает последовательный индивидуальный опрос экспертов и последовательное сведение их мнений к единому. Метод считается достаточно полезным, однако указывается на многие его недостатки: процедурные сложности, недостаточный учет взаимозависимости между событиями и международной обстановкой, трудность выявления факторов, определяющих сближение мнений экспертов, и т. п. Есть также метод, называемый по-разному:

разработка системы финансирования программ, разработка бюджета с учетом требований политики, а также **система планирования — программирования — разработки бюджета (ППРБ) (The Planning, Programming and Budgeting System— PPBS)**. Существовала разработка этой системы, конкретно осуществленная для внешнеполитических операций (**Foreign Affairs Planning System—FAPS**), впрочем, пользовались ею недолго — посчитав, что традиционный набор средств дает такой же результат.

США для прогнозирования своей внешней политики использовали и обычные методы, но делалось это через использование новейших средств. Так, например, в рамках Межуниверситетского консорциума политических исследований в Мичиганском университете работает архив внешнеполитических исследований. Накопленная в архиве памяти ЭВМ информация становится достоянием всех членов консорциума, а также за определенную плату предоставляется и исследовательским центрам других групп. Эта информация является, правда, почти исключительно информацией о прошлых событиях, но она служит базой для проведения многочисленных новых прогностических исследований с применением математических методов.

Можно привести ряд примеров таких «блоков данных», которые активно используются самым широким кругом исследователей:

1. По внутриполитическому развитию в отдельных странах, например — «Исследование политических изменений в Великобритании, 1963–1970 гг.» — т. е. события, в результате которых была уничтожена система британских колоний, что по-своему можно рассматривать как «генеральную репетицию» уничтожения Советской империи; данные специального выборного опроса 2922 человек в 14 турах по 28 пунктам (главный блок).

2. По двусторонним отношениям отдельных стран — «Региональное взаимодействие в Азии, 1956–1968 гг. Попарное взаимодействие азиатских стран друг с другом»; исследованы 272 различных сочетания азиатских стран по 21 показателю: торговля, дипломатический обмен, договоры, конфликты, членство в международных организациях.

3. По развитию политической обстановки в отдельных регионах — закодированные и разбитые на 7 «переменных» данные по 10 000 внешнеполитических событий на Ближнем Востоке в 1949–1969 гг. с участием Израиля, Египта, Сирии, Иордании, Ливана, Ирана.

4. По политическим событиям глобального масштаба — «Проект Запад—Восток»; данные по 15 000 событий во взаимоотношениях стран НАТО и Организации Варшавского Договора плюс Югославия и КНР (за 1945–1965 гг.).

5. По международным союзам и коалициям — «Данные по международным военным союзам: 1920–1957»; данные по 44 показателям для 137 союзов, заключенных между 1920 и 1957 годами. Показатели включают в себя принципы, на которых строится союз, основные характеристики его членов, судьбы союзов.

6. По развитию системы международных отношений — «Международные регионы и международная система»; исследование содержит данные по частям системы международных отношений с «социальной и культурной однородностью», по группировкам с подобными «политическими подходами и внешним поведением» (измеренным по результатам голосования в ООН) и т. д.

7. По международным организациям — «Объединенные Нации и колониализм»; данные по 1166 случаям голосования в ООН по этому вопросу за 1946–1967 годы.

8. По международным конфликтам и кризисам — «Политические конфликты: 1944–1966»; данные для 323 конфликтов в различных странах и районах мира по показателям степени их остроты, типам имевших место военных операций, методам разрешения и результатам для внешней политики США.

9. По войнам — «Международные подсистемы: данные по войнам»; данные собраны для войн в период с 1649 по 1963 год для 21 международной «подсистемы», «переменные» включают в себя длительность войны, тип, участников, интенсивность боевых действий, результаты войны.

Пользуется не меньшей популярностью в правительственные ведомствах и концепция «издержки — эффективность» (*cost— effectiveness*) (советский аналог этого термина *соотношение цена — качество*), т. е. применение экономического анализа к принятию решений. Этот метод, используемый при перспективном планировании, уделяет основное внимание задачам, а не объектам и применяется в тех случаях, когда имеется несколько возможных путей для достижения какой-либо цели. Анализируя экономический аспект альтернативных способов действия, лицо, осуществляющее планирование, получает представление о наиболее экономных путях достижения своей цели. Последний метод предназначен для решения ряда физических проблем путем проведения серии статистических экспериментов, причем точность зависит от количества предпринятых попыток. Многие математики утверждают, что без этого метода водородную бомбу не удалось бы создать столь быстро. RAND Corporation использует эти методы в таких областях, как определение траекторий искусственных спутников, анализ атмосферы других планет и проектирование систем связи [4.07. С. 82; 4.08. Р. 63].

Другие методы применялись столь же часто и о них известно давно.

Метод записной книжки. Как правило, применяется при составлении различных докладов, статей и проч. Каждым участником заранее ведется запись всего того, что приходит на ум, вспоминается в связи с заданным. Затем всеми участниками составляется собственно итоговый документ. Что-то в процессе его составления отсеивается, и не все записи оказываются нужными. Может применяться и одним человеком.

«Мечты о невозможном». Без применения этой технологии совершенно не представляется возможность осуществить столь сложное дело, как разгром СССР, нужно было прежде всего представить себе такое, прежде чем осуществить столь грандиозный замысел, предстояло еще отыскать его. Такая технология своего рода базовая. Она определила саму возможность получения результата. При этом конструктивные идеи, высказываемые в иных R&D, здесь не приветствуются. Совсем наоборот. Они заменяются предложениями типа: «Если бы у нас было *это*, то мы бы могли сделать *то-то*». Первая часть предложения, уместная при редком сослагательном (контрфактном) анализе, отбрасывается. Работа ведется именно со второй частью такой фразы, она ставится на поток. Фантазия, легкий «абсурд» — вот как будет уместно охарактеризовать эту технологию. Если при этом будет присутствовать посторонний, то он может усомниться в психическом здоровье участников. Можно смело сказать, что главный принцип, которым руководствуются при решении этих задач, будет звучать так же, как и название известного фильма: «Никогда не говори никогда».

Семинары информационно-аналитический и общенаучный мало чем отличаются друг от друга. Единственное различие состоит в том, что иногда первый применяется как занятие, на котором специалисты-эксперты доводят те или иные принципы (дополняемые фактическими справками, полученными из спецслужб) до сведения тех или иных высокопоставленных официальных лиц.

(Так, например, для Дж. Буша-старшего проводились консультации перед его полетами в Москву на встречи с новыми лидерами СССР в ноябре 1982 г., в феврале 1984 г., в марте 1985 г.; а также при заступлении в должность президента США.)

Контент-анализ. Как в социологии, так и в добывче информации из открытых источников для информационно-аналитических подразделений спецслужб это в принципе одно и то же. В этой связи хочется привести одно свидетельство: «Стрелы спецслужб США, других западных стран, конечно, направлены прежде всего на Россию — страну, богатую в области научных достижений военных технологий и практически открытую для разведок. Так, как был открыт и СССР, хотя секретилось в советской империи многое. Сошлюсь на мартовскую 1989 г. публикацию в американской газете «Вашингтон пост».

«Открытость Советов, — писала газета, — во многих технических вопросах анекдотична. Однако это не просто феномен перестройки. Бывший армейский инженер, работавший в начале 1960-х гг. в Управлении по ядерному оружию, рассказал об ученом из «РЭНД корпорейшн», которого попросили собрать из открытых советских публикаций всю информацию о последствиях применения ядерного оружия в космосе. Когда спустя шесть месяцев он пришел с докладом, американцы были вынуждены собрать секретное совещание».

В той же публикации «Вашингтон пост» говорилось и о способах получения доступа к новейшим российским разработкам. Каковы же они? По мнению авторов, искусство заимствования идей главным образом заключается в чтении литературы, издающейся в России. Другой способ получения доступа к разработкам лежит в заключении прямых контактов на исследовательские работы» [4.192. С. 225].

Интуитивно-логические методы основаны на использовании знаний и интуиции экспертов по различным проблемам международных отношений. Предполагается, что специалист всегда знает и готов сказать о будущем больше, чем он может обосновать и доказать.

В связи с этим ныне в США получает развитие модификация метода Дельфи — **метод перекрестной корреляции**, позволяющий учитывать взаимное влияние возможных будущих событий и поэтому повысить достоверность прогнозов. Идея использования «перекрестной корреляции» событий для прогнозирования в принципе проста. Все события записываются в матрицу, и между ними устанавливаются, а затем количественно оцениваются перекрестные связи. Чем больше вводится в матрицу событий, тем большая ожидается точность прогнозов. При использовании ЭВМ в их память может быть введено до 1 000 000 случаев «перекрестной корреляции». С помощью ЭВМ при этом создается большее число сценариев и определяется вероятность их осуществления. Считается, что, применяя этот метод, можно также определить более непосредственно внешнеполитическую стратегию, с помощью которой станет возможным добиться ускорения наступления желаемых событий или, наоборот, замедлить развитие явлений нежелательных.

Из математических методов исследователи в первую очередь используют построение математических моделей, которые становятся методом, инструментом исследования после того, как они созданы и проверены.

В американской практике имеются два основных построения таких моделей: «эмпирический» и «нормативный». Эмпирический путь выражается в анализе большого числа количественных данных, собранных на базе какой-либо весьма общей, предварительной гипотезы исследования. Нормативный путь предполагает с самого начала весьма точное определение структуры и процессов объекта исследования на основе имеющихся теорий.

На протяжении последних лет заметное развитие получили **комбинированные методы и методики**, направленные на то, чтобы компенсировать специфические недостатки отдельных методов.

Одна из интересных комбинированных методик разработана Т. Робинсоном из RAND с участием сотрудников Института проблем войны и мира Колумбийского университета. Первым вариантом этой методики является так называемое «прогнозирование альтернативных вариантов рельефного будущего». Суть этой методики заключается в последовательном прогнозировании будущей военно-политической обстановки (без учета ее вероятности); проблем и возможностей, возникающих перед политическим руководством; в определении его целей и возможных действий в условиях создающейся неопределенности. Используется, в частности, матрица проблем и характера будущих правительств в отдельных странах, а для окончательной оценки вероятности событий применяется метод «Дельфи» [4.19. С. 122–125].

Метод коллективной экспертизы (в отличие от дельфийского) основан на независимых мнениях экспертов в заочных и анонимных процедурах.

Метод линейной экстраполяции — продолжение прошлых и нынешних ситуаций на будущее с помощью графоаналитических построений.

Графоаналитический метод основан на анализе системы с выделением нескольких уровней иерархии через построение триады: «дерево целей — дерево решений — дерево ресурсов».

Экспертные системы (expertsystem) — создание компьютерных программ для компьютеров 5-го поколения с тем, чтобы они оперировали не только данными, но и знаниями, как это делают эксперты при выработке умозаключений. RAND Corporation стала одной из организаций, активно работающих в области таких систем, основанных на использовании знаний.

ПАТТЕРН-проектирование(Planning Assistance Through Technical Evaluation Relevance) — дословный перевод: «помощь планированию посредством относительных показателей технических оценок». Слово «pattern» означает «шаблон, модель, схема», и сама аббревиатура умышленно воспроизводит это слово. Применяется ПАТТЕРН при планировании научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок для достижения целей в условиях неопределенности (т. е. в сложных, противоречивых системах); при выделении функциональных подсистем; в принятии решений с помощью компьютерных программ; позволяет наиболее четко сформулировать политические цели по уровням — число которых может быть сколь угодно большим, но при этом они должны быть взаимосвязаны: от глобальных целей до функциональных элементов.

МЕТОДЫ ИНФОРМАЦИОННО – АНАЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ РАЗВЕДКИ

«Intelligence» (Разведывательная информация). Для обозначения информации, необходимой для принятия внешнеполитических решений, в англо-американской литературе используется термин «intelligence», только семантически равнозначный словам «информация», «новости», «сведения». Это первоначальное его значение было частично утрачено в связи с тем, что данным термином стали обозначать разведку в целом, с тем чтобы скрыть истинное содержание ее деятельности. Поэтому «intelligence» часто употребляется как синонимы слов «разведка», «шпионаж», «тайные операции». Одно из лучших определений понятия «intelligence» содержится в докладе Конгрессу США «Комиссии Гувера», проводившей в середине 1950-х гг. расследование деятельности информационных органов правительства: «Intelligence» имеет отношение ко всему, что необходимо знать до принятия определенного курса действий» [4.193. С. 28–29, прим.].

Отставной генерал западных спецслужб трактует это понятие также в связи с информацией: «Разведывательная информация — есть осмыслиенные сведения, основанные на собранных, оцененных и истолкованных фактах, изложенных таким образом, что ясно видно их значение для решения какой-либо конкретной задачи текущей политики» [4.194. С. 34–35]. Эта система имеет и программно-машинное обеспечение в лице Единой Компьютерной Разведывательно-информационной Системы DOD Intelligence Information System [4.195. С. 84].

В ходе «холодной войны» была создана **Система индикации**, которая позволяла снимать информацию во многих плоскостях, давая объемную картину, как ныне существующей, так и с учетом изменения во времени; перспективной; вычислить достаточное число «болевых точек» СССР в отдельности, а также логические взаимосвязи между ними в сумме. Более того, такого рода действия в совокупности с обычной политической практикой, скажем, такой как политическое проникновение, и целым рядом других политтехнологий, позволило через принятие решений самыми высшими органами власти социалистического мира с оглядкой на Запад вовлечь СССР в контур управления западного мира. Это кажется несколько невероятным, но следует понимать, что в простой системе это могло бы быть обнаружено быстро, а в сложной это сделать затруднительно, а когда учтем советскую специфику, — секретность по принимаемым решениям от своего собственного народа, отсутствие гласной критики действий правительства, — то тогда станет понятно, что это позволило довести ситуацию до такого порога, после преодоления которого уже не было хода назад.

Но система индикации носила преимущественно пассивный характер, а соответствующим образом устроенная **Система тестирования СССР** имела особое значение именно через свои активные способности. Приступая к формированию этой разветвленной структуры, в США стремились лишь получить какую-то дополнительную к основной разведывательной информации о странах социализма в целом и об СССР в частности. Они не предполагали, что она еще может иметь очень четкий характер с математически точными данными. Поставив перед собой задачу получить информацию, как может руководящий аппарат СССР реагировать на те или иные воздействия с внешней стороны, предполагалось, что это будет оказывать лишь помочь дипломатам и аналитикам в разведке. Однако с применением компьютеров они получили массу данных и рекомендации по самому широкому кругу вопросов.

Тестируя реакцию руководства системы на тот или иной раздражитель (совсем как у «собаки Павлова»), США через свою систему индикаторов (еще раз уточним, что мы здесь имеем в виду: индикатор — здесь и в дальнейшем — показатель, надежно регистрирующий зарождение того или иного явления, его количественные значения, в том числе опасные или пороговые для той системы, которой и принадлежит индикатор — так или примерно так трактуется этот термин в аналитических и разведывательных службах) получали массу самой различной информации, обработанные соответствующим образом результаты, потом сводили к общему знаменателю (также через компьютерные программы). Когда речь на ранних стадиях работ еще шла об отсутствии умышленного воздействия, когда тот или иной показатель существовал вне связи с внешней средой, его значение принималось за «О», всякие же последующие воздействия, повлекшие за собой изменения хотя бы одного показателя, влияли на всю картину в целом. Полученные суммированные данные давали столь многомерную мозаику, что это позволяло выискивать и находить данные, которые нельзя было получить агентурным путем. Каждый такой опыт давал бесценную прямую рекомендацию, как действовать дальше для усугубления кризиса в СССР.

Значение этих двух систем настолько велико, как в прошлом, так и в настоящем, насколько информации о них чрезвычайно мало — о них говорят очень кратко, двумя-тремя словами или приводя отдельные примеры [4.196. Р. 37, 155–159], и мне пришлось реконструировать их, опираясь больше на результаты деятельности этих систем, нежели на разрозненные данные, как это делается во всех других проблемных моментах в этой книге. Благодаря этим системам в RAND Corporation и в «рэндоподобных» (RAND-type) организациях были накоплены банки ситуационных и управлеченческих решений. И на каждую реакцию СССР во время «перестройки» у них был готов свой ответ в виде *домашней заготовки*.

В качестве примера приведу обширную цитату, свидетельствующую об изменении методологии разведывательных служб в последнее время. «Важным направлением <...> является аналитическая работа специальных служб, которые обладают уникальными разведывательными, контрразведывательными и оперативно-розыскными технологиями, реализация которых позволяет своевременно обнаруживать, фиксировать и пресекать тщательно маскируемые действия лиц и организаций, посягающих на безопасность.

Эффективность указанных технологий предполагает соответствующую организацию деятельности спецслужб, значительное место в которой отводится информационно-аналитической работе. Задача аналитиков спецслужб — охватить все те стороны жизни <...>, где возникают и формируются угрозы государственной безопасности и которые недоступны открытому наблюдению со стороны других органов исполнительной власти.

Задача весьма сложная, с учетом роста количества источников опасности и их качественного разнообразия <...>. При этом необходимо учитывать, что аналитики спецслужб (если исключить из рассмотрения локальные аналитические задачи по информационному обеспечению текущего оперативного процесса), как правило, имеют дело с событиями и процессами, которые с трудом поддаются уголовно-правовой квалификации, а наступление их вредных последствий носит вероятный характер, взаимообусловлено проводимым руководством страны политическим курсом. <...>

Всякая организация, и спецслужба здесь не является исключением, эффективно функционирует лишь в том случае, если четко определен спрос на ее продукцию-Спрос на аналитическую продукцию спецслужб определяется через то, какие потребности государства обслуживаются. Другими словами, существенное значение приобретает четкая постановка потребителем, в данном случае высшими органами <...> власти, аналитических задач. В противном случае неминуемо возникновение негативных тенденций в их деятельности. Первая заключается в подмене аналитическими структурами спецслужб соответствующих подразделений других ведомств, постановке не свойственных им исследовательских, информационных и других задач, что может привести к постепенному выхолащиванию их основной функции. Другая негативная тенденция, как ни парадоксально это звучит, может выразиться в предоставлении спецслужбам излишней самостоятельности в выборе предмета аналитической работы, что также может привести к распылению их ресурсов.

<...>

Тесное и постоянное взаимодействие, например, в рамках консультативных советов и экспертных групп, позволит наиболее полно и эффективно использовать аналитический ресурс спецслужб, сосредоточить их усилия на решении ключевых, в соответствии с текущим политическим моментом, аналитических задач, избежать распыления сил и средств. Тем самым обуславливается активное, а с другой стороны, контролируемое влияние спецслужб на политику государства. <...>

Вместе с тем азбучные истины системного анализа говорят о том, что объективная оценка событий, затрагивающих интересы обеспечения государственной безопасности, может быть сделана лишь при условии их анализа во всем многообразии внутренних и внешних связей. Это тем более важно, поскольку спектр угроз национальным интересам страны <...> становится все более разнообразным, менее предсказуемым и исходящим от большего числа источников опасности. Поэтому дальнейшее совершенствование аналитической работы спецслужб <...> увязывается нами с созданием внутри сообщества спецслужб межведомственного координационного аналитического центра, позволяющего активизировать внутрисистемные связи и реализовать интегративное качество сообщества в целом. <...>

Важнейшая функция аналитической работы спецслужб состоит в организации системного противодействия возникающим угрозам безопасности. Она служит выработке общего замысла и тактики такого противодействия, координации усилий отдельных спецслужб и обеспечению их взаимодействия путем существенного расширения информационных ресурсов за счет включения в них аналитической составляющей» [4. С. 94–96].

Сами по себе даже самые гениальные и самые современные R&D будут мало что значить, если блоки информации будут использоваться недостаточно продуманно. Для реализации всех методов на деле должен существовать и успешно функционировать механизм использования информации государственным аппаратом: «Глубокий анализ всех собранных разведывательным сообществом сведений давно стал в ЦРУ обязательным и обыденным делом. Это достойно зависти и подражания: исследуют здесь информацию капитально, всесторонне, качественно.

Конечная продукция, как грифованная, так и открытая, отличается широтой охвата проблем — внешняя политика, внутреннее положение иностранных

государств, военные вопросы, наука и техника, природные ресурсы и многое другое. Наиболее значительный документ — так называемая «национальная разведывательная оценка». (Первое ее применение относится к 1971 г., когда математик из RAND Corporation Эндрю Маршалл (Marshall) возглавил Группу итоговых оценок СНБ США в составе 4 своих коллег [4.193. С. 103–104] — А.Ш.) Он докладывается президенту США, и в нем содержится оценка положения в интересующем Вашингтон регионе или отдельной стране. Важнейшее значение для правящей верхушки Соединенных Штатов, особенно во времена президентства Рейгана и Буша, имела информация, касавшаяся Советского Союза, его вооруженных сил, обороноспособности, экономического потенциала, планов и намерений. Разведывательная информация об СССР подгонялась под вкусы и пристрастия хозяев Вашингтона, отличалась антисоветской направленностью, была выдержана в жестком, откровенно ругательном тоне. Нередко такая информация содержала прямые домыслы о политике и экономике Кремля и, попадая на стол президента или в конгресс, стимулировала решения вашингтонской администрации по основополагающим проблемам — бюджету, противодействию политическому курсу СССР, направленному на разрядку международной напряженности.

Значение и сила любой разведки — в добываемой информации, в ее своевременной и качественной обработке, в оперативном доведении ее до руководящих инстанций» [34. С. 43–44]; «Основные предложения о создании информационной системы для Совета Национальной Безопасности, разработанные по заданию администрации в РЭНД корпорейшн, изложены в специальном меморандуме, представленном в СНБ (Меморандум RM-6054, август 1965 г.)» [4.197. С. 20].

Как известно, при любых исследованиях и разработках достаточно глубокого научного уровня применяются общенаучные методы логического познания — анализ и синтез, дедукция и индукция, аналогии. Они также применялись в методах научного обслуживания разгрома СССР. Кроме них и уже упомянутых технологий также применялись нижеследующие:

- **бихевиористика** (наука о поведении, предсказуемых шагах, их последствиях);
- **вопросник** (часто применяется разведкой);
- **доразведка** (под видом консультирования, социологических опросов и проч.);
- **изучение будущего** (Futures research);
- **исследование операций** (Operation research — статистические методы оценки эффективности действий и определение количественных основ для принятия наиболее выгодного решения руководителем операции);
- **когнитивные технологии** (Cognitive technology);
- **компьютерная поддержка принятия решения** (Computer support of decision making);
- **морфологический анализ** (Morphological analysis) —: формальный метод генерирования альтернатив с помощью перечисления всех возможных сочетаний значений заданных параметров альтернативы [4.168. С. 332, 333, 357], то есть при составлении альтернатив реально произошедшему, каковыми могли бы стать: *постепенное поглощение другими странами* (исторический пример — полный раздел Речи Посполитой в конце XVIII века); *военный вариант* — в том

случае, если бы военная элита играла более заметную роль (Китай в начале XX века); с элементами деления по религиозным конфессиям (Индия и Пакистан), тогда разделение прошло бы по границам: Прибалтика (Латвия, Литва, Эстония), Великая Россия (РСФСР, Украина, Белоруссия), Закавказье (Азербайджан, Армения, Грузия) и «Великий Туран» (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан), мусульманский Азербайджан мог войти сюда же, в этом случае остается открытым вопрос с Молдавией;

- **сituационный анализ** (Situation Analysis);
- **сопоставительный анализ** (как таковой применялся только для того, чтобы объяснять «советскую действительность»);

социальная кибернетика (или, как ее называли в RAND Corporation, Social Technology — социальная технология [4.188]), один из ее Теоретиков Карл Поппер (Popper) сказал: «Мы можем влиять на историю или изменять ее в соответствии с нашими целями» (Цит. по: [61. С. 59]);

• **теория катастроф** (Disaster Theory), как отмечают ныне, в США «появилась и стала интенсивно разрабатываться теория вялотекущих социальных катастроф. Почти сразу же все работы по этой тематике на Западе были закрыты, а в СССР и не «открывались» [15. С. 3];

- **техника перехвата и удержания власти;**

управление проектами (Project management). Таковы, в общих чертах, наработки американских

институтов. Эти институты, по-моему, вполне заслуживают название «Коллективный Даллес» (выражение принадлежит доктору философских наук, профессору В.Ю. Троицкому), которое недавно появилось в политической литературе, хотя и несколько по иному поводу [4.198. С. 87].

Эти методы позволили государственному аппарату США — главным образом Совету Национальной Безопасности (с привлечением специалистов из независимых «мозговых центров») — создать ряд рабочих документов, которые получили названия доктрины СНБ США, в которых раскрывался конкретный механизм разрушения СССР. Еще в 1950-е гг. в Соединенных Штатах Америки были разработаны планы внедрения в контур управления СССР с целью изменения его строя, планирования такого рода международных отношений, которые позволили бы осуществлять вмешательство во внутренние дела СССР и стран социализма. Эти доктрины заложили основы будущих действий США по слому советской системы.

Мягко говоря, США — странная страна. Только у нее имеется множество законодательных актов, которые касаются других стран, причем вопросов жизни и смерти этих государств. Нас больше всего интересует т. н. «Закон о порабощенных нациях» (P.L. 86–90), который принят 9 июля 1959 г. Текст был подготовлен доцентом Джорджаунского университета (Вашингтон) Львом Добрянским: «Так как начиная с 1918 года империалистическая и агрессивная политика русского коммунизма привела к созданию обширной империи, которая представляет собою зловещую угрозу безопасности Соединенных Штатов и всех свободных народов мира, и...

Так как империалистическая политика коммунистической России привела, путем прямой и косвенной агрессии, к порабощению и лишению национальной независимости Польши, Венгрии, Литвы, Украины, Чехословакии, Латвии, Эстонии, Белоруссии, Румынии, Восточной Германии, Болгарии,

континентального Китая, Армении, Азербайджана, Грузии, Идель-Урала, Тибета, Казакии, Туркестана, Северного Вьетнама и прочих, и прочих...

Так как эти порабощенные нации, видя в Соединенных Штатах цитадель человеческой свободы, ищут их водительства в деле своего освобождения... именно нам следует надлежащим официальным образом ясно показать таким народам тот исторический факт, что народ Соединенных Штатов разделяет их чаяния вновь обрести свободу и независимость...

Президент Соединенных Штатов уполномачивается и его просят обнародовать прокламацию, объявляющую третью неделю июля 1959 года «Неделей Порабощенных Наций» и призывающую народ Соединенных Штатов отметить эту неделю церемониями и выступлениями. Президента... просят обнародовать подобную же прокламацию ежегодно, пока не будет достигнута свобода и независимость для всех порабощенных наций мира... Принятие этой резолюции — часть кампании по дискредитации коммунизма и имеет цель нанести удар по коммунизму в одном из его уязвимых мест — контроль над различными национальными группами».

Р. Пайпс признает, что Р. Рейган подписал целый ряд секретных политических документов, которыми определялось главное направление политики США по отношению к СССР: подталкивание этой страны в направлении внутренней либерализации. Речь здесь, по-видимому, идет о следующих Директивах: NSDD-32 (март 1982 г.) — посвящена «нейтрализации» влияния СССР в Восточной Европе и прежде всего в Польше; NSDD-66 (ноябрь 1982 г.) — подрыв экономики, в т. ч. через снижение цен на сырье, прежде всего на нефть (через соответствующее принуждение к этому стран Ближнего Востока), что в конечном итоге приводило к резкому сокращению валютных поступлений в СССР. В последующем к упомянутым были добавлены: NSDD-75 (январь 1983 г.) — направлена на подрыв фундаментальных основ советской системы; NSDD-166 (март 1985 г.) — сформулированы специфические цели афганской войны в контексте общей стратегии, усиление исламского фактора, разложение в Средней Азии, «угнетение» Ограниченнего контингента советских войск в Афганистане. Их текстов нет в открытых источниках, и потому мы приводим лишь свидетельства знающих лиц..

СЕКРЕТНЫЕ ДИРЕКТИВЫ

NSDD(Директива по защите национальной безопасности) № 32 (Март 1982 г.)

«Президент подписал секретную директиву по национальной безопасности № 32, санкционировавшую ряд экономических, дипломатических и тайных мер для «нейтрализации усилий СССР по удержанию в своих руках Восточной Европы. В практической плоскости самые серьезные из предпринятых тайных операций были осуществлены в Польше. Главными целями директивы № 32 были: дестабилизировать польское правительство путем осуществления тайных операций, включающих пропаганду и организацию помощи «Солидарности»; муссировать вопрос о правах человека, особенно в связи с положением рабочих и католической церкви; оказывать экономический нажим; осуществить

дипломатическую изоляцию коммунистического режима. В документе, в котором подчеркивалась необходимость защитить усилия по осуществлению демократических реформ по всей советской империи, также содержался призыв к усилению пропаганды и подпольного радиовещания в Восточной Европе. Это, по мнению помощников Рейгана и диссидентов в Восточной Европе, было бы особенно полезно для того, чтобы подорвать представление о советской неуязвимости» [5. С. 12]; Директива «рекомендовала «нейтрализацию советского влияния в Восточной Европе и применение тайных мер и прочих методов поддержки антисоветских организаций в этом регионе. <...> Через несколько недель родился документ, составленный Ричардом Пайпсом и поправленный У. Кларком. Он был весьма радикален: «Цель Соединенных Штатов — «нейтрализация усилий Советского Союза, предпринимаемых с целью сохранения власти в Восточной Европе. <...>— предписывала более активную позицию и порывала с прошлым (то есть — односторонне порывала с Ялтинскими и Хельсинкскими соглашениями. — А.Ш.). Рональд Рейган ясно изложил позицию Соединенных Штатов, которые не соглашались с советским преобладанием в Восточной Европе. Мы стремились создать широкомасштабную стратегию, имеющую своей целью ослабление советского влияния, а также укрепление внутренних сил, борющихся за свободу в этом регионе. В сравнении с такими государствами, как Болгария, Румыния и Чехословакия, Польша создавала уникальную возможность сопротивления режиму. Это не значит, что в остальных странах мы тоже не искали возможностей, чтобы как открыть, так и тайно ослабить влияние Москвы. <...> «NSDD-32» ставила несколько принципиальных целей:

- тайную поддержку подпольной деятельности, направленной на свержение власти коммунистов в этом регионе;
- интенсификацию психологической войны, прежде всего с помощью радиостанции «Голос Америки» и «Свободная Европа»;
- поиск дипломатических и торговых способов ослабления зависимости польского правительства от Москвы» [60. С. 13, 143, 144].

NSDD№ 66. (Ноябрь 1982 г.).

«Директива СНБ-66 <...> намечает меры по подрыву советской экономики. Главный рычаг здесь — технологическая блокада, использование механизма КОКОМ для того, чтобы не допустить Советский Союз к новейшей высокой технологии в масштабе всего зависящего от Вашингтона и Запада мира. Низвести Советский Союз до положения источника сырья, лишить его возможности развивать обрабатывающую промышленность» [34. С. 127]; «13 ноября <...> Рейган подписал наиважнейший в истории США секретный документ, касающийся советской экономики, в форме директивы. «NSDD-66», подготовленная Роджером Робинсоном, отражала переворот в стратегии Соединенных Штатов: она означала отказ от санкций в пользу других средств <...>, была равнозначна объявлению тайной экономической войны Советскому Союзу. <...> Этот документ, который в сочетании с ростом вооружений в Соединенных Штатах, а также со Стратегической оборонной инициативой обрекал СССР на окончательную смерть. <...>

«NSDD-66» охватывала три главных вопроса:

- США должны добиться согласия европейских союзников выделять Москве кредиты только по рыночным курсам;

- США не допустят доступа советской экономики и армии до современной западной технологии. Деятельность КОКОМ будет расширена;
- США и союзники будут искать альтернативные источники энергии, чтобы уменьшить зависимость Европы от поставок советского природного газа. Принимается во внимание переходный период. Поставки в Европу советского газа не могут покрыть больше 30 процентов потребностей (на практике это означает, что вторая линия газопровода не будет построена и что новые контракты не будут заключены)» [60. С. 216–218].

NSDD№ 75. (Январь 1983 г.)

Директива NSDD-75, принятая в январе 1983 г., шла еще дальше. Она предусматривала дополнительное финансирование оппозиционного движения в странах Восточного блока в размере 108 миллионов долларов. По словам одного из ее авторов, Р. Пайпса, директива «четко формулировала, что нашей следующей целью является уже не существование с СССР, а изменение советской системы. В основе директивы лежала убежденность, что изменение советской системы с помощью внешнего нажима вполне в наших силах». Директива формулировала, что «США не будет участвовать в улучшении состояния советской экономики и в то же время сделают все, чтобы ограничить пути, ведущие к этой цели...». Прямая помощь Америки советской экономике после провала разрядки уже не стояла на повестке дня, но грозное дополнение — «сделают все, чтобы ограничить пути» — означало тайную экономическую войну. «Замысел заключался в том, чтобы сделать ставку на нашу силу и их слабость. А это означало — делать ставку на экономику и технологию», — вспоминал министр обороны США К. Уайнбергер» [63. С. 66]. «Она ставит цель — добиваться фундаментальных изменений в государствах Восточной Европы и в других странах социалистической ориентации. Средства достижения поставленных задач замаскированы под «публичную дипломатию» и «демократию». Витиеватые фразы не оставляют сомнений: речь идет об отрыве стран Варшавского договора от СССР, ликвидации социалистического строя на Кубе, дестабилизации положения в советских прибалтийских республиках, подрыве режимов в Анголе, Мозамбике, Южном Йемене, Вьетнаме, Эфиопии, Лаосе, Камбодже, Никарагуа и других развивающихся странах, идущих в фарватере Кремля. Но особое внимание — Польше и Афганистану. Это — «болевые точки» СССР, считают в Белом доме. Победа «Солидарности» — это отрыв Польской Народной Республики от Советского Союза, это — удар большой силы по Варшавскому Договору» [34. С. 127]; «США обладают необходимой мощью для разрушения СССР. <...> Следовательно, США должны приложить все силы в стремлении развалить СССР, что привело бы не только к силовому переделу мира, но и к глобализации американской сферы влияния и установлению американского мирового господства. Основной постулат директивы — отрицание принципа мирного совместного сосуществования с Советским Союзом, являющегося фундаментом и основным принципом существующего международного права. Основная политическая цель — дестабилизация в конечном счете разрушение СССР при помощи массированных подрывных операций и огромных денежных субсидий «пятой колонне» [10. С. 412]. «Директива NSDD-75 означала разрыв с прошлым. <...> Это первый документ, утвердивший, что дело не только в самой советской системе. Директива четко формулировала, что нашей следующей целью является уже не сосуществование с СССР, а изменение советской системы. В основе директивы лежала

убежденность, что изменение советской системы вполне в наших силах. (Со слов автора документа Р. Пайпса. — А.Ш.) Стратегической целью Соединенных Штатов стало расшатывание советской системы через использование его внутренних слабостей. Политические подпорки советской системы были слабы и должны подвергнуться испытанию, в надежде, что это станет причиной «свертывания» советского влияния на земном шаре. <...> Новый документ был всесторонний, он формулировал политические рецепты и очерченные цели американской политики по многим направлениям. «Мы изо всех сил старались, чтобы в «NSDD-75» выработать план интегрированной политики, охватывающей действия на многих фронтах, — говорил Джон Пойндекстер, участвовавший в создании документа. — Думаю, именно это и было одним из самых успешных аспектов такой политики».

Документ был очень четкий, начинался с «рабочих принципов»:

- США не одобряют существующей сферы влияния СССР за пределами государства и будут стараться уменьшить ее;
- США не будут участвовать в улучшении состояния советской экономики и в то же время сделают все, чтобы ограничить пути, ведущие к этой цели (документ называл здесь прежде всего технологии, кредиты и твердую валюту, зарабатываемую на экспорте энергоносителей);
- США будут искать все возможности, позволяющие уменьшить уровень советского влияния за границей.

Этот базовый документ подтверждал, что стратегия США основана на использовании советских слабостей. «NSDD-75» не уточняла, что мы идем на конфронтацию с Советами во всем. Она лишь предполагала, что мы будем выискивать слабые места и использовать их» [60. С. 224–226].

NSDD№ 166. (Март 1985 г.)

«Вместе с сотрудниками Совета Национальной Безопасности Винесентом Каннистраро, Дональдом Фартье и адмиралом Джоном Пойндекстером, Макфарлейн отредактировал документ, который принципиально менял цели США в этой войне (в Афганистане. — А.Ш.). Директива «NSDD-166», подписанная в марте 1985 года президентом Рейганом, впервые формулировала специфические цели афганской войны в контексте общей стратегии. <...>

Новая директива содержала несколько ключевых моментов. Во-первых, нужны более качественные поставки и распределение оружия моджахедам. Усилие было сделано на технологически новые виды оружия. Вместе с тем американская разведка получила задание собирать больше информации о советских военных намерениях. Особое внимание нужно уделять советским военным приказам, тактике и структуре армии. Политические и военные планы высшего советского руководства должны подвергаться анализу и контролю. Третий ключевой момент — увеличение политической цели войны на международной арене. С помощью таких организаций, как ООН, США будут оказывать максимальный нажим на то, чтобы вытеснить Советы. Нужно также дать понять, что улучшение отношений с США напрямую связано с советской оккупацией Афганистана.

Но более существенная цель «NSDD-166» содержалась в приложении <...> — победа, решительный разгром Советских Вооруженных Сил в Афганистане» [60. С. 353–354].

Реализованная «Доктрина Освобождения», или Доктрина Рейгана, которая непосредственно была направлена на разгром СССР, была разработана в начале

1980-х гг. специалистами из «мозговых центров» и советологических организаций, набравшимися к тому времени большого опыта. Разработки «мозговых центров» «были положены в основу разработанного администрацией Рейгана в начале 80-х годов плана дестабилизации своего главного противника (СССР), известного под названием «Нашим по всем направлениям» [15. С. 3].

Мотивы его «коренились в том, что Советский Союз являлся для США главным геополитическим соперником, главным препятствием в деле установления нового мирового порядка по-американски. Эта «Доктрина» содержит большой свод секретных документов, проходящих под общим наименованием «Мандат на руководство» и подвергающихся корректировке каждые четыре года, накануне очередного президентского срока. В 1980 и 1984 гг. они готовились для президента Рейгана, в 1989 г. — для президента Буша, а затем — для президента Клинтона. Рейган, возглавивший «крестовый поход» против СССР, называл «Мандат» своей настольной книгой, потому что уже в документах того периода колоссальные природные богатства Советского Союза рассматривались американскими стратегами как потенциальный источник жизнеобеспечения США в перспективе XXI века. И не случайно в нынешних документах, входящих в категорию «Мандата на руководство», Россия попадает в разряд «исключительно ресурсовывозящей страны» [61. С. 8]. Выдержки, непосредственно касающиеся СССР и стран Восточной Европы, из упомянутого «Мандата на руководство — 3» приведены в моей книге «Загадка гибели СССР. История заговоров и предательств. 1945–1991» (см. приложение № 5).

Однако все эти доктрины и R&D остались бы только радужными мечтаниями, красиво изложенными на бумаге, и никогда не стали бы черной реальностью уже прошедших дней, если бы к системе «СССР» (к ее элементам и подсистемам) не были бы приложены еще и **методы непосредственного воздействия** (как модернизированные, так и традиционные, в частности весь набор разведывательных дисциплин, так и некоторые «ноу-хау»): *вербовка агентуры; внешнеполитическое давление; выборные технологии; тенезис, поддержка и координация совместных действий с диссидентством; двойная-тройная агентурная игра; дезинформация; дискредитация коммунизма и СССР на мировой арене и в самих странах социализма; использование каналов культурного и научного обмена для идеологической обработки населения* (например, крупных городов при проведении выставок и проч.) см. [4.199]; *конспирация; оперативно-боевые мероприятия*, в том числе т. н. *пикадилья*: «В работе спецслужб термином «пикадилья» обозначается прием, используемый при необходимости вывести из состояния неустойчивого равновесия две противодействующие силы, когда скрытыми ударами в обе стороны так называемой «третьей силы» провоцируется резкая эскалация конфликта» [4.200. С. 473], хорошо известно о применении этого приема в Вильнюсе [62. С. 224] и в Румынии, повтор — в Москве в октябре 1993 г.; *партизанские действия или «малая война»; политическое проникновение; привлечение отдельных агентов влияния и создание из них целой сети; пропаганда американского образа жизни; психологическая обработка руководства стран социализма и их семей; психологическая обработка толпы; психологическое изматывание военными конфликтами и провокациями военного командования; стимуляция перехода на Запад невозврашенцев, организация побегов из стран социализма; убийства* (в том числе с явными признаками террора для достижения эффекта устрашения); *фальсификация документов*, которым должно приписываться

советское авторство; экономический саботаж, организация забастовок. Об одних методах внешнего давления мы уже рассказали в главе III, о других будет сказано ниже.

Глава V «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» ЭПИЗОД II. ОПЕРАЦИЯ «ГОЛГОФА»

КАНАЛЫ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ЗАГОВОРЩИКОВ

Случившееся с СССР на рубеже 1980—1990-х гг. было очень точно предсказано за полвека до этого: «Нельзя допускать, чтобы в руководящем штабе рабочего класса сидели маловеры, оппортунисты, капитулянты, предатели. Вести смертную борьбу с буржуазией, имея капитулянтов и предателей в собственном штабе, в своей собственной крепости — это значит попасть в положение людей, обстреливаемых и с фронта и с тыла. Не трудно понять, что такая борьба может кончиться лишь поражением. Крепости легче всего берутся именно изнутри...» [5.01. С. 344]. В этом когда-то общедоступном прогнозе-предупреждении точно указано все: и внешняя угроза со стороны капиталистического Запада, и возможность захвата руководящих штабов СССР, и проигрыш, и положение защитников Союза, которые могут одновременно оказаться под огнем и с фронта, и с тыла. Согласованный удар извне и изнутри часто приводит к тому, что жертва такого нападения проигрывает бой и не суть важно, какой именно: явный военный или политическую кампанию.

Важны в таких случаях скорректированность удара, внезапность его применения с казавшегося надежным тыла, необратимость успеха. Стоит только проглядеть, как и когда две стороны начали говор, и поражение уже неминуемо...

Прежде чем мы коснемся аспектов совместной деятельности американцев и части советской элиты, мне хотелось бы дать справку о том, как выглядит вся эта деятельность в целом. Полная декомпозиция механизма перестроенных процессов показывает, что в нем можно выделить ряд составляющих его подсистем:

- *США* — самостоятельная часть общегосударственного механизма, специально выделенная для нанесения максимального ущерба для СССР и его союзников;
- *союзники США, организации с международным статусом, транснациональные компании* — задача: отторжение СССР от остального мира, ликвидация поддержки его на мировой арене;
- *СССР и его союзники* — деятельность части прозападной элиты, направленная на перевод страны под внешнее влияние;
- *США + СССР* — координация совместных ударов, направленных на отторжение каждой страны социализма в отдельности от системы социализма, ее поражение в целом.

В той или иной степени, но мы уже поговорили о некоторых из этих составляющих. Сейчас — речь о последней.

Напомним, что нами уже рассматривался вопрос о формировании в СССР различных кланов. Кроме общих, вполне понятных задач внутреннего характера, которые поставила перед собой элита, она еще занялась и проблемой установления сначала связей, а потом и взаимовыгодных дел с внешними контактерами. Вначале, как и всегда в таких случаях и бывает, интересы могли совпадать случайно и лишь по некоторым позициям, но после совместных гешефтов доверие могло возрастать, причем поле интересов могло расширяться бесконечно, пока в него не попало само существование Советского Союза, — а на этом могли прилично, даже весьма прилично, заработать обе стороны.

В связи с этим возникает вопрос: был ли вообще заговор против СССР первой операцией «совместного советско-американского предприятия «Кремль — White House» или нет? Четкого признания от инициаторов так и не прозвучало, да и вряд ли в ближайшем будущем это случится. Есть некие полунамеки, понятные только немногим. Явные свидетели пока еще помалкивают, многие исследователи уходят в сторону. Две-три цитаты, не более того, можно привести в пользу такой догадки.

Первое время американская и советская элиты только присматривались друг к другу. Вторая внимательно выслушивала первую, во время визитов в США советских «гостей» обхаживали, изощренно искушая показной роскошью, шел зондаж на предмет разложения и подкупа.

Надо сказать, что реализовать замысел перестройки, одновременно используя при этом возможности как США, так и СССР не есть какое-то новейшее открытие современных политтехнологов. Такие грандиозные исторические события, как революции, заговоры, перевороты или, как минимум, массовые беспорядки, не повлекшие за собой изменения существующего строя, часто содержат в себе элементы использования потенциала соседних государств.

Организационно это выглядит как единственно возможный путь. Заговорщики в этом случае не тратят дорогое время на создание своего «государства в государстве», что подразумевает воссоздание всех его функций и что позволяет полноценно конкурировать со своим противником, а сразу получают весь готовый набор организационных, финансовых, кадровых, информационных ресурсов государства-донора в борьбе против другого — и только так эмиссар соседнего государства становится вровень с той властью, которую ему надлежит свергнуть. Это придает ему решимости: в случае неудачи есть куда бежать и где укрыться. А что делать одному «диссиденту» или небольшой группе без мощной поддержки извне? Только пассивно дожидаться, что когда-нибудь ситуация изменится... Такое происходит настолько часто, что для того, чтобы рассказать об этом во всей полноте, понадобилось бы переписать вообще чуть ли не всю мировую историю под этим углом зрения. Мы этого, естественно, делать не будем, а ограничимся здесь лишь короткой справкой.

Вандея времен Французской буржуазной революции не оставила бы такого следа в истории, если бы не была инспирирована со стороны дворян-эмигрантов, бежавших в Англию. Революция в России вообще и захват власти именно большевиками вряд ли был бы возможны, если бы не было поддержки со стороны европейских стран революционерам-эмигрантам, которые обеспечивали непосредственную деятельность на территории России. В 1917 г. для победы в

октябре используется разведка Германской Империи. (Обычно это истолковывается как что-то негативное, мы же видим здесь только политический профессионализм — большевикам открылись возможности, которые они использовали.) Потом, в свою очередь, они сами становятся источником, активно помогающим революционным силам свергать прежние правительства от Монголии на востоке и до Германии на западе. Так началось то, что получило название «экспорт революции». Гражданская война в Испании характерна тем, что здесь столкнулись две внешние силы: добровольцы из СССР и других стран на стороне республиканцев против франкистов и их союзников — фашистов Германии и Италии. Послевоенная история не исключение. Победа Мао в 1949 г. над Гоминьданом широко поддерживалась СССР. Социалистический Китай сразу же оказал помочь государствам братских народов — Северной Корее и Вьетнаму. Корпорация RAND, кстати сказать, отреагировала на это публикациями. Куба, которая только-только с помощью СССР смогла выйти из-под опеки США, сама активно помогала Анголе и Эфиопии. То, что Советский Союз активно поддерживал те силы в третьем мире, которые заявляли о выборе социалистического пути развития для своих стран, не значит, что он был одинок. США ничуть не отставали в этом и выискивали своих ставленников, никогда не сомневаясь в нравственном облике этих лиц, выражаясь о них очень откровенно: «Да, он сукин сын, этот Дювалье, но он наш сукин сын!» Эти слова, ставшие крылатыми, только об одном таком деятеле, а сколько их было и сколько их есть?! Вообще послевоенная история в этом смысле заключалась в том, что СССР и США предпочитали меряться своими силами не напрямую — иначе пришлось бы подключать свои стратегические ядерные силы — а через трети страны: Корею, Вьетнам, Анголу, Афганистан и др. Безусловно, что речь при этом шла не только о непосредственных боевых действиях, но и о внешнеполитических мероприятиях. Порой такая поддержка — СССР и США — давала просто удивительные сочетания, когда интересы «заклятых друзей» совпадали. Так, например, мятежная часть курдского народа, что находилась на территории проамериканской Турции, пользовалась поддержкой СССР и получала от него помощь; а те курды-повстанцы, что жили на территории Ирака, получали помощь от Америки. В КГБ по этому поводу шутили так: «Один парашют — от ГРУ, другой — от ЦРУ!»

Сегодня мы видим такого рода события в том же самом Ираке, оккупированном американцами в 2003 г.: сунниты получают активную поддержку со стороны соседнего Ирана, и именно в местах их компактного проживания происходит наибольшее число террористических актов и открытых мятежей против войск коалиции.

Зная о значимости потенциальных угроз связи *внешний враг — внутренний враг*, нетрудно догадаться о том, как этого избежать. Примерами удачных превентивных действий могут служить высылки из предполагаемых районов боевых действий, практикуемые с XVIII в., а в недавней истории — депортации по приказу И.В. Сталина корейцев в 1938–1939 гг., финнов в 1940 г. и немцев в 1941 г. и др., как правило, в глубь страны — в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию.

Однако существуют и исключения, которые составляют два класса. Во-первых, операции неудавшиеся. Так, например, несмотря на иностранную помощь, ни один из заговоров против кардинала Ришелье не удался. Белогвардейцы во время Гражданской войны в России пользовались поддержкой

интервенции 14 государств (на стороне «красных», не забудем, тоже были иностранцы — мадьяры, китайцы, др., но они не поддерживались соответствующими правительствами), но свою задачу не смогли выполнить. Во вторых, удавшиеся операции, но носившие исключительно самостоятельную роль. В приходе к власти фашистов в Италии или нацистов в Германии, например, следы иностранной помощи не прослеживаются, если не считать некоторых фактов финансирования Гитлера антисемитом Генри Фордом. Я думаю, что читатель может легко дополнить эти два исторических примера другими.

«Генеральные репетиции» перестроенных процессов в Восточной Германии (1953 г.), в Венгрии (1956 г.) и в Чехословакии (1968 г.) имели ту же картину: к внутреннему фактору тесно примешивался еще и внешний. (Тогда они были сорваны советской стороной.) Сама же «перестройка» не стала чем-то новым в истории, наоборот, те, кто ее задумывали, учились по учебникам, в которых на эффективности совместных действий акцентировалось внимание. Природа таких возможностей кроется в диалектике. Всякая формально самая устойчивая социальная система на самом деле имеет внутри себя противоречия.

Внешняя среда может это легко вычислить, определить, какая из сторон имеет наиболее близкую точку зрения, и стать на ее сторону, останется только атаковать теперь уже общего противника. От взаимоотношений с внешней средой система зависит очень сильно. И тут могут быть ситуации трех родов: 1) внешняя среда помогает системе добиться заданных целей; 2) внешняя среда нейтральна; 3) внешняя среда стремится уничтожить систему, или, как минимум, добиться ее ослабления. Нельзя сказать, что внешняя среда будет однородна в этом отношении. Речь может идти только о некоей общей результирующей. Таким образом, внешняя среда подразделяется на полезную, нейтральную, агрессивную. Мы в настоящем говорим преимущественно о последнем варианте.

Почему так происходит, что «самостоятельный» заговор может и не удастся, а совместность операции имеет больше шансов на успех? Речь, видимо, идет прежде всего о синергетическом эффекте, когда совместные, скоординированные усилия дают больше шансов. Речь идет и о качественно ином, нежели традиционное, понимание раздельности текущих событий (СССР — одно, США — другое), в данном случае совсем наоборот: если к уже имеющимся присущим системе внутренним противоречиям добавить еще и новые специально рассчитанные, а потом уже добавить внешние, то систему можно сломить гораздо легче, чем если бы атаковать ее в лоб одному. Этими вопросами и занимается системный анализ, который кроме своего «невинного» названия имеет еще синоним — *прикладная диалектика*. Пока не было достаточно количественных и качественных взаимоувязок, направленных на разрушение Советской системы, она еще могла существовать, как только к внутренним противоречиям добавились внешние, тогда и наступил окончательный крах. Особую роль сыграло то, что никто не увязывал происходящие в стране события с экспортом контрреволюции.

Сущность такого рода информационной взаимосвязи, силовой и другой взаимопомощи можно легко определить как решение двуединой задачи с применением правила «тяни—толкай». Его легко описать через эффекты в механике: тяжелую, никак не поддающуюся повозку легче всего стронуть с места и повезти дальше, если одновременно и тянуть и толкать. Внимательные наблюдатели давно уже отметили такой принцип согласованных действий: «Дело

это было настолько сложным и срочным, что в одиночку здесь западные спецслужбы не справились бы. Нужна была какая-то координация действий с московским руководством. Тут, знаете, как в бейсболе: один подбрасывает мяч, а другой бьет по нему битой» [61. С. 178]. Действительно такое бывает в спортивных командных играх — один подает, второй бьет, а подкупленный игрок пропускает удар и невинно разводит руками: «извиняюсь — не получилось...». Еще один пример на эту тему знаком всем. В последние годы появилось множество продуктов — мороженое, сладости, кондитерские изделия — в такой упаковке, которая открывается только, если ее потянуть как бы *изнутри*, всякие попытки разорвать силой *извне* заканчиваются неудачей, а если потянуть со стороны самой упаковки, то она поддается легко и просто. Наш случай из рода описываемых — легче всего сложная система поддается воздействию изнутри, а не извне. Так и использование «пятой колонны» — словно рычаг: чтобы сковырнуть (извне!) ломом тяжелый блок, нужно хотя бы немного загнать кончик лома под этот самый блок (*внутрь!*), при этом загнанная часть и свободная часть лома будут представлять собой единое целое. Тогда небольшой нажим — и блок сдвинут с места. Внешние разрушители всегда представляли опасность, угрожающую существованию государства. Но опасность возросла прямо-таки в геометрической прогрессии, когда они объединились с разрушителями внутренними, ведь по законам синергетики *«один плюс один всегда больше чем два»*.

Но мы увлеклись историческими примерами и абстракциями. Вернемся к нашей теме. Раз дело касается, как мы видим, системного, сложного и противоречивого понимания, то к проблеме приступают только после всесторонней интеллектуальной проработки: «...Нельзя не упомянуть об особом вкладе в дело развития науки об интервенциях в современных условиях со стороны <...> «РЭНД корпорейшн».

14—15 марта 1985 г. в «РЭНД корпорейшн» состоялась конференция на тему «Развитие кооперационных сил в третьем мире», которая финансировалась Пентагоном. Под кооперационными силами подразумевались проамериканские режимы и политические движения, которые совместно с вооруженными силами США, но желательно без их прямого участия будут действовать ввиду экспансии Советского Союза в третьем мире» [5.02. С. 169].

Как же осуществлялись связи между высшим руководством западных стран и их разведок и антисоветскими кругами? Не секрет, что всяkim узким местом разведки является осуществление контактов. Для агентуры влияния, конечно же, это тоже актуально, но здесь есть своя специфика. Ведь помимо официальных две элиты были связаны друг с другом и через неформальные каналы. И эти контакты проходили, в зависимости от необходимости, то через мост Глинкер-брюкке, где обменивались поймаными разведчиками (впервые — Р.И. Абель (Фишер) и Ф.Г. Пауэрс), то через установленную в кабинетах первых лиц телефонную связь [7. С. 93]. Для чего вообще проходил информационный обмен с агентами влияния? С одной стороны, шли рекомендации и указания, с другой — собранные сведения. Особенно эти каналы были активизированы с началом решающих действий.

Что касается первого из лиц, к которому приковано наше внимание — М.С. Горбачеву, то его подобные контакты впоследствии отмечались весьма широко: «В газете «День» (№ 22, 1993 г.) помещены четыре фотоснимка и текст: «Эти снимки принадлежат парижскому агентству «Гамма». Они сделаны фотографом

Ефимом Абрамовичем, как утверждают, агентом КГБ. Время снимков — начало 1970-х гг., место — Сицилия, о чем свидетельствует знаменитый фонтан с колесницей в Палермо. На снимках Раиса Горбачева. В то же время в Сицилии на встрече «молодых политиков» присутствовал и ее супруг — М.С. Горбачев, недавний комсомольский работник, а потом и партийный лидер Ставрополья. Именно в это время завязались связи будущего «перестройщика № 1» с политической элитой Запада, намечались контуры особых, отношений «Горбачев — Тэтчер». Мало что известно об этой сицилийской встрече, как и о другой, подобной же. Но, по-видимому, эти контакты послужили стартом политики «нового мышления», которая кончилась исчезновением СССР» [5.03. С. 119]. М.С. Горбачев уже в бытность секретарем по сельскому хозяйству мог открыто контактировать с американцами. Так, например, 4 сентября 1981 г. он принимал Дж. Кристала, как указывалось в официальном сообщении, специалиста по сельскому хозяйству и общественного деятеля. В середине ноября 1983 г. такого рода контакт повторился. На встречу в этот раз был приглашен и замзав Международного Отдела ЦК КПСС А.С. Черняев [21. С. 404].

Встречался ли помимо гласных и негласных кругов М.С. Горбачев непосредственно с людьми из РЭНД корпорейшн? Да, по крайней мере, это было зафиксировано как минимум один раз. 4 февраля 1987 г. делегация СМО посетила Москву. Среди них был Г. Браун, министр обороны CILIA в 1977–1981 гг. (при Дж. Картере), а на тот момент — член Попечительского Совета РЭНД корпорейшн.

Особое внимание в литературе обращают на знаковую попытку выйти на связь с ним со стороны американцев незадолго до старта перестройки. Весной 1984 г. — примерно за год до захвата М.С. Горбачевым власти — в Женеве в ходе конференции по разоружению руководитель советской стороны Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР В. Исаэлян получил приглашение со стороны американского коллеги — Чрезвычайного и Полномочного Посла США (на Женевской конференции) Льюиса Филдса, только что вернувшегося из Вашингтона, встретиться «на нейтральной почве». Как сообщает сам В. Исаэлян, встреча состоялась в «одном из загородных ресторанов. Во время обеда ничего особенного американец мне не сообщил. <...>

Когда я уже собирался попрощаться с Филдсом, он предложил мне пройтись после обеда.

— В Вашингтоне хотели бы установить серьезный, деловой контакт с кремлевским руководством, — начал Филдс. — И вице-президент Буш готов встретиться с одним из новых советских лидеров во время своего визита в Женеву. Встреча должна носить строго конфиденциальный характер. На мой вопрос, имеют ли американцы конкретно кого-нибудь из советских лидеров в виду, Филдс однозначно ответил, что вице-президент хотел бы встретиться с М. Горбачевым как наиболее вероятным будущим лидером Советского Союза.

У меня сразу возник вопрос, почему это важное предложение делается через меня, а не по нормальным дипломатическим каналам — через наше посольство в Вашингтоне или американское в Москве. Филдс вразумительного ответа дать не смог, сказав, что лишь выполняет полученное поручение. <...>

Тем временем в середине апреля в Женеву прибыл Буш. Его выступление на Конференции по разоружению было намечено на 18 апреля, а накануне мне на квартиру позвонил Садруддин Ага Хан (Советник Генерального Секретаря ООН, директор ряда международных центров, руководитель Международной

организации по оказанию помощи Афганистану, в годы перестройки выступил по советскому телевидению с сообщением о том, что советские войска уничтожили во время войны в Афганистане до миллиона жителей; член масонского клуба «Магистериум» (Москва, 1993 г.). — А.Ш.) и таинственно сообщил, что 17-го вечером со мной хотел бы встретиться «наш общий друг». Видный международный деятель, в течение многих лет выполняющий различные ответственные и деликатные поручения мирового сообщества, Ага Хан был долгие годы близок с Бушем.

Беседу мы начали втроем. Буш кратко коснулся главной цели своего визита в Женеву — внести проект договора о запрещении химического оружия. Когда мы перешли к другим вопросам, Ага Хан покинул нас, и мы с Бушем остались вдвоем. Он сразу же перевел разговор на возможность проведения неофициальной советско-американской встречи. Буш подтвердил поручение, данное им Филдсу, добавил, что место и время встречи можно будет определить с учетом взаимных пожеланий и возможностей. Что касается содержания бесед, то, учитывая неофициальный характер предлагаемой встречи, каждый из участников был бы волен затрагивать любую тему. В качестве своего собеседника как будущего советского лидера он назвал только одну фамилию. «Вашим следующим лидером будет Горбачев», — уверенно заявил он. Эти слова врезались мне в память. <...>

Я обещал Бушу доложить в Москву о его предложении.

Через неделю в Москве при первой же встрече с министром доложил ему о предложении Буша. Громыко внимательно выслушал, не прерывал и не задал ни одного вопроса. Когда я закончил доклад, наступило тягостное молчание. Министр смотрел куда-то в сторону от меня и о чем-то напряженно думал. Затем, обернувшись ко мне, он сказал: «Ну, как там у вас дела на Конференции по разоружению?» Я понял, что разговор закончен» [27. С. 5]. В. Исаэлян сам был не без греха— сдал разведчика, имел «другие оплошности в своем поведении» [19. С. 119].

На эту «несостоявшуюся встречу» как на «знаковую» обращают свое внимание летописцы перестройки. «Знаменитая» поездка в Лондон, где М.С. и Р.М. Горбачевы смогли установить контакт и «понравиться» Западу через посредничество М. Тэтчер, — еще один штрих в этой связи. Затем, после смерти К.У. Черненко, «Тэтчер предприняла поездку с единственной целью — засвидетельствовать свое почтение Горбачеву. Они смогли провести вместе час, но с ними были также старые помощники Черненко, включая Андрея Громыко, министра иностранных дел со стажем, и Андрея Александрова-Агентова, советника Леонида Брежнева по внешней политике. Мало что удалось сделать» [46. С. 5–6].

Со временем у М.С. Горбачева появилось больше возможностей. В 1991 г., во время приезда президента США «М.С. Горбачев привлек к переговорам с Д. Бушем очень узкий круг доверенных лиц, а чаще всего беседовал с ним вообще с глазу на глаз, старался при первой возможности уединиться. Так, однажды за обедом, когда еще официанты разносili кофе, Михаил Сергеевич, вставая из-за стола, сказал:

— Джордж, я прошу Вас пройти со мной.

Они вышли из-за стола и черным ходом одни с переводчиком спустились из кремлевских палат на Ивановскую площадь Кремля. У них уже давно установились доверительные отношения, и шел откровенный разговор» [7. С.

388]. Переводчик М.С. Горбачева, Павел Палащенко, в обязанности которого было больше молчать и не слышать, чем заниматься своими прямыми обязанностями, был потом щедро вознагражден — его приняли в члены Фонда Горбачева и Мирового Форума [51. С. 281]. Сообщается о встрече с глазу на глаз с Римским папой Иоанном Павлом II, владеющим русским языком, о встрече один на один с Бушем-старшим в капитанской каюте американского военного корабля на Мальте [61. С. 59]. В 1991 г. «24 января к Горбачеву попросился посол США Мэтлок. Он принес письмо от своего президента... по поводу Литвы и в связи с начавшимися боевыми действиями против Хусейна. Состоялся разговор без переводчика» [5.04. С. 416]. Стоит напомнить, что Дж. Мэтлок, как и все американские послы, знал русский язык. Какие-то встречи советской (или скорее антисоветской) элиты были освещены в СМИ, и о них сообщало ТАСС-: «3 января 1991 г. председатель Комитета госбезопасности В.А. Крючков принял посла США в СССР Дж. Мэтлока и имел с ним беседу по широкому кругу вопросов, представляющих взаимный интерес»; были контакты, куда допускались третья лица, так, например, премьер-министр В.С. Павлов сообщает о контактах с неким раввином Шнайером, президентом фонда «Призыв совести», который в СССР был принят на верху, потом выполнял ряд поручений, в том числе и по линии экономики: «Меня же более всего удивило в этой истории то, что совершенно в стороне от нее оказался наш МИД. Между Горбачевым—Яковлевым и определенными кругами США существовала своя, независимая от Смоленской площади связь» [49. С. 305].

Организовывались и совершенно закрытые встречи. Иногда, вследствие каких-то обстоятельств, «нашим» ответработникам приходилось действовать весьма оперативно; так, например, в июне 1991 г., когда в ответ на выступление на заседании сессии Верховного Совета СССР Премьер-министра В.П. Павлова с просьбой предоставить ему чрезвычайные полномочия «мэр Москвы Попов <...> обратился за срочной помощью к американцам, для того чтобы Верховный Совет СССР отказал Премьер-министру в его просьбе дать возможность добиться стабилизации в стране. Для этого он немедленно поехал лично к американскому послу господину Мэтлоку. Значит, твердо знал, что ему будет оказано необходимое содействие. Думаю, что Попов был достаточно информирован и о степени влияния на депутатский корпус и на некоторых влиятельных политических деятелей СССР. Его сегодняшние утверждения, что он поехал только для того, чтобы срочно проинформировать находившегося в США Ельцина, не слишком убедительны <...> Попов сознательно дал американцам искаженную информацию, дабы те оказали необходимый ему нажим через своих людей в структурах власти Советского Союза. Не берусь утверждать, что расчеты Попова предусматривали и то, что американцы захотят подключить Горбачева лично. <...> Появляется Горбачев, произносит обо всем и, как всегда, ни о чем пламенную речь <...>, и рассмотрение вопросов как-то непонятно повисает в воздухе. Странно, но факт — Верховный Совет СССР не сказал ни «да» ни «нет». Парадокс — вообще не было принято никакого решения, ограничились обсуждением» [48. С. 79]. М.С. Горбачев, как мы видим, ведет себя в соответствии со своей управлеченческой практикой половинчатости решений и как некая «пожарная машина», которая появилась, чтобы потушить малейшие возгорания желаний отнять у него часть полномочий.

Активно был задействован и немногим более низкий уровень: связка Э.А. Шеварднадзе— Дж. Бейкер, которые занимались проработкой ряда вопросов

более детально. Как пишут американские дипломат и журналист, «Бейкер предложил наладить официальный канал для «обмена» информацией и аналитическими материалами о внутренних событиях в обеих странах между подведомственными министерствами. На самом же деле, таким образом Бейкер предлагал способ, воспользовавшись которым Советы могли, не потеряв лица, получать от Соединенных Штатов рекомендации по проведению экономической реформы» [6. С. 63]. Ай да янки! Какая откровенность — редкая по своему цинизму.

Генерал-лейтенант госбезопасности Н.С. Леонов сообщил: «Во всем мире принято составлять подробную запись беседы, если ты вел ее в качестве официального лица или госчиновника. Какие аргументы приводили обе стороны, какие обязательства мы на себя взяли — это ведь не частности. Первыми, кто нарушил эту практику, были Горбачев и Шеварднадзе. Они начали вести переговоры, содержание которых не фиксировалось в записях. Они часто прибегали к услугам не своих, а чужих переводчиков. О чем шла речь на подобных переговорах, у нас в стране никто не знал. В ходе таких переговоров они свободно могли брать со стороны нашего государства обязательства, никого не ставя об этом в известность» [44. С. 2].

Публикация этих сведений была опротестована, но, возвращаясь к теме, некоторые данные были уточнены и опять явно не в пользу высокопоставленных лиц: «Во времена Горбачева в американском посольстве часто устраивались встречи с обязательным приглашением либеральной интеллигенции, будущих прорабов реформ» [47. С. 2].

И все-таки иногда, под тонким психологическим давлением (или расслабившись, под настроение) они рассказывают правду. «В мае 1993 года Горбачев находился с частным визитом во Франции и отвечал на вопросы о возможной «внешней помощи» в ликвидации СССР. Он поначалу утверждал, что внешние влияния имели место, но как объективный (может быть, субъективный? — А.Щ.) фактор. А основополагающим были все же тенденции внутри страны. Однако напоследок кое о чем проговорился, и это позволило газете «Фигаро» озаглавить интервью с Горбачевым весьма странным образом: «Надо отдать должное Рональду Рейгану».

В этом интервью, — по заявлению корреспондентов «Фигаро», — Горбачев впервые признает, что на встрече с Рейганом в Рейкьявике он фактически отдал СССР на милость Соединенных Штатов. Вот его слова: *«Рейкьявик на деле был драмой, большой драмой. Вы скоро узнаете, почему. Я считаю, что без такой сильной личности, как Рональд Рейган, процесс не пошел бы...*

На той встрече в верхах мы, знаете ли, зашли так далеко, что обратно уже повернуть было нельзя...» (Цит. по: [61. С. 182–183].) Первым этот момент «засветил» сам Рейган, рассказав в своих мемуарах, что был шокирован и чрезвычайно обрадован, — правда, встретил это с недоверием — согласием антисоветской части московской элиты на разгром СССР, которое передал М.С. Горбачев в Рейкьявике.

Впрочем, к подобным моментам может относиться и то, что в бытность свою на похоронах Генерального секретаря ЦК КП Италии Энрико Берлингера М.С. Горбачев в июне 1983 года сказал при выступлении: «Дорогой Энрико, мы никогда не забудем твоих советов о необходимости демократизации нашей страны» [21. С. 414].

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ПОДРЫВА СССР

Во многом настоящий раздел — краеугольный как в плане методологии произошедшего, так и в плане написания книги. В нем предстоит — в рамках настоящего исследования — осветить такие понятия, как система, системный подход и, в частности, системный подход к социальной системе. Мы дадим свою характеристику Союза ССР как социальной системы, покажем, как вообще возможен развал систем, и лишь после этого опишем последовательность действий, примененную к системному развалу страны.

Что такое система вообще? «СИСТЕМА. Имеется несколько десятков определений понятия «система» — от узкоспециальных до философских. Среди ряда определений, связанных с философским статусом этой категории, в качестве исходных, базисных можно взять следующие: 1) система есть комплекс взаимодействующих элементов (Людвиг фон Берталанфи); 2) упорядоченное определенным образом множество элементов, взаимосвязанных между собой, и образующее некоторое целостное единство (В.Н. Садовский); 3) система есть ограниченное множество взаимодействующих элементов (А.Н. Аверьянов). Во всех этих определениях фигурируют понятия «элемент» и «взаимодействие» («связь»). Качество системы обусловливается количеством и природой элементов и характером связей между элементами. Специалисты по системному подходу чаще всего отождествляют систему с целостностью, что, на наш взгляд, не исключает признания наряду с целостными системами также систем суммативного типа. Так, толпа, собравшаяся на улице, хотя и не имеет ярко выраженных «элементов», все же может быть проанализирована под этим углом зрения с выделением некоего системообразующего фактора. Все системы можно подразделить, таким образом, на системы суммативные и целостные» [4.05. С. 279–280].

Любая социальная, — а с учетом уже произведенного людьми продукта мы должны называть ее социо-техническая (или социоэкономическая), — система включает в себя:

- информационно-управляющий центр;

подсистемы, а на самом низком уровне иерархии далее неделимые при таком подходе элементы;

контур управления, который, в свою очередь, включает в себя объект и субъект управления (последний мы также называем информационно-управленческий центр), а также каналы связей и тезаурус;

- пограничные элементы, под которыми подразумевается не только собственно государственные институты — пограничные войска, таможня, посольства и проч., но и любой элемент в момент контакта с представителем внешней среды;

- внутренние связи и внешние связи, а также механизм отношений между элементами;

- распределение (всегда неравномерное!) информационных, финансовых, материальных и прочих потоков — в интересах одних и в ущерб другим, что неизбежно порождает внутренние противоречия.

Основополагающими признаками социальной системы будут: *сложность системы, наличие целеполагания произвольно выбранных подсистем, атрибутов*; для большей жизнеспособности должна соблюдаться *гибкость системы* по отношению к таким же системам из внешней среды, в развитии систем отмечаются процессы и циклы, *центробежные и центростремительные тенденции элементов по отношению к центру, мера внедрения чужих элементов и информации из внешней среды и мера энтропии*.

Весь этот ряд признаков и элементов имела и такая система, как СССР. При этом нужно отметить нечто особенное. Так, например, центром, в который стекалась вся информация с мест и в котором принимались основные решения по максимальному числу вопросов: внутренней и внешней политике, экономике, идеологии, обороны и безопасности, а также и (ограниченно) по делам ряда стран Восточной Европы, Азии, Африки и Латинской Америки, являлся аппарат ЦК КПСС. Контур управления был заложен еще И.В. Сталиным, формально он был сохранен, но его наполнили другими кадрами, принципиально исказили, когда все верно, но по существу — полное издевательство, довели до значительного отторжения между управляющим центром и объектами управления.

Между системой и внешней средой существовали внешние политические и торговые связи. Запад и СССР осуществляли неравноправный товарообмен, а США вели «холодную войну» на грани войны обычной. Сам СССР в то же время являлся подсистемой: 1) мировой системы социализма (с политической точки зрения); 2) Совета Экономической Взаимопомощи — СЭВ (с экономической); 3) Организации Варшавского Договора — ОВД (с военной). (Обращаем внимание на то, что, прежде чем разрушить Союз ССР, были разрушены эти Сверхсистемы).

На втором иерархическом уровне находилось 15 союзных республик. Эти подсистемы отличались друг от друга главным образом компактным проживанием обособленных наций. При этом к 1991 г. за пределами своей республики оказались 25 млн русских.

Безусловно, имелись центростремительные и центробежные тенденции в связях, но зримых конфликтов на этой почве было ничтожно мало. При этом с 1922 по 1985 г. шло явное грубое усиление центростремительных связей, за всякие попытки усиления центробежных официальная власть в 1922–1953 гг. карала очень жестоко. При этом часть республик находилась под разного рода внешними влияниями: три республики Прибалтики и Калининградская область РСФСР, образующие одну подсистему, и Молдова — под влиянием мощной западной субцивилизации; Средняя Азия, Казахстан и Азербайджан — под влиянием восточной или мусульманской субцивилизации. По линии децентрализации шло формирование номенклатурных кланов: Днепропетровск (Киев) — Украина; Свердловск — Урал; Ставрополь — Северный Кавказ; Ленинград; Москва.

СССР был системой целеустремленной. Однако при этом заявленная цель — построение коммунизма — грешила абстрактностью.

Разгром сверхсистемы СССР произошел следующим образом.

Краткое описание: **«Вход — СССР, 1985 г.»**. Имелся сильный, единый центр. Подсистемы имели связи только с ним. Внешние связи были общими. Существовала единая граница.

Для того чтобы развалить социальную систему, предстояло захватить информационно-управленческий центр, увеличить внутренние противоречия, усилить центробежные тенденции, ослабить центростремительные тенденции. Ослабить старый центр, усилить новые центры, усилить новые центробежные тенденции вокруг новых центров.

Осуществить разрыв связей — информационных, финансовых, материальных потоков — со старым центром. Сформировать новые связи: сначала на неофициальном уровне — де-факто, потом придать этому юридическое оформление — де-юре. Следует при этом отметить, что когда система находится в состоянии стабильности и параметры центростремительных тенденций преобладают над центробежными, то система способна сохранять более высокий уровень конфликтности с внешней средой. В состоянии же стремления к хаотичному развалу (когда центробежные тенденции доминируют над центростремительными) возникают явления противоположного рода: усугубляются конфликты между подсистемами — причем до уровня «*Bellum omnium contra omnes*» (лат.) — «война всех против всех». Провести резонансное явление, которое должно привести к окончательному разрыву прежних отношений. Окончательно разорвать прежние внутренние связи, завершить создание новых центров, юридически оформить обособление, установить новые границы — создать по периметру максимально допустимое число конфликтов, установить самостоятельные внешние связи.

Краткое описание: «Выход— СНГ, 1991 г.». Число центров — более 15 (кроме бывших 15 союзных республик относительной самостоятельностью владеют Абхазия, Приднестровье, др.). Связи элементов направлены к ним. У каждого из центров свои связи с внешней средой. Новые границы, причем статус старой и новой границы одинаков. Обращаем внимание на то, что разделение системы приводит ее в состояние *полный нуль* — в состояние *набор новых систем*, по некоторым не самым ценным, т. е. наиболее устойчивым параметрам суммарно формально равных прежней системе.

Прежде чем пояснить, в чем конкретно выражался системный характер разгрома СССР, напомним, что, во-первых, вся наша книга посвящена именно тому, как разваливали такую систему, как Советский Союз, а во-вторых, мы отмечаем все особенности катастрофы именно системного характера: информационного, динамики дихотомических процессов и резонансного явления.

Особенностью разгрома СССР явилось то, что значительно большую роль по сравнению с прочими факторами сыграл фактор союзных республик. Союзные республики имели все атрибуты государственности — вплоть до того, что создали (кроме России) свои МИДы. К тому же РСФСР, УССР, БССР были представлены в ООН. Дополнительной гарантией распада СССР (1-й иерархический уровень) на 15 самостоятельных союзных республик (2-й уровень) была внутренняя тенденция отделения автономных республик (3-й уровень), других территориальных образований от своих союзных республик. Для этого проводились различные мероприятия, в т. ч. и «правового» характера: в апреле 1990 г. Верховным Советом СССР было принято решение о повышении статуса автономных образований до уровня республиканских.

Окончательно произошел захват информационно-управленческого центра. Специалистам по управлению легко было идентифицировать этот факт: центр перестал реагировать на запросы снизу или же выдавал неадекватную ситуации информацию.

Разрушение союзных структур было во многом напрямую увязано, инициировано и сопровождалось созданием множества новых функциональных организаций: политических партий, движений, групп. Надо сказать, что они появились в своем подлинном обличье не сразу, а прошли в большинстве своем длительную эволюцию: от диссидентских до неформальных, от неформальных до откровенно политических, которые разделились на легитимные и те, что остались с полуподпольным статусом. Т. е. благие цели, зафиксированные в уставах, не исполнялись. В особом ряду здесь стоят незаконные вооруженные формирования (о них будет сказано ниже). Финансово-экономическая война породила огромное количество кооперативов, совместных предприятий, банков, бирж, других экономических институтов. Все эти структуры имели очень четкую иерархическую привязку: немногие из них обрели всесоюзный статус («Мемориал», Комитет солдатских матерей, Либерально-демократическая партия СССР В.В. Жириновского, ряд других); многие — республиканский статус (тут каждая из 15 республик поимела столько, что пытаться делать какую-то справку бессмысленно — полной картины все равно не получится); и бесчисленное множество — региональный и местный уровень (в том числе и т. н. дискуссионные клубы в поддержку перестройки). Но во всем этом структурно-функциональном хаосе прослеживалось главное: то, что явное их большинство замкнуло свою деятельность на уровне республик — их притянули эти мощные центры, не заинтересованные в распаде страны до более низкого уровня.

В 1988–1991 гг. внутри союзных республик шли процессы формирования качественно новых элит. Сложились новые региональные административные, идеологические, экономические (а через банки — и финансовые), силовые элиты. Их составили люди, возымевшие большие претензии и амбиции, нежели это предписывалось центром ранее (теперь же это поощрялось). Депутатские группы, военные переприсягали новым «атрибутам» власти. В Литве даже раньше, чем была провозглашена «независимость», возник т. н. Департамент охраны края. Это напоминает методы формирования государственных структур Израиля — разведка МОССАД считается старше самого государства.

При этом в самой Москве возник независимый центр управления, который перетягивал на себя в том числе и общесоюзные функции — то есть стал параллельным центром власти, а потом избавился от старого в обмен на территориальные потери. Шло, как уже говорилось, лавинообразное разрушение связей — информационных, финансовых, материальных — со старым центром. Республикаансые элиты перестали отдавать ресурсы, в т. ч. финансы, в общесоюзный бюджет. Прибалтика сначала установила у себя таможню, а затем, чтоб не вызывать лишнего скандала, на «законных основаниях», согласно Постановлению I Съезда народных депутатов об экономическом эксперименте, провела и другие меры. Особые усилия прилагались к тому, чтобы получить все причитающееся из союзного бюджета. В ответ в Москве разводили руками и говорили то же, что говорят до сих пор: нет ресурсов, поскольку теперь вопросы, что раньше первый секретарь обкома решал в Москве, стали решаться на более низком уровне.

Особую роль — в силу характера самого внутреннего устройства СССР — играл не столько раскол всего социума, сколько разгром единого системообразующего стержня, каким была Коммунистическая Партия Советского Союза. Дж. Кеннан-младший в свое время подчеркивал: «Если кому-нибудь удастся нарушить единство и силу Коммунистической партии как политического

инструмента, Советская Россия может быть быстро превращена из одного из сильнейших в одно из самых слабых и ничтожных национальных сообществ». (Цит. по: [66. № 95. С. 1].) Сделано это было путем санкционирования многопартийности и лишения легитимности КПСС (в России легитимность формируется не через правовые процедуры, а через историческое право на власть; и КПСС таким правом владела именно исторически — через борьбу с царизмом в подполье, через революции, через гражданскую войну, чистки, успехи в деле индустриализации и коллективизации, жертвы в годы Великой Отечественной, восстановление, космос и ядерный щит).

За 1988–1991 гг. прежде, казалось бы, нерушимая система через медленное сползание (подобный термин у С.Е. Кургиняна звучит как «механизм соскальзывания») была доведена до состояния неустойчивого равновесия. Теперь ничего не стоило слабым, но точно рассчитанным ударом по сложной системе вывезти ее из этого состояния. Одним действием нужно было решить несколько задач, в частности, собрать вместе элиту Центра, противодействующую разгрому, и вывести из игры, лишив возможности действовать. Предстояло передать всю власть параллельному центру. Это было сделано в августе 1991 г.

После этого оставалось только оформить «развод по-советски», начав с наиболее чуждых западных республиканских подсистем, окончательно разорвать оставшиеся связи, завершить создание новых центров, юридически их оформить и, наконец, отчитаться перед «нанимателем».

Очень любопытно в этой связи и поведение «элементов» системы — простых советских людей. Их огромные массы были вовлечены в этот процесс. Но если спросить об их доле в деле разгрома СССР, то все будут утверждать, что они к этому совершенно не причастны. В том числе и те, чья деятельность имела ключевое значение. Бастовали, писали статьи, клеили листовки, убивали в «горячих точках», но СССР не разрушали. Часто такая деятельность носила попарное взаимодействие: одни жгли партбилеты — и тут же были операторы с телекамерой; журналисты работали — читатели, слушатели, зрители читали, слушали, смотрели; армянские боевики стреляли в азербайджанских — и наоборот; демонстранты выходили на несанкционированные митинги — милиционеры разгоняли их дубинками, и т. д. и т. п... Все были втянуты в этот круговорот... В явной, четко выраженной форме их деятельность не была направлена на крах СССР, она была направлена на решение каких-то частных небольших задач, и лишь сложившись вместе, они создали разрушительный эффект.

Баланс центростремительных и центробежных тенденций устроен так, что маломощные системы, оторвавшись от прежнего слабеющего центра, попадают в поле влияния иных, более сильных центров. В данном случае, уйдя от центростремительного влияния Москвы, новообразованные государства неизбежно попадали под колониальную зависимость внешнего мира: республики Прибалтики, Украина и Молдавия «легли» под Берлин, республики Закавказья, Средней Азии и Казахстан — под Анкару и Эр-Рияд, а все вместе и Россия — под Вашингтон. Однако центростремительные тенденции в силу мощных многовековых исторических связей «не умерли» до конца, и даже до настоящего времени отмечается тяга центростремительных «консервативных» подсистем к Москве: это Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Белоруссия.

Почему вообще этот процесс удалось запустить в 1985–1991 гг.? Да потому, что еще раньше (1953–1985 гг.) скрытым врагам удалось занять ключевые позиции в информационно-управляющем центре, изменить распорядительные функции в свою пользу, занять страховую сферу, перекрыть сложившиеся каналы информации и снабжения материальными ресурсами, изменить механизм управления, проконтролировать, чтобы не появилось параллельного патриотического центра, и к тому же создать свои параллельные центры.

Особую роль сыграло при развале СССР наличие *внешнего фактора*, что тоже имело глубоко системный характер. *Встроенность* одной системы в другую (иногда можно указать и во множественном числе, но мы здесь будем разбирать *один к одному*, имея в виду Запад— СССР) имеет как бы несколько полутонов от самых видимых до столь невидимых, о которых не догадываются даже сами авторы *глубокого проникновения*. Не догадываются потому, что они не входили в их изначальный замысел (не крайней мере, не до такой степени), и лишь по истечении какого-то периода времени, после реализации планов, эти эффекты могут быть отслеженыими как самоорганизующиеся явления. Такими явлениями на отрезке 1985–1991 гг. в рамках официальных встреч М.С. Горбачева с западными лидерами были его тайные контакты: «У него были частые встречи «под разными флагами», но никто не должен был про это знать» [5.06. С. 5]. Эти контакты привели к тому, что в советской печати стало появляться гораздо больше материалов о бывших явных врагах, вдруг ставших «друзьями», и это вполне закономерно — нельзя же поливать грязью тех, к кому регулярно «ходишь в гости». Последние, правда, не собирались отказываться от своих прежних военно-политических доктрин, и изменения во взаимоотношениях были унизительно односторонними. Так, например, в одночасье произошло смягчение режима допуска к советской секретной информации под тем предлогом, что «на Западе это все открыто!», и никто не торопился это проверять. Другим показательным примером является атака на литературном, культурном, туристическом (для единиц), телевизионном (для всех) фронтах — в этом ряду разрешение «самиздата», телемосты с В.В. Познером.

Наконец, на сцене незаметно появляются лица, которые прямо работают на США (т. н. «агенты влияния»). При этом в Штатах всячески боролись с проявлениями внешнего влияния, особенно с «левой заразой» [5.07. С. 316]. Постепенно «агенты влияния» занимают практически все информационное пространство, в самых необходимых ключевых точках у них есть даже дублеры. Весьма показательно и то, что время от времени ими зондируется общественное мнение на предмет выявления реакции населения на нарастание тревожных тенденций, и если таковая может выйти из-под контроля, проводятся акции успокоительных заверений о правильности выбранного курса. К числу подобных приемов зондирования можно отнести периодические выступления по телевидению о предстоящей катастрофе (например, выступление Председателя КГБ СССР генерала армии В.А. Крючкова в декабре 1990 г. или обращение «Слово к народу» группы деятелей культуры). В ответ — равнодушие наиболее активной части населения, смирившегося с захватом и думающего лишь о том, как оказаться «встроенным» в ту же заграницу. Сюда же можно отнести появление враждебной символики: сионистской, фашистской, американской. Вместо массовых протестов и возмущений — непростительная толерантность.

Интеграция чуждого влияния прошла через закрытые подсистемы, оторванные от основной, материнской системы и так же внутренне глубоко ей

чуждые: через партноменклатуру (руководящую элиту, принимающую своекорыстные решения); руководящие круги КГБ СССР; еврейскую диаспору (поддерживающую предпочтительность связей с Израилем); страны Прибалтики (подсистему западной цивилизации под советской юрисдикцией), советских теневиков (легализовавшихся в кооператоров), национальные интеллигенции. Все эти подсистемы явились катализаторами процессов, они вовлекли в свою орбиту через посредство журналистов наиболее активную часть населения.

Специалисты-системщики сообщают об объектах, «.. способных осуществлять координацию различных действий, происходящих в системе. Координирующими объектами данной группы могут быть объекты как из этой же группы, так и из других групп. <...> В животном мире, в человеческом обществе <...> координирующие и координируемые объекты формируются из одной и той же группы. Однако бывают исключения. Так, в стаде баранов предводителями бывают козлы» [5.08. С. 89]. Как говорится, без комментариев.

В связи с изложенным мы должны дать более объективную справку о внешней среде и о допустимой мере проникновения чужеродных элементов в систему. Внедрение в сложную социальную систему не только в принципе возможно, но и необходимо. Тем более что это проникновение осуществляется не всегда с каким-то злым умыслом (хотя диалектика и конфликтология строятся именно на этом), иногда это происходит без злого умысла, а успешно развивающаяся система извлекает из этого еще и определенную пользу.

Система не может быть абсолютно закрыта от других систем — иначе она перестанет быть жизнеспособной, она закостенеет. Идеально функционирующая система — это гибкая система. В частности, она должна обладать целым набором индикаторов, которые не только могли бы выявлять опасную, пороговую степень проникновения чужих элементов, но и обладать достаточным влиянием, чтобы принудить информационно-управленческий центр к адекватным реакциям по изгнанию (уничтожению) враждебных представителей из внешней среды.

Итак, система *СССР* не выдержала такого проникновения и стала придатком (продолжением, подсистемой) системы *США* (грубо говоря, 51-м штатом). Зачем это было нужно? Да очень просто. Через такого рода присоединение система *США* начинает обслуживаться системой *экс-СССР*.

Собственно говоря, то, что мы рассмотрели выше, это далеко не полная картина произошедшего, ибо мы раскрыли по большей мере *структурную сторону*. Но есть еще *историческая сторона*: на территории СССР процессы потекли вспять, развитие замедлилось, изменилось и их направление — произошло то, что на Западе называлось «отбрасывание коммунизма». Есть и *функциональная сторона*: некоторые функции новая постсоветская государственность перестала выполнять. Прежде всего безопасности, устойчивого развития, воспроизводства.

Как говорится в известном афоризме, «то, что создается веками, рушится за секунды, то что создается годами — рушится за час». Существенным моментом экспертизы перестройки должна быть фиксация необратимости процесса разрушения. Говоря объективно, на сегодня ни мы, ни главный противник не способны вычислить тот переломный момент (час, день или более протяженное время), на который можно указать, что именно с этого момента «процесс зашел» столь далеко, что альтернативы развалу СССР уже не было. В Америке этим вопросом весьма озадачены, пытаясь прояснить его и на уровне секретных семинаров, на совещаниях политической верхушки и даже открыто — перед

журналистами: так, 12 мая 1989 г. один из руководителей СНБ США адмирал Скоукрофт сказал репортерам: «Рано радоваться: Советский Союз, знаете ли, по-прежнему остается мощной военной державой. У нас с ним большие проблемы, кроме того, на данном этапе преобразования еще не достигли необратимого характера» [6. С. 66].

Если применить персонифицированный подход, то мы в состоянии лишь сделать исходное предположение, что это может выглядеть как переход власти от М.С. Горбачева в масштабе всего СССР к Президенту РСФСР Б.Н. Ельцину в РСФСР, Президенту Украины Л.М. Кравчуку в УССР и т. д. («К лету 1990 года Буш и Бейкер решили (между собой) всерьез заняться другими нынешними советскими лидерами — помимо Горбачева, — обладавшими определенным потенциалом» [6. С. 205.]); если быть еще точнее, то тут можно указать на рекордное падение рейтинга самого М.С. Горбачева: «Впервые сильное падение рейтинга М. Горбачева зафиксировано в июле 1989 г.» [66. № 96. С. 3]. В этом плане нужно отметить не только самостоятельные контакты Ельцина с теми же Штатами, но и то, что информационный и финансовый поток извне становится равным тому потоку, что был направлен на Горбачева и К°. Исторический момент необратимого распада СССР в таком случае, может быть, излишне сопрягается с персоналиями, но более точно указать не представляется возможным. В США на семинарах с участием президента нередко шло обсуждение момента необратимости перестроечных процессов, и уже в январе 1989 г. был сделан окончательный вывод, что «Горбачев начал процесс более необратимый, чем он сам» [6. С. 28]. Тем самым ему был подписан приговор как политическому трупу, которого можно устранять с арены.

Если посмотреть на данную тему с позиции *ситуационных технологий*, то тогда нельзя не признать, что был момент, когда Советский Союз окончательно удалось загнать в порочный круг. Это было примерно в 1988–1989 гг.

Говоря об этом с позиции *системного подхода*, мы прежде всего укажем, что необратимость процессов распада была достигнута в тот момент, когда система приобрела *самодезорганизующийся характер*. В этот момент наступило лавинообразное разрушение прямых и обратных связей между подсистемами. До этого момента — точки перелома — систему можно было еще сравнительно легко восстановить, вернув на «путь истинный», после — уже в принципе невозможно, или же с такими потерями, такой ценой, что проще было оставить, как есть, чем устраивать, например, гражданскую войну.

Замечательный исследователь С.Г. Кара-Мурза, подробно исследуя ход перестроечных процессов, не мог, конечно же, обойти вниманием этот вопрос и ответил на него так: «Связующим материалом, который соединил народы СССР в единое государство, был союз с русским народом. Именно наличие этого обладающего силой и авторитетом ядра («старшего брата») уравновесило сложную многонациональную систему из полутора сотен народов.

Главный шаг, который удалось сделать интернациональной антисоветской номенклатуре к 1991 г., — подготовить и провести «Декларацию о суверенитете». Основную роль в этом сыграли демократы РСФСР, которые группировались вокруг Ельцина. Речь не идет об ошибке — идеологи российского документа продолжают хвастаться и шумно праздновать день «независимости» в память о принятии фатальной Декларации.

Принципиальные положения Деклараций означали ликвидацию главных скреп Союза. Были декларированы раздел общенародного для СССР достояния,

ликвидация единого ресурсного, экономического и интеллектуального целого. Это был «бархатный» переворот, так что большинство депутатов не поняли, какие документы им подсунули для голосования. Чтобы они не поняли, антисоветские идеологи трудились несколько десятилетий» [29. Кн. 2. С. 572].

Таковы взгляды на этот момент. Еще раз повторюсь, что, пройдя его, система по сути дела потеряла возможности дать обратный ход.

«МУЖАЙТЕСЬ! ЗАПАД НАМ ПОМОЖЕТ»

Мы уже рассматривали и еще будем касаться контактов в связке: *антисоветски настроенная советская элита — западные политические круги*. Но в рамках нашего исследования важнейшим является канал перетекания методической, системной, аналитической составляющих информации (например, по принципу *запрос* (из США) — *ответ* (из СССР)). И такой канал был оформлен в виде Международного Института Прикладного Системного анализа.

С «советской» стороны его создавал и обслуживал Д.М. Гвишиани, о котором уже говорилось, с американской— О. Хелмер, один из ведущих американских специалистов по прогнозированию. Директором института стал Роджер Э. Левъен, чьи слова мы уже приводили, 16 апреля 1935 года рождения. Образование — бакалавр (инженерное дело), Сворт-морской колледж, 1956 г.; магистр (прикладная математика), Гарвардский университет, 1958 г.; доктор (прикладная математика), Гарвардский университет, 1962 г... Профессиональная деятельность: консультант отдела функционирования систем РЭНД Корпорэйшн 1956–1960 гг.; лектор, Калифорнийский университет (линейная алгебра, линейное программирование, теория деловых игр) 1962–1967 гг.; ведущий лектор, Калифорнийский университет (системный анализ) 1969–1970 гг.; адъюнкт-профессор, Калифорнийский университет (системный анализ) 1970–1975 гг.; сотрудник отдела функционирования систем РЭНД 1960–1967 гг.; руководитель отдела науки о системах РЭНД 1967–1970 гг.; руководитель отдела внутренних программ, Вашингтонское отделение РЭНД 1970–1975 гг.; с 1975 г. — директор IIASA. Автор ряда книг.

Местонахождение Института — г. Лаксенбург, Австрия. Адрес: International Institute for Applied Systems Analysis (IIASA) A-2361, Laxenburg, Austria.

На внесистемном уровне эти контакты проходили не менее интенсивно. Так, например, 10 мая 1989 г. на московской квартире министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе состоялся разговор, в ходе которого «Бейкер убеждал Шеварднадзе в необходимости добиться согласия своих коллег на «гласность среди военных»:

— Опубликуйте свой оборонный бюджет, тогда, если вы объявите о его сокращении на четырнадцать или девятнадцать процентов, мы будем знать, с какого уровня вы его снижаете.

— Видите ли, мы бы и сами хотели получить эту информацию, — сказал Шеварднадзе. — И думаю, мы ее получим и обнародуем, так как нам наверняка придется говорить об этом на съезде народных депутатов» [6. С. 62].

Если до 1985 г. контакты с заграницей— даже верхушки — были ограничены, то в процессе перестройки встречи между обеими сторонами «совместных

революционеров» стали особенно частыми: в одной из стран происходили грандиозные качественные — а потому и не столь ощущимые, в отличие от изменений количественных — изменения, и поэтому «перестройщики» постоянно нуждались в высококвалифицированной помощи. «В мае 1990 г. во время проведения в Майами (США) семинара «Советско-американский диалог» ЦРУ вывело на советскую делегацию, участвовавшую в работе семинара от Комитета защиты мира, лидера антикубинской делегации М. Каноу и помогло установить тесные контакты с ее руководителями Г. Боровиком и Ф. Бурлацким.

Помощь была взаимной. В апреле 1990 г. в г. Уоррентон (штат Вирджиния) прошла конференция по вопросу о сопоставлении показателей экономики СССР и США. С советской стороны в числе других в конференции участвовали народные депутаты СССР академики О. Богомолов и В. Тихонов, с американской — представители исследовательских центров и эксперты ЦРУ. В своих выступлениях советские представители оперировали подробнейшей информацией о положении дел в нашей стране. Американцам был дан совет: усилить давление на Горбачева, который, по мнению академика Богомолова, в связи с тяжелым положением дел в стране может пойти на значительные уступки Вашингтону. Совет американцы расценили как весьма ценный. Столь же высоко была ими оценена многоплановая информация о развитии политической и социально-экономической обстановки в СССР» [35. Ч. 1. С. 40–41].

Уже опробовав ряд технологий в Польше, теперь их решили перенести в СССР. «Что касается стратегической цели, то <...> Ю. Афанасьев еще в 1990 году определил ее как повторение во многом «плана Бельцеровича» в Польше. Ю. Афанасьев не скрывал, что на самом деле этот план был разработан в Международном валютном фонде. Он же отмечал, что подобный план перехода к рыночным отношениям МВФ обычно проводит в слаборазвитых странах с целью локального укрепления замкнутой валюты и окончательной денационализации экономики. Тогда же родилась идея, а точнее, она была запущена к нам организацией «Бнай-Брит», объявить русское национальное движение фашистским как по задачам, так и по идеологии» [35. Ч. 1. С. 42].

Западные институты создавали не только документы внутреннего пользования для своих высших явных и тайных руководителей, но и, что всего опасней, документы и технологии, специально предназначенные для советских граждан. Это были прямые рекомендации; публичные выступления перед ограниченными аудиториями для доверенных лиц; совместные научные семинары, юридические акты, полузакрытые материалы для руководства, используемые то явно, то «в темную» и т. п., вплоть до использования присланных материалов для публикации в печати, а главное, конечно же, подготовка в Институте Крибла.

К такого рода документам относятся т. н. Конституция Сахарова («Ныне обращают внимание на то, что «физик-ядерщик на две недели выехал в Америку и там за две недели написал совершенно внятную конституцию» [5.09. С. 3]) и Программа «500 дней», подготовленная кандидатом экономических наук Г.А. Явлинским & К⁰ в Гарварде.

СССР был далеко не первым государством, где появилось и усилилось до предельной отметки опасное вмешательство Америки во внутренние дела другого государства. Этой тенденции способствовала т. н. Программа региональных исследований. «Она начала разрабатываться еще во время войны для подготовки специалистов по различным регионам Европы, Азии и Латинской Америки,

знающих местные языки, порядки и обычаи и способных выполнять в этих регионах административные функции, поистине США готовились управлять буквально всем миром! Суть этой программы заключалась в создании при крупнейших американских университетах специальных подразделений, которые должны были готовить специалистов по различным регионам мира для американских правительственные организаций как в США, так и за границей, а также координировать научные исследования по тому или иному региону и давать информацию правительству, если потребуется. Таким образом, планируемые институты должны были в основном иметь прикладной, а не академический характер.

Новизна и сложность программы региональных исследований состояла в ее междисциплинарном характере., что требовало координации действий различных факультетов. Создавало это дополнительные трудности и для участвовавших в ней аспирантов, которые за два года должны были усвоить несколько различных по характеру специальных курсов (интенсивная языковая подготовка, география региона, история, экономика, политические и социальные институты, психология и антропология) наряду с общими, такими, например, как основы дипломатии. Кроме того, будущий специалист должен был получить обычную подготовку в какой-нибудь специальности, ибо создатели программы опасались, что в противном случае выпускник окажется дилетантом, знающим обо всем понемногу и не получившим конкретной специальности. Для участников региональных программ предусмотрена также годичная практика в изучаемом регионе. Разумеется, организовать такую практику в СССР в то время было невозможно, и студенты ограничивались теоретическими занятиями» [5.10. С. 30–31]. Такого рода план не был осуществлен в отношении СССР в силу его особой закрытости, но во времена «перестройки» он осуществлялся уже через хорошо известный институт Крибла.

Институт Крибла — филиал Фонда свободного конгресса, или же Российский институт по проблемам демократии и свободы (РИПДС).

«Институт Крибла (руководитель которого, по его собственным словам, решил «посвятить свою энергию развалу Советской империи») создал целую сеть своих представителей в республиках бывшего СССР. С помощью этих представительств и ноября 1989-го по март 1992 г. было проведено около полусотни «учебных конференций» в различных точках СССР: Москва, Ленинград, Свердловск, Воронеж, Таллин, Вильнюс, Рига, Киев, Минск, Львов, Одесса, Ереван, Нижний Новгород, Иркутск, Томск. Только в Москве было проведено шесть инструктивных конференций.

О характере (я бы сказал, о качестве. — А.Ш.) инструктивной работы представителей Института Крибла говорит пример партийного пропагандиста Г. Бурбулиса, до 1988 года твердо повторявшего тезисы о руководящей роли КПСС и подчеркивающего «консолидирующую роль партии в перестроенном процессе». После прохождения инструктажа «у Крибла» он стал постоянно твердить, что «империя (т. е. СССР) должна быть разрушена». (Цит. по: [52. С. 17].) «С октября 1989 г. Институт Крибла провел более 40 конференций (это что-то вроде методических семинаров) в «бывшей Советской империи». Конференции проходили в самых разных городах: от Москвы и Ленинграда до Томска и Иркутска, а также в Тбилиси, Риге, Свердловске и т. д. Тогда же бодро встали на ноги МДГ, «Дем. Россия» и ряд более мелких структур» [14. С. 3]; «С начала 90-х годов в нашей стране начался расцвет «либерально-демократической

идеологии». Именно в это время в России был создан филиал Института Крибла (ныне Российский институт по проблемам демократии и свободы — РИПДС) и масса других подобных ему «новоделов». Упомянутый институт тесно связан с «Фондом наследия» («Херитидж фаундейшн») — одной из влиятельных исследовательских организаций США, по инициативе которой был принят закон «О помощи борцам за свободу в Советском Союзе». <...> Фактической реализацией помощи этим движениям занимался именно институт Крибла, возглавлявшийся доктором философии Р. Криблом (одновременно и членом совета директоров «Херитидж фаундейшн»). Приоритетной формой работы РИПДС является организация конференций, симпозиумов и конгрессов по проблемам политики, экономики и культуры. При этом упор делается на подготовку информации для американских правительственные и иных учреждений, деловых кругов, а также на формирование на территории РФ «демократически» (т. е. прозападно) ориентированных властных структур. В настоящее время «Российский Крибл» возглавляет <...> А. Мурашов, <...> с 1996 г. <...> — глава Центра либерально-консервативной политики и глава Московского отделения Российского института по проблемам демократии и свободы (РИПДС)» [5.11. С. 4].

Глава VI «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА». ЭПИЗОД III

ВОЙНА КЛОНОВ

Впереди пятьдесят лет необъявленных войн, и я подписал договор на весь срок.

Не помню, когда именно, но я подписал.

Эрнест Хемингуэй. Пятая колонна.

Цит. по: [6.01. С. 177]

Еще вчера это ограничивалось понятиями «тайная дипломатия», «шпионаж», «идеологическая диверсия», но сегодня — по итогам подведенных результатов — можно смело говорить о случившемся, как о явлении, имеющем масштабы войны. Итоги «перестройки», таковы, что одержанная США виктория, не имеющая precedента в истории, могла быть достигнута только в том случае, если бы атакующая сторона не только отбирала методы, общепринятые на мировой арене во взаимоотношениях двух невоюющих стран, но и изыскала такие приемы, которые позволили включить механизм самоуничтожения, изначально заложенный в сложных, полных внутренних противоречий системах. США начали наступление тихое и скрытое, основанное на вечном как мир правиле *«Разделяй и властвуй»*. Им пользовались издревле, но от патриархальных приемов враждебный нам мир перешел к новому методу *«Задушить в дружеских объятиях»*, суть которого была провозглашена еще президентом США Авраамом Линкольном: «Есть два способа уничтожить врага: первый — это его убить, второй — подружиться с ним». Следующий этап должен был заключаться *«не столько во внесении разлада в действия противника или их срыве, сколько в обращении оружия против его же обладателя»*, что и было апробировано в

Тбилиси (апрель 1989 г.), Баку (январь 1990 г.), Вильнюсе (январь 1991 г.) и Москве (август 1991 г.), когда применение грубой силы дало эффект, противоположный ожидавшемуся.

Председатель правления РЭНД Корпорэйшн Роан Гайтер в своем выступлении на заседании правления в 1958 г., посвященном десятилетию организации, в частности сказал: «Война, которую нам предстоит вести в течение ближайших лет, накладывает на наше правительство бремя ответственности, беспрецедентное по своей сложности и последствиям. Должны быть найдены пути повышения эффективности деятельности наших руководителей всех звеньев. Наше правительство должно усовершенствовать административную сторону процесса принятия решения. Я уверен, нет необходимости доказывать членам правления, что как политическое, так и физическое выживание в значительной мере зависит от того, насколько быстро и успешно технические достижения реализуются в вооружении и системах оружия. Нет необходимости доказывать и то, что война, которую мы ведем, не является больше войной, где используются только вооружение и солдаты, или даже, что они играют преимущественную роль. Это война, в которой экономические и политические факторы приобрели исключительно большое значение и фактически могут быть решающими. Все это означает, что в выполнении своих функций правительство не может больше ограничиваться собственными силами (хотя этого в полной мере, по-видимому, никогда и не было) и, если оно хочет во всеоружии встретить опасность, оно все в большей мере должно заботиться об использовании наших интеллектуальных, научных и экономических ресурсов. Проблема заключается не только в том, чтобы иметь эти ресурсы, но и в том, чтобы располагать возможностью их использования. Мы должны найти организационные средства, позволяющие привлекать наши ресурсы для решения задачи выживания. <...>

Война, которую мы ведем, не является больше войной, где используются только вооружение и солдаты или даже что они играют преимущественную роль. Это война, в которой экономические и политические факторы приобрели исключительно большое значение и фактически могут стать решающими» [6.02. С. 14–15]. В этом руководство РЭНД Корпорейшн видело свою основную задачу по отношению к своему врагу № 1 — Советскому Союзу. Такой подход лиц, разработавших методы прикладной диалектики, является единственно возможным — придумать новые приемы противоборства и не призывать воспользоваться ими было бы вне нормы. Можно только гадать о том, что еще говорилось на том правлении — доклад является секретным.

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА: «ВСЕ ИДЕТ ПО ПЛАНУ»

Объектом психологической агрессии стали не только рядовые обыватели, но и представители правящей элиты: «Есть основания считать, что августовский «путч» прошел по сценарию, разработанному энэльпистами, и сами его инициаторы находились под психологическим воздействием» [6.03. С. 15]. Напомним, суть всех технологий этого подвига войны в том, чтобы субъект даже

не догадывался о том, что он не автономная личность, самостоятельно принимающая решения, а всего лишь объект управления. Поэтому полгода спустя после «путча» мы могли прочитать столь искренние признания: «Об этом много пишут и, к сожалению, не зная истинного положения, строят свои версии на всевозможных догадках. В том числе на таких, как заговор специально организованный для развала СССР и КПСС, как заговор, спланированный кем-то на Западе с участием ЦРУ и их агентов и другое <...> Все это тяжелейшее заблуждение» [6.04. С. 1]. (Смысл этих слов секретаря ЦК КПСС О.С. Шенина заключался, конечно же, больше в том, что на его глазах сценарий по созданию ГКЧП осуществлялся именно как инициатива со стороны КГБ, и только. Но выгоду от этой неудачи поимела другая сторона...)

Главная цель информационно-психологической войны — доведение объектов воздействия до такого безопасного уровня, чтобы последние не имели возможности описать ситуацию в системных терминах и найти противоядие, — была достигнута.

«Чего добились антисоветские идеологи. <...>

Посредством дестабилизации сознания и увлечения людей большим политическим спектаклем удалось осуществить «толпообразование» населения СССР — временное превращение личностей и организованных коллективов в огромную, национального масштаба толпу или множество толп. В этом состоянии люди утратили присущее личности ответственное отношение к изменениям жизнеустройства, сопряженным со значительной неопределенностью и риском. Без дебатов, без сомнений, без прогноза выгод и потерь большинство населения согласилось на революцию, когда в ней не было никакой необходимости, — на революцию в благополучном обществе. Это несовместимо со здравым смыслом.

Обычные люди, не вовлеченные в толпу, обладают здоровым консерватизмом, вытекающим из исторического опыта и способности предвидеть нежелательные последствия изменений. Эти свойства гнездятся в подсознании и действуют автоматически, на уровне интуиции. Этот подсознательный контроль в СССР был устранен из общественного сознания в ходе перестройки.

<...> За время перестройки в сознание советских людей вошло много прекрасных, но расплывчатых образов — демократия, гражданское общество, правовое государство и т. д. Никто из политиков, которые клялись в своей приверженности этим бодрым идолам, не излагали сути понятия. Принять язык противника — значит незаметно для себя стать его пленником. Даже если ты понимаешь слова иначе, чем собеседник, ты в его руках, так как не владеешь стоящим за словом смыслом, часто многозначным и даже тайным. Это — заведомый проигрыш в любом споре.

Положение советского человека оказалось еще тяжелее — перейдя на язык неопределенных понятий, он утратил возможность общения и диалога со «своими» и даже с самим собой. Логика оказалась разорванной, и даже сравнительно простую проблему человек стал не в состоянии сформулировать и додумать до конца. Мышление огромных масс людей и представляющих их интересы политиков стало некогерентным, люди не могут связать концы с концами и выработать объединяющий их проект — ни проект сопротивления, ни проект выхода из кризиса. Они не могут даже ясно выразить, чего они хотят» [29. Кн. 2. С. 648, 651].

А все дело в том, что именно «...в деятельности иностранных спецслужб по-прежнему считается эффективным, наряду со шпионажем, тайное влияние на политический курс, на процесс выработки и принятия решений. В отличие от распространенных способов (подкуп, шпионаж, угрозы), когда объект воздействия осознает, что действует в ущерб своему государству и в интересах противоположной стороны, в последнее время распространен более безопасный тип тайных операций — манипулирование. При манипулятивном воздействии человеку, помимо его воли, предписываются строго определенные рамки поведения и образ действий. Более того, он уверен, что все свои решения принимает самостоятельно, без какого-либо давления извне» [6.05. С. 2]. «В случае информационной войны все не так. Здесь порой даже жертва не знает о том, что она жертва, и может так никогда и не узнать. Это объясняется принципиальным отличием предметной области применения информационного оружия. Обычное оружие применяется по живой силе и технике, а информационное в основном по системе управления». (Цит. по: [41. С. 178].)

Сфокусировав свое внимание на том или ином представителе элиты, посредством новейших информационных технологий можно было многое о нем понять — даже больше, чем объект сам догадывался о себе, т. е. лаборатории спецслужб занимались «вопросами психологического портрета предателя. Наиболее податливыми для вербовки лицами являются те, у которых отсутствует понятие Родины, не имеющие корней — социальных, культурных, эмоциональных — в той стране, в которой они родились и проживают, лица с явно завышенным уровнем социальных и иных притязаний...» [6.06. С. 3]. Выявив такое лицо в потенциально пригодной среде, можно было в дальнейшем, расчищая ему дорогу, оберегая от провалов, продвигать эту пешку в ферзи.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ВОЙНА: «ОГОНЬ ПО ШТАБАМ!»^[1]

В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху.

Аллен Даллес

М.С. Горбачев активно продолжил недоделанное Н.С. Хрущевым. Системе управления наносился один удар за Другим. Почему было возможно повторение «организационной чехарды», практика которой была заложена раньше, в 1980-е? Да потому, что во времена Л.И. Брежнева не был проведен четкий анализ, не был изучен прошедший исторический период во всей полноте и взаимосвязи, не были даны оценки: от самых мягких до жесткой «военной» терминологии, не были даны рекомендации, как этого избежать впредь.

Первый удар был нанесен по руководству сельским хозяйством, когда 22 ноября 1985 г. под руководством В.С. Мураховского, педагога по образованию, был образован Госагропром СССР — этот управленческий монстр из пяти министерств и одного Госкомитета, что как нельзя кстати показывает сущность дальнейших «экспериментов» на этом поприще. Чего секретарь ЦК КПСС по сельскому хозяйству не понимал, так это того, что подобное объединение функций в одних руках приведет к перегрузке работой любого, даже самого опытного человека, который уже не сможет достаточно оперативно решать вопросы.

И все же одного Агропрома было недостаточно, и 8–9 июня 1987 г. было проведено совещание в ЦК КПСС по вопросам коренной перестройки управления экономикой. Докладчик — секретарь ЦК КПСС Н.Н. Слюньков. Доклад был опубликован в центральной прессе [6.07. С. 1–3]. 25–26 июня 1987 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, на который был вынесен вопрос «О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой». Мы не станем вдаваться в глубокое разбирательство вопроса, нужна или не нужна была «коренная перестройка управления», этот вопрос как в замысле, так и в своем исполнении имел как свои положительные, так и отрицательные стороны. Главное же то, что пока госаппарат сверху донизу тряслася кадровая и организационная чехарда, он был занят не своими привычными обязанностями, а больше думал, как уцелеть в этот период. Этим моментом можно было воспользоваться для удара, и им воспользовались... В качестве рабочего механизма реформы была создана Комиссия Политбюро ЦК КПСС по перестройке организационных структур центральных экономических органов, министерств и ведомств СССР (Председатель: Н.И. Рыжков, члены: Л.Н. Зайков, Н.Н. Слюньков, Н.В. Талызин), прекратила свою деятельность решением Политбюро 30 ноября 1988 г. Был написан и опубликован отчетный доклад [6.08. С. 69–73].

О реорганизации центрального партаппарата будет сказано ниже.

Наибольший, по моему мнению, ударный эффект по народному хозяйству вызвали операции с Правительством СССР. Первый удар состоялся в результате выборов в Верховный Совет СССР летом 1989 г., когда, скопировав парламентские процедуры Запада, было решено устроить на первой сессии избрание министров парламентариями, при этом процедура затянулась и одновременно была проведена реорганизация правительства. Затем через полтора года, на рубеже 1990/1991 гг., когда после отставки доведенного до инфаркта Н.И. Рыжкова, Совет Министров СССР был реорганизован в Кабинет Министров под руководством В.С. Павлова при Президенте СССР (мотив традиционный: слепое копирование западных образцов, причем не в целом, а только отчасти — министрами в США руководит непосредственно Президент, если-де у нас будет так же, то и мы заживем «как в Америке»). Второй раз после ареста премьера В.С. Павлова — в конце августа 1991 г. — Кабинет был преобразован в Межреспубликанский Комитет по оперативному управлению народным хозяйством СССР.

Приведем мнение человека, который оказался в самом центре битв этой войны — начальника личного секретариата М.С. Горбачева тов. В.И. Болдина. С глубоким сожалением он пишет, что «из некогда целостной системы партийного влияния были выбиты фундаментальные звенья. И вся многоэтажная постройка перекосилась и начала рушиться. Партия с прежней силой уже не могла влиять на дела в народном хозяйстве, гласность вывела из-под ее контроля средства массовой информации. Альтернативные выборы, по существу, привели к невозможности влиять на кадровую политику» [7. С. 209].

Итак запомним: из некогда целостной системы были выбиты фундаментальные звенья. Вот главное, что составляет сущность этой войны.

А ведь если бы коммунисты читали чуть повнимательнее классиков марксизма-ленинизма, они смогли бы выявить взаимосвязь между катастрофой первой из попыток создать социализм и организационными вопросами. В опубликованном черновике своего письма от 14 января 1872 г. Ф. Энгельс писал некоему адвокату из Турина Карло Терцаги: «Если бы в Парижской Коммуне

было немного больше авторитета и централизации, она одержала бы победу над буржуа». Следующая фраза противоречит советской практике: «После победы мы можем организоваться как хотим» [6.09. С. 316]. Наконец, в чистовом варианте письма Энгельс окончательно ставит точку: «Именно недостаток централизации и авторитета стоил жизни Парижской Коммуне» [6.09. С. 317].

Критик еще не есть специалист в той или иной области. Поэтому воздержусь от каких бы то ни было рекомендаций, ибо, чтобы получить право давать советы, пришлось бы овладеть профессией управленческого консультанта в объеме полной компетенции.

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА: ОТ АНТИАЛКОГОЛЬНОЙ КАМПАНИИ ДО ОБВАЛЬНОЙ ИНФЛЯЦИИ

Первое значительное мероприятие «эпохи Горбачева» в этом ряду — печально знаменитая «антиалкогольная кампания», помимо прочих (а именно человеческих) потерь унесшая с собой, по оценкам В.С. Павлова, 40 миллиардов бюджетных рублей. Дальнейшее наступление на экономическом фронте развивалось под диктатом «внешнеэкономической» мафии СССР. По ее воле было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по совершенствованию управления внешнеэкономическим связями», опубликованное 19 августа 1986 г., согласно которому право самостоятельного ведения внешнеэкономической деятельности получили 20 министерств и 60 крупных предприятий. Постановлением от 1 января 1987 г. отменялась государственная монополия на внешнюю торговлю, в т. ч. на стратегические материалы, в получении которых был особо заинтересован Запад.

В условиях же разделения СССР экономическая война приобрела и свой специфический аспект. Тогда, как по команде, все союзные республики перестали отдавать ресурсы, в т. ч. и финансовые, в Центр. В то же время были сформулированы усугубившие развал взаимные претензии как на уровне союзных республик, так и по отношению к Центру: «В 1989 году дело дошло до того, что все входившие в СССР союзные республики составили «неопровергимые» расчеты того, что национальный доход, произведенный на их территории, вывозится в другие республики. Ни одна не получала помощь и поддержку от других, все ее только оказывали. Грузия, например, насчитала среднедолевое превышение вывоза из республики над ввозом из России равным 4 миллиардам рублей» [48. С. 16]. В Литве с подачи экономиста из Гарварда Лоренса Саммерса насчитали, что весь Союз ССР должен ей 462 121 854 500 (четыреста шестьдесят два миллиарда сто двадцать один миллион восемьсот пятьдесят четыре тысячи пятьсот) долларов. Над этой цифрой поработала Комиссия для исследования и установления суммы reparаций СССР Литовской Республике и литовскому народу [6.10. С. 3].

В СССР и без негативного внешнего воздействия дела в сфере экономики обстояли не самым лучшим образом.

Когда же к этому положению во исполнение Директивы СНБ NSDD № 66 добавили приемы по умышленному подрыву финансов и экономики, то система была сломлена окончательно. Особую роль тут, конечно же, сыграли:

«антиалкогольная кампания»; переориентация финансовых потоков, прежде всего инвестиций в непроизводственную сферу; остановка экологически «грязных» предприятий — как ответ на чернобыльский синдром (например, Армянской АЭС в 1988–1989 гг.); попытка трансфера 130 миллиардов рублей в 7 миллиардов долларов (дело Г.И. Фильшина, завлаба Института экономики и организации промышленного производства из Иркутска, в результате выборов ставшего народным депутатом СССР, а потом и заместителем Председателя Совета Министров СССР). И наконец, забастовки — как в районах Закавказья, так и шахтеров Кузбасса: «Идея легализации забастовок стала одной из главных в т. н. «демократическом движении», а с 1989 г. и в программе Межрегиональной депутатской группы Верховного Совета СССР. Началась активная пропаганда этой идеи в печати и на митингах, а также просто лихорадочная агитационная работа в рабочих коллективах. По ряду причин, блестяще описанных в американской советологической литературе, самым подходящим контингентом для этого были шахтеры. В США досконально был изучен опыт стачечной борьбы в России в 1902–1907 гг., очень интересно читать эти работы» [29. Кн. 2. С. 561].

В целом же получилась такая картина: «По оценкам западных финансовых кругов, валютные запасы СССР составляли 25–30 миллиардов долларов. Для того чтобы подорвать экономику СССР, американцам нужно было нанести «внеплановый» ущерб советской экономике в таких размерах — иначе «временные трудности», связанные с экономической войной, амортизировались валютной подушкой изрядной толщины. Действовать нужно было быстро — во второй половине 1980-х гг. СССР должен был получить дополнительные вливания от газопровода Уренгой — Западная Европа.

Одновременно США продолжали ужесточать технологическую блокаду СССР, надеясь остановить добычу энергоносителей на новых месторождениях и нанести ущерб другим отраслям советской экономики. Американцы даже подбрасывали технологическую дезинформацию, и бракованные детали. Дело доходило до остановок предприятий из-за таких «экономических диверсий». В 1975 г. 32,7 % наименований экспорт из США в СССР составляли высокие технологии (общая сумма 219 миллионов). В 1983 г. эти показатели снизились до 5,4 % и 39 миллионов. В 1983 г. таможенники западных стран задержали почти полторы тысячи нелегальных технологических посылок на сумму 200 миллионов долларов» [63. С. 67–68].

РАИСА И МИХАИЛ ГОРБАЧЕВЫ: ПОСЛЕ — ХОТЬ ПОТОП!

Почему мы, как видно из заголовка, не только учитываем фактор «первой леди», но и пытаемся доказать, что Раиса Максимовна Горбачева равнозначный участник принятия решений на высшем уровне? Тому служат свидетельства целого ряда непосредственных наблюдателей и активных участников событий. Они прямо акцентируют наше внимание на том, что Р.М. Горбачева играла в 1985–1991 гг. огромную роль в политике: «В государственные дела все больше и настырнее начинает вмешиваться Раиса Максимовна. Горбачев не мог отказать супруге, и она этим пользовалась. По ее рекомендациям снимались с постов высокие чиновники, прекрасные специалисты, а на их место заступали другие,

зачастую вовсе не смыслящие в порученном им деле» [28. С. 103–104]. «Трудно сказать, как бы сложилось будущее Михаила Сергеевича, если бы в его жизни не появилась Раиса Максимовна. Может показаться удивительным, но позиция, характер жены сыграли определяющую роль в судьбе Горбачева и, полагаю, в судьбе партии, всей страны.

Раиса Максимовна — человек с твердым, жестким и властным характером — умела подчинять своей воле других, добиваться желаемого всеми силами и средствами. Она быстро стала первой дамой страны, во всяком случае значительно быстрее, чем М.С. Горбачев по-настоящему почувствовал себя лидером партии и государства. Не стесняясь, звонила и давала поручения помощникам генсека и некоторым членам руководства страны, особенно тем, кого знала. <...>

Мне приходилось быть свидетелем, когда Раиса Максимовна изо дня в день настойчиво и неуклонно повторяла одну и ту же овладевшую ею идею и в конечном счете добивалась от супруга своего. Из-за своего довольно мягкого характера, неспособности настоять на своем, Горбачев часто находился под влиянием решений супруги. <...> В общем Раиса Максимовна на протяжении многих лет правила не только домашним хозяйством, но и всем балом перестройки. Она участвовала в формировании политики, где это, разумеется, было возможно, и расстановке кадров. Но главное — она формировала характер генсека-президента, помогала ему искать путь в бурном море политических течений» [7. С. 116, 118, 125].

Да и сами мы — простые телезрители — могли наблюдать, что присутствие на протокольных мероприятиях, реплики и взгляды Р.М. Горбачевой значат для окружения не меньше, чем слова и мнения «Самого».

Полагаю, что с доказательством огромной меры влияния Раисы Максимовны на государственную политику мы разобрались. Теперь о том, почему мы решили их объединить в единое целое. Прежде всего потому как мы полагаем, что после обмена мнениями между собой они вели одну и ту же, всегда согласованную политику. И это относится как к пику их активности в 1985–1991 гг., что, конечно же, для нас главное, так и до и после него.

Итак, первой задачей Горбачевых, как нам представляется, было скрыть свое прошлое. Корни Горбачевых ныне хорошо известны: «При Сталине дед по материнской линии — Пантелей Ефимович — сидел в тюрьме, по отцовской линии — Андрей Моисеевич — был сослан и несколько лет валил в Сибири кедры и пихты, и, как сейчас выяснилось, вовсе не по политическим мотивам. Дед супруги был расстрелян в 1937 году как ярый троцкист, отец Раисы Максимовны отсидел в тюрьме четыре года как противник Сталина» [6.11. С. 515].

Второй задачей Горбачевых было совершить прорыв к вершинам партийной и государственной власти. Сейчас об этом довольно много литературы [24; 28; 38. № 9. С. 5; 38. № 10. С. 7; 39. № 48. С. 3; 39. № 49. С. 5; 50; 58. С. 77—124]. Конечно же, в рамках нашего исследования не стоит этот вопрос выделять как один из краеугольных, поэтому мы просто-напросто его упоминаем. Но прежде чем задать вопрос, как вообще мог прийти к власти Горбачев (или Горбачевы?), мы должны вспомнить, как это сделали Л.И. Брежnev, Ю.В. Андропов, К.У. Черненко. Тогда мы поймем, как мог М.С. Горбачев стать завотделом, секретарем парткома, первым секретарем обкома и т. д. Каким образом Михаил Горбачев за одну уборочную кампанию получил даже не медаль, а именно орден Трудового Красного Знамени и т. п. Правда, к настоящему времени стало известно, как М.С.

Горбачеву «досталось» выдвижение из кандидатов в полноправные члены Политбюро ЦК КПСС: «Ким Ир Сен не захотел принять делегацию КПСС во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС М.С. Горбачевым на съезд Трудовой партии Кореи в 1980 году. Он считал, что наша делегация должна возглавляться членом Политбюро ЦК КПСС» [21. С. 445–446]. Член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Московского горкома партии В.В. Гришин, поехавший вместо М.С. Горбачева, по возвращении из Кореи предложил перевести М.С. Горбачева в члены Политбюро — в самом деле, молодой, самолет будет переносить хорошо — пусть ездит. (А за такими поездками — бесконтрольные связи и т. п. — вот еще один из факторов позднесоветской геронократии, сыгравший роковую роль в событиях.) Сказано — сделано, и причем на первом же Пленуме ЦК.

Наряду со многими объективными факторами огромную роль сыграли партийно-номенклатурные правила выдвижения, интриги, подковерная борьба. Изучив, как это происходит на кремлевском Олимпе, кремленологи могли давать свои советы, как продвигать ту или иную «пешку в ферзи». С помощью *кремленологии* и *ситуационного подхода* можно было рассчитать возможности не только в связке *Горбачев—конкуренты*, но и в связках различных членов Политбюро, с учетом влияний извне и факторов изменений. Для «мозговых центров» чрезвычайно важно было зафиксировать сложившуюся ситуацию в той системе координат, в которой только она и могла быть прогнозируема, т. е. с прицелом на приход к власти М.С. Горбачева и той части его команды (что тоже очень важно!), которая управлялась из-за рубежа. Шла напряженная исследовательская работа по определению наиболее уязвимых мест в высшей структуре власти. При этом разделялись степени влияния, оказываемые на различных членов Политбюро в таком крайне щекотливом вопросе, как выборы нового главы. Делалось это как с прицелом на собственное мнение самих членов Политбюро, так и через их связи — личные, служебные, семейные. Без активного влияния извне здесь также не обходилось. Западом предпринимались серьезные попытки создания негативного имиджа для одних (Г.В. Романов) и благоприятного для других (М.С. Горбачев). Мощная интеллектуальная и организационная подпитка из-за рубежа позволяла М.С. Горбачеву и его команде добывать упреждающую информацию, заранее зная внутреннюю позицию членов ЦК при переговорах с ними, видеть, где есть поля совпадающих интересов с другими, прежде всего самыми старыми и влиятельными членами Политбюро ЦК КПСС.

И все же заседание Политбюро и Пленум ЦК, как бы мирно и «единодушно» ни проводилось голосование, проходили под знаком предельно напряженной схватки с неопределенным исходом. Хотя победа, как известно, и куется до боя, но исход был неизвестен до самого последнего момента. Даже то, что такая относительно новая фигура, как М.С. Горбачев, доказала определенными обещаниями свою привлекательность, к тому же не успев себя явно дискредитировать, — не давало 100 % гарантии. Многие помнили, что он на протяжении ряда лет курировал сельское хозяйство, но при этом не то что достойного рывка, на который надеялись, но даже стабилизации показателей от него не дождались.

По ходу операции возведения на трон, полагаю, были решены и тактические вопросы — кого, когда и как устранить: например, Д.Ф. Устинова (хотя и по другому поводу) — навсегда, а В.В. Щербицкого — с временной изоляцией.

В последние годы — с подачи Ан. А. Громыко, сына министра иностранных дел А.А. Громыко и бывшего директора Института Африки АН СССР — возникла и принята на веру версия о том, что его отец решил выдвигать М.С. Горбачева на первый пост в партии и стране в обмен на свое выдвижение на должность Председателя Президиума Верховного Совета. Лично мне не особо верится в то, что все решилось во время встречи Громыко-сына и А.Н. Яковлева. Ан. А. Громыко пишет об этом в своих мемуарах [6.12. С. 88–96]. А.Н. Яковлев подтверждает этот факт, уточняя, что посредником был Е.М. Примаков [64. С. 3]. Возникает резонный вопрос, почему Громыко-старший решил сделать ставку именно на М.С. Горбачева в обмен на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР? Неужели, предложи он такую сделку тому же Г.В. Романову, он получил бы отказ? Сомневаюсь и в том, что у Г.В. Романова была другая кандидатура на пост Председателя Президиума ВС, или же он лелеял амбиции обязательно самому совмещать оба высших поста — партийный и государственный.

Да, действительно, 2 июля 1985 г. А.А. Громыко был избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР, но и это еще не довод. Скорее, его поддержка М. Горбачева имеет *совсем* другие корни, рассмотрением которых мы и займемся. Безусловно, не следует считать А. Громыко эталоном чистоты в «аскетической» жизни политического Олимпа. Справедливости ради надо указать, что А.А. Громыко был замаран весьма сильно как лично, так и через знакомства; «Громыко тоже не без грехов. Любитель живописи, он не гнушался вывозить из советских посольств подлинники картин известных русских и европейских художников, остававшихся в посольствах с царских времен» [26. С. 66]; А.А. Громыко являлся почетным гражданином Израиля [6.13. С. 3]. Сын перебежчика А. Шевченко — Геннадий — в своем интервью указывает: «В КГБ подозревали, что утечка секретной информации может идти от трех высокопоставленных советских дипломатов, работавших в то время в США, в том числе и моего отца. Однако Громыко сразу же сказал, когда к нему обратились за разъяснениями: «Шевченко — вне всяких подозрений». Громыко пробил у Брежнева специальную должность для отца — замминистра иностранных дел по разоружению. УА. Громыко были прекрасные отношения с Ю.В. Андроповым, сына которого он принял на работу в МИД и «не мешал» весьма скорому получению им ранга посла. Это позволило Громыко усидеть на своем месте, несмотря на «неблагодарность» своего выдвиженца Шевченко. <...> Отец окончил институт с «красным» дипломом, потом аспирантуру и защитил диссертацию... Первому шагу в его карьере способствовала его дружба с сыном Громыко, Анатолием, в студенческие годы, что помогло моему отцу познакомиться с Андреем Андреевичем» [6.14. С. 5–6]. Точно так же он противодействовал и раскрытию американского шпиона «Трианона», некоего Огородника, работавшего 2-м секретарем Управления Планирования внешнеполитических мероприятий МИД СССР. А.А. Громыко в ЦК КПСС называли масоном [10. С. 320]. В итоге «в результате интриг удалось привлечь на сторону Горбачева Громыко» [8. С. 6].

Приходится как возможный учитывать и мощный внешний фактор в принятии решения о М. Горбачеве. Тогда тем более возможно, что решить это можно было через министра иностранных дел — члена Политбюро ЦК КПСС. Из свидетельства В. Исраэляна [27. С. 5] нам известно, что А.А. Громыко заранее знал о желании бывшего директора ЦРУ Дж. Буша видеть на посту генсека М.С.

Горбачева и тем не менее внес именно его кандидатуру. Повлиять на него могли и во время встречи с госсекретарем США Дж. Шульцем в январе 1985 г. Таким образом, мы приходим к выводу, что А.А. Громыко был вовлечен в игру задолго до того, как поднялся на заседании Политбюро и заявил о поддержке кандидатуры М.С. Горбачева. Об этом же свидетельствует и то, что именно ему «удается спровадить в США Щербицкого во главе какой-то проходной парламентской делегации» [38. № 10. С.7].

Сам М.С. Горбачев реально знал о возможности активного влияния извне на достижение высокого поста тем или иным человеком. Он уже сделал кое-какие выводы из того, что именно с помощью западных радиоголосов был дискредитирован его единственный конкурент Г.В. Романов, но это еще отнюдь не значило, что западное руководство сделало ставку на него и ему требовалось самому заявить о своем согласии на особые отношения с ними. И это было сделано во время известной поездки в Лондон в декабре 1984 г. Тогда-то, как утверждает единственный свидетель встречи М.С. Горбачева и М. Тэтчер, А.Н. Яковлев, и было заявлено о готовности на погромные действия по отношению к своей стране: «Переговоры продолжали носить зондажный характер до тех пор, пока на одном из заседаний в узком составе (я присутствовал на нем) Михаил Сергеевич не вытащил на стол карту Генштаба со всеми грифами секретности, свидетельствовавшими, что карта подлинная. На ней были изображены направления ракетных ударов по Великобритании, показано, откуда могут быть эти удары и все остальное.

Тэтчер смотрела то на карту, то на Горбачева. По-моему, она не могла понять, разыгрывают ее или говорят всерьез. Пауза явно затягивалась. Премьерша рассматривала английские города, к которым подошли стрелы, но пока еще не ракеты. Затянувшуюся паузу прервал Горбачев:

— Госпожа премьер-министр, со всем этим надо кончать, и как можно скорее.

— Да, — ответила несколько растерянная Тэтчер» [6.15. С. 236].

Можно утверждать, что М.С. Горбачев своего добился: на Западе его утвердили раньше, чем это произошло в Кремле.

В подтверждение того, что на Западе заранее знали о готовящемся приходе к власти М.С. Горбачева, может служить и тот факт, что «первая биография Горбачева «вышла в свет» в Нью-Йорке в день его избрания генеральным секретарем ЦК» [58. С. 509]. Да, на всех членов Политбюро велись досье, но одно дело — сырье документы, а другое — подготовленная к изданию книга. США торопились с созданием имиджа для друга *Gorbui* не хотели терять ни минуты. К тому же в глазах Запада он практически сразу стал «лучшим другом»: «Как по мановению волшебной палочки, против него прекратились выступления антисоветских организаций, особенно Лиги защиты евреев» [18. С. 218].

Сегодня можно уже совершенно уверенно утверждать, что А.А. Громыко совершил акт национального предательства, ибо он знал о выраженному, пусть и в не совсем явной форме, желании Запада. Исходя из многочисленных прямых и косвенных фактов, становится понятным, что к Г. Романову А. Громыко идти не мог, а вот М.С. Горбачев и А.Н. Яковлев навязать ему волю могли.

Но вернемся к нашему «герою». Для любого номенклатурщика мало занять должность, нужно еще и устоять, если не навсегда, то по крайней мере до тех пор, пока не будут выполнены все основные задачи. Поэтому следующей его

задачей было «удержаться в седле» до окончания выполнения задания. А для этого нужно было сыграть свою роль так, чтобы никто и не заподозрил его в злом умысле. И эти свои актерские способности он, с помощью статистов, широко использовал: он играл перед разными слоями общества и отдельными людьми сразу несколько ролей. И до последнего часа его никто не мог раскусить, наоборот, ему же еще и помогали дурачить остальных те, кто были одурачены им прежде: «Чем сильнее его критиковали «демократы», тем больше запутывались лидеры коммунистов, им даже казалось, что Горбачев с ними, что, защищая Горбачева, они защищают страну. И в этом была трагедия и коммунистов, и нашего народа.

Горбачев же в это время, извиваясь как угорь, продолжал свою предательскую политику, разрушая КПСС и делая вид, что он уступает только под сильным давлением «демократов» [66. № 96. С. 3].

Работал он как с применением отвлекающих действий, так и принимая решения двойного неоднозначного характера, — пример: антиалкогольная кампания. Заранее зная, как топорно срабатывает система партаппарата: лоб разобьет, но обязательно доведет любое решение до абсурда, можно было не опасаться за негативный результат для себя лично.

Знала или нет партийная верхушка в принципе об опасностях резких переходов, подобных «эпохе Горбачева»? Приближенные к ней утверждают, что да: «В статьях К.У. Черненко в «Коммунисте» в 1981–1983 годах <...> стала исподволь, но настойчиво проводиться мысль о необходимости разграничения функций партийных и государственно-хозяйственных органов, о недопустимости подмены, дублирования первыми вторых. И т. д. и т. п. Мысль эта приобретала дополнительную, как нам казалось, актуальность и в связи с политическим кризисом в Польше» [50. С. 96]. Горбачеву же эта мысль пришла не по вкусу. Напомним, речь идет о 1984-м — начале 1985 г. Оказывается, «что в свое время Ю.В. Андропов предлагал поставить этот вопрос в практическую плоскость, и пришлось ему возражать, спорить с ним. «Ведь, у нас, товарищи, — сказал он, обращаясь к нам, — нет механизма, обеспечивающего самодвижение экономики <...>. В этих условиях, если первые секретари партийных комитетов отадут экономику на откуп хозяйственникам — у нас все развалится... (Интересный прогноз, не правда ли, в свете последующих событий?) <...> В этом случае польский вариант нам обеспечен». Вот так...

Как оказалось, эти рассуждения будущего инициатора политической реформы в СССР, приведшей по сути дела к отделению и отстранению КПСС от командно-руководящей роли в государственно-хозяйственной жизни страны, не были случайными» [50. С. 97].

Заняв первое место в главном партийном штабе страны, М.С. Горбачев энергично устремился вперед. «Первое время личность Михаила Сергеевича вызывала восхищение. <...> Работа — до часу, двух ночи, а когда готовились какие-нибудь документы <...>, он ложился спать в четвертом часу утра, а вставал всегда в семь-восемь. Туалет, бассейн, завтрак. Где-то в 9.15—9.30 выезжает на работу в Кремль. Машина — «ЗИЛ». Он садится на заднее правое сиденье и — рабочий день начался. Тут же, в машине, он что-то пишет, читает, делает пометки. <...> Михаил Сергеевич просит меня с кем-то соединить. Я заказываю абонента с переднего аппарата, Горбачев берет трубку и поднимает к потолку стеклянную перегородку, отгораживая свой салон от нас. За сравнительно короткий путь до работы он успевает переговорить с тремя-

четырьмя людьми. Пока поднимается до подъезда в кабинет, на ходу кому-то что-то поручает, советует, обещает — ни секунды передышки» [43. С. 208].

Действительно, ни секунды передышки. М. Горбачеву, скажем так, было труднее, чем кому бы то ни было, потому что приходилось осуществлять тонкую, не дававшую права на ошибку, роль двурушника: с одной стороны, он был Генсеком партии, но партии уже им преданной, с другой стороны — руководителем вылезающего из небытия подполья. То, в чем сторонние наблюдатели и непосредственные участники видели лишь самую худшую сторону номенклатурных игр (интриги, подсиживание, сдачу *своих чужим* и т. д.), на самом деле в конце концов обернулось предательством. С виду, если разбираться сиюминутно, все объяснимо, какие-то действия адекватны все время ухудшающейся ситуации, какие-то — нет. Но по существу велось глобальное планомерное разрушение. К задачам постоянного характера относился постоянный зондаж общественного мнения по типу *запрос — ответ*. Отсюда его знаменитый вопрос: «Процесс пошел?» Здесь имелось в виду, насколько необратимыми стали преобразования разрушительного характера? Ведь стратегической, перспективной задачей было еще и сделать развал гарантированным и после того, как Горбачевых выведут из контура управления.

Другой из наиглавнейших задач Горбачева была помочь тем из демократов, кто так или иначе оказался под угрозой разоблачения. Назовем условно такую задачу «Пожарная машина». Он сам не должен сокрушать вся и все на своем пути, он должен инициировать и далее не мешать процессам разрушения. Этот прием называется *управлением без прямого вмешательства*. Он находится в самом фокусе внимания прессы и наблюдателей, и его особая активность на таком поприще сразу же может быть верно идентифицирована. Громить могут и другие, а он — один, и нужно поберечься. Другое дело, что люди из его лагеря легко могут себя обнаружить, их могут подвергнуть наказанию, и вот тогда-то должен появиться М.С. Горбачев и спасти *своих*, нанеся удар по противнику. Он всесторонне оберегал агентов влияния, продвинутых в «мозговые центры» [6.16. С. 41].

Задача М.С. Горбачева в сфере управления заключалась в том, чтобы имитировать деятельность в русле правильно выбранного курса на перестройку, но если суммировать все оправдания М.С. Горбачева, то можно свести к такого рода заявлениям: «Вот-де появились перегибы, отклонения, но я тут ни при чем, а все побочные явления скоро сами собой пройдут, потерпите — увидите».

Отмечается, что особое искусство М.С. Горбачева проявлялось в принятии половинчатых решений, так что это шло на пользу разрушителей. Особенно его прижимали в кризисных ситуациях, но М.С. умел держать оборону и увиливать при желании. Так было, например, во время кризиса в Тбилиси в начале апреля 1989 г.: «Первый заместитель председателя Совета Министров Грузии Г.Д. Мгеладзе свидетельствует, что поздно вечером в кабинете первого секретаря ЦК Д.И. Патиашвили обсуждалась политическая ситуация в Тбилиси. В обсуждении принимал участие второй секретарь ЦК Б.В. Никольский, который «сказал, что Москва пока не дает разрешения на арест лидеров экстремистов, несмотря на то, что мы неоднократно посыпали свои предложения, но нам говорят, что скоро будет Закон». Еще вечером 7 апреля в телеграмме, отправленной в Москву и подписанной Патиашвили, в числе различных мер предлагалось: «Незамедлительно привлечь к уголовной и административной ответственности экстремистов, которые выступают с антисоветскими, антисоциалистическими,

антипартийными лозунгами и призывами. Правовые основания для этого имеются».

Трудно поверить, но факт: у грузинского руководства почва под ногами горела, а ему из Центра предлагали дожидаться появления Закона. Стало быть, в Москве кто-то был заинтересован в продолжении и обострении политического кризиса в Тбилиси. А ведь даже временная изоляция вождей оппозиционного движения (оснований для ареста было предостаточно, поскольку действия митингующих носили очевидный антигосударственный характер) могла повернуть ход событий и предотвратить кровавый финал» [58. С. 97]. Когда подобная ситуация возникла в Прибалтике и оттуда запрашивали Москву о помощи, то в ответ сплошным потоком шли утешения: «Реакция горбачевского ЦК всегда была одинакова: «не поддаваться на провокации. Не вмешиваться. Это всего лишь пена на здоровой волне обновления. Она пройдет сама по себе» [39. № 49. С. 5].

Дополнительно отметим, что подобное происходило и во время «бархатной революции» в Чехословакии. После того как в результате провокации начались забастовки и другие акции неповиновения, «из Москвы несколько раз звонили премьер-министру Адамецу и требовали «не предпринимать репрессивных действий». В результате начались переговоры с оппозицией, закончившиеся капитуляцией коммунистов» [10. С. 344]. Л. Адамецу пришлось потом уйти в отставку.

Позднее американцы отмечали, что «никто не сомневался, что Москва ориентируется в том, что происходит <...> «По моему мнению, глупо было полагать, что Москва не догадывается о многом из того, чем мы занимаемся, — вспоминал Джон Пойндекстер. — У них были свои информаторы. Планируя операцию, мы, пожалуй, бились об заклад, что Москва в целом догадывалась о том, что мы делаем. Она возмущалась, угрожала, но не дошла до того, чтобы пришлось сменить нашу политику» [60. С. 159].

Между августом и декабрем 1991 г. М.С. Горбачев решал и еще одну задачу — провести зондаж военных о недопустимости реванша. Мог ведь произойти и контрход — настоящий путч. Тем более что и в открытой печати этот вариант не исключался — такого рода соображения опирались на аналитику КГБ СССР и «независимое» мнение «мозговых центров» демократов. Записка на эту тему: «Как взять «Белый дом» без танков, десантников и спецподразделения «Альфа». Об организационно-политических проблемах, возникших в первые месяцы деятельности президентской власти в Российской Федерации. 21 сентября 1991 г.» была опубликована в: [6.17. С. 7—17]. Демократы пугали самих себя. Проводилась провокационная обработка военных — прежде всего маршала Е.И. Шапошникова: «Вы, военные, берете власть в свои руки, сажаете удобное вам правительство, стабилизируете обстановку и уходите в сторону» [6.18. С. 26; 30. С. 209—210; 6.19. С. 12—13].

И наконец, последняя задача Горбачева. Это — продолжать помогать Западу в разрушении России. Теперь уже в качестве Президента Международного фонда социально-экономических и политических исследований (Горбачев-фонд). Кстати, в этом назначении чувствуется разработка зарубежных «мозговых центров». По их желанию в самой Москве у них имеется надежнейший филиал, который в меру своих интеллектуальных способностей поможет им в любом деле. Это в какой-то мере поощрение со стороны организаций типа РЭНД Корпорэйшн.

Глава VII СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ СССР. 1985–1991

Целый ряд непростых моментов в сфере управления мы уже обсудили, рассказав об организационной войне, но были в этой сфере и объективные недостатки, присущие советской системе самой по себе. Стоит отметить прежде всего, что роль первого человека — Генерального секретаря ЦК КПСС — была явлением, с точки зрения управлеченческих подходов, исключительным. В мировой истории занятие первого поста в государстве часто предполагало совмещение многих обязанностей, но в СССР по целому ряду обстоятельств это явление было возведено в чрезвычайно большую степень. По нашим представлениям генсек был един как минимум в девяти(!) лицах. Давайте сами подсчитаем, сколько разных постов совмещал человек, занимающий эту строчку в «табели о рангах». Итак, Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и он же по совместительству:

1. Высшее должностное лицо правящей партии в СССР — первый среди коммунистов в СССР.
2. Высшее должностное лицо (де-факто) в Советском Союзе, именно в этом качестве он воспринимался на международной арене.
3. Первый среди членов Политбюро ЦК КПСС, председательствует на заседаниях Политбюро ЦК КПСС;
4. Глава членов и кандидатов в члены ЦК КПСС, контактирует с ними и дважды в год ведет Пленум ЦК КПСС.
5. На уровне республик надо иметь в виду, что в РСФСР, например, до 1990 г. не было своей коммунистической партии, поэтому Генеральный секретарь являлся главой коммунистов этой республики, на него выходили в случае необходимости более 100 первых секретарей обкомов, крайкомов и окружкомов. Причем Н.С. Хрущев и М.С. Горбачев оформили это и юридически — Н.С. Хрущев занимал пост Председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР, М.С. Горбачев — Председатель Российского бюро ЦК КПСС, генсеку подчинялись 14 первых секретарей ЦК компартий остальных республик.
6. Глава аппарата Центрального Комитета (эти обязанности также частично лежали на втором секретаре ЦК КПСС, ведущем заседания Секретариата ЦК, но генсек имел полное право руководить любым человеком в аппарате ЦК через его голову; стоит также вспомнить, что сама должность, создаваемая в 1922 г., подразумевала, что генсек будет выполнять обязанности координатора аппарата).
7. Как руководитель самой влиятельной партии, как «Старший брат» пользовался самым большим влиянием среди всех стран — членов СЭВ и ОВД, а также других стран входивших в той или иной степени в советский контур управления и влияния в тот или иной период времени: Ангола, Афганистан, Болгария, Венгрия, Вьетнам, Германская Демократическая Республика, Гранада, Камбоджа, Куба, Лаос, Мозамбик, Монголия, Никарагуа, Польша, Румыния, Северная Корея, Сирия, Чехословакия, Йемен, Эфиопия; а также в странах, где были коммунистические и рабочие партии, — тут список поистине безграничен, включая те же Соединенные Штаты.

8. Совмещал высшие посты в Вооруженных Силах ССР — назывались они то Председатель Совета Обороны, то более откровенно — Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами ССР. Л.И. Брежнев, кроме того, с марта 1980 г. стал Верховным Главнокомандующим Объединенных Вооруженных Сил государств — участников Варшавского Договора [57. С. 11]. Неизвестно, правда, распространилась ли эта должность на его преемников.

9. Как и в государствах традиционного типа, где глава правящей партии имеет право на занятие поста либо председателя парламента, либо главы правительства, генсеки имели право на совмещение таких постов и активно им пользовались — Председателем Совета Народных Комиссаров (с 16 марта 1946 г. — Председателем Совета Министров ССР) был И.В. Сталин, а с 27 марта 1958 г. по 14 октября 1964 г. этот пост занимал Н.С. Хрущев. Председателями Президиума Верховного Совета ССР являлись Л.И. Брежnev, Ю.В. Андропов, К.У. Черненко, М.С. Горбачев.

Налицо была сверхцентрализация высшей партийной, государственной и военной власти в руках одного лица. Генеральный Секретарь ЦК КПСС был чрезмерно загружен. Это приводило к тому, что один человек «в девяти лицах» физически не должен был справиться с объемом работы. Обычно в таких случаях выручает разделение власти и делегирование полномочий, но этого не делалось. (В Китае, например, высшая власть поделена между Председателем КНР, Председателем Центральной комиссии советников Китая, Генеральным Секретарем ЦК КПК, Председателем Центрального Военного Совета, Премьером Государственного административного совета КНР, Председателем Всекитайского Собрания народных представителей (ВСНП), Председателем Президиума ВСНП.) Это совершенно очевидно (и об этом следует помнить, чтобы ясно оперировать понятием «Генеральный секретарь ЦК КПСС») и указывает на определенные сложности в высшем государственном управлении.

Политбюро и Секретариат состояли из некоего непостоянного числа членов и кандидатов в члены Политбюро и Секретарей ЦК КПСС, последние курировали один или несколько отделов аппарата ЦК.

Заседания Политбюро ЦК КПСС, которые проходили по четвергам, не имели строго определенного, жесткого регламента, не имели и требований к соблюдению правил управленческой науки на самом высоком научном уровне. И все это приводило к преобладанию субъективного начала в принятии решений. У людей со стороны это вызывало недоумение, — на Политбюро, где решался тот или иной важный вопрос, стоило только самому влиятельному человеку наложить вето, как вопрос решался в его пользу: «Меня поразили два обстоятельства: дело не в том, что предложение не приняли, такое бывало и раньше, но на заседании не прозвучало никакой аргументации, никаких серьезных доводов, не приняли — и все.

Удивило и то, что М.С. Горбачев, который уже одобрил это предложение на заседании секретариата ЦК, на этот раз промолчал, и секретари ЦК — тоже, хотя еще вчера они приняли это решение и вынесли на заседание Политбюро.

Я впервые почувствовал, какая строгая иерархия в высших эшелонах власти. Каждый должен знать свое место. Если говорит член Политбюро, остальные должны слушать не возражая. В этом я убедился еще не раз. Хотя должен сказать, что некоторые кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК отстаивали свою принципиальную позицию. Так, например, вел себя кандидат в члены Политбюро, первый секретарь ЦК партии Белоруссии П.М. Машеров. Так

же держались на многих заседаниях Политбюро В.И. Долгих, М.В. Зимянин, А.И. Лукьянов» [7.01. С. 168–169].

Этот субъективный характер проявлялся и тогда, когда нужно было принимать непопулярные решения. Тогда руководители просто затягивали их принятие, желая уйти от ответственности. Время, когда еще возможны были какие-то спасительные меры, уходило. Часто к этому вопросу возвращались только для того, чтобы констатировать, что время упущено безвозвратно: «...несколько раз докладывал о подготовке реформ цен на заседаниях Политбюро. Само вынесение этих вопросов на обсуждение ПБ вроде бы свидетельствовало о внимании к ним со стороны высшего партийного руководства. А на деле? На деле все сводилось к чисто информационной процедуре. Члены ПБ были людьми опытными, тертыми, открыто свои взгляды по столь острому вопросу предпочитали не высказывать. И вместо обсуждения обычно получались «ликбезовские» диалоги. Мне задавали бесчисленные вопросы, а я отвечал, отвечал, отвечал... Коротенько так, часа на четыре. А решения? А решений — никаких! «Работайте дальше, уточните то и вот это», — таково мнение большинства членов ПБ. В общем, нормальный, типичный цековский стиль обсуждения на высоком уровне, когда подспудная, неизреченная цель состоит в стремлении потопить вопрос» [49. С. 85].

Красноречивому М.С. Горбачеву своими разговорами удалось парализовать деятельность членов Политбюро. Заседания Политбюро он мог затянуть до бесконечности, сообщают, что по поводу известной статьи Н. Андреевой «Не могу поступиться принципами» высшее партруководство заседало два дня, чего не могли себе позволить предшественники. «Я слышал от очевидцев, как проходили заседания Политбюро до прихода к власти М.С. Горбачева, знаю, и не понял, как вел заседания Секретариата ЦК М.А. Суслов. Любой вопрос тогда обсуждался не более пяти — десяти минут.

Рассказывали, что Ю.В. Андропов проводил заседания Политбюро в течение двух-трех часов. Охотно верю, ибо именно так он вел заседания коллегии КГБ СССР.

Совсем по-иному проходили заседания Политбюро при М. Горбачеве: обычно они длились с 11 утра до 8 часов вечера, а то и позже. На них приглашалось множество людей, и каждый норовил выступить. Конечно, нередко решались проблемы, которые требовали серьезного и всестороннего обсуждения, но когда в течение трех часов шла дискуссия о создании Детского фонда, это, откровенно говоря, вызывало недоумение.

А чего стоили бесконечные ожидания в приемной! Вызывают на заседание Политбюро и отрывают от дел министра, маршала, академика, они ждут три-четыре часа, пока их не пригласят в зал, где вопрос подчас занимал не более трех — пяти минут» [7.01. С. 169–170].

Личный секретарь М.С. Горбачева, а потом и начальник его аппарата вспоминает: «Обычно на заседания выносились один-два крупных вопроса, требующих широкого и всестороннего рассмотрения, и ряд мелких, которые часто не обсуждались вообще, а члены Политбюро, ознакомившись с проектами, соглашались их принять.

Зато основные вопросы «мялись» основательно. Инициаторам постановки их давалось время для доклада в зависимости от сложности проблемы, но, как правило, в течение 10–15 минут. После доклада автора проекта М.С. Горбачев

предоставлял слово другим заинтересованным сторонам, особенно тем, кто имел замечания и возражения. Иногда подобные вопросы обсуждались 3–5 часов. Но это было скорее недостатком, чем достоинством. Если до М.С. Горбачева заседания Политбюро завершались за 30–40 минут, то в последние годы они длились по 10 часов. Михаил Сергеевич с гордостью говорил, что теперь мы работаем по-настоящему. Но люди уставали, работоспособность снижалась, и дело не продвигалось.

Я не понимал подлинных причин многочасового сидения, как не понимали этого и некоторые члены Политбюро. Если вопрос подготовлен, его надо принять, если нет, поручить доработать. Но тут дело шло на измор...» [7. С. 212–213].

Остальные высшие руководители, пришедшие в последнее время, были ничуть не лучше М.С. Горбачева, таким же, например, был В.А. Ивашко, его «правая рука» по партии, о котором пишут, как о человеке невероятного самомнения, способном часами балагурить на псевдоукраинский манер в самой неподходящей для этого обстановке [7.02. С. 5].

И все-таки, возвращаясь к нашей основной теме, надо сказать, что вся суть и социализма в XX веке, и самой Советской России была не столько в тех заоблачных провозглашавшихся целях, сколько в самой сиюминутной повседневной жизни, пульс которой можно было прочувствовать ежедневно. В отсутствии безработицы, в стремительных достижениях, в штурме космоса, в характере Русского Труда и Интеллекта, в том, что и как делалось, а не что говорилось: «Необходимо точно знать, в чем именно заключалась коммунистическая социальная организация <...> советского общества. Знать научно, объективно <...>

Основу советского общества составляли организация системы власти и управления (а не экономика!) и ее положение в социальной организации общества в целом» [24. С. 3].

При этом интеллектуальные возможности управленцев с годами приобрели существенный изъян. Если И.В. Сталин постоянно занимался управлением системой в сложной динамической среде, что подразумевает негативные внутренние и внешние воздействия, то его последователи, находясь в сходных условиях, делали вид, что внешняя среда не так уж и агрессивна, сдавая на деле одну позицию на мировой арене за другой, пока не пришло время сдать и самую последнюю. Управленцы 1950-х— первой половины 1980-х гг. утратили опыт работы в изменяющейся, динамической среде. Правда, некоторое беспокойство вносили конкуренты в борьбе за руководящее кресло, что, как мы понимаем, являлось во многом только субъективным фактором, ну и... погодные условия, «подводили смежники» и проч. Но все это не сравнимо с теми жесточайшими воздействиями, что проявились при перестроечных процессах.

При этом напомним, что партийный аппарат имел как бы стержневой характер (окончательно сформированный еще Сталиным) как в центре, так и на местах, он был фундаментом субъектов управления, однако по отношению к вышестоящим органам он уже становился объектом. Это уже была собственно не партия, а в известной степени легальная подсистема управления: «КПСС давно уже не была партией в том смысле, в котором употребляют это понятие европейцы. У них можно эти партии распускать, создавать, снова распускать. Государство это мало волнует. У нас же, при наших просторах и обилии национальных проблем, исторически сложилось иначе: КПСС стала самой

главной несущей политической конструкцией всего огромного государственного здания. Значит, любые манипуляции с партией должны были бы непременно сказаться, так или иначе, на состоянии всего государства. А разрушение КПСС должно было бы иметь своим неизбежным следствием разрушение государства. Догадывались ли об этом Горбачев, Яковлев и вся их братия, когда <...> крушили изнутри КПСС? Они не догадывались. Они точно знали» [39. № 49. С. 5].

В начале «перестройки», когда предстояло только еще перевести систему управления в неустойчивое состояние, руководство страны только предпринимало первые шаги в направлении с неизвестным результатом. «Подходящим примером может послужить здесь печальная судьба «прорыва» в области машиностроения, инициированного в 1985 г. с большой помпой Горбачевым и премьером его правительства Рыжковым. Под это начинание выпустили тогда гору совместных грозных постановлений ЦК и Совмина. Выделили более 60 миллиардов рублей капитальных вложений, ради чего обескровили в финансовом отношении другие отрасли народного хозяйства. А закончилось все полным пшиком. Грубо порушили машиностроительные министерства, загубили систему управления отраслью, вогнали безвозвратно в гроб более 10 миллиардов рублей. Потом все бросили, как наигравшиеся малые дети, и поспешили к новым затеям» [39. № 49. С. 5]. То же произошло и с агропромышленным комплексом.

В процессе подготовки этой книги мне в руки попали материалы одной статьи, заказанной, как мне стало известно, газетой «Совершенно секретно», но по непонятным причинам отказавшейся ее печатать. Я считал необходимым, с любезного разрешения автора, Недошилина Юрия Николаевича, представить часть ее вниманию читателей. Статья проливает свет на довольно-таки ключевой момент выбора дальнейшего пути советским государством и на обстоятельства принятия окончательного решения советским руководством.

«Первое, в чем нас пытаются уверить господа так называемые демократы из «ДемРоссии», — которые по существу в основном своем ядре демократами никогда и не были, а являются, я бы сказал, демофашистами (общая с фашистами массовая социальная база мелких лавочников и общий хозяин — крупный финансовый капитал), — это то, что альтернативы реформам перехода к рыночной экономике либерального типа не было и нет. Так ли это?

Обратимся к документам. Откроем книгу академика Л.И. Абалкина «Неиспользованный шанс». Страницы 120–125 являются ключевыми для понимания произошедшего в 1990 г.

«Первый заместитель председателя Госплана Л. Вид, проанализировав ситуацию в СССР, подготовил специальную аналитическую записку для Правительства... Он пришел к выводу, что страна живет совсем по другим законам и правилам, чем те, которые отражены в наших планах... Планы, которые десятками лет определяли динамику экономических процессов в стране, уже утратили свою директивную силу. Надо было считаться с фактами, делать выводы. Началась целая серия обсуждений, консультаций в довольно узком кругу. Участниками встреч были: Председатель Госплана СССР, Ю. Маслюков, его заместители, Л. Вид, В. Грибов, я и мои ближайшие сотрудники, П. Кацуря, Г. Явлинский и Е. Ясин».

И как думаешь, дорогой читатель, что сделала вся эта теплая компания во главе с академиком Л.И. Абалкиным? Может быть, она выяснила, **почему** «планы, которые десятки лет определяли динамику

экономических процессов в стране, уже (?) утратили свою директивную силу»? И как эти, с позволения сказать, товарищи (чы?) попытались восстановить директивную силу планов, решений Верховного Совета, которые должны были иметь силу закона? Да ничего подобного! Совсем наоборот.

Читаем дальше— «...шли долгие и острые споры... Признав критическое состояние экономики и неизбежность (если не будут приняты решительные меры) его ухудшения, мы пришли к выводу, что есть только два варианта дальнейшего развития. Первый из них, который мы окрестили как «вариант отката», был связан с попыткой реанимировать административную систему (она уже не действовала во 2-й половине 1920-х гг., была выведена из строя. — Ю.Н.), вернуться к 1986 г. (мы ясно понимали, что откат не остановится на этой дате, а будет продолжаться вплоть до состояния 1937 года). Второй вариант предполагал последовательную реализацию экономической реформы, решительное продвижение к рынку». (См.: Абалкин Л. Неиспользованный шанс. Полтора года в правительстве. М.: Политиздат, 1991.)

Что следует из приведенных фактов? Во-первых, это то, что было два реальных возможных пути развития экономики. Первый — опробованный и десятилетиями осуществлявшийся путь планового развития и построения социалистического общества (пусть и не без ошибок) и путь второй — путь так называемого рыночного развития, с производством отнюдь не социалистических общественных отношений. Однако для «теплой компании», перечисленной Л.И. Абалкиным, такая «мелочь» не имела значения. Их позицию определяла фраза, взятая Л.И. Абалкиным в скобки в приведенной выше цитате — боязнь личной ответственности за спад производства, за содеянное экономической братией толкнуло их на заведомо ложный путь развития — фактически, как оказалось, на организацию развала экономики страны. А дальше события развивались по приведенным (с. 122–123 цитируемой работы) Л.И. Абалкиным данным так: «17 февраля 1990 г. за подписью Ю. Маслюкова и Л. Абалкина председателю СМ СССР Н.И. Рыжкову подается докладная записка, в которой излагается следующее:

- *первое* — говорится о двух возможных вариантах развития экономики. При этом без обоснования утверждается, что первый вариант «вряд ли будет поддержан Верховным Советом и общественным движением», и через два абзаца двурушнически предлагается принять другой вариант — программу рыночных экономических реформ «одним ударом» (без обсуждения Верховным Советом) — «решением правительства или декретом Президента» (заметим, что поста Президента еще не было);
- *второе* — предлагается «ускоренное осуществление радикальной экономической реформы», что требовало, по мнению авторов записки, «сильной власти, либо в форме дополнительных полномочий правительства СССР, либо в форме президентского правления»;
- *третье* — указывается на неизбежность социальной напряженности, инфляции, безработицы, необходимость специальных административных мер и полномочий, запрещение забастовок, приостановка выборности руководителей предприятий (т. е. введение скрытого чрезвычайного положения);
- *четвертое* — требуется идеологическая обработка населения средствами массовой информации и привлечение «общественных сил» — по всей видимости так называемых демороссов;

- *пятое* — требуется осуществление «политического выбора». (См.: Абалкин Л. Неиспользованный шанс. Полтора года в правительстве. М.: Политиздат, 1991.)

К «записке» были приложены два варианта развития и если второй вариант опубликован и осуществляется сейчас (в тех или иных формах), то первый вариант развития, озаглавленный «О предполагаемых мерах по нормализации положения в экономике», как возможный альтернативный вариант широкой общественности не известен, его существование замалчивается средствами массовой информации и всей «демократической» братией. Таким образом, утверждение об отсутствии альтернативного варианта развития является заведомой ложью. Кстати, основной этап реформ (см. указанную «записку») был намечен именно на 1990 г. Так что все шло строго по плану (по чьему?).

Что же произошло дальше? Не прошло и месяца после передачи «записки», как «коммунист», член Политбюро ЦК КПСС Н.И. Рыжков со товарищи делают «политический выбор». В начале марта принимается решение о введении поста Президента СССР, и процесс по развалу страны «пошел». Через полтора года Николай Иванович опубликовал книгу под хлестким названием «Перестройка: история предательств», однако описанный Л.И. Абалкиным эпизод в книге Н.И. Рыжкова отражения не нашел — может быть, по «малой значимости» принятого им решения об уничтожении материальной основы социалистических общественных отношений в нашем обществе, а может быть и потому, что у него лично не хватило духу признаться в совершенном» (конец цит. рукописи).

М.С. Горбачеву удавалось, как уже говорилось, еще более усложнить ситуацию в управлении тем, что он создавал половинчатость в принятии решений, как бы оставляя их в подвешенном состоянии, позволяя трактовать их и так, и этак. Так, в управлении страной исследователи отмечают как явные ошибки, заложенные еще предшественниками, так и новые явления, организованные уже явно со злым умыслом: «Мы начали замечать тревожную тенденцию потери интереса со стороны политических руководителей к работе разведки. Меньше стало политических заданий, совсем прекратилась обратная связь» [40. С. 265].

Теневое управление усиливало свои позиции. Любопытно описывает нравы Кремля главный редактор «Военно-исторического журнала» генерал-майор В.И. Филатов: «Мне доводилось бывать в кабинете у Фалина (секретаря ЦК КПСС. — А.Ш.). И всякий раз там находился Яковлев. Приходилось пережидать. Я не знаю, о чем там были разговоры, но что Яковлев без Фалина шагу не ступал — это факт. Иногда я видел, как Яковлев вылетал из кабинета Фалина, будто побывав «на ковре», как после взбучки начальника. Несколько раз, находясь в кабинете Фалина, мне доводилось слышать, как он разговаривал по телефону с Генсеком Горбачевым: могу только засвидетельствовать, что ведущим всегда был Фалин. Удивительно? Согласен» [7.03. С. 301–302]. Кто же такой В.М. Фалин? Фактический руководитель СССР?..

Столь непропорциональное управление все же было заметно «снизу», и это вызывало законные вопросы: «Члены ЦК, секретари обкомов и крайкомов КПСС, встречаясь с секретарями ЦК, работниками аппарата ЦК, все чаще высказывали свое недоумение.

— Что у вас происходит? — вопрошали они. — Почему аппарат перестал действовать? Мы потеряли связь с центром. Горбачев избегает встреч с нами, уходит от ответов о будущем партии, а главное — не решает вопросы, которые

ставит жизнь» [7. С. 406]. Та часть аппарата, которая была вне влияния, направленного на разрушение, еще как-то пыталась противодействовать курсу Горбачева и иногда действительно как-то пыталась залатать прорехи, но было уже слишком поздно, и потому их усилия не могли быть адекватными. Изменяющаяся в неблагоприятную сторону комбинация связей привела к попытке дать адекватный ответ. Однако изменения, которые могли бы быть приемлемыми при других обстоятельствах, на этот раз не дали толкового результата. Между принятием постановлений, пусть и глубоко правильных по сути и очень своевременных, и их реальным осуществлением лежала пропасть. Заключалась она в том, что за неисполнение, даже умышленное, никто не наказывал. Раньше за то, что решение было не выполнено — даже по объективным обстоятельствам — могли наказать и очень суроно: до 1956 г. отнимали жизнь, в последующие годы только партбилет, но тоже навсегда, что было равносильно концу карьеры и личной реализации. Теперь не могли придумать даже меру наказания. «Партбилет на стол? — Пожалуйста, я и сам думал, да вы мне помогли...»

Когда на конституционном уровне было провозглашено, что вся власть в стране принадлежит Съезду народных депутатов СССР, то с юридической точки зрения это может где-то и правильно, но с точки зрения управления звучит весьма абсурдно. Съезд, ведомый опытнейшим манипулятором А.И. Лукьяновым, больше занимался то историческими исследованиями (Дополнительные протоколы), то сведением счетов (кто чем занимался в годы застоя), то установлением льгот для себя.

Конечно же, ситуация 1985 г. изначально была удручающей, но это просто ничто по сравнению с теми вопросами, чаще всего доведенными до состояния порочного круга, и невыполнеными задачами к концу 1991 г. На все это М.С. Горбачев как-то перед тележурналистами двусмысленно выразился в марте 1991 г.: «Чем сложнее ситуация, тем интереснее мне работать». Молодец!

АППАРАТ ЦК КПСС: ПАДЕНИЕ В ПРОПАСТЬ

М.С. Горбачев изначально знал кадры, с которыми он работал и внимательно присматривался к тому, как они реагируют на его политику, ведь выводы о нем были сделаны незамедлительно. Как сообщает такой достоверный свидетель, как В.М. Легостаев, помощник Секретаря ЦК КПСС Е.К. Лигачева: «В отделах ЦК уже в 1986 году в частных беседах можно было слышать из уст ответственных товарищ, что избрание Горбачева генсеком — ошибка» [7.04. С. 6]. Естественно предположить, что такие оценки дошли и до ушей самого М.С. Горбачева, и он, призывавший начинать «перестройку с себя», обратил внимание на свою вотчину. Согласно его Записке от 24 августа 1988 г. «К вопросу о реорганизации партийного аппарата», разосланной всем членам Политбюро, одобравшего ее, структура аппарата ЦК менялась: должно было остаться 9 отделов. Новые отделы аппарата ЦК КПСС выглядели так: 1. Отдел партийного строительства и кадровой работы. 2. Идеологический отдел. 3. Социально-экономический отдел. 4. Аграрный отдел. 5. Оборонный отдел. 6. Государственно-правовой отдел. 7. Международный отдел. 8. Общий отдел. 9.

Управление делами. Из 1940 ответственных и 1275 технических работников, сокращение должно было коснуться 700 человек, о чём говорится в записке секретаря парторганизации аппарата ЦК К. Могильченко М.С. Горбачеву. Зато сокращение кадров и уменьшившееся количество отделов компенсировалось появлением Комиссий ЦК. Это сыграло весьма отрицательную роль. Многословные, ничего толком не знающие и не решающие Комиссии только отвлекали внимание аппарата требованием соблюдать свои решения и служили псевдодемократической ширмой соблюдения норм представительства народа. Возьмем для примера комиссию, которая курировала вопросы безопасности и которая для нас наиболее важна. 29 ноября 1988 г. по постановлению Ноябрьского Пленума ЦК КПСС наряду с пятью другими комиссиями ЦК (по вопросам партийного строительства и кадровой политики; идеологической; по вопросам социально-экономической политики; по вопросам аграрной политики; по вопросам международной политики) была образована Комиссия по вопросам правовой политики (Председатель — В.М. Чебриков). Число членов комиссии — 21 человек. Из числа профессионалов, или по крайней мере лиц, находящихся на крупных постах в сфере безопасности, в ней были: Министр внутренних дел СССР; 1-й заместитель Председателя КГБ СССР; министр юстиции РСФСР, начальник Главного Политического Управления СА и ВМФ; Председатель Верховного Суда. Кроме того: 7 первых секретарей республиканских комитетов и обкомов КПСС; бригадир-строитель из Москвы, вице-президент Академии наук СССР, секретарь ВЦСПС, директор комбината с Урала, начальник секретариата Президиума Верховного Совета СССР, главный редактор журнала «Партийная жизнь», заместитель Председателя Совета Министров РСФСР, рабочий из Минска. Из этого списка видно, что Комиссия не может оперативно собраться в случае острой необходимости, что она не имеет механизмов для проведения в жизнь своих решений, что только четверть ее состава — люди подготовленные, что она обладает только какими-то совещательными функциями, но не более. Тем не менее у нее был очень высокий статус. С точки зрения управляемческой, создание и функционирование таких комиссий — преступление, но члены ЦК послушно голосовали «за». Постоянно работающим органом должен был быть Государственно-правовой отдел аппарата ЦК, но и он был впоследствии ликвидирован.

Как видим, в аппарате ЦК шли массовые увольнения, но, не взирая на это и на провокационные лозунги («Огонь по штабам!»), определенная категория людей должна, была оставаться на своих местах до последнего рабочего дня аппарата ЦК — до 22 августа 1991 г. Это антисоветники типа Г.А. Арбатова, В.В. Бакатина, А.И. Вольского, А.С. Грачева, В.А. Медведева, А.С. Ципко, А.Н. Яковleva. О них знали и в США, где отмечалось: «Номенклатурные работники среднего звена, являющиеся сотрудниками внешнеполитического аппарата, играют важную роль в анализе событий за границей и разработке конкретных рекомендаций для Политбюро. Сейчас обнаружилось, что многие из этих сановников доступны для людей с Запада и можно многое узнать об их образе мыслей» [7.05. С. 59]. Итак, оценка дана к 1988 г. и так, чтобы об этом могли узнать лица, в руках которых был механизм для смешения этих «номенклатурных работников среднего звена», но увы! — этого не произошло. А со стороны это стало заметно, причем настолько, что французские журналисты написали в начале «перестройки» о том, что очагом контрреволюции в СССР является штаб коммунизма — ЦК КПСС [7.06. С. 4].

Завершить разгром, учиненный в Главном штабе партии, должно было перемещение власти от аппарата ЦК КПСС в сторону аппарата Президента СССР (иногда через совмещение должностей отдельными лицами, по примеру самого М.С. Горбачева). Оно шло успешно, и закончилось в августе 1991 г. выселением чиновников со Старой площади.

«МОЗГОВЫЕ ЦЕНТРЫ» СССР: «ЧЕРЕЗ ПРОПАСТЬ - В ДВА ПРЫЖКА»

Сказать, что вся «перестройка» была зыбкой импровизацией с советской стороны и очень четко расписана с американской, было бы чрезвычайной несправедливостью. Попытки советской стороны разработать план— и весьма зримые, а к настоящему времени и достаточно выявленные — просматриваются в разного рода московских совещаниях, заседаниях, научных семинарах. Мемуаристы вспоминают о них вскользь, но ведь вспоминают... Аналитическая работа началась задолго до «перестройки». «Проблематика концепции «перестройки» также вызревала постепенно. Еще до апрельского Пленума группа партийных и государственных деятелей занялась комплексным анализом состояния экономики. Этот анализ и был затем положен в основу документов «перестройки». Мы использовали рекомендации ученых, специалистов, имевшийся потенциал, все то лучшее, что создала общественная мысль, и подготовили основные идеи и выход на политику, которую потом начали реализовывать» [7.07. С. 21];

«Еще за два с лишним года до столь разрекламированного апрельского (1985) Пленума ЦК КПСС Ю. Андропов пришел к выводу о необходимости разработать программу «перестройки» управления промышленностью, а затем и всем народным хозяйством. Тогда к этой работе (а она происходила у меня на глазах) были привлечены М. Горбачев, Н. Рыжков, В. Долгих (секретарь ЦК КПСС. — А.Ш.), ряд видных представителей науки, производства. <...> Очень поучительной была аналитическая политика, которую вел Андропов». (Цит. по: [20. С. 60].)

«В недрах ЦК по инициативе и под руководством Горбачева началась серьезнейшая аналитическая работа, прежде всего касающаяся социально-экономического развития страны. Это был, по сути дела, утробный период «перестройки» — вызревание новых подходов, некоторых основных идей. <...>

К аналитической работе привлекались наиболее авторитетные ученые: А.Г. Аганбегян, Е.М. Примаков, О.Т. Богомолов, ГА. Арбатов, Л.И. Абалкин, С.А. Ситарян, Р.А. Белоусов, Т.И. Заславская, И.И. Лукинов, А.А. Никонов и другие». (Цит. по: [21. С. 525–526].)

Добросовестные исследователи прямо концентрируют свое и наше внимание, изучая все, что относится к подобным аналитическим разработкам: «Была ли концепция «перестройки»? Как-то так получилось, что за чехардой феноменальных событий осталась без внимания теоретическая работа М.С. Горбачева «Статья, написанная в Форосе», опубликованная в его книге «Августовский путч (причины и следствия)». А зря! Статья эта— безусловно концептуальная. В ней как раз и делается попытка ответить на вопросы, волнующие сейчас если не всех думающих людей, то большую их часть: «Нужна ли была обществу «перестройка» или это роковая ошибка? Какие ее истинные

цели? Что такое обновление государства? Надо ли было начинать столь рискованные преобразования?» [7.08. С. 121–122].

«Особенно пагубна роль «пятой колонны» в разработке концепций перестройки, которая, судя по ее ходу и результатам, оказалась, по существу, реализацией американской стратегии «сдерживания», изложенной в директиве СНБ-68. Прав д.э.н. проф. В.К. Долгов, который, выступая на Пленуме ЦК КП РСФСР, сказал: «Представляется неверным еще бытущее мнение, будто, приступив к «перестройке», ее организаторы не имели концепции проводимых перемен. Последовательность событий показывает четкую логику и завидную целеустремленность претендентов на «новое» мышление. Другое дело, что эта концепция, а то и четкий план не были, конечно, обнародованы. Естественно, что разработаны они были за спиной партии».

Не говоря уже, конечно, о народе. Однако элементы одной политической концепции — «нового политического мышления», ставшей основой для «перестройки» внешней и военной политики, — хотя и в пропагандистском варианте, все же были опубликованы. Эта концепция вынесена и в название книги М.С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», с восторгом встреченная на Западе. Уже из этой книги видно, что в «новом мышлении» заложены идеальные и политические истоки разрушения советской обороны и внешней безопасности.

Как и большинство подобных «эпохальных» начинаний, программ и планов в прошлом, широко разрекламированное «новое политическое мышление» представлено, по существу, анонимно (не один же Горбачев его сочинял!). Но в нем без труда обнаруживаются следы «творчества» тех «тайных советников вождей», которые десятилетиями кормились интеллектуальными отходами западной, преимущественно американской, политологической кухни. Основная же ее продукция поставлялась солидным заказчикам — Пентагону, ЦРУ и могущественным «фондам» (типа Фонда Наследия), финансируемым истинными хозяевами Америки.

Американские политологи, которым вся эта кухня и ее клиенты знакомы, конечно же, лучше, чем нам, среди тех, кто причастен к появлению, проталкиванию и практической реализации «нового мышления», называют все ту же обойму: А. Яковлева и Э. Шеварднадзе, Е. Примакова и Г. Арбатова, Ф. Бурлацкого и Г. Шахназарова, замов Арбатова по Институту США и Канады АН СССР В. Журкина (ныне уже директор Института Европы АН СССР) и А. Кокошина и других» [31. С. 155–156].

Попытаемся дать панораму всех замеченных нами «мозговых центров», их кадровый состав и рекомендации, которые они выдавали. Сегодня идет целое соревнование на предмет того, кому же именно первому пришла в голову глупость начать «перестройку». Все уверяют и подтверждают, что они были первыми. Приведем эти сведения, никак не комментируя достоверность источников и приоритетность разработок.

Группа при Межведомственном Совете по изучению опыта социалистических стран

«В архивах ЦК КПСС архивисты, вероятно, обнаружат и доклады секретной группы экономистов, созданной по приказу Юрия Андропова <...> Эта группа, сформированная при Межведомственном Совете по изучению опыта социалистических стран, готовила анализ реформ экономики в Китае, Югославии,

в Венгрии и на основе этого предлагала свои соображения по либерализации экономики в СССР. Когда Андропов <...> умер <...>, эта группа была благополучно разогнана» [1. С. 175]. Автор ссылается на беседу с экономистом Т.И. Корягиной.

Комитет Государственной Безопасности СССР

«Именно в КГБ появилась в начале 1980-х гг. группа молодых специалистов, которые контурно обозначили проблему реформ. И именно в КГБ понимали их необходимость» [7.09. С. 3]; «Стимулом к перестройке стали секретные отчеты КГБ о кризисе экономики» [7.10. С. 66].

Институт мировой экономики и международных отношений

«При первой же возможности Горбачев тут же вернул Яковлева в Москву и сделал директором Института мировой экономики и международных отношений, по его мнению, институт должен был стать «мозговым трестом», школой мышления американского образца, за что особенно ратовал его новый директор. Из этого научного заведения вышли важнейшие советники Кремля» [28. С. 130].

Комиссия при ЦК КПСС

«При комиссии были образованы два органа: рабочая группа, куда входили ключевые заместители руководителей Госплана, Министерства финансов, Министерства труда, Госкомитета по науке и технике, Госкомитета цен, Госкомстата, и научная секция, объединявшая директоров ведущих экономических институтов. Руководство научной секцией было возложено на директора нашего института академика Д. Гвишиани. <...>

Впоследствии Горбачев неоднократно вспоминал о десятках документов, подготовленных к моменту его назначения Генеральным секретарем. Работа Комиссии политбюро по совершенствованию управления как раз и была одним из направлений формирования этого пакета. <...>

Поскольку же руководство научной секцией было, как уже говорилось, возложено на Джермена Гвишиани, то исполнение легло на отделы, возглавлявшиеся Борисом Мильнером и Станиславом Шаталиным, и, в первую очередь, на нашу лабораторию.

Пожалуй, наиболее серьезным документом, вышедшим из научной секции Комиссии, стала «Концепция совершенствования хозяйственного механизма предприятия», подготовленная по заданию Рыжкова. В довольно большом, 120-страничном документе обозначались основные направления возможной экономической реформы в масштабах Союза. К работе над ним, помимо сотрудников нашей лаборатории, привлекли молодую команду ленинградских экономистов, в которую входили Анатолий Чубайс, Сергей Васильев, Сергей Игнатьев, Юрий Ярмагаев и другие» [12. С. 36–37].

Неформальный «мозговой центр» при Горбачеве

«Нужен был интеллектуальный центр. Еще в 1981 году Горбачев начал собирать ученых и специалистов различных ведомств и советоваться с ними по различным, не только аграрным вопросам. Горбачев и Рыжков стали проводить частые совещания в ЦК, на которых обсуждалась модель предстоящей экономической реформы. В команду экономистов, участвующих в этих обсуждениях, входили интеллигенты-«шестидесятники» — академики А. Аганбегян, Г. Арбатов, В. Тихонов, О. Богомолов, Т. Заславская, доктора наук Л. Абалкин, С. Ситарян, Р. Белоусов, Н. Петраков и другие.<...>

Созданный Горбачевым и Рыжковым «мозговой трест» был призван нащупать основные направления экономических преобразований. «Считаю, — утверждал несколько лет спустя Н. Рыжков, — что истоки «перестройки» относятся к началу 1983 г., к тому времени, когда Андропов поручил нам — группе ответственных работников ЦК КПСС, в том числе мне и Горбачеву, подготовку принципиальных положений по экономической реформе» [63. С. 276, 280]. «Возглавив «мозговой центр» М.С. Горбачева, А.Н. Яковлев привлек многих специалистов и, обобщив материалы, сформулировал систему понятий «перестройки» общества, а также обозначил те практические меры, которые необходимо было осуществить, чтобы добиться реальных перемен в стране. Он постоянно возглавлял бригады «спичрайтеров» и по существу был генератором основных формулировок докладов и выступлений генсека. Наряду с ним в мозговой центр входили такие известные ученые обществоведы, как В.А. Медведев, Л.И. Абалкин, А. Г. Аганбегян, А.Н. Анчишкян, С.А. Ситарян, Н.Б. Биккенин, С.С. Шаталин, Н.Я. Петраков, В.П. Можин. К работе часто привлекались многие специалисты различных научно-исследовательских институтов экономики, международных отношений, МИД, ЦК КПСС, Совмина СССР, других министерств и ведомств» [7. С. 101].

Лишь только тогда, когда «перестройка» уже набрала свои обороты и в явном виде проявилось множество ее негативных сторон, начались массовые выражения сомнений в верности выбранного курса, М.С. Горбачев был вынужден дать некоторые объяснения, в частности на встрече в ЦК КПСС с деятелями науки и культуры 6 января 1989 г., им было сказано: «Хотел бы отреагировать на одно довольно распространившееся суждение, которое считаю ошибочным: имею в виду утверждение некоторых товарищей, что мы вроде бы ведем дело «перестройки» в стране, не имея разработанной программы, не знаем, к чему стремимся и чего хотим. <...>

Именно разработка теории и политики «перестройки» и составила главное содержание ее первого этапа. И в этой связи хотел бы просто напомнить некоторые факты.

Мы положили начало глубокому анализу, принципиальной оценке ситуации, в которой оказалось наше общество в середине 80-х годов, на апрельском Пленуме ЦК 1985 г. Тогда была выдвинута задача общественного развития как антитеза застою. Но скажу больше, и сам по себе апрельский Пленум мог состояться лишь на основе огромной предварительной работы в предшествовавшие годы. <...>

И действительно, со многими из вас мне лично пришлось не раз встречаться и дискутировать по этим вопросам еще задолго до апрельского Пленума ЦК. И не мне одному. Сколько, Николай Иванович (обращается к Н.И. Рыжкову), было разработано документов на основе этих дискуссий?

Н.И. Рыжков. Сто десять.

М.С. Горбачев. Сто десять идентичных документов у Николая Ивановича и у меня. Все они относятся к периоду, когда до апрельского Пленума было еще далеко. Это — заключения академиков, писателей, крупных специалистов, общественных деятелей» [7.11. С. 1]. Итак, было представлено примерно ПО документов, и они стали основным оправданием необходимости замены прежнего направления развития на перестроечные. Здесь самое время обратить внимание на это объяснение в том плане, как вообще народу должны быть объясняемы реформы. Инициатор всякого реформирования должен представить программу, в

которой четко и на общедоступном для всего населения уровне дается описание той ситуации, в которой страна находится на момент начала перемен и основные показатели идеального желаемого состояния, к которому она должна устремиться. Он должен разъяснить, какие средства для этого понадобятся, где их взять и как истратить; какой механизм для этого понадобится — может быть, стоит учредить особый управленческий орган с чрезвычайными полномочиями, кто будет его возглавлять (желательно администратор с большим опытом); какие методы будут использованы, как противодействовать внутренним и внешним угрозам в то время, когда система будет выведена из состояния устойчивого развития. Ничего этого тогда сказано не было, и, заметим, не говорится и сейчас. Вместо этого М. Горбачевым говорилось много и со вкусом, но всегда совершенно не по теме.

Какой вывод напрашивается из этих свидетельств, собранных из столь разных источников: кто здесь прав, а кто вводит в заблуждение? Как мне кажется, никто не пытается нас обмануть. Правду сообщают все. Планировали — в меру своей посвященности — все, кто получил команду сверху. Потом, для того чтобы получить единый, более целостный план, разрозненные части собрали вместе и соответствующим образом обработали. Под силу это было только хорошим, опытным специалистам по междисциплинарным исследованиям, владеющим системным подходом.

Во время «перестройки» число таких организаций существенно возросло, и в СССР действовали следующие «мозговые центры»:

Высший консультативно-координационный совет при Президенте РСФСР

«Бывшие советодатели Президента (имеется в виду М.С. Горбачев. — А.Ш.), эти неугомонные «прорабы перестройки» — Арбатов, Заславская, Бунич, Шмелев, Тихонов и другие яркие представители академической когорты, их новая смена — Попов, Собчак, Старовойтова и им подобные — теперь уже плотно окружили российского лидера в ранге членов Высшего консультативно-координационного совета и навязывают ему ту же разрушительную для нашего Отечества политику» [7.12. С. 12].

Институт США и Канады

Этот институт по сути своей превратился в продолжение «мозговых центров» и ЦРУ США еще задолго до «перестройки». В интересующие же нас годы он стал центром, чье острое было направлено против Советского государства и советского народа. В частности, на его базе основали Совместное советско-американское предприятие — советско-американский исследовательский проект по проблемам стабильности. Содиректоры — академик Г.А. Арбатов и бывший заместитель директора ЦРУ А. Кокс, хорошо знакомые еще по совместной работе над книгой А. Кокса «Русская рулетка: Игра сверхдержав» [7.13].

Информационно-аналитическая группа Аппарата Президента СССР

В начале 1991 г. работнику пресс-службы ЦК КПСС, а ныне известному публицисту Н.А. Зеньковичу, как он вспоминает, предложили перейти работать в «Аппарат Президента СССР, во вновь создаваемую информационно-аналитическую группу. <...>

В ее функции будет входить подготовка материалов непосредственно для М.С. Горбачева. На основе ежесуточных сводок КГБ, Генштаба, МВД, шифрограмм посольств». Что касается самого Н.А. Зеньковича, то он отказался

от предлагаемой работы, мотивируя это тем, что Администрация Президента СССР — единственное учреждение, где нет партийной организации.

Комитет Государственной Безопасности СССР

«Сколько было разогнано в свое время всяких социологических институтов... Куда пошли их сотрудники — многие, по крайней мере? В закрытые институты КГБ. Социологические исследования в рамках КГБ не прекращались ни на один день, причем проводились на очень высоком уровне. У кого были серьезные данные о том, что происходит в стране? Только у КГБ» [7.14. С. 11]. Социологам в погонах удалось многое в области социальной кибернетики, о чем говорят пока только одни названия, например «Моделирование глобальных политических и экономических процессов» (учебное пособие, в/ч 48230, 1975). В ответственный момент, каким стал август 1991 г., «незадолго до путча начальник социологической лаборатории КГБ СССР подполковник Валерий Комков, опираясь на результаты своих исследований, предупреждал Владимира Крючкова о том, что абсолютное большинство оперсостава не пойдет на выполнение приказов, аналогичных тем, что были позже отданы, 18–21 августа 1991 г.» [7.15. С. 15].

Межрегиональная депутатская группа

«Уже в первые дни съезда начали исподволь проступать контуры некой артели. Правда, сначала она действовала скрытно: все разработки и разборки осуществлялись за пределами Кремлевского дворца, на частных квартирах. <...>

...И оформился в «Межрегиональную депутатскую группу (МДГ)». В такую, как пытались представить профанам ее оформлены, невинную, даже не фракцию, а чуть ли не кружок по интересам. Так сказать, «стихийно возникшую» ячейку.

Наивное, неопытное большинство депутатов так и восприняли сие образование.

Но <...> это далеко не безгрешная артель. И образовалась она не стихийно, в одночасье.

Ведь и слепому ясно: создать буквально за несколько дней так профессионально оформленную связку, со всеми признаками корпоративного ордена, могли только профессионалы. А что это непросто кружок случайных людей, а ядро будущей партии, свидетельствует блестящая информированность входящих в связку о месте и времени действия, согласованность и безупречная синхронность акций и, наконец, жесточайшая дисциплина и суровая подчиненность низа верхам.

<...> Треугольник имел отлично отлаженную разведсистему, весьма разветвленную сеть стукачей и соглядатаев... Там составлялись и хранились досье на всех более или менее видных оппонентов по многобалльной системе: кто, как и за что голосовал, кто, как, за что, против чего и кого из «своих» выступал.

Образец подобного вопросника и другие инструкции на сей счет, в частности и за подписью Аркадия Мурашева, вы найдете в архивах почившего в бозе Верховного Совета Если, конечно, тот же Мурашев и Баранников вкупе со Степашиным не произвели изъятие» [7.16. С. 14–16].

При этом надо указать, что в то время как саму МДГ обслуживали на высочайшем интеллектуальном уровне, все обвинения в заорганизованности и пагубности проектов сыпались с большой головы на здоровую — на помогавший ЦК КПСС Экспериментальный Творческий Центр под руководством СЕ. Кургиняна,

которого обвиняли в том числе и в идеологическом обеспечении «путча»: «Кстати, по поводу прогнозов к съезду. Аналитические исследования по этому вопросу вели как раз демократы (и их, кстати, внимательно слушали). И в отличие от нас, они свои документы подписывают, у их группы есть шифр аж 102 000 212. Под ним на компьютере делаются прогнозы. Суть их заключается в следующем: «Если реформа цен пройдет гладко, то хорошо ли это? Это хорошо для страны, но плохо для Ельцина, поэтому надо сделать то-то и то-то, чтобы реформа цен была сорвана». Такие прогнозы мне приходилось в свое время внимательно читать», — приходилось оправдываться тому через «Новую газету» в одном из апрельских номеров за 1991 г. в статье «Шифр демократов— аж 102 000 212». (Цит. по: [36. Ч. 1. С. 111].)

Семинар на Змеиной горке

«В конце августа 1986 г. компания молодых экономистов проводит семинар на Змеиной горке под Ленинградом. Там, вместе со мной, Анатолий Чубайс, Сергей Васильев, Петр Авен, Сергей Игнатьев, Вячеслав Широнин, Олег Ананьевин, Константин Кагаловский, Георгий Трофимов, Юрий Ярмангаев. В общей сложности человек 30 экономистов-рыночников. В более узком кругу обсуждаем самые идеологически опасные вопросы. Например, пути формирования рынка капитала, обеспечение прав собственности.

Все мы остро испытываем чувство открывшейся свободы, простора для научных исследований, для реального изучения процессов, происходящих в экономике. Можно отказаться от эвфемизмов и недоговоренностей, описывать протекающие процессы принятыми в мировой экономической литературе терминами» [12. С. 43].

Семинар 38 комнаты

В июне 1988 года в Институте социальных экономических проблем в Ленинграде проходил так называемый «семинар 38-й комнаты». Выступая на нем, Г.В. Старовойтова изложила позицию по национальным отношениям, как она выразилась, радикального крыла «перестройки», которое в Политбюро ЦК КПСС представляет А. Яковлев. По словам Старовойтовой, «радикальный вариант» решения национального вопроса появился на базе конфиденциальных бесед Яковлева в Эстонии с некоторыми руководителями партийного аппарата этой республики.

Этот вариант предусматривал сознательную установку на ослабление межнациональных связей в пользу развития национального самосознания. Цель — ослабление, децентрализация межнациональных связей с тем, чтобы национальные администрации имели возможность вести паритетные дипломатические переговоры с центром.

Старовойтова отмечала, что Эстония должна послужить полигоном для испытания идеи Яковлева по децентрализации. <...>

На упомянутом семинаре Старовойтова обозначила еще один полигон борьбы по децентрализации межнациональных связей — это Армения — через осложнение обстановки в Нагорном Карабахе. По ее признанию, об осложнении ситуации в этом регионе она знала заранее, еще за два года. По заявлению Старовойтовой, самое важное — победа армян над азербайджанцами, поскольку это означало бы первую, главную и решительную победу над ленинско-сталинской национальной политикой [35. Ч. 1. С. 43–44; 28. С. 150].

Существовала и еще одна группа, она занималась обслуживанием руководства партии и государства во время Пленумов ЦК КПСС и Съездов народных депутатов СССР. Можно условно назвать ее **группа поддержки решений съездов и пленумов**. Все те манипуляции с членами Центрального Комитета и/или народными избранниками, что происходили на глазах телезрителей, когда вроде бы все выступающие на собрании призывали к одному решению и присутствующие были с ними согласны, вдруг начинали голосовать против оного. Потом в кулуарах, вспоминая свое поведение, они поражались: «И как это мы, при всем своем интеллекте, могли поддаться на какую-то дешевую приманку», но что-либо предпринимать было уже поздно — решение состоялось. (По-видимому, при этом использовалась и упомянутая нами технология нейролингвистического программирования, в которой практикуются приемы воздействия не только на отдельных лиц или на публику в масштабе страны, но и на ограниченную аудиторию.)

Еще в 1970—1980-е гг. группой под руководством профессора В.Э. Бойкова в Институте комплексных социальных исследований (ИКСИ) была разработана технология, получившая свое название по месту разработки — «ИКСИ». В ее основу была положена обычная методика сбора и анализа путем массовых опросов на форумах — обычно от 300 до 500 человек. Данные обрабатывались вручную [7.17. С. 182].

Информационно-прогнозная технология «РИСК-1» была создана под руководством Тихомирова В.Б. Его путь как научного работника является довольно типичным для тех, кто нашел себя в междисциплинарной сфере. Начинал как физик-атомщик, затем написал ряд книг по планированию и анализу научных экспериментов и перешел в область системных исследований в политической сфере. Работал заведующим кафедрой системного анализа международных отношений МГИМО. Был командирован в Америку, был соруководителем в ЮНИТАР — в учебном и научно-исследовательском центре при ООН: «Первыми мой опыт политического анализа оценили американцы: они неоднократно способствовали продлению моего контракта в ООН, считая, что для них выгодней удерживать меня за границей, чем дать возможность передавать накопленные знания и опыт родине» [7.18. С. 36]. По возвращении из Америки перешел в Московскую Высшую Партийную Школу, где ректором был В.Н. Шостаковский, который превратил свой ВУЗ в один из «мозговых центров», а после 1991 г. перешел в Горбачев-фонд директором Центра общественных знаний. Сам В.Б. Тихомиров создал целый ряд информационно-аналитических и прогнозных технологий, например, в упомянутой нами технологии «РИСК-1» обработка информации проводилась на 57 % машинами, «ее применение позволяло довольно оперативно решать вопросы, связанные с моделированием сложной политической ситуации, в частности, относительно точно прогнозировать результаты голосований на партийных съездах, в частности на XXVIII съезде КПСС и при анализе ситуации в Литве, Молдавии и на Украине» [7.17. С. 185]. Эти технологии позволяли по небольшим выборкам прогнозировать поведение делегатов и заранее просчитывать ходы тем, кто владел информацией. Наиболее заметным событием, где упомянутые принципы проводились с самым большим размахом, был XXVIII съезд КПСС.

В каждой группе, работающей на демократов, помимо эмпирически-описательных технологий широко применялся и математический аппарат, в том числе и расчеты на ЭВМ. Ученые из Академии Общественных наук при ЦК КПСС

Ю.П. Бабок и И. Г. Яковлев своевременно показали обобщающую картину неблагополучия в деле насыщения компьютерами центральных и местных органов КПСС и поставили задачу: «Уровень информатизации партии в идеале должен стремиться к уровню информатизации всего общества и, далее, к международному; уровень информатизации партии должен быть выше уровня информатизации других политических сил общества. Свой прогноз-предупреждение они дали на основе сравнения с ситуацией в Польше, где Польская объединенная рабочая партия проиграла в 1989 г. выборы в законодательные органы страны «Солидарности» [7.19. С. 120, 121].

Значительная материальная база и хорошо подготовленные кадры — свой информационно-вычислительный центр — были в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Забегая вперед, можно указать, что именно это могло послужить основанием того, что в 1991 г. Горбачев-фонд был образован именно на ее основе, хотя ему могли выделить и другие помещения разгромленной им партии.

Кроме перечисленных к услугам демократов, а значит, опосредованно, и для их заокеанских друзей, существовали еще: Управление анализа и планирования внешнеполитических мероприятий МИД СССР, которое проводило в жизнь доктрину «нового внешнеполитического мышления»; Центр анализа и прогнозов Верховного Совета СССР (начальник — В.П. Лукин); Кабинет ситуационного анализа при Председателе Верховного Совета РСФСР (основан при Ельцине как неформальный — для кандидата в народные депутаты РСФСР в марте 1990 г., с июня 1991 г. — при Президенте РСФСР, начальник — В.П. Лукин); Институт информатизации общества и развития науки (Генеральный директор — А.И. Ракитов, с июля 1992 г. он — руководитель информационно-аналитического центра Администрации Президента РФ — в ранге Госсоветника); группа ректора МАИ академика Ю.А. Рыжова по разработке научной концепции национальной безопасности СССР; группа Е.Ф. Сабурова по разработке экономической части предвыборной программы кандидата на пост Президента РСФСР Б.Н. Ельцина в мае—июне 1991 г. (впоследствии Е.Ф. Сабуров — директор Центра информационных и социальных технологий при Совете Министров РФ); Центр по изучению межнациональных отношений при Президиуме АН СССР (один из научных сотрудников — Г.В. Старовойтова); группа С.С. Шаталина — Г.А. Явлинского по разработке программы «500 дней»; Центр экономических и политических исследований («ЭПИЦентр»); Экспертный Совет при Председателе правительства РСФСР (Председатель — О.И. Лобов). В контур управления демократов попал и Институт КГБ проблем безопасности (создан по инициативе Отдела Административных органов ЦК КПСС в 1977 г., занимался вопросами секретности, контактировал с демократами. Директор — полковник П.И. Гроза, заместитель — полковник П. Никулин).

Был и еще один Центр, который сыграл Особую, но до конца еще не проясненную роль — **Экспериментальный Творческий Центр (ЭТЦ)**, о нем надо сказать чуть подробнее.

ЭТЦ занимал наиболее видное место среди исследовательских центров, участвующих в интеллектуальных разработках для руководящего состава партии и правительства. Во многом он пользовался неофициальными, но в то же время достаточно осведомленными источниками информации. Сведения стекались также и со стороны ЦК КПСС, КГБ СССР, МИД СССР. Как пишут, ЭТЦ был создан группой аналитиков, складывающейся с 1987 г. вокруг театра «На досках» и его режиссера С.Е. Кургиняна. В начале перестройки театр представлял собой своего

рода интеллектуальный клуб, ставивший спектакли на острые политические темы, после которых в аудитории проводились дискуссии с участием зрителей. В 1988 г. был создан ЭТЦ. В 1989 г. он был преобразован в Экспериментальный Творческий Центр при Московском горисполкоме. Сделано это было при участии секретаря исполкома Моссовета, будущего 1-го секретаря МГК КПСС (последнего в истории) Ю.А. Прокофьева, у которого с СЕ. Кургиняном были доверительные отношения. Первые аналитические записки ЭТЦ были адресованы Председателю Верховного Совета РСФСР В.И. Воротникову. В 1989–1991 гг. Фонд занимался сводным консалтингом, составлением инициативных и заказных (от ЦК КПСС, МГК КПСС, Совета Министров СССР, аппарата Президента СССР) аналитических записок и докладов [7.20. С. 684–685; 7.21. С. 147–150].

В то же время, признавая за Центром применение наиболее высокоточных методов при анализе событий, самых передовых по структуре и способу подачи информации, необходимо отметить, что со стороны Центра шло скорее больше отслеживание информации, чем навязывание своей контригры. Те же попытки Центра влиять на политиков, которые, будучи недовольными М.С. Горбачевым, пытались проводить свой не вполне понятный курс, не имели никакого решающего влияния на реалии — для этого у СЕ. Кургиняна, похоже, не хватало обычного политического опыта работы в сложной среде. То, что к его голосу прислушивались в Политбюро, уже не имело значения: руководящий процессами центр находился далеко не в Кремле. Эксперты Центра могли предлагать даже самые радикальные средства, но когда они апеллировали к М.С. Горбачеву, то все их даже самые и единственно верные идеи оказывались не более чем благими пожеланиями и в общем-то невольным сигналом, что М.С. Горбачеву и всем посвященным в его замысел следует поступать с точностью до наоборот.

Выпущены издания: Постперестройка: Концептуальная модель развития нашего общества, политических партий и общественных организаций. *Кургинян С.Е., Аутеншлюс Б.Р., Гончаров П.С. и др.* М.: Политиздат, 1990; *Кургинян С.Е.* Седьмой сценарий, М..ЭТЦ, 1992, в трех частях, *Кургинян С.Е.* Россия: власть и оппозиция. М.: ЭТЦ, 1993; общественно-политический журнал «Россия: ХХI век». Документ Общественно-политического клуба «Постперестройка» «У последней черты. Меморандум о возможности примирения конструктивных сил России» (май 1992).

Впоследствии С.Е. Кургинян так объяснял свое появление в качестве главы первого независимого (понятие несколько внесистемное, но будем пользоваться тем, что есть) центра: «Стране нужен независимый информационно-политический центр типа «Рэнд корпорейшн» в США или другие, есть соответствующие центры во всем мире, которые могли бы объективно анализировать ситуацию, неангажированно. Дело в том, что официальные, находящиеся при ведомствах центры дают отражение ситуации, которое выгодно самим ведомствам, естественно, они не свободны. Ситуация в стране становилась уже плохо управляемой, и эта идея пришла очень кстати. <...>

Мы дали полтора десятка прогнозов, и за счет того, что мы — организация независимая и комплексная, у нас есть определенные методы прогноза, они точно совпали. Мы давали обычно пятьдесят позиций, из которых 48 или все 50 совпадали. Они сейчас напечатаны в моем трехтомнике «Седьмой сценарий», это так называемое содержание «Секретной папки ЦК Кургиняна», мы опубликовали эту секретную папку, и там видно, какие прогнозы мы давали государственным руководителям страны. Это были прогнозы по развитию Закавказского конфликта

и по развитию процессов в отдельных регионах страны, в том числе в Сибири.
<...>

Мы занимаемся этим как на общетеоретическом уровне, исследуя как Запад, так и Россию, так и на чисто прикладном» [7.22. С. 2].

В ответ на события августа 1991 г. за подпись С.Е. Кургиняна появилась статья «Я — идеолог чрезвычайного положения», которая, на мой взгляд, не характеризует его как проницательного наблюдателя, во всяком случае, в те же дни появилось множество материалов, в которых картина была гораздо полнее и объективнее. Выдвинув ряд отдельных версий и даже не побеспокоившись о том, что они не стыкуются в Целое, он позволил себе высказать даже такое предположение: «Полагаю, что в среде офицеров армии, КГБ, МВД имеется законспирированная «русская партия», может быть, даже монархическая» [36. Ч. 2. С. 115]. То, что человек, претендовавший на роль серьезного ученого, более того консультанта управленческой элиты государственного уровня, начинает писать о какой-то мифической монархической партии, выревившей в недрах коммунистического строя, характеризует его как человека либо крайне несерьезного, либо совершенно растерявшегося перед таким событием и его последствиями. В приведенном ничего особенного нет, если бы его написал какой-нибудь мистик... Но в том-то и дело, что он принадлежит ему одному, человеку, по сути монополизировавшему информационные экспертные потоки между интеллектуалами советской ориентации и теми руководителями, кто хотел сохранить Союз.

Дополнительно это эссе С.Е. Кургиняна можно сравнить с глубокими, хорошо продуманными оценками, данными также по горячим следам А.А. Зиновьевым: «Весь «путч» с самого начала выглядел как фарс или даже как провокация. Впечатление такое, что «путч» был кому-то нужен, но такой, чтобы его было легко раздавить и чтобы он дал повод для той «революции», которая произошла в Москве на основе его подавления. Надо отдать должное тем, кто спланировал эту операцию» [7.23. С. 4]. А.А. Зиновьев в те дни был в Мюнхене. Воистину «большое видится на расстоянии»? В любом случае С.Е. Кургинян сильно проигрывает многим, кто сразу мог дать событиям в Москве верную оценку, которая ни сколько не расходится с тем, что стало известно на сегодняшний день.

Тем не менее, несмотря на столь иногда невысокое качество документов, их хорошо знала и использовала и противная сторона. И это, опять же — о времена, о нравы! — это признает он сам: «Первой же, кого я консультировал, была ярая демократка Белла Куркова (народный депутат РСФСР, один из руководителей телевидения. — А.Ш.). Она не может этого не подтвердить. Она просила дать ей рекомендации избирательной кампании в народные депутаты РСФСР. <...> Послушайте, что мы, у Ельцина не проводили стратегических семинаров, что ли?» (Цит. по: [36. Ч. 1. С. 110–111].)

Стратегией С.Е. Кургиняна, как нам представляется, стало не держаться в реальной тени, как это бывает у настоящих *серых кардиналов*, а разыгрывать из себя, что вполне подходяще для режиссера, роль некоего *действительного тайного советника*. Он работал не за кулисами, нет — он наполовину оттуда высывался. Серьезные политики себе такого не позволяют: или — или. Мне кажется, его такого рода «дуаличность» — режиссера и политика — не более чем игра: он только имитатор, актер, играющий роль закулисного политика. Если бы это было не так, мы бы до сих пор его не знали, не читали не то что его книг, а

ни единой строчки. А он не стеснялся самой широкой рекламы. Провал ли его начинаний или то, что его конкуренты оказались сильнее, но что-то толкнуло его из реального, потайного дела в мир полувиirtualного словотворчества. Возникает ощущение, что он уступил реальности, перешел к мифотворчеству вокруг себя, хотя, может статься, он изначально не стремился уйти в тень и не появляться на публике. По сути, СЕ. Кургинян принимал на себя функцию человека, который должен был переиграть РЭНД Корпорэйшн и другие американские центры, но эту функцию он не смог выполнить по целому ряду причин, чем волей или неволей, но способствовал разгрому СССР. Его Центр был открыт и для иностранцев [7.24. С. 4].

Впрочем, это наша субъективная точка зрения. В конечном итоге дело не в самом СЕ. Кургиняне, который работал как независимый (кстати, не совсем понятно, можно ли на таком уровне ни от кого не зависеть?) аналитик, а в том, что с его предложениями мог ознакомиться недопустимо широкий круг. В том числе и с информацией из «Папки Кургиняна», откуда эта информация могла уйти в ЦРУ, а оттуда в РЭНД, а как делается обратный инжиниринг, там хорошо знали. В самой же Папке оказалось к августу 1991 г. лишь пять документов.

КГБ СССР: НОВЫЙ ФИЛИАЛ ЦРУ

Сейчас о КГБ СССР говорят как о покойнике — либо хорошо, либо ничего. На самом же деле он заслуживает и противоположной оценки. Казалось бы, проиграв, КГБ выиграл. Проиграв в мелочи: «Подумаешь, страну развалили и растаскивают», лагерь «чекистов» выиграл во всем другом. Они по-прежнему в тени ровно настолько, насколько им это необходимо, они при деньгах — им хорошо платят за их специфические возможности; они при власти. «Операция по внедрению на вершину государственной власти завершена», докладывают Г.А. Алиев — Президент Азербайджана (до 2004 г.); А.М. Кажегельдин — премьер-министр Казахстана; В.В. Путин — Президент РФ (с 2000 г.). Поэтому и заблуждаться в оценке роли КГБ СССР в «перестройке» сегодня, — когда союзные республики возглавляют бывшие полковники и генералы, — особенно опасно.

Причин неспособности КГБ выполнить свою функцию по «защите конституционного строя» было несколько. Во-первых, Комитет оказался под пристальным вниманием и под воздействием разложения. Во-вторых, если обычители смотрят на КГБ не аналитически (как минимум!), а как на единую цельную организацию, в которой все члены одинаковы (в смысле целей и задач), то конспираторы и заговорщики, которые сами по себе уже поставлены в специфические, но обратные условия, смотрят на КГБ диалектически и дифференциально как на меняющееся тело, в котором работают люди с разными установками.

Служба в «органах» многим давала возможность быть одними из самых информированных людей в обществе, но эти качества использовались не всегда на благо Родины. С работой по вскрытию и пресечению деятельности вражеской агентуры контрразведчики, я считаю, в целом справлялись (тому есть свои объективные и субъективные причины), но это так и не спасло нас от Большого

Краха. То, что в действительности творилось «наверху», оставалось за семью печатями для самых информированных гэбистов.

Комитетчики хорошо знали фактуру именно порученного профиля, но не всегда владели, а на периферии в особенности, информацией *вообще*, тем более что специальной работе с информацией их никто не учил. Поэтому у них оказался понижен порог системного осмыслиения сложных явлений в социальной сфере и подлинно диалектические методы в работе не применялись. Нет сомнения, в массе своей оперативные работники знают, как ликвидировать противодействие оперативно-розыскной и контрразведывательной работе или следствию. Но как это сделать, когда противодействие осуществляется сверху, причем не от непосредственного начальника, а с Самого Верха?

Повышенный интерес к архивам и любым знаниям на стороне руководством не поощрялся: гэбисты и без того знали лишнее, и начальство не стремилось развивать их уровень информированности, мало ли как это будет использовано. «Формы и методы работы КГБ являются секретами лишь для советских граждан. Все наши «секреты» известны каждому сотруднику любой иностранной спецслужбы и всем другим иностранцам, интересующимся положением дел в СССР и просто внимательно читающим газеты. Порой им известно гораздо больше конкретных фактов, чем сотрудникам КГБ» [33. С. 30]. Даже главное «хранилище мысли» — оперативная библиотека центрального аппарата КГБ, как утверждают допущенные, была «невообразимо убогой!» [65. С. 155]. Что касается формирования установочно-нормотворческой базы, то и она не была идеальной. Если ЦРУ США, например, претерпело в этом плане несколько крупных реорганизаций, руководствуясь обновляемым законотворчеством и многочисленными корректирующими замечаниями от сенаторов и конгрессменов, что явно пошло ему на пользу, то КГБ СССР на протяжении практически всего своего существования руководствовался только Положением о КГБ от 9 января 1959 г. вплоть до 16 мая 1991 г., пока не вышел соответствующий Закон. (Положение о КГБ СССР имело высший гриф секретности — «Совершенно секретно. Особой важности». Ознакомиться с его текстом можно в [7.25. С. 693–698].

Реалии перестройки и последовавшие события для них были такой же неожиданностью, как и для людей с улицы. Подобно тому как коммунист-ортодокс вцепился в имя В.И. Ленина, не желая расставаться с тем, кого давно решили девальвировать, так и у комитетчика оказался свой фетиш — Ф.Э. Дзержинский и старые, отработанные методы работы. Но даже и не это самое страшное. В принципе, я считаю, главная ошибка комитетчиков в том, что они позволили выветриться духу патриотизма. Его заменил карьеризм, угоджение руководству, никто не знал доподлинной картины событий как давно минувшего, так и недавнего прошлого, была огромная уверенность в собственных силах и неверие в возможность краха. Комитетчики не сумели стать политическими технологами. Они остались грубой, вооруженной частью политиков. Если еще Внешняя Разведка (ПГУ КГБ СССР) в любом регионе мира в первую очередь была ориентирована на противодействие главному противнику (ГП) — США, то «внутренняя линия» не была озадачена отслеживанием в каждом элементе своей работы влияния мировых разрушительных сил. Хотя бывали и исключения: «В январе 1985 г. заместитель начальника Отдела разведывательной информации Л.П. Замойский, известный как человек, обладающий незаурядным умом и способностью дать точную оценку, искренне убеждал сотрудников КГБ в Лондоне

<...>, что масонство, чьи обряды, по его убеждению, имеют явно еврейское происхождение, было частью большого сионистского заговора» [17. С. 25].

Когда провозгласили приоритет *правового государства*, то пришлось прежних поднадзорных освобождать из-под контроля, как, например, О.Д. Калугина, после избрания его народным депутатом СССР в округе, где раньше этот пост занимал член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП РСФСР И.К. Полозков. «В связи с изменением в сентябре 1990 года общественно-политического статуса объекта санкции В.А. Крючкова (№ 2/12—5702 от 12.09.1990 г., дело № 2, том 1, инв. № 91, л. 259) дело оперативного розыска было прекращено, а с «Петрова» сняты ограничения на выезд из СССР и посещения инопредставительств» [1. С. 191]. Целые организации и объекты — парламенты уровней СССР и союзных республик, их здания выводились из-под чекистского контроля и разработок: «Во время январских кровопролитных событий Эйве (гражданин США литовского происхождения, инструктор спецназа, работавший в Афганистане, рекомендован на эту роль корпорацией РЭНД, с которой сотрудничал по линии Гарвардского проекта и которой поставлял советских военнопленных для их допросов. — А.Ш.) выполнял функции военного советника при парламенте и постоянно находился в здании Верховного Совета республики, то есть вне контроля органов КГБ» [62. С. 226–227].

Загнать противника в узкие рамки законности, сузив ему поле, а самому себе позволить нарушать все правила — это отличный апробированный веками метод. Зная, что противник по тем или иным принципам не переступит навязанные правила, дать себе определенную фору. А правила эти зыбки, и когда речь идет о защите и спасении отечества, самые прославленные циники со всей прямотой заявляют, что «Отечество надо защищать честным или хотя бы бесчестным образом. Все средства хороши, лишь сохранена была бы целость его» (Маккиавелли).

Методология разбираемого периода была основана на марксизме-ленинизме. Она просто не могла не быть проигрышной. В свое время мне довелось ознакомиться с секретной инструкцией по вербовке агентуры МВД, датированной 1984 г. Я не помню все ее содержание, но одну фразу запомнил очень четко: на первой странице рекомендовалось осуществлять вербовку среди передовиков социалистического производства. Как вообще назвать такого рода опус? Тонкий юмор, издевательство над здравым смыслом или умышленное вредительство в интеллектуальной сфере государственной безопасности?

«Стремление тогдашнего КГБ проникнуть во все поры и щели государства и привело во многом к его омертвлению и в конечном итоге к краху. Были потеряны гибкость, острота мышления, способность к точной и немедленной реакции. Вместо этого тысячи сотрудников занимались только тем, что просто искали, чем себя занять и как доказать себе и начальству свою нужность. А то, в свою очередь, стремилось сделать то же самое перед еще более высоким начальством. Я думаю, что в масштабах СССР, наверное, добная третья личного состава Комитета была таким вот балластом, который к моменту, когда в стране полыхнула «демократическая революция», просто давно омертвел, деградировал и был не способен ни на какое сопротивление» [7.26. С. 3].

Проиграть может каждый, но важно, чтобы потом вернуть утраченные рубежи. Важно, чтобы в целом результат в работе был положительный. Но этого нет. Даже гений И.В. Сталина был иногда бессилен, и он сам это признавал. Говоря о троцкистах, он указывал: «Мы не могли предположить, что эти люди

могут пасть так низко. Но это не объяснение и тем более не оправдание, ибо факт промаха остается фактом. Чем объяснить такой промах? Объясняется этот промах недооценкой силы и значения механизма окружающих нас буржуазных государств и их разведывательных органов, старающихся использовать слабости людей, их тщеславие, их бесхарактерность для того, чтобы запутать их в свои шпионские сети и окружить ими органы Советского государства. Объясняется он недооценкой роли и значения механизма нашего социалистического государства и его разведки, недооценкой этой разведки <...> На какой почве могла возникнуть эта недооценка?

Она возникла на почве недоработанности и недостаточности некоторых общих положений учения марксизма о государстве» [7.27. С. 599–600]. Вот честное признание не догматика, а глубочайшего диалектика!

Поэтому прав тот, кто увидел работу советской основной спецслужбы со стороны: «Я раньше думал, что все-таки КГБ мощная организация. Оказавшись на Западе, я увидел, что огромное количество его агентов очевидные халтурщики. Дали бы мне пять талантливых ребят, да я бы с ними сделал больше, чем пятьдесят тысяч советских агентов. Они делом не занимались, не видели того, что нужно было видеть» [25. С. 19].

Надо признать, что ошибки прошлого все же учитываются. В настоящее время рекомендации по работе спецслужб даются, исходя из представлений о необходимости «учитывать при организационном проектировании специальных служб в современных условиях. Специальные службы должны иметь свойства «открытой» системы, у которой цели управления изменяются в соответствии с изменениями внешней среды, а стратегией является адаптация к изменениям среды, своевременное распознавание угроз развитию, не только ограждаемых объектов, но и самих этих систем. Организационные структуры должны быть гибкими, меняющимися в зависимости от внешних факторов, стратегий, используемых методов, качественных показателей кадрового состава. Механизмы преимущественного контроля в управлении специальных служб должны уступать место механизмам выявления новых проблем и разработки новых эвристических решений. Сегодня необходимо в разумных пределах внедрять новые структуры управления — децентрализацию. Насущным требованием является также стимулирование развития новых качеств работников специальных служб, а именно — ориентация на индивидуальную ответственность, инновационность, стремление к повышению квалификации и т. д.» [4. С. 200].

Как мы говорили выше, основными разработчиками разгрома СССР являлись мозговые центры США, и RAND-Corporation прежде всего. Отсюда неизбежно возникает чуть ли не центральный для понимания случившейся с нами трагедии вопрос: были или нет в числе объектов пристального внимания КГБ «мозговые центры» США? Литературы о КГБ СССР на сегодняшний момент достаточно, но ответы — и то косвенные — я нашел лишь дважды. В одном случае дело касалось совместной программы ЦРУ и Колумбийского университета по научно-техническому шпионажу против СССР. После успешной операции КГБ завладел всеми документами [7.28. С. 83–89]. В другом — речь шла о двух разведчиках-нелегалах КГБ: выходце из Чехословакии Людеке Земенеке, внедренном на Запад в январе 1957 г., проживавшем в США, и его сыне, посвященном в профессию отца и подготовленном в Москве к разведработе, в 1976 г. получившем задание: в Джорджтаунском университете, куда он только что поступил, предстояло

выявить преподавателей, работающих в Центре стратегических исследований. 2 мая 1977 г. Л. Земенек был задержан агентами ФБР по обвинению в шпионаже [7.29. С. 320–321].

Брак сборщика в авиапромышленности — это упавший самолет, брак в подготовке офицера — проигранный бой, брак в тончайшей работе безопасности — это преданная и обранная страна.

«Перестройка» и последующий период — не первая битва, проигранная КГБ. В 1953–1956 гг. значительная часть разведслужб претерпела чистку. В годы «перестройки» прием повторили. В 1982–1983 гг. из органов КГБ в МВД был переведен ряд сотрудников якобы для усиления последнего ведомства. Называется цифра — 150 человек. В 1981–1982 гг. в структуре КГБ СССР и на местах было воссозданы 4-е и 6-е управления и соответствующие отделы. Кроме того, в 1985 г. появилось новое правило: если ранее работник, имевший доступ к оперативной информации, мог запросить сведения о любом гражданине страны и получить их, то теперь это можно было сделать только через Москву. О чем это говорит? О том, что накануне очень важных событий из центрального аппарата были убраны как минимум полтораста способных комитетчиков. О том, что появилось много неопытных новичков и одновременно для карьеристов представился удобный момент для повышения. О том, что был затруднен доступ к агентурным делам разрабатываемых лиц.

Перед лицом новой реальности в годы «перестройки» разные представители спецслужб повели себя по-разному. И тут роли были распределены: с одной стороны, их весьма сильно демонизировали через СМИ, с другой стороны, некоторые высокие чины подыгрывали «перестройщикам». В прессе осмелились ругать грозный Комитет. Кто должен был дать команду встать на защиту честного имени органов, на разработку собственных *активных мероприятий* внутри страны? Вместо этого началась странная *игра в молчанку*. Вместо конкретных ответов на поставленные вопросы шла вялотекущая, ничего не значащая контрпропаганда. Система санкций сверху на любую инициативу была так строга, что никто из контрразведчиков — ни из центрального аппарата, ни из местных органов — так и не посмел, даже под псевдонимом, писать оправдательные статьи о ВЧК—КГБ, ни тем более навязать контригру. Для обывателя все это выглядело как противостояние органов и прессы, для посвященных тайн не было: они выступали заодно. Этот трюк в цирке называют *борьба нанайских мальчиков*.

Осуществлялось переориентирование аппарата на работу не по профилю основной деятельности. Комитет заняли не приемлемым для спецслужбы процессом массовой реабилитации. Кадры, как вы понимаете, тоже не резиновые, и вместо того, чтобы реально сдерживать процессы развала страны и разворовывания народного хозяйства, комитетчики работали на «Мемориал». При этом реабилитация была по их же престижу. Сделать это можно было, конечно, и через систему архивов — многие дела настолько устарели, что представляли интерес только для родственников и историков, но... Курировать эту работу выделили генерала И.П. Абрамова, до этого он работал по диссидентам, потом его назначили заместителем Генерального прокурора СССР. Таким образом, со всех сторон демонизированный КГБ СССР помимо своей воли работал на врага. В 1989–1990 гг. на выборах кандидату в депутаты любого уровня достаточно было громогласно объявить о преследовании со стороны КГБ или о репрессированном предке, и мандат был обеспечен. КГБ не контролировал

течение событий, а послушно за ними следовал. Его заставляли тушить пожар бензином. «Специалисты КГБ были поставлены в такие условия, что не могли действовать на решающих участках информационной войны» [42. С. 9].

Последний Председатель КГБ В.В. Бакатин пишет о другом направлении, которым заставляли заниматься спецслужбы: «При Крючкове КГБ активно занялся борьбой с так называемым «экономическим саботажем», который толковался достаточно произвольно. В конце концов дело свелось к отслеживанию деятельности кооперативов и поиску консервных банок, припрятанных в подсобках магазинов. Тысячи сотрудников были брошены на изучение содержимого складских помещений. Эти «операции» проводились с большой помпой и широкой прессой. Предполагалось, что вид мяса и консервных банок, извлеченных из-под прилавка и продемонстрированных с телеэкрана, вызовет у потребителей, привыкших к пустым полкам магазинов, большую признательность КГБ. При этом не принималось во внимание, что хождение по магазинам — функция вовсе не спецслужб, а милиции, которая проводила те же мероприятия с несравненно большим размахом, но не считала нужным столь бурно рекламировать свою рутинную работу. Кстати, сами сотрудники Комитета были вовсе не в восторге от того, что многим пришлось переквалифицироваться в своего рода торговых контролеров» [7.30. С. 40–41].

О преступлениях органов в 1918–1956 гг. было сказано предостаточно, а в 1985–1991 гг. главным стало бездействие, или хуже того. *Самые приидрчевые чекистоведы*, как называли в демократической прессе журналисток из «Московских новостей» Е. Альбац и Н. Геворкян, сообщают о том, что в самые ответственные моменты «с Лубянки регулярно утекала очень важная информация, в том числе и в «Белый дом». <...> Комитетчики <...> предупредили о приказе на арест Ельцина. От них же исходила первая информация о существовании упомянутых нами списков» [7.31. С. 9]. (Имеются в виду списки лиц, подлежащих интернированию.)

За что же, собственно говоря, боролся КГБ, трансформируясь в ФСБ и разрываясь на спецслужбы «независимых» государств? К чему он пришел?

Политическая, управленческая, экономическая, финансовая, научная, продовольственная, информационная, психологическая, экологическая безопасность страны сведена к минимуму — как раз настолько, чтобы числиться на работе и получать зарплату. Происходит полное рассекречивание не только отдельных «изделий», факт существования которых не афишировался, но и целых отраслей; несанкционированные контакты с иностранцами и с внутренним врагом — с теми, на кого заведены дела агентурной разработки; отсутствие противодействий директорам (в том числе и в оборонной промышленности), решившим «обанкротить» предприятие с целью приватизации; путем разного рода невинных опросов, тестирования, психологических исследований ведется дознавка.

Специфика госбезопасности позволяет нам пока только задавать вопросы, но все ответы со временем мы обязательно получим. Вот лишь некоторые из них: газета «Версия» [7.32. С. 18], например, сообщает, что Руст перелетел границу по указке из Кремля, причем утечка информации могла произойти и со стороны офицеров КГБ; кого охранял и с кем, соответственно, был связан лейтенант 9-го управления В.В. Ряшенцев, который после этого смог вывозить танки Т-72. Сейчас этим не удивишь, но тогда, в 1990 г., после статьи «Спрут» под семафором» в «Советской России» это всколыхнуло всю страну?

КГБ внимательно изучал внешнюю среду как в пределах *железного занавеса*, так и за рубежом. Но только не самое себя. И, перефразируя известные слова Ю.В. Андропова, можно сказать, что КГБ не знал самого КГБ. Хотя если бы координацией информационных потоков доверили заняться хотя бы одному специалисту в области оргпроектирования, он мог бы им помочь так же существенно. Помощь могла быть оказана и в другом. На 1991 год в Комитете действовало около 5000 инструкций, которые утверждались Советом Министров или Председателем самого КГБ [7.30. С. 47]. Конечно же, ни один из комитетчиков никогда не видел всех этих инструкций. До каждого из них информация доводилась только «в части его касающейся», что и порождало такое незнание. И каждому человеку со стороны, да еще пришедшему на самую вершину руководящей пирамиды, это становилось очевидно: «До прихода в КГБ я был уверен в огромных интеллектуально-аналитических возможностях этой организации. Скажу прямо, меня ждало разочарование. Только чуть более года назад было создано Аналитическое управление, которое не успело встать на ноги. Деятельность информационно-аналитических подразделений, существовавших практически в каждом управлении, и ряда научных институтов никем по-настоящему не координировалась. Почти необработанные информационные потоки сходились на столе Председателя КГБ, который отбирал, какая информация достойна внимания высшего государственного руководства.

После того как я первые дни в КГБ получил буквально горы всевозможных, как скоро выяснилось, во многом повторяющихся, сводок, как правило, дающих те сведения, которые уже прошли по средствам массовой информации, я понял прежде загадочное для меня поведение моего предшественника. Где бы ни находился Крючков (на сессии, на съезде, на заседании Совета Безопасности), всегда ему в чемодане приносили гору бумаг, и он сидел и спокойно читал, расписывая резолюции. Только сейчас я оценил этот по своему рациональный стиль.

<...> Мыслить широкими политическими категориями разрешалось только на Старой площади, а роль КГБ сводилась в первую очередь к постановке первичных данных и реализации уже принятых решений» [7.30. С. 44–45].

При таких порядках в работе спасти систему от угроз было, конечно же, невозможно.

А как в этом отношении обстояло дело на Западе? Владимир Арсеньевич Рубанов, работавший аналитиком в одном из институтов КГБ (где от него избавились за то, что отстаивал свое мнение, после чего, кстати сказать, в 1988–1990 гг. он оказался под началом В.В. Бакатина— в бытность того министром внутренних дел, затем последовательно стал начальником Аналитического Управления КГБ (осенью 1991 г.) и, наконец, Заместителем Секретаря Совета Безопасности РФ), утверждал, что были «разработаны планы превращения Соединенных Штатов Америки в государство нового уровня. Так называемая инициатива Гора включает в себя решение проблемы профилактики «заболеваний» государства. Это болезни, которые связаны с процессами ее информатизации: организационный маразм, информационный склероз и финансовый тромбоз» [7.33. С. 419].

В то время к КГБ внимательно присматривалась корпорация РЭНД. Как заявляли лица, допущенные на главную кухню, где делалась политическая погода, «первое, что мы увидели, были публикации «Рэнд» о КГБ» [7.34. С. 14].

Видимо, речь, в том числе, может идти о книге Д. Эзраэля «КГБ в кремлевской политике». (Так как мы будем еще с ним встречаться по ходу повествования, то несколько слов о нем. Джереми Эзраэль (J.R. Azrael). Родился в 1935 г. Образование: бакалавр — Гарвардский университет (1956), магистр — там же (1959), доктор философии — там же (1961). В 1958–1959 гг. стажировался в МГУ (по обмену на А. Яковлева и О. Калугина). С 1961 г. — ассистент, доцент, профессор политических наук в Чикагском университете, председатель Комитета по изучению славянских стран университета, руководитель проекта «Сравнительный коммунизм». С 1983 г. — член Совета планирования государственного департамента. С 1985 г. — профессор политических наук в Центре изучения действий СССР за рубежом RAND Corporation и Калифорнийского университета, Директор RAND Corporation. Приезжал в СССР на рекогносцировку перед событиями августа 1991 г. Автор 5 книг (в т. ч. в соавторстве) по взаимосвязи внутренней и внешней политики СССР).

КГБ считывал информацию (терминология комитетчиков), уделяя больше внимания количественным показателям, которые, естественно, только росли и создавали радужную картину сплошных успехов, в ущерб качественным. Многие индикаторы, которые вполне могли регистрировать и учитывать картину угроз безопасности, не принимались во внимание. Информационные потоки спецслужб, в отличие от других государственных организаций и учреждений, никогда за всю их мировую историю не ограничивались пределами аппарата. Контрразведку всегда интересовало мнение масс. КГБ СССР, равно как и другие спецслужбы мира, это не только Лубянка, большие и малые «серые дома» — это еще и разведывательные позиции в интересующих структурах. Существенную изначальную роль играла агентура. От нее шла первичная информация, с которой потом и работали в различных подразделениях КГБ. В терминологии Ю.В. Андропова это звучало «от противника». Внутренняя агентура, по сведениям, полученным от информированных людей, насчитывала большой процент будущих «агентов влияния». При этом мы понимаем, что т. н. «инициативщики», по собственной воле ставшие агентами, — это в какой-то части пришедшие по заданию; подставленные же под вербовку могут оказаться и двойными агентами; и лишь совсем незначительное число могут оказаться искренними людьми, стремящимися помочь своей стране. Информаторы КГБ вели свою работу среди настоящих диссидентов, потом они поэтапно перехватили инициативу, заняли лидирующие позиции и объявили себя демократами.

Общий же список агентов КГБ и одновременно самых больших активистов «перестройки» насчитывает 2200 чел. В закрытых документах консультативного центра «Фонд эффективной политики» часто мелькают отрывочные сведения по персоналиям с указанием конкретной клички.

Двойной агент КГБ—ЦРУ — явление закономерное для истории мировых разведок, и здесь не было исключений: «Диссидентская деятельность не препятствовала им сотрудничать и с ЦРУ и с КГБ, нередко одновременно.

Деятельность интеллигенции «малого народа», диссидентов, агентов советских и зарубежных спецслужб переплеталась в немыслимые сочетания: еврейская диссидентка, жена А. Сахарова Е. Боннэр и поэт Е. Евтушенко сотрудничали с КГБ и вместе с тем были самыми шумными антисоветчиками» [53.Т. 2. С. 467].

Да, жизнь многих из этих деятелей «переплеталась в немыслимые сочетания».

«Кузницей кадров перестройки в КГБ, по-видимому, стал отдел по борьбе с сионизмом. Глубоко вникая в этот вопрос, изучающий его офицер не мог не понять, что он сам находится внутри этой структуры. Бросаясь к Андропову за разъяснением, он встречал его ироничный взгляд из-под очков и делал свой жизненный выбор. Тех, кто сопротивлялся — задвигали, тех, кто покорялся — возносили.

Вот почему Андропов <...> фигура для левой прессы неприкосновенная.

Вот почему никогда не предававший КГБ Калугин на своих выступлениях говорит: «Не спешите осуждать Андропова. Его подлинная роль еще далеко не раскрыта» [7.35. С. 3].

...Предавший СССР, но «не предававший КГБ Калугин»... Что же это была за организация и какое отношение он имел к СССР?

Можно ли было бороться и победить в результате двойной (тройной) игры с существовавшим подпольем в СССР и в восточноевропейских странах? Опыт первых лет спецслужб Советского Союза утверждает, что можно. Тогда была проведена операция «Трест», в ходе которой в СССР была создана фиктивная организация, наполовину состоящая из реальных белогвардейских заговорщиков и наполовину из контрразведчиков. Эта организация была по сути громоотводом от реальных и потенциальных шпионов, террористов и диверсантов.

Конечно же, с тех пор навыки усложнились, и ЦРУ внимательно занималось идентификацией оппозиции, но даже тени желания «поиграть» с КГБ не наблюдалось. Наоборот. Пятая линия сама стала управляемой. Что там, в этой самой «пятке» (так пренебрежительно называли ее на сленге контрразведчиков) произошло, когда и как ее стали водить за нос «ведомые», сказать будет возможно лишь при наличии всех документов и свидетельских показаний. Но факт есть факт: именно их компания первой переметнулась на сторону демократов. Причем это было сделано гласно и открыто. Первыми «ласточками» стали полковник в отставке Я. Карпович, действующий подполковник А. Кичихин, бывший следователь УКГБ по Москве и Московской области, в том числе и по делам диссидентов, а с марта 1990 г. — депутат Моссовета от блока «Демроссия» Е. Савушкин. Впоследствии эту разновидность предательства мягко назвали *волной отступничества* (термин Е.М. Альбац) [1. С. 190].

Свои особые связи друг с другом имеют все спецслужбы мира. Бывает так, что они санкционированы высшим политическим руководством стран, бывает, что нет. ЦРУ и КГБ не были исключением в интересующие нас годы. Скорее, наоборот...

И связи эти приобретали иногда самые причудливые формы.

До сих пор остается тайной обстоятельства исчезновения из Москвы резидента ПГУ в Лондоне полковника КГБ и одновременно агента английской разведки О.А. Гордиевского, которого, заподозрив в работе на противника, вызвали в СССР. Он почти сразу почувствовал угрозу разоблачения. В Москве за ним установили наружное наблюдение, выявить которое опытному разведчику, несколько раз бывшему в загранкомандировках, не составило труда. По установкам КГБ офицер, заметивший за собой слежку, обязан немедля сообщить об этом начальству, ведь «топтуны» могут быть как свои, так и чужие. Гордиевский же, явно засветив соглядатаев, только еще больше занервничал, но рапорта от него так и не дождались. После чего Крючков распорядился наблюдение снять!!!

Англичане из московской резидентуры упаковали Гордиевского в багажник автомобиля и вывезли его в Финляндию. В руководстве госбезопасности никого не насторожили сигналы из контрразведки о поспешном рейде двух машин с номерами посольства Великобритании из Москвы в сторону Ленинграда.

Высшее руководство КГБ много контактировало с внешним миром по долгу службы. В основном это делалось и делается повсюду в мире только с санкции вышестоящего руководства. Таковы правила. Но иногда действуют и без особых правил...

Значимый характер имели встречи между товарищем В.А. Крючковым и его американским коллегой мистером Робертом Гейтсом.

Как сообщается в книге самого Р. Гейтса «Из тени», первая встреча между ними состоялась в Вашингтоне в модном ресторане *Maison Blanche* в декабре 1987 г. при посредничестве советника президента по национальной безопасности К. Паузэлла [7.36. С. 16].

Обращает на себя внимание то, что тогда В.А. Крючков занимал должность начальника Первого Главного Управления (внешняя разведка), а Р. Гейтс был заместителем директора ЦРУ. Менее чем через год — в октябре 1988 г. — В.А. Крючков становится Председателем КГБ СССР. Отметим, что особого смысла менять в это время человека на таком посту не было. Обязанности по-прежнему мог бы исполнять и В.И. Чебриков: еще год он будет занимать пост секретаря ЦК КПСС, Председателя Комиссии ЦК по правовым вопросам. Могли быть и другие кандидаты на пост Председателя КГБ, как из партийного аппарата, так и из самого Комитета, в том числе и не из Москвы, а с периферии. Но тем не менее этот пост занимает именно В.А. Крючков. Это тем более удивительно на фоне того, что после избрания Дж. Буша-старшего на пост Президента именно Р. Гейтс становится Директором ЦРУ и Директором центральной разведки США. Можно ли сделать предположение, что именно эти randevu сделали их первыми лицами в спецслужбах? Почему бы и нет: для возможной последующей согласованности и скоординированности взаимное доверие было наипервейшим условием.

О второй встрече в публикации не говорится ничего, однако сообщается, что была третья — в феврале 1991 г. И на ней уже в общих тонах речь шла и о будущем ГКЧП [7.36. С. 18].

Еще одна встреча у В.А. Крючкова — с отставным руководителем итальянской военной разведки адмиралом Фульвио Мартини — состоялась в первую неделю июля 1991 г. Сразу же после беседы адмирал вместе с супругой вылетели в Рим. Как сообщается в публикации, первый контакт между ними состоялся в мае 1990 г. Предлогом была информация о том, что во время чемпионата мира по футболу арабские террористы собирались предпринять ряд акций против советской сборной из-за произраильской позиции руководства СССР [7.37. С. 4]. Автор книги «Тайные битвы XX столетия», уделяя внимание этой беседе, приписывает ей ключевое значение [10. С. 300]. Согласитесь, что хотя между спецслужбами не велась открытая война в явном виде, идея их примирения в духе «нового мышления» и «народной дипломатии» была не такой уж простой задачей. А вот задача контактов и объединения на какой-то, пусть самой зыбкой, основе КГБ и ЦРУ выглядела вполне необходимой. Более того, без этого как-то и вся перестройка выглядит какой-то неполной. Задача трудная, но разрешимая — как раз такие ставятся перед РЭНД Корпорэйшн и решаются ею. И она действительно успешно справилась с этой задачей, конечно же, с активной помощью с советской стороны.

Делалось это следующим образом. Во-первых, РЭНД Корпорэйшн вышла на авансцену и стала самым активным посредником в деле объединения КГБ—ЦРУ, ни один шаг не проходил без ее участия, об этом мы скажем ниже. Еще одна структура, активно работавшая над этим — некая американская общественная организация «Поиск общей платформы», глава которой некто Джон Д. Маркс, автор ряда книг, восхваляющих ЦРУ, работал в госдепартаменте США и в Центре по исследованиям проблем национальной безопасности (Вашингтон). Во-вторых, с советской стороны был выбран посредник и координатор встреч не напрямую из спецслужб или других учреждений с сугубо государственным статусом, а, как ни странно, такой орган, как «Литературная газета». Советский Комитет защиты мира упоминался в числе организаций — контактеров с советской стороны, но его представители в прессу не попали, хотя, возможно, как-то в этом и участвовали... Итак, официальная заявленная цель — тот самый «поиск общей платформы». Подлинная цель — контакты по линии КГБ — ЦРУ.

В РЭНД-Корпорэйшн хорошо знали из теории игр, что ничто не сможет так хорошо объединить *заклятых друзей*, как наличие нового общего врага. И такой враг был найден, правда, назван несколько расплывчато: международный терроризм. Однако когда в это понятие начали вкладывать конкретное содержание, то оказалось, что оно полностью соответствует американским представлениям: Саддам Хуссейн, Ливия, палестинские террористы. Те же, кто реально угрожал СССР — афганские «борцы за свободу» и закавказские инсургенты (а впоследствии, само собой, и чеченские боевики в России), — в этот список не попали.

Первая встреча состоялась в редакции «Литературной газеты» в начале января 1989 г. Координатором принимающей стороны выступил политический обозреватель Игорь Беляев, автор провокационной статьи «Ислам», заложившей начало конфликтов по оси *мусульмане — остальные*, о чем еще будет сказано. Присутствовали ученые, дипломат, журналисты, юристы. Сотрудников госбезопасности на той встрече еще не было. Американскую сторону представлял упомянутый Д. Маркс, заведующий политическим отделом РЭНД Брайен М. Дженкинс, ряд других лиц [7.38. С. 14].

Вторая встреча состоялась полгода спустя. Теперь приглашали американцы в знакомую нам Санта-Монику в штаб-квартиру РЭНД Корпорэйшн. Среди советских участников — все тот же Игорь Беляев, журналисты, юристы-международники, политолог, переводчики. И среди них два генерала КГБ — В.В. Звезденков и Ф.А. Щербак. О первом известно не так уж много, сообщают, что генерал-майор Валентин Владимирович Звезденков до перехода в центральный аппарат служил первым заместителем Председателя КГБ Литовской ССР, специалист в области борьбы с терроризмом. Щербак Федор Алексеевич (1918–1998) — к тому времени генерал-лейтенант в отставке, до этого служил на должностях заместителя начальника ВГУ (контрразведка); членом Комитета — начальником 6-го Управления (защита государственных секретов в экономике), его называли «ходячей энциклопедией». Выбор этих лиц для контакта, разумеется, был согласован с американской стороной — иначе они не получили бы визы. Среди американских участников — все те же лица, к ним добавились: Уильям Колби — бывший директор ЦРУ и Рэй Клайн — бывший заместитель директора ЦРУ, автор нескольких книг по разведке [7.34. С. 14].

ОПАСНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: КРЮЧКОВ & БАКАТИН

Наша книга содержит попытку показать прежде всего системный характер «перестройки», но вполне могла бы иметь и другой ракурс: рассмотреть «перестройку» через призму национальной безопасности СССР, точнее, через всяческое ее уничтожение. И это был бы гораздо более динамичный, занимательный, почти детективный сюжет. Мы же лишь частично разбавляем наш скучный рассказ разделами то о политических убийствах, то о борьбе внутри КГБ СССР, то о нетрадиционных войнах. Уделим и в этот раз еще несколько слов государственной безопасности.

Надо сказать о качественных отличиях отношения общества и научных кругов к спецслужбам в СССР и в США. В среде советских, и прежде всего столичных, интеллектуалов о спецслужбах сложилось крайне негативное мнение. Тому виной совсем непростые события 1930—1950-х гг. и сама «вольнолюбивая», а на самом деле прозападная, атмосфера московских институтов и их позиция по отношению к людям из госбезопасности, которые занимались не своим делом: рьяно помогали идеологам блюсти «чистоту» партийной мысли. Словом, между спецслужбами и наукой возникло недоверие и противоречие. Всякие контакты и помощь от спецслужб могли быть истолкованы только однозначно: этот человек — тайный информатор. Тем более что подлинной науки безопасности не существовало, философы и публицисты не могли уделять внимание методологическим проблемам безопасности как определенного системного явления. Главная причина этого заключалась в том, что безопасность была монопольной сферой высшего политического руководства и спецслужб, причем весьма и весьма закрытой. Всякий несанкционированный интерес к проблемам безопасности был просто-напросто связан с угрозой свободе или жизни.

В США же помочь безопасности не считалось чем-то вздорным, а, наоборот, благородным и полезным для государства. Критика — хоть конструктивная, хоть противоречащая интересам отдельных представителей спецслужб — тоже допускалась. Американские чиновники были не в восторге от этой критики, но они выискивали в ней здравое зерно. Для такого рода обратной связи в Департаменте планирования (четвертом) ЦРУ США были созданы Отдел истории ЦРУ и Совет по рассмотрению публикаций о ЦРУ. И там внимательно отслеживали все, что было сказано о них: как негативное, так и позитивное, а потом корректировали свое поведение. В той мощной и разветвленной системе национальной безопасности, что была создана в США, американские ученые заняли вполне достойное и уважаемое место, и их реноме в обществе от этого ничуть не страдало. Наоборот, именно им принадлежит одно из ведущих мест в формировании политики национальной безопасности страны. В СССР ничего не предпринималось, чтобы перенять «передовой опыт». Для того чтобы что-то подобное существовало в СССР, требовалось немного: пусть даже для избранного, узкого круга приподнять завесу секретности и показать, как работает эта весьма специфическая система (пусть даже неизбежно советская, а какая-то абстрактная), то можно было бы добиться существенной интеллектуальной помощи от советских специалистов в области информационных наук.

Комитет госбезопасности СССР являлся, конечно же, не единственной организацией, функционировавшей в сфере безопасности, но самой крупной,

мощной, разветвленной, имевшей наибольшую административно-территориальную всепроникновенность, курировавшей то, что другим было не под силу. Обычно силовики СССР представляются в виде связи КГБ — МВД — Вооруженные Силы — Военно-промышленный комплекс, мы же смогли установить еще несколько, пусть не столь заметных структур, которые были необходимы в постоянно усложнявшемся мире. К сожалению, свою функцию по защите Отечества система национальной безопасности СССР не выполнила, а пала под ударами извне и изнутри вместе с охраняемым объектом.

В.А. Крючкову и В.В. Бакатину для выполнения их миссии избавления (по названию книги В.В. Бакатина) от подсистемы безопасности, необходимо было стать одной из главных несущих конструкций, возглавить эти органы.

Одна из главных задач В.А. Крючкова по ослаблению страны заключалась в том, чтобы наряду с ослаблением функций вверенного ему КГБ всячески способствовать появлению других структур. На языке РЭНД Корпорэйшн они назывались очень скромно: «*Alternative Armed Forces Structures*» (альтернативные армейские силовые структуры). По мере ослабления силовых функций государства все больше и больше появлялись национальные армии и т. п., которые брали на себя их обязанности, занимались защитой политических разрушителей и выполняли особые специфические функции по разгрому Союза ССР. В.А. Крючкову нужно было лишь делать вид, что неконституционные войска не несут особой угрозы, а исчезнут-де «сами собой — так же как и появились». Впрочем, не сам В.А. Крючков их породил, это «богатое» наследство досталось ему еще от В.М. Чебрикова. (Укажем, что суммарная численность разного рода «добровольцев» в вооруженных и военизированных формированиях насчитывала 151 500 человек [7.39. С. 5, 6, 8 -12]. А не должно было быть ни одного! Распределение по отдельным республикам по-своему примечательно и выглядит следующим образом: Азербайджанская ССР — 5500 чел., Армянская ССР — 20 000 чел., Грузинская ССР — 6 000 чел., Латвийская ССР — 56 000 чел., Литовская ССР — до 32 000 чел., Молдавская ССР — 1000 чел., Украинская ССР (главным образом г. Львов и Львовская область) — 2000 чел., Эстонская ССР — 29 000 чел.)

Теперь то, что касается плодов деятельности последних Председателей КГБ СССР. Доступные нам исследователи всегда дают этим двоим либо негативную оценку, либо остаются в недоумении. В.А. Крючков первым установил особые каналы с руководителями западных спецслужб. Кресло первого руководителя единственной советской политической спецслужбы он занял совершенно неслучайно. В его задачу как специалиста по разведке входило создание и проведение либо отдельных акций прикрытия в каждом событии, либо же операций прикрытия во всей деятельности. Одной из важнейших задач разведок, может быть, даже самой важной, является задача контрразведывательная — выявление вражеской агентуры в своем стане. Только так можно будет обезопасить свою развед деятельность: надежный тыл позволяет самому разведчику работать без опасения провала. (Причем понимается, что противник занят в принципе тем же самым.) К эксклюзивной задаче на посту начальника разведки и председателя КГБ СССР В.А. Крючкова относилось уничтожение любого разведчика спецслужб США, аналитика или руководителя, вознамерившегося выдать информацию относительно совместной революции, и мы еще об этом скажем. При этом совершенно необязательно все было делать самому. Как раз, наоборот, необходимо было как можно больше и лучше

использовать других, заставив работать их «втемную». В.А. Крючков в своих мемуарах по этому поводу пишет: «В донесении, адресованном лично мне, разведчик сообщал, что в ведущих капиталистических странах в ближайшее время ожидают самого тяжелого развития ситуации в Советском Союзе. «Речь идет, — писал он, — о прекращении существования нашего государства. Осведомленные источники говорят об этом как о факте, который наверняка свершится, потому что, судя по всему, в Москве никто не пытается предупредить такое трагическое развитие событий».

Сам нелегал отказывался понимать, почему нельзя помешать всему этому» [35. Ч. 2. С. 153–154].

В.А. Крючков на закрытой сессии Верховного Совета СССР выступил перед депутатами с сообщением об агентуре влияния именно тогда, когда уже были предрешены августовские события. Таким образом он дал сигнал ряду непосвященных: он-де не желал такого исхода. И лишь спустя много времени о нем стали говорить как о таком же агенте, каких он разоблачал сам. Но он-то разоблачал деятельность того же А.Н. Яковлева и только тех, кто уже сам себя давно раскрыл: «Когда А. Головченко, журналист из «Правды-5», брал у Крючкова интервью, то в числе заданных вопросов был и такой:

«— Однако, Владимир Александрович, есть и другая версия неудачи. Как свидетельствовал Егор Яковлев в «Общей газете», в ночь на 19 августа российский президент вернулся из Алма-Аты от гостеприимного Н. Назарбаева в «нетранспортабельном состоянии». Верно ли, что первоначально в планах ГКЧП была встреча Б. Ельцина в аэропорту сотрудниками КГБ, препровождение его «на отдых» в Завидово и разъяснение смысла выступления ГКЧП? А вы позволили ему беспрепятственно проехать в «Белый дом». Тут уж хасбулатовы, руцкие, шахраи, бурбулисы сделали свое дело».

Крючков не стал отрицать того, что содержалось в вопросе, но от ответа уклонился. Он уклонился от вопроса, в подтексте которого был как бы заложен другой, куда более важный, КЛЮЧЕВОЙ вопрос: не был ли ГКЧП спланирован как грандиозная провокация для нанесения сокрушительного удара по Советскому Союзу?» [45. С. 2]. Все это делалось небескорыстно: по информации газеты «Завтра» [7.40. С. 1]. В.А. Крючков был удостоен награды ФРГ за сдачу ГДР и развал Берлинской стены. Вместе с *лучшим немцем* М.С. Горбачевым.

В.А. Крючковым решалась и задача подстраховки на случай провала сценария событий августа-91. Во всяком случае, только так можно трактовать его действия, когда под его руководством были сведены воедино элитные воинские соединения и было организовано Управление по руководству специальными частями войск КГБ СССР. Готовились имитировать действия по подавлению массовых беспорядков, разыгрывая бесконечные Тбилиси-89. Баку-90, Вильнюс-91 и т. д., и на тот случай, если вдруг армия выйдет из-под контроля, не желая больше порочить свою репутацию.

Приведем и еще один пример, причем весьма знаковый, как это сейчас любят называть. Один из офицеров контрразведки сообщает: «Почти все агенты иноразведок из числа советских граждан были выявлены не в результате срабатывания какой-то системы контрразведывательных мер. В СССР, в отличие от зарубежных стран, такой системы не было и нет. В свое время ее пытались разработать и внедрить бывший начальник Второго главного управления КГБ генерал Григоренко. Но в начале 1980-х годов он был снят с должности в связи с осуждением его заместителя за контрабанду. Когда я пытался сделать нечто

подобное на своем участке работы, руководство Второй службы поднимало меня на смех, называя подобные попытки Григоренко причудами старика» [33. С. 29].

И все же в СССР были разработаны различные акции по ситуациям, в которых оказалась страна, но провести их можно было только после санкции свыше, от Крючкова же, наоборот, требовалось сдерживать инициативу честных работников безопасности. О том, как это делалось, вспоминает один из таких людей: «Мое ощущение тех дней можно выразить тремя словами: отчаянная, тупая безысходность. КГБ был не только не способен стать силовым и интеллектуальным центром ГКЧП, но и оказался просто не готов к происходящим событиям. <...>

Помню, мой хороший еще с афганских времен товарищ, офицер «наружки», вернулся злой как черт. Он с утра «водил» Бурбулиса. «Твою мать! Чего они (начальство) ждут! Их надо брать немедленно. Бабки чемоданами к «Белому дому» свозят, шарятся по воинским частям, МВД. Еще пару дней — и можно сливать советскую власть к едреной фене...»

...Команда, которая готова была арестовать Ельцина при выходе из дома, получила приказ «пока не трогать!».

...Получили информацию о том, что московский ОМОН готов выступить в поддержку Ельцина. Была возможность вывести большую его часть только со спецсредствами с базы и быстро ее занять, разоружить. Команда «Отставить! Наблюдать! Докладывать о развитии событий!».

...Военные контрразведчики доложили о том, что командующий войск связи генерал Кобец передает Ельцину совсекретные и ОВ (особой важности. — А.Ш.) документы, фактически открыл доступ американцам к секретной связи. Просят немедленной санкции на задержание и арест. Никакой реакции.

...Информация — оперативный дежурный аэродрома «Чкаловский» докладывает по городскому телефону полковнику Ельцинского штаба Самойлову, откуда и сколько должно прибыть бортов с десантниками. Его даже никто не отстраняет от дежурства.

...По направлению к Аэропорту «Внуково» движется «Волга» с госномерами... везет копии указов Президента России и Верховного Совета. В аэропорту они будут розданы пилотам, которые выразили согласие доставить в Советы областных городов. Оперативники просят разрешить задержать «Волгу». Никакой реакции. Самолеты улетают. На следующий день целый ряд областных Советов выступил в поддержку Ельцина.

Все это страшная мозаика катастрофы тех дней» [7.26. С. 3].

Продажное руководство связало рядовых комитетчиков по рукам и ногам. СЕ. Кургинян говорит о ситуации, непосредственно предшествующей августу 1991 г. и деятельности руководства спецслужб, так: «Мы имеем дело <...> с согласованными совместными действиями людей, занимающими столь высокое положение, что им и не надо было разрабатывать каких-то новых идей. Достаточно было включить кнопку схем, которые годами разрабатывались в штабах и отделах наших ведомств, как, впрочем, и любых других ведомств любых других, сколь угодно демократических стран.

Машина не могла не сработать 19 августа. Следовательно, ей просто не дали команду» [36. Ч. 2. С. 115].

Задача В.В. Бакатина, назначенного на высокий пост Председателя, заключалась уже в разгроме самого КГБ, что и было им осуществлено...

«ПЯТАЯ КОЛОННА»: МУТАЦИЯ КАДРОВ

«Кадры решают все», — высказал известную в 1930-е гг. максиму первый борец с внутренней угрозой в СССР И.В. Сталин. К настоящему времени она оказалась основательно подзабытой, но актуальность ее только возросла. Запад поставил себе задачу реализовать ее в России в свою пользу. Это выразилось в том, что ему удалось создать свой филиал на территории СССР. С этих пор советский народ стал заложником самого большого в мировой истории предательства. Он стал обречен на страдания, вытеснение со своей земли и последующее уничтожение. Повторилась ситуация первой половины XX века, когда в России тоже были свои чужеродные элементы. В конце 1930-х гг., их хорошоенько, — однако все же не до конца, — пропололи, но они вновь поднялись.

Сам термин «*агент влияния*» требует своего определения, и оно несколько затруднительно: «Благодаря расплывчатости термина и его новизны для открытой печати, никто толком не знает, что это такое. В сознании многих «*агент влияния*» ассоциируется с «*агентом ЦРУ*», «*агентом империализма*» или «*английским шпионом*». Благо, историческая память сохранила все, что связано с подобной терминологией. Но это не так. «*Агент влияния*» — это далеко не всегда шпион и тем более уголовный преступник. Ему чаще всего даже невыгодно быть преступником. Более того, иногда он свято верит в то, что делает, и полагает, что все его поступки идут на благо Родины.

Агент влияния — это достаточно размытая категория, не имеющая четких границ» [14. С. 3]; «Агент влияния — 1) должностное лицо (либо лицо, пользующееся общественным доверием и авторитетом), осуществляющее систематическую деятельность по реализации целей политики иностранного государства (формально не являясь сотрудником его секретных служб); 2) общественный деятель, проводящий политику какой-либо партии или организации в среде, не принадлежащей к этим структурам» [54. С. 18].

В силу недоработанности термина и его прикладного значения складывается впечатление, что *агенты влияния* в первую очередь напрямую зависели от воли Америки, являясь субъектами ее управления. Это не совсем так. Советская — по географическому признаку — сторона в стане совместных революционеров была равным партнером внешней, преимущественно американской (не будем забывать про западноевропейскую и израильскую) стороны абсолютно во всем. А то, что в конце советского этапа революции М.С. Горбачева отстранили от власти, а В.А. Крючкову пришлось посидеть в тюрьме — то *так было надо* по сценарию, и за моральный ущерб они были в итоге так или иначе вознаграждены.

Безусловно, что и сам термин, и практика агентуры влияния имеют более долгую историю: «Термин «*агенты влияния*» ввел в оборот в 1943 году адмирал Канарис — очень сильный разведчик и мастер всевозможных провокаций. С тех пор этот термин прочно осел в профессиональной литературе и в курсах лекций, которые читаются в некоторых центрах западных спецслужб» [15. С. 3]. Ситуацию 1943 года для руководителя армейской разведки Германии нетрудно вообразить: победоносный марш гитлеровцев по всей Европе без особого сопротивления стал возможен прежде всего потому, что в каждой стране, начиная с Испании, активно действовала «пятая колонна». И вдруг жестокая — не на жизнь, а на смерть — битва за каждую пядь советской земли... И лишь потому, что врагов народа И.В. Сталин уничтожил накануне.

В современный оборот словосочетание «агенты влияния» запустил В.А. Крючков. Выступая на закрытом заседании сессии Верховного Совета СССР 17 июня 1991 г., он огласил ранее секретный документ, составленный ПГУ для ЦК КПСС и датированный 24 января 1977 г.: «По достоверным данным, полученным Комитетом государственной безопасности, последнее время ЦРУ США на основе анализа и прогноза своих специалистов о дальнейших путях развития СССР разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики. В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза.

ЦРУ разработало программы индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающей приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку. Кроме того, один из важнейших аспектов подготовки такой агентуры — преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства.

Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. При этом ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа и искривления руководящих указаний, будет координироваться и направляться из единого центра, созданного в рамках американской разведки.

По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию определенных трудностей внутриполитического характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики, будет вести научные изыскания в Советском Союзе по тупиковым направлениям. При выработке указанных планов американская разведка исходит из того, что возрастающие контакты Советского Союза с Западом создают благоприятные предпосылки для их реализации в современных условиях.

По заявлениюм американских разведчиков, призванных непосредственно заниматься работой с такой агентурой из числа советских граждан, осуществляемая в настоящее время американскими спецслужбами программа будет способствовать качественным изменениям в различных сферах жизни нашего общества, и прежде всего в экономике, что приведет в конечном счете к принятию Советским Союзом многих западных идеалов.

КГБ учитывает полученную информацию для организации мероприятий по вскрытию и пресечению планов американской разведки» (Записка КГБ СССР в ЦК КПСС «О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан» [35. Ч. 2. С. 389–390]). Знающие люди утверждают, что в этом документе было и приложение, в котором назывались фамилии соответствующих лиц. Однако даже к настоящему времени это приложение так и не опубликовано.

Агентура влияния немыслима в законсервированном виде, как это часто бывает в обычной разведке. Ее задачи таковы, что к их выполнению она приступает сразу же после завершения обработки: «Характерные признаки, присущие всем агентам влияния: <...>

Во-первых, способность влиять на общественное сознание у себя в стране. Оно может быть большим и распространяться на всю территорию и на все социальные слои, а может быть локализовано в пространстве, средствах, объектах и субъектах воздействия.

Во-вторых, непременное включение в определенную сеть. Сами они об этом могут и не знать, хотя догадываться могут многие. Агент влияния — всегда только винтик в сложнейшей машине «делания политики».

В-третьих, объективное способствование достижению целей, поставленных «хозяином», своими действиями. На определенном этапе эти цели (только промежуточные!) могут так же объективно соответствовать нашим собственным интересам — гласность, демократизация, права человека и прочая словесная мишуря. В ряде случаев агенты влияния могут знать и конечную цель, но только в самом общем виде, и это свидетельствует только о том, что есть более высокий уровень управления, который держит самого «хозяина» за пешку.

В-четвертых, обязательное обучение. Речь, разумеется, не идет о школьных классах, лекциях и экзаменах. Обучение может быть групповым или индивидуальным. Агентов пониже ростом вызывают «туда», к более сильным «учителя» приезжают сами. Формы обучения многогранны и многообразны: от типичных лекций до задушевных бесед за рюмкой коньяка или бокалом виски. Есть и лоции, и лоцманы.

В-пятых, принадлежность к числу функционеров «заднего плана». Чем сильнее агент, тем глубже он запрятан. Это «теневики» от политики, «серые кардиналы». Они не правят, а направляют. Если они по каким-то причинам выходят на первый план, то, как правило, на очень короткий период времени.

В-шестых, приверженность неким, как правило, абстрактным категориям — демократии, общечеловеческим ценностям, достижениям мировой цивилизации и т. д. Все знают, что это такое, но еще никому не удалось достаточно четко выразить это словами» [14. С. 3].

Борьба с русскими писателями, патриотами по убеждениям, другими группами патриотов и была лакмусовой бумажкой для агентов влияния в определениях *свой* — *чужой* и каковы его способности. Чем больше были заслуги в борьбе с русизмом, тем больше шансов занять соответствующее заслугам место в иерархии «перестроенных» времен.

Агенты влияния превратились по сути в главную несущую конструкцию Советского государства. Совмещая многие должности, они становились незаменимыми. В их задачу входило заглушить функции государства, извлечь линию руководства страны и попросту здравый смысл. Сначала тщательно присматривались, приценивались, затем шел захват нужного кресла, поскольку важны были не столько сами эти люди, сколько те возможности, которые открываются через их формальные и неформальные связи. Подчеркнем, что если бы уничтожение предполагалось по *открытой* линии, то такой целью должен был бы стать пост министра обороны (и/или начальника Генерального Штаба), если по *скрытой* — руководителя спецслужбы. «Задача агентов влияния, в зависимости от занимаемого положения, состояла в том, чтобы скрыть истинные цели «холодной войны» <...> притупить к ним внимание, обеспечить защиту выступающих против строя в случаях их разоблачения, оправдать разрушительные процессы, дестабилизирующие обстановку в стране, инспирировать критику «против» социалистической системы» [7.41. С. 134].

Они занимались вербовкой новичков или после зондирования делали наводку на них, с тем чтобы с ними поработал профессиональный вербовщик; создавали группы, прикрывали себе подобных. Как минимум они занимались разложением вокруг себя. Целые структуры работали под их контролем — и все зазря, все попусту, все во вред. Они перекрывали каналы, по которым шла информация с ранним предупреждением об угрозе, снижали бдительность, не создавали адекватной методологии, успокаивая массы тем, что «советское общество по самой социально-политической природе своей не расположено к буржуазным влияниям». «Ныне, когда понятие «капиталистическое окружение» сдано в исторический архив, когда мировая социалистическая система оказывает все большее воздействие на ход международных событий, когда трудом советских людей создана мощная экономика и несокрушимая оборона, у нас есть все основания считать победу социализма в СССР окончательной. <...> Даже враги социализма вынуждены признать, что как с точки зрения внутренних условий, так и с точки зрения международных позиций Советского государства социалистический строй в нашей стране незыблем» [7.42. С. 217].

Отличие агента влияния от обычного шпиона довольно велико. Агент влияния в основном действует так, что обвинение против него может быть легко опровергнуто, поскольку его деятельность имеет два или более толкований. Он все делает либо на «пользу» своей стране, либо это не преступление, а неловкий политический маневр. Любой, даже самый талантливый и проницательный контрразведчик будет пасовать перед ним. Традиционный подход к обвинению будет недоказуем, а интуицию к обвинению не пришьешь.

Как бы ни были интеллектуально подготовлены новички, но их новые функции тоже требовали своего рода образования. Готовность к злодейству должна была совмещаться с некоего рода «гениальностью». Они знали на что шли, проходя обучение в соответствующих центрах: «Никто от них не скрывал цели уничтожения государства, гражданами которого они являлись, и более того, от них требовалось активное способствование достижению целей, что они и делали. Многие народные депутаты СССР слышали постоянный ноющий гундеж Бурбулиса (народный депутат СССР, член Координационного Совета Межрегиональной Депутатской Группы, в 1990–1993 гг. занимал и совмещал различные посты в российских структурах власти, последнее назначение — руководитель группы советников Президента Ельцина. — А.Ш.) в кулуарах Верховного Совета СССР: «Империя должна быть разрушена». Кстати, начинал он с подчеркивания консолидирующей роли партии в перестроечном процессе, а потом как-то сразу забыл об этом и стал говорить «про империю» [14. С. 3].

При этом стоит понимать, что каждый из них был уже заранее морально подготовлен на общем конвейере: «Часть советского населения, которому предстояло стать основной силой и опорой контрреволюции, подверглась моральному и идеиному разложению. Она стала прозападно настроенной и возжаждала иметь для себя западные жизненные блага, сохраняя то, что уже имела. Этот фактор послужил одним из важнейших условий успеха контрреволюции» [24. С. 3]. Питательной средой для «пятой колонны» стала именно разложившаяся часть правящей верхушки, которая не имела никаких национальных корней, которая признавала лишь власть и всяческие блага, что с ней связаны.

Разумеется, не было нужды в том, чтобы все указанные подразделения работали не на провозглашенные официально цели — достаточно было выявить

и сделать предложения отдельным лицам. Естественно, что при этом использовался не простой перебор кандидатур, а функционально-избирательный. За неимением возможности пока — по вполне понятным причинам — рассказать, как шел успешный отбор в «агентуру влияния», со слов очевидцев можно показать, как противник терпел фиаско: «Я столкнулась с тем, что каждого чиновника очень точно, глубоко и продуманно тестировали на «благонадежность». Я увидела, что вокруг Собчака собрался целый рой всевозможных зарубежных советников, более 30 человек, которые получали зарплату из бюджета. По-моему, они были просто «цэрэушниками». Зачем, скажите, было небезызвестному Ричарду Торренсу часами беседовать со мной на темы, весьма далекие от культуры? Зачем был нужен Собчаку советник, который ничего не советует, а только выспрашивает. Поскольку я занималась психологией, теoriей общения, то отлично понимала, что меня просто тестируют, проводят такую же селекцию кадров, как и со всеми» [7.43. С. 3].

Агентура могла быть интеллектуально ограниченной, но именно ее — в силу знания перспектив своих темных дел — мы должны относить к самым информированным лицам. В этом случае имелось обслуживание — специальное штучное образование, постоянные сообщения об успехах и провалах подводного течения, новые задания. В обычной жизни за все без исключения виды образования выпускник того или иного учебного заведения должен отблагодарить обучающую сторону прежде всего тем, что действует в соответствии с полученными знаниями и установками.

Безусловно, говорить о строго определенном круге людей и не попытаться привести установочные данные на них было бы весьма нелогичным, но «пофамильный список «пятой колонны» Запада в Москве был и остается величайшей тайной» [2. С. 37], хотя о нем много говорится.

«Теперь о списке агентов влияния. Их несколько. Список, подготовленный в свое время в КГБ СССР — в распоряжении нынешнего МБ, и предание этих материалов гласности — целиком в его компетенции.

В принципе каждая политическая сила в стране составляет свой список агентов влияния. Так, в ходе VII Съезда народных депутатов России были обнародованы списки депутатов, на которых «демократы» могут твердо рассчитывать и с которыми нужно еще «работать» [15. С. 3].

К подобным же источникам можно и отнести «Краткий словарь выявленных лиц, принадлежащих к масонским ложам и другим организациям, созданным для достижения масонских целей (с 1945 по 2000 гг.)» О.А. Платонова [52. С. 80—110].

Существуют списки Межрегиональной Депутатской группы народных депутатов СССР.

Существует также т. н. Список-2200 (см.: [7.44. С. 4–5]). Это подтверждают очевидцы: «Из разговоров с людьми, видевшими этот список, мне стало известно, что в нем есть имена воротил крупнейших финансовых структур, видных парламентариев, дипломатов, руководителей СМИ, политиков, журналистов. Через весь список красной нитью проходит гомосексуально-агентурная линия. Публикация этого списка, безусловно, привела бы к крупнейшему политическому скандалу и полной дискредитации ельцинского режима. Запад должен был бы искать объяснения, почему он поддерживает политиков — бывших осведомителей «страшного» КГБ. Народ вряд ли бы

удовлетворило то, что они не только стукачи КГБ, но и агенты ЦРУ и Моссад» [7.45. С. 1]. Итак, этот список не разглашен.

ЦРУ США и мондиалистские организации достаточно долго работали с агентурой, чтобы в час «Х» начать использовать их самым активным образом. Таким моментом стал приход к власти в США Р. Рейгана: «Наряду с докладом Кейси принес Рейгану отчеты разведки о характере подрывных акций, проведенных против СССР, о действиях посольской резидентуры, находившейся в Москве и Ленинграде. А также сверхконфиденциальные данные о приобретенной агентуре, в том числе о позициях в государственных структурах СССР агентов влияния. <...>

Вывод директора ЦРУ был примерно таким: «Наступила благоприятная ситуация, чтобы нанести серьезный ущерб Советам, ввергнуть в полный хаос их экономику. А затем взять под контроль и под свое влияние дальнейшее развитие событий в обществе и государстве». Все это, конечно, во благо национальных интересов США.

Рейган резюмировал так: «Здесь необходимы смелые методы». Какие именно? <...> Кейси написал: «Я считал: нужны разведка, тайные операции, организованное движение сопротивления... нам нужны еще несколько Афганистанов» [61. С. 89–90].

...Теперь об этом впору только анекдот рассказать. 1989 год. Генералы КГБ и ЦРУ садятся перед телевизором смотреть Съезд народных депутатов. Советский достает записную книжку, что-то там изучает и восклицает: «Господи! А наших сколько!» Американец заглядывает через плечо, видит цифру, достает калькулятор и, подсчитав, заявляет: «Моих больше!»

Глава VIII «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА». ЭПИЗОД VI. ФИНАЛЬНЫЙ СЦЕНАРИЙ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ПОДРЫВ ГИГАНТСКОГО ФУГАСА

Насколько мне удалось заметить, призыв к перекройке внутренних границ СССР впервые был озвучен на XXVII съезде КПСС, но прошел совершенно незамеченным. Так, в выступлении одного из первых секретарей сибирских регионов прозвучало: «Нас природа наделила уникальным чудом — озером Байкал. Проблема его охраны волнует не только нас, но и всю общественность... Озеро оказалось по существу на положении дитя, у которого семь нянек, а нужен один — полновластный, ответственный перед народом и государством хозяин. (Аплодисменты)» [8.01. С. 5]. Слова, вызвавшие положительную реакцию зала, произнесены человеком, который прекрасно знает, что на сопредельных территориях, выходящих к Байкалу, проживают буряты. Что это, невежество и полное пренебрежение к внутренней национальной политике или провокация? Что означает то, что зал положительно откликнулся на слова первого секретаря обкома партии. Это значит, что в нем сидели такие же «деятели».

Во время «перестройки» в печати эти вопросы были уже темой чуть ли не «номер один»: «Нельзя не согласиться с тем, что назревание кровавых событий в Армении и Азербайджане началось в 1987 году — уже на втором году перестройки. В начале 1987 года «Литературная газета» опубликовала статью Игоря Беляева «Ислам» (см. [8.02. № 20. С. 13; № 21. С. 12].— Вставка моя. — А.Ш.), суть которой сводилась к тому, что эта религия определенно враждебна и опасна для нашего государства, а мусульмане — народ коварный и вероломный. <...> Уже тогда в прессе началась кампания по расшатыванию народного сознания, по разрушению сложившихся у людей представлений — во всех сферах и по всем направлениям» [61. С. 187].

Выше уже говорилось о том, что за годы Советской власти в некоторых местностях были установлены перекосы в определении административных границ между национальными образованиями. «Фактор несовпадения административных границ с этническими является одним из самых значительных. Достаточно указать на то, что к настоящему времени 7 млн кв. км, на которых проживают до 30 млн чел., являются спорными прежде всего по этому признаку» [4. С. 194].

К референдуму в марте 1991 г. о существовании СССР — не позже и не раньше — в «Московских новостях» были опубликованы суммированные данные о подобных перекосах за все годы Советской власти (см.: [8.03. С. 8–9]). Из приведенного следовало, что на геополитической арене СССР имелось до 76 конфликтных узлов и пунктов с высоким конфликтным потенциалом. Далеко не все из них были использованы за 1985–1991 гг. и последующее десятилетие. Многие находятся в своего рода консервации на случай новых витков дезинтеграции, что нужно иметь в виду будущему поколению руководства страны.

В годы «перестройки» эти — на первый взгляд далеко не первостепенной важности — проблемы стали решающими при развале Союза ССР. Благодаря тому, что изначально был совершен произвольный перекрой границ, закулисными экспертами и аналитиками было найдено нетрадиционное решение — разжечь «конфликты низкой интенсивности» (термин ЦРУ). Обычно восставшие выступают против центральной власти, при этом ожидаются (последовательно) открытые выступления против властей, захват больших городов, поход на столицу, — это все прямые действия, в этом случае власть молниеносно реагирует против них, и отправляет войска на подавление». Но в том-то и дело, что применены были непрямые действия — одни повстанцы выступили против других. Войска же были использованы в качестве «третьей силы», целью применения которых в первую очередь было не подавление восстания, а примирение сторон. Здесь очень наглядно проявляется применение достижений имитационных игр. Армии в этом случае удар наносился как со стороны обоих незаконных вооруженных формирований, так и со стороны предателей в Центре.

ЛАГЕРЬ СОЦИАЛИЗМА: ОТ «БАРХАТНЫХ» РЕВОЛЮЦИЙ ДО КРОВАВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ

СССР и большинство восточноевропейских социалистических стран — Народная Республика Болгария, Венгерская Народная Республика, Германская

Демократическая Республика, Польская Народная Республика, Социалистическая Республика Румыния, Чехословацкая Социалистическая Республика— представляли собой единую систему. (Албанию и Югославию, которые тоже относились к социалистическим странам, мы не включаем в этот список потому, что они были вне контура управления Кремлем.) Систему, несколько отличную от когда-либо существовавших. Если описывать ее в обычных понятиях, то можно отметить, что указанные страны социализма в Восточной Европе составляли в общеполитическом ракурсе часть «мировой системы социализма», в экономическом отношении — Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), в военном отношении — Организацию Варшавского Договора (ОВД). Степень интеграции была настолько высока, что судьба у этих стран могла быть только общей. Всякие попытки одного из участников выйти из общей игры могли быть обречены только на провал, и какими бы неадекватными ни были реакции, они только еще крепче привязывали всех не только к Кремлю, но и друг к другу.

Если рассматривать соцстраны в контексте распада системы социализма и изменения общественного строя, то нужно анализировать указанные страны как элементы с разными характеристиками. Мы это сделаем в порядке от самого слабого звена в мировой системе социализма к наиболее сильному. Наряду с другими характеристиками одним из косвенных доказательств правомерности такого рода подхода является и применение приемов по подрыву прежних порядков: от самых *бархатных* до самых кровавых.

На место самого слабого элемента я поставил бы *Польшу*. Имеется целый ряд показаний к этому: у нее в силу разных исторических причин были довольно сложные взаимоотношения с Россией. Она, несмотря на свое славянское население, типичная западная страна. Огромное влияние католичества, особенно в сельских районах. Огромный процент еврейства, с легкостью устанавливающего внешние связи. Именно по этим и ряду других показателей Польша была рекомендована интеллектуальными центрами Запада для скрытого захвата и использования в качестве плацдарма для развития наступления. На второе место я бы поставил группу стран: *Болгарию, Венгрию, ГДР, Чехословакию и СССР*. (В целом они были неоднородны. Каждая из них обладала своими достоинствами и недостатками.) Последний — наиболее устойчивый, как показали дальнейшие события, элемент — это *Румыния*. Страна имела во главе самое непродажное руководство во главе с кланом Чаушеску. И этот, казалось бы на первый взгляд, субъективный и отрицательный фактор имел, однако, и свой позитив. Страна воспринималась как своя вотчина, и ее не собирались «сдавать» в отличие от временщиков.

Начало было ординарным и малозаметным — самому слабому элементу позволили «заглотить позолоченный крючок»: «Механизм экономической диверсии был простым. На первом этапе операции западные партнеры поставили в Польшу предприятия, заверив, что в виде оплаты будут брать произведенную на этих предприятиях продукцию. А на втором этапе... партнеры... отказались эту продукцию брать! Сбыт, таким образом, притормозили, а сумма польского валютного долга полезла вверх. Потому что в соответствии с первым этапом этой акции поставки с Запада и сырья, и оборудования, и запасных частей продолжались! Началось буквально ограбление. Но мало того. Западные бизнесмены резко повысили учетные ставки-проценты на уже выданные и выдаваемые кредиты. Теперь польский долг мог уже расти автоматически. Для полной гарантии успеха потребовались силы внутри страны, которые сумели бы

резко сократить и без того скучный экспорт польской продукции на Запад. И по законам финансовой войны такие силы внутри Польши, разумеется, были найдены. <...>

Но самое интересное в этом сценарии вот что. Когда силы «прогресса» свое дело сделали — и даже оказались у власти, — долги им за оказанные услуги Запад не простили.

Тут могут быть возражения. Польша не сумела произвести конкурентоспособную западную продукцию — сама виновата. Главный же виновник краха польской экономики, естественно, социализм, который вообще не может предложить эффективной экономики, эффективного производства. Сколько этому строю, мол, ни помогай, все равно он недееспособен. Возражения можно было бы принять, если бы не одно обстоятельство, хорошо известное западным политологам, но полностью замалчиваемое у нас. Еще в 1972 году спецслужбами Запада был разработан план финансовой войны против Польши под кодовым названием «Хилекс-5». У его истоков стояли известные политологи, такие как Збигнев Бжезинский и Ричард Пайпс <...> К моменту прихода Рейгана в Белый дом были разработаны как минимум три сценария дестабилизации Польши. Ни Бжезинский, ни Пайпс этого не скрывали. А версия о том, что в 1981 г. Польша «сама» не справилась со своими трудностями, ими же и классифицировалась как «наживка для дурачков» [8.04. С. 164]. Она сыграла свою роль, и финансово-экономическая война ударила по народному хозяйству: «Польской экономике не хватало стабильности, страна находилась в больших долгах. Система распределения товаров началась с карточек на мясо <...> и вскоре охватила все, начиная с пеленок и кончая распределением средств гигиены.

Правительство не гарантировало населению закупок продуктов в достаточных объемах. Результатом такой ситуации были забастовки, еще более углублявшие кризис. С точки зрения финансов, страна была в полном бессилии. В 1981 г. Польше не хватало 12 миллиардов долларов для погашения ее долгов. <...> Создание стратегии крушения польской экономики <...> проводилось под покровительством «РЭНД-Корпорэйшн» [60. С. 115, 133]. О ее роли писалось и в СССР, причем довольно своевременно — в 1982 г. Автор одной из статей в журнале «Новое время» приводил слова одного из нелегалов чехословацкой разведки: «План разрабатывался в подразделениях ЦРУ. Но известно также, что в его подготовке участвовала связанная с ЦРУ научно-исследовательская организация «Рэнд корпорейшн». <...> Я узнал об этом от некоторых ее сотрудников, занимавшихся исследованиями для американской разведки. В составлении плана участвовал, в частности, бывший полковник польской армии Михаил Хечиньский. Еще служа в Польше, он вел шпионскую деятельность для Запада. Покинув страну в 1977 году, Хечиньский написал для ЦРУ обширное исследование о польской народной армии и ее роли в вооруженных силах Варшавского Договора» [8.05. С. 27]. Запуская процесс дестабилизации в Польше, западные спецслужбы ожидали, что действия социалистических сил будут такими же, как и в прошлом, т. е. усмирение открытыми военными мерами. А значит, для детальных разработок нужно точно знать, что из себя представляет Войско Польское и его взаимодействие с Вооруженными Силами других стран. Скажем так, интерес специалистов по теории игр был удовлетворен паном М. Хечиньским.

Во исполнение этих планов в стране проводились беспрецедентные подрывные акции: «Как замечает <...> Генри Хайд, входивший в состав комитета палаты представителей по разведке в период с 1985 по 1990 год и выступавший с оценками некоторых из тайных операций администрации, «в Польше мы сделали все то, что делается в странах, где мы хотим дестабилизировать коммунистическое правительство и усилить сопротивление против него. Мы осуществляли снабжение и оказывали техническую поддержку в виде нелегальных газет, радиопередач, пропаганды, денег, инструкций по созданию организационных структур и других советов» [5. С. 12]. Как только Польша попала под влияние США, так сразу же «...в Гданьске был создан исследовательский центр, где двести из четырехсот сотрудников являлись американцами. В этом центре, используя опыт Польши, разрабатывали «мирную» модель разрушения социалистической системы. <...> В Польше и были опробованы все методы, которыми впоследствии расшатывали Советский Союз: шахтерские забастовки, паутина западных долгов, шоковая терапия, забойная роль средств массовой информации. Все, все было опробовано в Польше. И даже небезызвестный теперь и у нас гарвардский пигмей Джейфри Сакс тоже прошел школу гданьского центра. После чего он был подсажен под бок польскому премьеру Бальцеровичу. А уж затем перекочевал в СССР, оказавшись наставником Гайдара» [49. С. 155]. Итак, с Польшей все было кончено. Те контрмероприятия, которые действительно намечало советское руководство (прежде всего имеется в виду Д.Ф. Устинов), были сорваны, в свою очередь, западными контрмерами (странные смерти с идентичным диагнозом «острая сердечная недостаточность» в течение года (!) четырех министров обороны соцлагеря), о чем мы уже писали. Можно сказать, что ПНР явилась «Титаником», увлекшим за собой и СССР, и другие социалистические страны: «Действиями из Польши, направленными вовне, было инспирировано аналогичное сопротивление в других коммунистических странах Европы» [5. С. 12]. То есть «виктория» в Польше теперь работала на поражение социализма в других странах. Такого рода методы известны и применяются только специалистами по системному подходу.

Говоря о группе стран *Болгария — Венгрия — ГДР — Чехословакия — СССР* нужно добавить, что хотя в каждой из них события и происходили по своемуциальному сценарию, но прослеживалась и своеобразная взаимопомощь: так, например, Венгрия, раньше других подвергшаяся агрессии и сменившая руководство на более податливое, помогала Чехословакии, та, в свою очередь, открыв границу для передвижения восточных немцев в ФРГ, помогла ГДР в организации эмиграции. Польша и СССР помогали друг другу на взаимной основе, обвиняя с двух сторон И.В. Сталина в тайном сговоре с Гитлером, расстреле польских офицеров в Катыне и т. п. Польша, раньше всех вступив на путь капитализма, демонстрировала его достижения через репортажи собственных корреспондентов московских СМИ. В контексте данного исследования можно указать на то, что один из главных победителей в Польше оказывал помочь СССР, но направлена она была уже не М.С. Горбачеву лично: «Секретарь парткома АН ПНР Геремек, накопивший опыта в деле «демократизации» своей страны, в 1991 г. стал внештатным консультантом Б.Н. Ельцина» [10. С. 371]. Без понимания такого рода «парного взаимодействия» (термин советологов!) нет подлинного представления о глобальной запланированности произошедшего. (Обычный подход исследователя (например, историка или политолога) весьма ограничен — прежде всего он должен произвольно отобразить события в отдельной стране, желательно в

хронологической последовательности. Но исследователь системного плана, кибернетик просто обязан выделить то явление, что сколь бы ни были решающими события внутри той или иной страны, но они еще и повлекли за собой события подобного характера в той или иной форме и степени в других, чаще всего соседних странах. Иногда же такого рода исследования немыслимы без учета обоюдного фактора взаимовлияний.) Прозападная часть руководства СССР поддерживала русофобию и доводила в этом направлении всевозможные претензии, начиная от предоставления данных о расстрелах в Катыни. Поди теперь докажи правду, когда русские сами же это и подтвердили. В отличие от неудачных вылазок прозападников, — ГДР (1953), Венгрия (1956), Чехословакия (1968), Польша (1970), — их удачам в 1980–1991 гг. способствовало в немалой степени то, что сценарий событий предусматривал помочь, в том числе и военную, какой-либо одной стране со стороны всех остальных стран, особенно со стороны СССР, как наиболее мощного государства, что легко провоцировало новые волны русофобии и ненависти к «лагерю социализма».

Отметим также, что Восточная Германия имела особый нюанс — ее следовало не только «освободить от коммунизма» и пустить по пути капитализма, но еще и присоединить к ФРГ. Это было явлением, обратным тому, что произошло в Чехословакии и Югославии, где был спланирован и осуществлен раскол. Точнее сказать, эти две задачи должны были стать звеньями одной цепи. Все произошло быстро и неожиданно.

Нельзя утверждать о беспроблемном шествии ЦРУ по европейскому континенту, у американской спецслужбы тоже были сложности, которые создавала в том числе и «третья сторона»: «Как строились «бархатные революции» в Европе? Приезжал Грушко или кто-нибудь другой из КГБ, и дальше они совместно с местной службой безопасности делали переворот. Расследование Гавела это прекрасно показало. Но с другой стороны, в Чехословакии Михаил Сергеевич хотел видеть Млынаржа Зденека, своего приятеля. Как появился Гавел — это отдельный вопрос. В каждом случае на замысел по обрушению КГБ накладывается замысел ЦРУ, а на этот уже третья игра — Германия. И третья как раз и побеждала» [36. 4.2. С. 196].

В конце концов, на каком-то этапе возымел действие *принцип домино*, и процессы развала социалистической системы в Восточной Европе стали необратимыми.

Теперь о последнем элементе. «Румыния с гордостью выполняла миссию бесстрашного стража марксистской ортодоксии, когда ее соседи позволили вовлечь себя в вихрь горбачевских реформ» [8.06. С. 27]. Разумеется, в основе причин случившихся трагических событий лежали не идеологические, а экономические причины. Целью всех этих «перестроек», как мы понимаем, было не просто разрушить и посмотреть потом на творения рук и «мерзости запустения», а именно прекрасно заработать на тех процессах, когда все разваливается, цены прыгают на мировых биржах, вчерашние ценности начинают дешеветь. Тем более что социалистическая Румыния вела наступательную политику. «Страна стала единственным в мире государством, выплатившим долги. И — соответственно — получившим возможность свободно распоряжаться всей — поступающей от внешней торговли ресурсами — конвертируемой валютой. 12 апреля 1989 г. на Пленуме ЦК РКП Николае

Чаушеску торжественно заявил всему миру о полной выплате Румынией внешней задолженности.

Но именно это очень не понравилось западному цивилизованному миру — как опасный пример для других стран» [8.07. С. 141].

Председатель подкомитета по Юго-Восточной Азии и Тихоокеанскому региону Комитета по геополитике Государственной Думы член фракции ЛДПР М.Л. Монастырский в пресс-релизе «Россия и Геополитика» приводит цитату из книги Р. Эпперсона «Невидимая рука, или Взгляд на Историю как на Заговор»: «Банкирам пришлось разработать стратегию, которая позволяла им быть уверенными, что правительство, которое они ссудили, не аннулирует заем, предоставленный банками правительству.

Международные банки постепенно выработали свой план. Он был назван «Политикой силового равновесия». Это означало, что банкиры сужали два правительства одновременно, давая себе возможность натравливать одно на другое в качестве средства принуждения одного из них платить долги банкирам. Самым успешным средством обеспечения согласия в условиях платежа была угроза войны: банкир всегда мог пригрозить не выполнившему обязательства правительству войной как средством принуждения произвести платежи.

Ключевым же моментом здесь являлась соразмерность государств: чтобы ни одна страна не оказалась бы столь сильна, чтобы военная угроза со стороны слабейшего соседа будет недостаточна для принуждения к платежам» [8.08] (стилистика оригинала сохранена. — А.Ш.). Кроме успеха на фронте финансово-экономической войны, Н. Чаушеску готовился нанести сильный политический удар по «перестройщикам» и внутри международного коммунистического движения: «В декабре 1989 года ЦК Румынской компартии выступил с инициативой проведения в Бухаресте или Москве международного совещания компартий (последнее такое совещание состоялось в 1969 году), в ходе которого румынские коммунисты намеревались открыто высказать свое мнение о «новом мышлении», «перестройке» и «гласности».

В соответствии с решениями XIV съезда РКП (ноябрь 1989 г.), с 10 по 14 декабря 1989 г. ЦК РКП направил соответствующие письма Центральным Комитетам двадцати компартий, в том числе ЦК КПСС и компартиям стран Восточной Европы. Эта инициатива была одобрена руководством компартий Кубы, Вьетнама, Албании, КНДР, ряда развивающихся стран. После 20 декабря намечалось направить аналогичные письма ЦК компартий Китая, США, стран Западной Европы, Южной Азии и Африки. Однако ни ЦК КПСС, ни ЦК восточноевропейских компартий не ответили на предложение РКП. А 20–23 декабря 1989 г. в Румынии произошел кровавый переворот, одобренный Москвой и Вашингтоном» [8.09. С. 109]. Да, по плану ЦК РКП на столь представительном форуме мог быть дан бой разрушительным силам. Результаты стали бы, конечно же, известны во всем мире, в том числе — и в СССР. Поэтому процесс решили ускорить...

Итак, надо признать, что кроме советско-американской совместной революции прошли еще болгарско-американская совместная революция, венгерско-американская совместная революция, восточнонемецко-западногерманская (и американская!) совместная революция, польско-американская совместная революция, румынско-американская совместная революция, чехословацко-американская совместная революция. Каждая со своими нюансами, они все вместе были направлены на изменение

существующего строя, ограбление этих народов, вывода этих стран из-под контура управления Кремля (за понятным исключением Албании и Югославии).

Автором же *сценария* «поэтапной ликвидации социализма в Восточной Европе» являлся Герман Кан.

Хочется обратить внимание на бросающуюся в глаза универсальность методов при разрушении мировой системы социализма и СССР. Перед кончиной СЭВ советский народ (за другие народы ничего не могу сказать со всей определенностью, но предположить полную аналогию могу) обрабатывали в том смысле, что СССР снабжает по демпинговым ценам болгар, венгров, восточных немцев, поляков, словаков, румын, чехов. Мол, пора бы и прекратить. А для этого надо расстаться с СЭВом. Получилось. Когда эта Большая Ложь сработала, по этому же сценарию — на русских паразитируют азербайджанцы, армяне, белорусы, грузины, казахи, киргизы, латыши, литовцы, молдаване, русские, таджики, туркмены, узбеки, украинцы, эстонцы — перешли на союзный уровень. Получилось. Эти мифы были прочно внедрены в сознание советских людей.

«ПУТЧ» — 1991

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Август 1991 г. — это именно тот кульминационный момент, когда по системе, предварительно доведенной до состояния неустойчивого равновесия, нанесли довольно слабый, но точно рассчитанный удар, в самое уязвимое место (т. н. точку бифуркации), этим ударом ее опрокинули, и она рассыпалась. Вся «перестройка», все предшествовавшие события стали прелюдией именно к тому, что было совершено в августе. Заданный ход событий привел ряд представителей высшей элиты СССР к такому решению, как создание ГКЧП. К этому времени роли были окончательно распределены и заучены. Кем-то — явно, через аналитические записки, статистами — неявно, через СМИ.

Август 1991 г. (Москва) невозможно понять без предварительного анализа процессов, произошедших непосредственно в предшествовавший период. В этом ряду: апрель 1989 г. (Тбилиси), январь 1990 г. (Баку), январь 1991 г. (Вильнюс). И главное состояло в том, что правду о подготовке и проведении этих акций к моменту августа 1991 г. так еще никто толком и не знал. Все воспринимали их так, как это было задано их режиссерами. Все эти трагедии трактовались как «попытки Центра грубой силой остановить движения широких народных масс на пути к свободе и демократии».

Далее для полноты прогноза о неизбежности коммунистического реванша шло постепенное нагнетание этой темы в средствах массовой информации. «Первыми о — неизбежном наступлении диктатуры предупреждали политологи Андраник Мигранян и Игорь Клямкин» [8.10. С. 5]. Особое место заняла повесть обозревателя газеты «Московские новости» А.А. Кабакова «Невозвращенец» (выход в свет — в мае 1988 г.), где живописуется ситуация боев в Москве и всеобщая катастрофа. Она нарисовала картину специально для тех, кто обладал не столько фактологическим, сколько образным стилем мышления.

Здесь можно просто перечислить, как по нарастающей давался мониторинг и реальных событий, и провокационных действий, и тиражирования ранее добытых документов, лишь теперь оказавшихся ко двору. А после первых же предупреждений в демократической прессе о грозящем путче противники перемен попали в стратегический капкан: отныне все сколь угодно слабые и трудно диагностируемые попытки сопротивления истолковывались как прелюдия путча. Даже события, не имевшие прямого отношения к будущему. Так, например, в апреле 1991 г. в печати появились фотография и следующий комментарий: «Эти бронетранспортеры на днях появились в Чернышевских казармах. Подобные колонны сотен новеньких БТРов, въезжающих на территории других московских казарм, видели москвичи» [8.11. С. 2].

Непосредственно перед событиями рассказали о том, как в случае чрезвычайных ситуаций должны в принципе действовать органы государственной власти на местах, создав при этом С3 — «суженное заседание», в которое должны войти первый секретарь, начальник милиции и руководитель госбезопасности субъекта власти. «Источник, пожелавший остаться анонимным, объясняет, что С3 — это структура, которая готовит страну на случай «особого периода управления». Объявить такой период вправе только правительство СССР, а поводом для введения «особого периода» может быть «не только война».

С3 <...> действует на основе постановления ЦК КПСС и Совмина СССР от 19 июня 1984 г. и Указа Президента СССР от 12 ноября 1990 г., который называется «О возложении на исполнительные и распорядительные органы Советов народных депутатов функции по координации мобилизационной работы» [8.12. С. 7]. В одном из последующих номеров (в июле 1991 г.) та же газета публикует типовой план действий вышестоящих властей: «При возникновении экстремальной ситуации <...> начинает действовать план операции «Метель».

Если оперативную часть плана выполнить не удастся, подключается Москва и вступает в действие план операции «Тайфун», что означает как минимум дополнительную переброску подразделений ВВ или дивизии им. Дзержинского» [8.13. С. 15]. В статье подробно вскрываются состав, задачи, полномочия, структуры С3 на местном уровне: «Как это делается. За последние годы изменилась сама концепция действий в чрезвычайных обстоятельствах. В конце 1950-х— начале 1960-х, несомненно, преобладала доктрина военного подавления массовых беспорядков, опробованная в «дружеских урегулированиях» в Восточной Германии в 1953-м, в Венгрии в 1956-м. Этим опытом воспользовались и внутри страны при подавлении волнений в Грузии в 1957-м, в Новочеркасске в 1962-м. Милиция тогда должна была продержаться до прихода армии.

Сначала 1970-х схема начинает меняться. Армия отодвигается на второй план, а функции оперативного реагирования постепенно переходят к МВД. Они осуществляются главным образом на двух уровнях — республиканском и союзном.

Устранение беспорядков возлагается на специальный сводный отряд милиции. Он комплектуется за счет переброски в место предполагаемых или уже происходящих событий групп и отрядов из прилегающих районов. Например, при возникновении экстремальной ситуации в Алма-Ате начинает действовать план операции «Метель»,

В город оперативно перебрасываются рядовой состав, служащие ВВ, курсанты училищ и школ милиции из Новосибирска, Ташкента, Караганды,

Красноярска, Перми, Кемерова, Иркутска, Фрунзе, Барнаула, Душанбе, Омска. Если оперативную часть плана выполнить не удается, подключается Москва и вступает в действие план операции «Тайфун», что означает как минимум дополнительную переброску подразделений ВВ или дивизии им. Дзержинского» [8.13. С. 15]. Приводится сама схема операции «Метель» с указанием функциональных групп и их численности, при этом в примечании указывается, что из схемы убраны номера воинских частей и фамилии. В противном случае авторов публикации и редакцию можно было бы смело привлекать к суду за разглашение гостайны, а так они балансируют на грани между *можно* и *нельзя*. Впрочем, у демократической печати за все время не было ни одной серьезной, с последствиями, встречи с судом.

Наконец, во вторую неделю августа появляется сообщение: «Над всей Россией — безоблачное небо». Гидрометеоцентр» [8.14. С. 1]. Гидрометеоцентр, как известно, занимается разведкой и прогнозом погоды. Упомянутый же центр, видимо, политической погодой.

Наиболее запоминающийся штрих требовалось внести именно в последний момент, так, чтобы аудитория могла события воспринимать только в заданном ей ключе. Пусть и запоздало, но об этом теперь вспоминает человек, которого для этого использовали — бывший Председатель КГБ В.Е. Семичастный: «В субботу 17 августа 1991 г. телевидение на фоне Кремля показало интервью со мной, где я подробно рассказал о том памятном октябрьском пленуме (1964 г. — А.Ш.). В воскресенье сюжет повторили. И когда 19-го утром ГКЧП объявился, мне звонили друзья и шутили: ты что, накануне инструктаж давал?» [8.15. С. 2].

РАЗРАБОТКА ДОКУМЕНТОВ

Если СМИ обрабатывали все население без исключения, то аналитические записки готовились для основных игроков.

Как именно готовилась американская сторона к августу, известно далеко не в той мере, которая необходима для того, чтобы эта подготовка стала прозрачной. На сегодня общественности представлен лишь один документ, разработанный в Штатах [8.16. С. 114–119], но уровень работы американских аналитиков был таков, что, не владея в принципе информацией о подлинной роли М.С. Горбачева как агента влияния (в силу особой секретности!), что для нынешних исследователей в России является базовым представлением в их умозаключениях, американцы все же смогли на должном уровне дать советы первым руководителям своего государства.

Проект «путча» имел два основных варианта — с участием М.С. Горбачева и без него. Мы знаем, что прошел первый вариант, но каковы были еще подварианты «без него», мы не знаем, даже учитывая сведения мэра Москвы Г. Попова, ознакомленного с возможным развитием событий: «Когда мне задолго до путча в первый раз показали как возможные его сценарии, так и наши возможные контракции, у меня глаза разбежались. Чего тут не было: и сопротивление в Белом доме, и под Москвой, и выезд в Питер или Свердловск для борьбы оттуда, и резервное правительство в Прибалтике, и даже за рубежом. А сколько было предложений о сценариях самого путча! И «алжирский вариант» — бунт группы войск в какой-нибудь из республик. Восстание русского населения

в республиках. И т. д. и т. п. Но постепенно сценарии «сгущались» и все яснее становилось, что все будет зависеть от роли самого Горбачева: путч будет или с благословения Горбачева, или под флагом его неинформированности, или при его несогласии, или даже против него. Самым благоприятным для нас был вариант путча «против Горбачева». Мы ждали, что, скорее всего, таким он и будет. Но, может быть, нам удастся представить его в таком варианте — это будет большая удача. Поэтому даже если день, полдня будет «нестыковка» путча и Горбачева — надо будет этим воспользоваться и ударить в эту щель. ГКЧП из всех возможных вариантов избрал такой, о котором мы могли только мечтать, — не просто против Горбачева, а еще и с его изоляцией. Получив такой прекрасный пас, Ельцин не мог не ответить великолепным ударом. Я не хочу сказать, что все изложенные соображения были утром 19 августа за два часа «просчитаны» среди десятков других вариантов. Работа велась в эти дни очень напряженная, но не на пустом месте» [8.17. С. 5].

В.С. Павлов, комментируя эти признания Г. Попова, пишет: «Осведомленность Попова в этих делах — вне сомнений, а цинизм откровенности понятен — победители делят лавры. Тем не менее осторожность и здесь не покинула Попова. Он лишь раскрыл секрет Полишинеля. Но ничего не сказал, кто его знакомил, а что еще важнее — из каких источников приходила информация. О том, какого рода указания получали информатор или информаторы, известно. Но кто они? Ответа нет» [48. С. 80].

Во время своей рекогносцировки по СССР Д. Эзраэль не отказал себе в удовольствии назвать вещи своими именами. А.А Проханов вспоминает: «Помню июньский разговор в кабинете газеты «День» с шефом американской «Рэнд корпорейшн» Джереми Эзраэлем. На столе — нарисованная чернилами небрежная схема. Обозначен кружком «кремлевский центр», представленный Горбачевым. Другим кружком обведен «параллельный центр», представленный Ельциным. Третьим кружком отмечена «золотая гостиная», из которой одна и та же группа советников управляла и тем и другим. Американец спросил, что следует сделать советникам, чтобы переключить властные полномочия от «Первого» ко «Второму»: «Быть может, создать на несколько дней нелегитимную ситуацию, вывести <...> Горбачева, и в атмосфере социального хаоса замкнуть управление армией, КГБ и милицией на Ельцина?» [8.18. С. 1]. Здесь и речи не может идти о том, что одному из сторонников сохранения Союза выдается информация, могущая повлечь за собой действия упреждающего характера. Какого-то особого доверия к нему нет и быть не может. Это *атакующая сторона* (напомню, что об этом явлении мы подробно говорили в контексте генезиса «холодной войны») использует свои свойства и позволяет себе поиграть: все уже предрешено настолько, что можно говорить обо всем в открытую, и что бы ни предпринималось — все обязательно свершится именно так, как задумано.

В любом случае разработки по параллельному центру к августу подошли к своему логическому завершению — осуществлению на практике. Ибо «еще в 1989 году в экспертных группах Совета национальной безопасности США стали обсуждать идею о создании на российской почве параллельного союзного политического и экономического центра. <...>

В феврале 1991 г. о ней активно заговорили в окружении Ельцина. К этому времени относится начало практической разработки варианта такого «центра» в лице Ельцина и Верховного Совета РСФСР. При анализе политico-экономического

содержания параллельного центра использовали суждения Г. Попова, незадолго до этого побывавшего в США. Там Попов имел контакты с государственным секретарем Бейкером, с его экспертной группой, был принят специалистами из ЦРУ и аналитиками из госдепартамента. Главным компонентом этого замысла являлось создание на территории Советского Союза разорванных, разделенных между собой рынков с равной ориентацией на российский и международный рынки. По задумкам авторов плана, это означало бы необратимый развал «советской империи» [35. Ч. 1. С. 42].

Напоминают и об исторической аналогии произошедших событий: «В XVI веке начальник английской секретной службы лорд Берли и его ближайший помощник Уолсингем решили устранить претендентку на престол Марию Стюарт. Но как это сделать? Взять и просто ее репрессировать — нельзя. Было решено «помочь» ей организовать заговор против королевы Елизаветы. В окружение Марии внедрили агента Джифорда. Он умело подтолкнул людей Марии на организацию заговора и помог его разоблачить. «Гэкачеписты» XVI века, в том числе Мария Стюарт, были казнены. В истории спецслужб это классический пример метода, который называется «Заговор в заговоре» [8.19. С. 2].

«Горбачев образовал ГКЧП — вроде бы для того, чтобы удержать от расплазания республики. Он объявил, что это будет орган, обязанный отслеживать положение. По его рекомендации в необходимых случаях будет вводиться чрезвычайное положение. Были конкретно названы лица, включенные в состав комитета — Крючков, Язов, Пуго и другие, — изготовлены соответствующие бланки, печать и т. д» [8. С. 8].

Замысел состоял в том, что было решено создать следующую ситуацию. Следовало собрать воедино ту часть руководства, которая была однозначно против развала страны, дезавуировать ее и лишить власти и возможности общаться с внешним миром вообще или на период разгрома. Именно такова подоплека *кадрового аспекта* августовских событий 1991 года и устраниния всех фигур, могущих потенциально помешать развалу СССР. Наиболее стойких лиц из числа тех, кто все понял, но которых не удалось уложить в сценарий, просто убили: Б.К. Пуго, С.Ф. Ахромеева. Это повлияло на неизвестных противников: они были запуганы. Остальная элита предала и СССР, и КПСС. И все последующее время — последние четыре месяца 1991 года больше уже формального существования СССР — подтверждает это. Не было адекватного сопротивления развалу: те, кто мог его еще оказать, оказались либо в тюрьме, либо в могиле. Если прежде мы еще могли наблюдать в руководящей элите страны такие группы: разобщенные патриоты, которых «вычислили» и «обслуживают» наблюдатели; болото, которое постепенно сходило с позиций нейтралитета в сторону врагов сохранения Союза; агенты влияния и активно помогающие им клановые образования, то теперь первой группы практически не существовало — ключевые фигуры были устранины.

Я полагаю, что историки и эксперты в дальнейшем будут еще и еще раз анализировать август 1991-го. По всей видимости, мы сейчас не сможем сказать, как это все задумывалось, как проводилось, что *получилось* и что *не получилось*. Здесь еще много загадочных моментов и для западных аналитиков — да, да, они и сами еще до конца не знают, каких еще успехов, скрытых благодаря эффекту самоорганизации, они добились: «Я думаю, что анализ «путча» еще предстоит: какую роль здесь сыграли секретные службы Запада и другие силы. Но здесь перепутались интересы Запада и Советского Союза, взаимоотношения

многих сил, и не следует сбрасывать со счетов то, что участники этого переворота все-таки рассчитывали остановить сползание страны к катастрофе. Этот элемент тоже был. Но все было сделано глупо, нелепо, как будто бы заранее было нужно, чтобы «путч» провалился. И я уверен в том, что именно на это и рассчитывали, чтобы предотвратить настоящий путч. Как, например, пожарники для тушения пожара устраивают встречный пожар. Это — провокация. Доминирующую роль во всем этом сложном сцеплении событий сыграла, по-видимому, провокация, чтобы победить настоящий переворот, который остановил бы движение страны к катастрофе. И это было возможно!» [23. С. 38–39].

В аналитической подготовке и разработке документов выделяются две группы, одна из которых была создана непосредственно при первом лице: «В 1991 году <...> чрезвычайные меры стали остройшей необходимостью для обеспечения подъема производства, строительства и структурной перестройки. Их разработка велась тремя группами специалистов под общим контролем и руководством Горбачева. Одну из этих групп возглавлял А. Тизяков, будущий член ГКЧП, другую — А. Милюков, тогда и сейчас верный советник вождей, президентов, спикеров, третью — В. Величко, первый заместитель премьер-министра» [48. С. 81].

Вторая группа — внутри центрального аппарата КГБ СССР. Ее условно можно назвать по имени ее главных участников — Жижина и Егорова: «9 декабря <...> Крючков вызвал к себе генерал-майора КГБ Вячеслава Жижина — заместителя начальника Первого Главного Управления (разведка), в прошлом — начальника секретариата Председателя и полковника КГБ Алексея Егорова.

Крючков дал задание Жижину и Егорову (со ссылкой, между прочим, на поручение М.С. Горбачева) подготовить записку о первоочередных мерах «по стабилизации» обстановки в стране на случай введения чрезвычайного положения.

Такая записка была ему представлена. А вместе с ней — проект указа Президента М.С. Горбачева и постановление Верховного Совета СССР о введении в стране чрезвычайного положения. По словам Егорова, одновременно с этим по поручению Горбачева некоторыми другими товарищами готовились и документы о введении прямого президентского правления в Литве» [1. С. 247–248]. «5 августа Крючков снова позвал к себе своего зама Грушко и уже знакомых нам Егорова и Жижина. Там же Павел Грачев <...>. На том совещании Крючков поручил подготовить еще одну, но уже более подробную аналитическую записку на предмет введения в стране чрезвычайного положения. Работу, — объяснил Председатель КГБ, — следует вести конспиративно. А посему Грачев, Егоров и Жижин отправились писать документ на оперативную дачу Второго Главного Управления (контрразведка), расположенную неподалеку от деревни Машкино, по дороге на Ленинград. Написали. И предупредили Крючкова <...>, что введение чрезвычайного положения может вызвать негативную реакцию среди некоторой части населения» [1. С. 255].

Помощник начальника Второго Главного Управления (контрразведка) КГБ СССР полковник Егоров Алексей Георгиевич: «Впервые к разработке проблемы чрезвычайного положения в стране я был привлечен в декабре 1990 г. (т. 7, л.д. 7 — здесь и в дальнейшем ссылка на уголовное дело «ГКЧП». — А.Ш.). Примерно 15–16 августа <...> Крючков на этот раз поручил нам подготовить документ о первоочередных мерах экономического, социально-политического и правового

характера, которые следует реализовать в условиях чрезвычайного положения (т. 7, л.д. 10) <- ...> Крючков достал из своей папки тот проект документа, который я и Жижин готовили перед встречей и, обращаясь к участникам, предложил ознакомиться с мерами, которые необходимо осуществить, вводя чрезвычайное положение. Хочу отметить, что на этой встрече документ еще не обрел название: «Постановление № 1 ГКЧП». В тот момент мы его условно называли документом о неотложных мерах по стабилизации экономической и политической обстановки в стране», (т. 7, л.д. 12)» [48. С. 81]. Итак, документы группы Жижина—Егорова легли затем в документы ГКЧП, ныне каждый может с ними ознакомиться и сравнить с предпутевским документом ЦРУ. Интеллектуальная пропасть налицо.

К настоящему времени — десять лет спустя — стало известно, что существовало четыре варианта на случай критического развития ситуации: чрезвычайное положение в стране, чрезвычайное положение в Москве, прямое президентское правление в стране, прямое президентское правление в Москве. Датируются они декабрем 1990 г.

После августовского путча начали готовить путч октября 1993 г. Именно так сейчас выглядит подготовка и публикация в начале октября аналитического документа «Угроза безопасности и необходимость сотрудничества республик». Речь шла о возможности реванша за неудачу августа, и документ предупреждал о возможности еще одного путча. «Сенсацией прошлой недели, бесспорно, стало появление на рынке гласности документа «Угроза безопасности и необходимость сотрудничества республик». Он рожден в Аналитическом управлении КГБ СССР и рисует довольно мрачную картину нашего переполненного эйфорией сегодня, равно как и традиционно светлого завтра.

Документ этот был не один — он входил в целый пакет аналитических записок, подготовленных для нынешних и будущих парламентариев экспертами военно-политического отдела Института США и Канады АН СССР, Института Европы АН СССР, а также руководителями двух управлений КГБ СССР» [8.20. С. 6]. Экономическое управление КГБ предупреждало о возможности энергетических кризисов в Москве и на периферии, а Аналитическое управление — как раз именно о возможностях коммунистического реванша.

СТОЛИЧНЫЙ УЗЕЛ БЕЗОПАСНОСТИ: РОТАЦИЯ РУКОВОДСТВА И ДИСЛОКАЦИЯ СПЕЦЧАСТЕЙ

Что бы ни говорилось нами о недостатках и недостающих элементах подсистемы национальной безопасности в общей системе управления, но она была многократно продублирована и должна была предотвратить любые попытки захвата государственной власти как со стороны каких-то повстанцев, либо путем военного переворота, так и вследствие операций внешнего врага. Поэтому наипервейшая задача, которую предстояло решить авторам сценариев по государственному перевороту августа 1991 г., заключалась в следующем: перехват контура управления не должен был быть воспринят в явном виде для тех структур, которые обязаны были воспрепятствовать подобным событиям. В случае прямых попыток захвата власти силовики обязаны противодействовать, и можно с уверенностью утверждать, что у них это получилось бы, поэтому их

нужно переиграть, они должны быть затянуты в общий круговорот событий, с тем чтобы для них точная оценка событий должна была открыться только после свершившегося события. Поэтому разработчикам сценария предстояло вывести их из контура управления и ни в коем случае не допустить их участия на стороне защитников Союза. Как уже говорилось прежде, накануне «путча» в прессе (с целью подготовить общественное мнение к возможности какого-то значительного поворота) появились обстоятельные данные о том, как силы безопасности должны противодействовать мятежам, массовым беспорядкам и т. д. Мы не будем повторять их в новом контексте: как должен был сработать механизм защиты от внутренних угроз. Повторюсь, что механизм этот был довольно громоздок, многократно продублирован, в том числе и не допускал срыва, даже если какая-то его составляющая в ответственный момент выйдет из повиновения и сама станет инициатором бунта, примет враждебную или нейтральную сторону.

По линии КГБ СССР руководителями этого механизма были следующие лица:

- *Начальник Второго Главного Управления КГБ СССР (контрразведка)* Геннадий Федорович Титов, на должности с 29 января 1991 г., генерал-лейтенант (13 декабря 1990 г.).
 - *Начальник Управления КГБ СССР по Москве и Московской области* Виталий Михайлович Прилуков, на должности с апреля 1989 г., одновременно — член Коллегии КГБ СССР, а с 16 марта 1991 г. — заместитель Председателя, генерал-лейтенант (13 декабря 1989 г.). 16 марта 1991 г., согласно Указу Президента СССР «Об Управлении КГБ СССР по городу Москве и Московской области», оно было выведено из подчинения создаваемого КГБ РСФСР и получило статус структурного подразделения центрального аппарата КГБ СССР.
 - *Начальник управления «З» (Защита конституционного строя) КГБ СССР* Валерий Павлович Воротников, на должности с 30 января 1991 г. До этого — в течение полутора лет первый заместитель начальника Управления «З», генерал-лейтенант.
 - *Начальник Управления «СЧ» по руководству специальными частями войск КГБ СССР*. И.П. Коленчук. На должности с момента создания управления — с 17 апреля 1991 г., генерал-майор. До этого — командир Кремлевского полка.
 - *Начальник управления военной контрразведки по Московскому военному округу* Алексей Алексеевич Моляков. На должности — с декабря 1988 г., генерал-майор.
- Следует обратить внимание на то, что объединяет почти всех этих генералов ГБ: их новые функциональные обязанности не соответствуют их прошлому опыту. Генерал Г.Ф. Титов до своего назначения служил в разведке (так же, добавлю, как и его предшественник — генерал-полковник В.Ф. Грушко, который прослужил в ней с 1961 г. по 20 сентября 1989 г.); генерал В.М. Прилуков пришел в органы из партийных органов; генерал В.П. Воротников пришел на службу в центральный аппарат с должности начальника УКГБ по Красноярскому краю, но в этом регионе практически не было диссидентов, и у него не могло быть значительного опыта, чтобы занять пост, который подразумевал успех в борьбе с ними в столь решающее время. Вообще за короткое время на посту начальника 5-го (потом управления «З») поменялось очень много людей: до 18 января 1983 г. им был генерал Ф.Д. Бобков; потом — И.П. Абрамов; с мая 1989 г. — Е.Ф. Иванов, а уже, повторюсь, с 29 января 1991 г. — В.П. Воротников. Этому

назначению он был обязан двоим. Во время Великой Отечественной войны генерал армии Ф.Д. Бобков Служил в 65-й гвардейской дивизии, формировавшейся в Красноярске, и часто приезжал на встречи с однополчанами в День Победы— он старался не пропускать их даже в 1990-е гг. Здесь он мог и «присмотреть» себе замену. Способствовал его переводу в Москву и первый секретарь Красноярского крайкома О.С. Шенин. Лишь только бывший командир Кремлевского полка генерал И.П. Коленчук и генерал А.А. Моляков полностью соответствовали своим новым должностям. **По линии МВД СССР:**

- *Министр внутренних дел СССР* Борис Карлович Пуго, на должности с 1 декабря 1990 г., до этого — Председатель Центральной Контрольной Комиссии КПСС, генерал-полковник.

- *Первый заместитель Министра внутренних дел СССР — Начальник Главного Управления внутренних дел по г. Москве и Московской области* Иван Федорович Шилов. На должности с 26 марта 1991 г., когда по Указу Президента СССР из двух главных управлений внутренних дел: по городу Москве и по Московской области создано одно. Прежний начальник ГУВД по г. Москве генерал-майор Н.Н. Мыриков в марте 1991 г. был назначен заместителем Министра внутренних дел СССР.

По линии МО СССР:

- *Заместитель Министра обороны СССР по чрезвычайным ситуациям* Владислав Алексеевич Ачалов. На должности (специально учрежденной) — с декабря 1990 г., генерал-полковник.

- *Командующий войсками Московского ордена Ленина военного округа* — Николай Васильевич Калинин. На должности — с 1988 г., генерал-полковник.

Обращаем внимание на то, что абсолютное большинство из них оказалось на своих постах непосредственно перед августом 1991 г. Они — главные игроки в августовском кризисе — по сценарию должны были только-только войти в круг обязанностей, установить друг с другом взаимодействие и... упустить все.

К настоящему времени существует и развернутая справка по войскам, дислоцированным в г. Москве и в Московской области, чья функция состоит именно в том, чтобы противодействовать попыткам госпереворотов, и хотя датирована она временем, когда СССР уже не существовал, ее, за неимением лучшего, вполне можно применять и для августа 1991 г.

ОПЕРАТИВНАЯ СПРАВКА. ОСНОВНЫЕ СИЛЫ И СРЕДСТВА СИЛОВЫХ СТРУКТУР Министерство обороны:

2-я гвардейская Таманская мотострелковая дивизия (здесь и далее выделены части и соединения, которые были введены в Москву 19 августа; дислокация: пос. Алабино) — общая численность до 8500 чел., до 100 танков новейших конструкций, до 200 БМП, БТР. В постоянной боеготовности— до 30 танков, 50–70 БМП, БТР, 2200–3000 чел.;

- **4-я гвардейская Кантемировская танковая дивизия** (пос. Шибанково) — общая численность до 5500 чел., до 220 танков, 100 БМП, организационно состоит из 1 танкового и 1 мотострелкового полка. В постоянной боеготовности— до 40 танков, 40–50 БМП, 1000–1500 чел.;

- **27-я отдельная мотострелковая бригада КГБ СССР** (пос. Мосрентген) — общая численность до 2000 чел., до 40 танков, до 120 БМП, БТР. В постоянной боеготовности— до 20 танков, до 100 БМП, БТР, до 1000 чел.;

- 119-й парашютно-десантный полк (г. Наро-Фоминск) — общая численность до 1100 чел., до 90 БМД. В постоянной боеготовности — до 60 БМД, 600–700 чел.;
- 45-й полк специального назначения разведки ВДВ (Москва, Сокольники, пос. Кубинка) — общая численность до 900 чел., до 20 БТР. В постоянной боеготовности — 20 БТР, до 500 чел.;
- 23-я отдельная бригада охраны МО (Москва, ул. Павловская) — общая численность до 2500 чел., до 60 БТР. В постоянной боеготовности — 40 БТР, 1000 чел. — в случае тревоги убывают на усиление охраны объектов МО и ГШ;

ИТОГО: группировка МО в районе Москвы и непосредственно прилегающей местности достигает 20 000 чел., 350 танков, 700 БМП, БТР, БМД. В постоянной боеготовности — до 6500 чел., 150 танков, 300 БМП. В течение суток может быть увеличена вдвое.

Министерство внутренних дел:

- Оперативная дивизия особого назначения (г. Балашиха) — общая численность до 9000 чел., до 60 танков, 400 БМП, БТР. В постоянной боеготовности — 60 танков, 300 БМП, БТР, до 6000 чел.;
- Отдельная бригада специального назначения (пос. Софрино) — общая численность до 2000 чел., до 100 БТР. В постоянной боеготовности — 80 БТР, до 600 чел.;
- Отдельная бригада специального назначения «Витязь» (г. Балашиха) — общая численность до 800 чел., до 40 БТР. В постоянной боеготовности — до 40 БТР, до 600 чел.;
- Отдельная бригада специального назначения (Москва, Лефортовские казармы) — общая численность до 800 чел., до 40 БТР. В постоянной боеготовности — 40 БТР, до 600 чел.

Части милиции:

- Полк ОМОН (Москва, Октябрьское Поле) — общая численность до 2000 чел.;
- Полк патрульно-постовой службы (Москва, Варшавка) — общая численность до 1800 чел.;
- 3-й полк вневедомственной охраны — общая численность до 1600 чел.;
- Оперативный полк (дислокация: Москва, Савеловское) — общая численность до 1800 чел.;
- Специальный отдел быстрого реагирования Регионального управления по борьбе с организованной преступностью (СОБР РУБОП) (дислокация: Москва, ул. Житная) — общая численность до 400 чел.;
- Специальный отдел быстрого реагирования Главного управления по борьбе с организованной преступностью «Вега» (СОБР ГУБОП) — общая численность до 300 чел.;
- Отряд милиции особого назначения (г. Щелково) — общая численность до 300 чел.

ИТОГО: Группировка МВД в Москве и ближнем Подмосковье достигает 23 000 чел. И это без учета личного состава РОВД, муниципальной, транспортной и криминальной милиции. В течение суток может быть дополнительно

переброшено до 15 000 чел., а к исходу вторых суток, с учетом отмобилизованной милиции цифра может достигнуть 30 000 чел.

Федеральная Служба Безопасности:

- Боевые подразделения управления «А» (Москва, ул. Фрунзенская) — общая численность до 600 чел.;
- Боевые подразделения управления «В» (гор. Балашиха) — общая численность до 600 чел.

ИТОГО: с учетом групп захвата и контртеррора Московского и областного управлений около 1500 самых высокопрофессиональных бойцов спецназа, каждый из которых способен поставить точку в любой попытке захвата власти.

Главное управление охраны Президента:

- Президентский полк (Москва, Кремль) — общая численность до 1200 чел., до 40 танков, 60 БТР, другая техника;
- Спецназ ГУБОПа (Москва, Кремль) — общая численность до 400 чел.

ИТОГО: до 1 600 чел., до 40 танков, 60 БТР, другая техника» (Изложено по: [8.21. С. 5].)

СИТУАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

Третий звонок «спектакля под названием «путч» прозвенел 17 июня 1991 г. на закрытом заседании Верховного Совета СССР. Председатель КГБ СССР В.А. Крючков довел до сведения депутатов подготовленную внешней разведкой записку в ЦК КПСС «О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан» за подписью Ю.В. Андропова. Случилось это только тогда, когда развал СССР был предрешен. Скорее всего, именно это событие уже можно назвать ключевым поворотом, а не те три дня в августе 1991-го.

Почему М.С. Горбачев взялся исполнять свою, пусть во многом и вне сцены, роль в августовском спектакле, раз она оказалась для него в результате самоубийственной? Мотивы его поведения могут быть только одни: он не сомневался в том, что он должен был еще оставаться «на плаву». Ему — ошибочно — представлялось, что из этой ситуации он должен был выбраться один, да еще и получив соответствующие политические дивиденды: «События августа 1991 г. имеют свою логику и предысторию. Задолго до этой даты они продумывались и готовились самим Горбачевым, и не им одним. Для него же это имело глубоко личные причины и цели — сохранить и укрепить свою личную власть любой ценой. Необходимо было отвести нависшую над ним угрозу, указать «виновников» провала в экономике и развала страны, уничтожить любые силы, которые на тот момент могли воспрепятствовать реализации его планов» [48. С. 12–13]. М. Горбачев постарался выглядеть в той ситуации совершенно невинным, павшим жертвой «заговорщиков», но насколько комфортно чувствовал себя «форосский узник», можно судить по показаниям О.С. Шенина на процессе по делу ГКЧП, в которых говорится, что Горбачев заказал себе вино и смотрел фильм «Жидкое небо» эrotического содержания [8.22, С. 2; 8.23. С. 111]. О том, что в результате этой интриги им потеряна всякая власть, он узнал одновременно со всеми, и его страх по прилету 21 августа 1991 г. из Фороса в Москву объясняется именно этим. Он его не разыгрывал. Его убедили, что весь

путч задуман только для того, чтобы убрать из Кремля «консерваторов», например, того же премьера В.С. Павлов, который потребовал себе больше властных полномочий. Но убрали не только всех «консерваторов», но и его самого. Он был уверен в успехе операции — ведь все большие и малые операции по разгрому СССР ранее прошли без сучка и без задоринки, и он всегда выходил сухим из воды, значит, должно получиться и на этот раз.

Таковы были мотивы, по которым М. Горбачев повел свою игру, совершенно не замечая самоубийственности своей роли и того, как его использовали. М. Горбачев еще на заре своей политической карьеры по сути начал игру, до конца не представляя всей сложности пути, в том числе и собственного. Он полагал, что раз он стал первым лицом в стране, то это означает, что ему принадлежит первая роль всегда, везде и во всем. Он не принимал во внимание, что есть способы, которые заставят его вернуться в прежнее состояние. Он еще мог позволить себе сказать по возвращении из Фороса на сессии российского парламента: «Всей правды я вам все равно не скажу», но это уже не было направлено против тех, кто им удачно манипулировал. Сама же фраза звучит двусмысленно: он и сам не знал всю правду тогда, не знает и теперь.

Тут стоит обратить внимание на то, что у М.С. Горбачева не было достойного политического образования, чтобы научиться тонкостям управления. Имея его, можно было бы и остаться на плаву, и вести свою еще более тонкую, чем у тех же американцев, политическую игру. Но отсутствие такой политической культуры привело к тому, что он сам себя обыграл. Будучи эмоционально восприимчив и внушаем, а потому управляем интеллектуально более подготовленными и информированными людьми, он стал не на самый оптимальный в том числе и для себя путь. Отдельные акции не складывались у него в целостную прогнозируемую картину, если бы он видел обратную сторону явлений и процессов, тогда он вполне мог бы удержаться у власти.

Надо сказать, что и **В.А. Крючков**, так же как и М.С. Горбачев, полагал, что для него тоже все обойдется вполне удачно. Для этого супфлеры приготовили ему успокоительную версию: «Пострадают все, кроме Вас. Вы нам еще нужны». По методу аналогии можно сделать предположение, что В.А. Крючкову говорили, что его отправят в отставку за то, что не заметил заговора. Накануне из-за разыгранной *неудачи с Вильнюсом* первого заместителя председателя КГБ СССР генерала армии Ф.Д. Бобкова отправили в отставку. Обошлось ведь? Обошлось. И для В.А. Крючкова будет то же самое. И лишь потому, что эта затеянная чехарда должна была вроде бы отвечать его целям, он и приступил к игре. О том, что он окажется в Лефортово, он узнал уже в конце «спектакля» вместе со зрителями.

Мотивы **Г.И. Янаева** тогда были просты и ясны: сдержать грубой силой, подобно бульдозеру, хорошо организованное и направленное наступление. Однако вектор наступления был выбран безупречно, а сила его была такова, что любые, даже достаточно правильные акции, направленные против, были бы самоубийственными. Несомненно, желательным и малоконфликтным был бы путь договоренностей с региональными элитами, в том числе и в самой Москве. Однако проведение целеустремленной и тщательно продуманной политики с предварительной разработкой программ, чего не было сделано и без чего трудно было бы ожидать быстрых масштабных изменений к лучшему, оставалось за пределами интеллекта вице-президента СССР. Отсутствие у него политической проницательности образовало порог отставания — ГКЧП оставилось лишь беспомощно следовать за навязываемыми событиями. Вместо восстановления

охранительной (защитной) и воспроизводительной функций страны произошел столь масштабный разлом, после которого СССР не подлежал восстановлению ни за какой сколь угодно долгий период времени и ни под каким видом.

Пожалуй, никто так не был заинтересован и в столь малой цене августовского политического кризиса, как **Б.Н. Ельцин**. Даже скорее всего США были заинтересованы в более продолжительном конфликте. Б.Н. Ельцину же конфликт обошелся ровно настолько, насколько ему это было нужно — власть в РСФСР перешла к нему.

А.И. Лукьянов всегда и во всем поддерживал все начинания М. Горбачева. Тот, в свою очередь, всегда и во всем поддерживал и самого А. Лукьянова. Какие бы вместе преступления они ни совершали, они всегда шли рука об руку и нуждались друг в друге. Потому А. Лукьянов мог смело пускаться в любую авантюру вместе со своим «соратником» — он всегда мог надеяться на то, что М.С. Горбачев поможет ему. Он не учел тот фактор, что руководят еще и самим М. Горбачевым и что «Сам» может попасть в такой капкан, откуда выбираться придется в одиночку («Боливар двоих не вывезет»). В реальной политике это бывает довольно часто. И потому А. Лукьянов мог спокойно ехать отдыхать на Валдай, не зная, что его роль расписана другими авторами сценария, а не его бывшим другом.

В таком же положении очутился и вечный ближайший помощник генсека **В.И. Болдин**.

Столь обширную, хотя и по-своему интересную справку пришлось дать только для того, чтобы сказать следующее: несмотря на столь развернутую, многоэшелонную и продублированную систему, несколько неожиданно главную роль в последующих событиях сыграл человек, занимавший должность, которая прямо не входила в эту иерархию.

Это *командующий воздушно-десантными войсками (ВДВ)* (с декабря 1990 г.) **Павел Степанович Грачев**. Роль командующего ВДВ сводится к организационному управлению вверенными войсками и учреждениями, он отвечал за боевую готовность, оперативные же вопросы решал начальник Генштаба Вооруженных Сил, а в случае войны командование воздушно-десантными дивизиями (ВДД) должно переходить к командующим военными округами. В Московском военном округе дислоцировалось значительное количество войск, находящихся в его подчинении: две ВДД (одна из них — в Туле, другая — в Рязани), Рязанское высшее командное училище им. Ленинского комсомола и, напоминаю, два полка: 119-й парашютно-десантный и 45-й полк специального назначения разведки ВДВ.

Роль П.С. Грачева была обусловлена, по всей видимости, специалистом по теории игр, который, согласно сценарию, использовал эту фигуру, с тем чтобы *прямое соперничество* по линии: *баррикады Белого дома — введенные в город войска*, перешло в *непрямое соперничество*. Напомним, что в игре с нестрогим, или непрямым, соперничеством интересы сторон сталкиваются, но их нельзя считать прямо противоположными, поскольку существует более или менее обширная область компромиссов, уступок, сотрудничества. Итог игры в этом случае не является строго определенным, впрочем, как и в случае игры со строгим соперничеством. Другой специалист — например, по бихевиористике — для этого также мог выделить именно П.С. Грачева, относительно легко предсказав его поведение: помочь своим новым начальникам вроде Б.Н. Ельцина, с которым он встречался накануне при посещении последним Тульской

ВДД. (Хотя особого доверия у разработчиков спектакля он, видимо, не вызывал и посему был продублирован своим заместителем генерал-майором А.И. Лебедем.) Все остальные фигуры, перечисленные нами в начале справки, в этом случае выводились за скобки.

Вступление его в игру закладывалось еще на стадии разработки сценария ГКЧП со стороны КГБ, поэтому на второй стадии работы **группы** Жижина—Егорова был приглашен третий участник— П.С. Грачев. Зачем понадобился командующий войсками ВДВ, который способен высадить где-то десант, захватить любой опорный пункт «одним полком за два часа», и не более того? Ведь это довольно грубая сила и в принципе не годится для тонких операций. П.С. Грачева в КГБ незаметно для него самого тонко обработали, показали ему замысел операции, ему была внушена его роль, причем под таким углом зрения, чтобы он уже сам потом разбирался, чьи приказы и как ему выполнять, а чьи игнорировать. И когда Б.Н. Ельцин позвонил ему утром, то решение, чьи команды исполнять на самом деле, а кому только демонстрировать подчинение — президенту Ельцину или же министру обороны Д.Т. Язову, — у честолюбивого генерала уже «созрело». Предварительная обработка чекистов, конечно же, склоняла его к первому варианту, что же касается второго, то наказание за прямое непослушание или «неправильное толкование» приказов могло быть минимальным. А П.С. Грачев, как никто другой, предпочитал следовать правилу «держать яйца в разных корзинах» (а желательно, во всех). Если бы, кроме упомянутых, был еще и третий вариант, то он и там поимел бы свой интерес. Члены ГКЧП утверждают, что никто танки к Белому дому не посыпал. Это целиком инициатива генерала Грачева, который как офицер, верный присяге, активно участвовал в совещаниях у ministra Язова и предлагал самые крутые меры, о которых потом по телефону докладывал Ельцину. Но Грачеву надо отдать должное: с помощью работников КГБ он все просчитал. В том случае, если верх берет ГКЧП — «Я первым окружил гнездо сопротивления»; если же побеждает Ельцин — «Я первым к вам пришел на помощь».

Мы изложили причины действий лиц, прямо или косвенно принимавших активное участие в ГКЧП. Но был один человек, который мог бы находиться в рядах ГКЧП. Это — **О.С. Шенин**, который занимал только один пост — партийный. ГКЧП не хотел скомпрометировать его и ЦК КПСС в случае возможной неудачи. Тем не менее это не спасло ни от разгрома КПСС, ни от его ареста. Это было отмечено практически сразу же, но под обратным углом зрения: «Он полетел в Форос вместе с представителями ГКЧП. Но полетел не к президенту, а к генсеку. В последние месяцы Шенин был де-факто вторым лицом в партии. Вместо часто болевшего Ивашко он проводил заседания Политбюро и Секретариата. <...>

В ночь с 18 на 19 августа Шенин встречается с Кравченко (Председателем Государственного Комитета по телевидению и радиовещанию. — А.Ш.) и передает тому для обнародования документы ГКЧП. Его роль в путче, как мы видим, меняется. Но в последующие дни он снова держится в стороне. <...> Как близость, так и отстраненность его от путчистов, видимо, не случайны» [8.24. С. 1].

Таковы были, повторюсь, вкратце причины, которые заставили основных игроков начать политическую интригу, но подлинными хозяевами положения были совсем другие люди. Именно они играли этими политиками, как шахматными фигурами. Причем играли одновременно и черными и белыми.

Поэтому результат был известен заранее. Как говорил в таких случаях герой фильма «Блеф», сыгранный певцом и актером Адриано Челентано: «Ставьте на «черное» — ставьте на «красное»: все равно выпадет «zero»!»

Самое же виртуозное во всей этой комбинации было то, что под воздействием внушения члены ГКЧП этого не почувствовали и даже спустя годы считали, что вели исключительно самостоятельную игру и были инициаторами своего плана...

* * *

Три дня московского августа создали такой резонанс, что вся игра была кончена в кратчайшие сроки, страна и советский строй покатились в пропасть. После этого уже ничего не требовалось изобретать, чтобы их добить. Никто и ничто не могло спасти Союз Советских Социалистических Республик. Исторический конец его приходится на 25 декабря 1991 г., когда первый и последний Президент СССР выступил по телевидению с заявлением о прекращении своих полномочий и роспуске Союза...

ПУГО И АХРОМЕЕВ: ПЛАТА ЗА СТОЙКОСТЬ

Вообще-то надо признать, что судьба высокопоставленных военных в Советском Союзе не жаловала. Если пуля не доставала на войне, — что с нее взять, там-то она дура! — то, значит, она находила их в «мирное время». Трагически, при практически не выясненных обстоятельствах погибли высокопоставленные советские военачальники Г.И. Котовский, Я.Ф. Фабрициус, Н.Э. Берзарин, С.С. Бирюзов. При этом мы не берем «загадок», лежащих во временных рамках 1937–1956 гг.

ПУГО

Министр внутренних дел Союза ССР Б.К. Пуго в августе 1991 г., пораженный открывшейся ему правдой, сказал о М.С. Горбачеве за день до своей гибели буквально следующее: «Он нас всех продал! Жалко — так дорого купил и так дешево продал. Всех!»

По версии следствия, престарелый полупарализованный отец жены вытащил оружие из руки самоубийцы и положил на столик. Сын и свидетель Вадим Борисович Пуго утверждает: «У меня нет сомнений, что они это сделали сами. Но у меня есть уверенность, что их к этому принудили.

Отец прилетел в Москву вечером 18 августа из Крыма. Он отдыхал в санатории «Южный» рядом с Форосом

Сразу по приезде отец выехал по звонку Крючкова. Я его не видел до 21 августа, когда вечером пришел к нему на работу. Стал спрашивать, что происходит. Он мне сказал:

— Пошли домой. Мне здесь делать сегодня уже нечего.

Дома ему было несколько звонков. А ночью отключили оперативную связь, ВЧ и еще один специальный телефон, защищенный даже от ядерного воздействия. Утром не работал и городской телефон. Не смогли отключить только телефон внутренней милицейской связи. По этому телефону утром были звонки. Звонили его замы, в том числе Ерин, который стал потом министром внутренних дел, еще несколько людей. Кто из них своими словами подвел его к самоубийству, я сказать не могу. О содержании этих разговоров знают только в оперативно-техническом управлении КГБ, которое наверняка тогда прослушивало его разговоры.

Почему с самого начала возникли сомнения в самоубийстве? Отца нашли мертвым на кровати, а пистолет лежал на тумбочке довольно далеко от него. Засвидетельствовавшая это фотография» обошла весь мир. Степанков и его команда выдвигали тогда разные версии, но все они выглядели неправдоподобно. Я тоже не мог найти объяснения. И только потом 89-летний дед, который после происшествия на год попал в неврологическую больницу, сказал мне, как было дело. Услышав выстрелы, он вошел в комнату. «Очень напугался, взял из руки Бориса пистолет и положил на тумбочку» [8.25. С. 10]. Чистая загадка!

АХРОМЕЕВ

Если факт самоубийства Б.К. Пуго еще как-то правдоподобен, то в случае советника Президента СССР по военным вопросам, Маршала Советского Союза С.Ф. Ахромеева многие факты прямо указывают на убийство: «Странным до нелепости было «самоубийство» маршала С. Ахромеева — повесился сидя, с двух попыток. Это случилось после того, как маршал подготовил текст своего выступления на Верховном Совете с призывом к депутатам остановить развал государства» [8.26. С. 3]. «Дочери говорят, что после первых дней состояния подавленности прошло. Отец приободрился, хотел обратиться к коммунистам, попытаться спасти Союз от развала. Утром 24 августа, когда он уходил на работу, внучка попросила его: покачай на качелях! Он ответил: «Вернусь с работы — покачаю». Я никогда не поверю, что он уходил на смерть. Он ждал меня. Он попросил дочерей позвонить ему, как только мой самолет вылетит. Они позвонили ему в 9.30. и сказали, что мама вылетела. А через 10 минут, по официальной версии, он попытался покончить с собой. Можно в это поверить?

<...> Я не могу поверить, чтобы он это сделал сам и таким варварским способом» [8.27. С. 16].

Когда производили осмотр кабинета, то выяснили, что маршал покончил с собой со второй попытки. С первой не удалось — лопнул тросик, которым связывали бумаги в пачки. Больше такого куска тросика не оказалось — то есть он был, но в соседнем помещении, и надо было выйти за ним на минутку, но... маршала уже никто «не отпустил». Воспользовались еще более ненадежным средством— шпагатом...

КРУЧИНА И ДРУГИЕ: ЗОЛОТО ПАРТИИ

В этой главе мы, наконец-то, ближе коснемся того, ради чего всю эту «перестройку» замышляли и сотворили. Речь пойдет о деньгах. О Больших Деньгах. О БЕШЕНЫХ ДЕНЬГАХ. О тоннах золота и килограммах бриллиантов. Ради них столько людей рассталось с жизнью...

Управляющий Делами ЦК КПСС, член ЦК КПСС, народный депутат СССР Кручинин. «В 5 часов 26 минут 26 августа дежурный милиционер, охранявший жилой дом в Плотниковом переулке услышал непонятный хлопок. С 5-го этажа выпал жилец, в «спешке» выбросился из окна, выбив оконную раму. Интересно знать, кто это так спешил?

Последние годы — с андроповских времен — он был Управляющим Делами ЦК КПСС, он знал не многое, он знал все! Особенно о последнем этапе: «Из аналитической записи сотрудника ПГУ КГБ СССР Л. Веселовского «О дополнительных мерах по закреплению и эффективному использованию партийной собственности»: «Средства, поступающие в виде доходов в партийную кассу и не отражаемые в финансовых документах, должны быть использованы для приобретения анонимных акций, фондов отдельных компаний, предприятий, банков, что, с одной стороны, обеспечит стабильный доход независимо от дальнейшего положения партии, а с другой стороны эти акции могут быть реализованы на фондовых биржах с последующим размещением капитала в иных сферах с целью обезличивания партийного участия, но с сохранением контроля...» [8.28. С. 2.]

Размах комбинаций, который происходил с активами, просто поражает воображение. «В апреле 1991 года в одно из управлений МВД СССР от осведомителя поступила любопытная информация: группа, в которую входят весьма солидные люди, ищет безопасные пути нелегального вывоза за рубеж денег КПСС. По долгу своей службы начальник Семенихин (фамилии некоторых лиц изменены. — Прим. авт.) немало знал о темных делишках тех, кто стоял у власти, и потому его заинтересовала полученная информация. Для выяснения подробностей начавшейся операции Семенихин на свой страх и риск решил попытаться внедрить в группу сотрудника управления Олега Кошелева. <...>

Вряд ли мы когда-нибудь узнаем, сколько денег было в кубышке КПСС. Понятно, что пополнялась она не только за счет партийных взносов и прибыли от издательской деятельности. Кто может сказать, что вытворяло Политбюро семьдесят лет с золотым запасом страны? На каких условиях КПСС помогала братским партиям и диктаторским режимам? Куда подевались несчитанные-нemerенные ценности, конфискованные после революции, малая толика которых красуется на стенах Алмазного фонда? Думается, здесь речь может идти о фантастической сумме <...>

В 1991 году в трех крупных российских городах появилось около десятка коммерческих банков. Никто не мог заподозрить банкиров-демократов в связях с КПСС. Но эта связь существовала. Именно в эти банки от предприятий и организаций ручейками начали стекаться деньги КПСС, не стихийно, а по заранее составленному графику. Не обошлось, правда, без накладок. «Верные ленинцы» в Средней Азии и Закавказье, видя, как разворачиваются события, показали родному Политбюро кукиш, то есть деньги не перечислили. <...> Член

подпольной финансовой группы крыл матом коммунистов бывших национальных окраин, которым партия дала все блага, а они ей устроили такую подлянку.

«Партийные» банки действовали по следующей схеме. Во-первых, они финансировали создающиеся надежными людьми фонды, фирмы, компании. Эти структуры, используя связи в верхах, быстро становились на ноги. Большинство из них процветают и сегодня. Во-вторых, банки проводили бойкое кредитование небольших липовых кооперативов, малых предприятий и т. п., в каждом из которых имелись два-три человека от партии. На полученные деньги они покупали валюту и вывозили ее за границу <...> Доллары оседали на счетах, открытых членами подпольной группы в швейцарском банке. Спустя некоторое время кооперативы становились банкротами. И выяснялось, что взыскивать деньги не с кого. <...>

«То, что мне стало известно, — это лишь надводная часть айсберга. В августе незадолго до путча я десять дней провел на даче с человеком, у которого находилась большая часть документов подпольной «бухгалтерии». Финансист этот знал о предстоящем перевороте и очень нервничал. В одну из ночей, когда он напился вдребезги, я порылся в бумагах. <...> В ту ночь я сумел сделать ксерокопии нескольких документов», — рассказывал Кошелев. В последующие два дня, пока Олег оставался на даче, имея при себе копии, он поседел. В этих документах указывались наименования банков, номера счетов, а самое главное — фамилии восьми человек, членов группы, контролировавшей всю операцию.

<...> 18 августа, когда в стране было объявлено чрезвычайное положение (так в тексте. — А.Ш.) и к власти пришел ГКЧП, Семенихин и Кошелев поняли, что они вляпались по самые уши: во главе группы подпольных финансистов стоял двоюродный брат члена ГКЧП...» [8.29. С. 6.]

Если еще какие-то опера смогли уйти, лечь на дно и сейчас могут скрываться под псевдонимами, то те лица, которые были на виду — Кручинин, его предшественник Павлов и работник одного из отделов Лесоволик — были обречены. Все они были уничтожены в те дни, как опасные свидетели: «...именно накануне путча эти средства тщательно засекречивались, вывозились за границу. <...>

О таинственном визите в Швейцарию бывшего министра финансов СССР Владимира Орлова, который пренебрег всеми правилами дипломатического этикета и посещал знаменитые банки инкогнито». [8.30. С. 8.]

Автор статьи, журналист, работавший сначала в «Красноярском комсомольце», а потом в столичном Михаил Гуртовой знает, о чем пишет, он был председателем одной из комиссий, занимавшихся поиском «золота партии». Судьба его нелегка. Копнул не там и не в том направлении, куда надо, — сейчас давно уже ничего не пишет, даже на самые невинные темы...

ЧЕКИСТЫ ПОД ОГНЕМ

В настоящее время состояние органов безопасности таково, что КГБ (и его преемник — ФСБ) не в состоянии защитить не то что страну в целом, а даже самое себя. Впрочем, началось это не сегодня и даже не вчера...

Работавший под прикрытием разведчик **А. Каверзnev**. «Вначале 1980-х при загадочных обстоятельствах умерли трое бывших советских разведчиков в США — в том числе известный тележурналист Каверзnev, умерщвленный во время командировки в Афганистан. Гибель всех троих произошла по той простой причине, что они слишком талантливо исполняли свои обязанности, чересчур глубоко копнули и предоставили в КГБ сведения об иностранной агентуре влияния в СССР. Наградой им за это стал приказ: убрать!» [2. С. 37]. Существует, правда, версия о том, что Александр Каверзnev заразился в Афганистане и «сгорел» буквально в несколько дней» [21. С. 393].

Агент советской разведки **М.Е. Орлов**. Майор КГБ СССР Михаил Евгеньевич Орлов (бывший американский гражданин Майкл С. Гленн) в возрасте 32 лет ушел из жизни 22 июня 1989 г. Добровольно или нет?

Один из руководящих работников контрразведки **Л.Е. Никитенко**: «Русский разведчик внезапно умер в 1991 г., путешествуя по Бразилии, и КГБ, который подозревал, что, возможно, он был убит, попросил ЦРУ расследовать это дело. Используя свои контакты в бразильском правительстве, ЦРУ выяснило, что Никитенко просто умер от сердечного приступа.

«Когда появились подозрения в том, что кто-то вел нечестную игру, мы связались с ЦРУ и проясняли эти вопросы, — вспоминает Шебаршин, бывший руководитель разведки КГБ. — Наш человек, Никитенко, поехал на короткое время за границу и там умер, и мы должны были проверить и убедиться, была ли эта смерть обусловлена болезнью или явилась результатом нечестной игры. Мы получили информацию от американских коллег, что у них нет никаких подозрений в чьей-то нечестной игре, и они также исключили любые возможные подозрения, что сами были каким-то образом причастны к этому делу. Я поверил этой информации и был благодарен за нее» [8.31. С. 6]. Мотивы устранения Л.Е. Никитенко могли заключаться в том, что он был и.о. резидента в Лондоне в 1984–1985 гг., именно тогда, когда там с визитом были М.С. и Р.М. Горбачевы; но могли быть, конечно же, и более «свежие»... Почему же не перепроверили информацию? Или «достоверность в точности сведений, полученных от этого источника информации, сомнений не вызывает», так, кажется, пишется в отчетах?

Эти таинственные смерти больше похожи на упреждение нежелательных последствий, что является чаще всего основным мотивом устранения нежелательных лиц. Однако были и такие трагические происшествия, которые больше всего похожи на акции возмездия за то, что отдельные генералы КГБ СССР сопротивлялись разгрому своей страны. Уже после 1991 года были убиты: бывший Председатель КГБ Грузинской ССР Герой Советского Союза генерал-полковник **А.Н. Инаури** (1993 г., Батуми); бывший Председатель КГБ Армянской ССР генерал-майор **М.А. Юзбашян** (1993 г., Ереван, похоронен в Москве). А бывший Председатель КГБ Латвийской ССР генерал-майор С.В. Зукул, по всей видимости, не смог выдержать травли в прессе и застрелился сам...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. GAMEOVER

От известного и уже цитированного нами высказывания Аллена Даллеса и до рапорта Бориса Ельцина из Беловежья бывшему директору ЦРУ Дж Бушу-старшему пролегла совместная американо-советская революция. В конце 1991 г. единая американо-советская совместная революция распалась на составные части по числу республик. Вот только что-то в Белоруссии «совместная революция» не заладилась, да дала осечку в Приднестровье, но «конец истории» еще не наступил.

Но как говорили в СССР, «есть у революции начало — нет у революции конца». И теперь мы говорим о том, что революция продолжается. Потому скрываются и обстоятельства разгрома и гибели СССР, и то, что «холодная война» и совместная революция еще не окончены. При президентстве Буша-старшего добили СССР, при президентстве Буша-младшего хотят уничтожить РФ.

Теперь США могут смело подводить предварительные итоги: «Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой призрак, не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать.

Да, мы потратили на это многие миллиарды долларов, но они уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью. За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на 15 миллиардов долларов, сотни тонн золота, драгоценных камней и т. д. Под несуществующие проекты нам переданы за ничтожно малые суммы свыше 20 тысяч тонн меди, почти 50 тысяч тонн алюминия, 2 тысячи тонн цезия, бериллия, стронция и т. д.

В годы так называемой перестройки в СССР многие наши военные и бизнесмены не верили в успех предстоящей операции. И напрасно. Расшатав идеологические основы, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке. Наша цель и задача в дальнейшем оказывать помощь всем, кто хочет видеть в нас образец западной свободы и демократии.

Когда в начале 1991 года работники ЦРУ передали на Восток для осуществления наших планов 50 миллионов долларов, а затем еще такие же суммы, многие из политиков, военных не верили в успех дела. Теперь же, по прошествии четырех лет, видно — планы наши начали реализовываться.

Однако это не значит, что нам не над чем думать. В России, стране, где еще не достаточно сильно влияние США, необходимо решать одновременно несколько задач: всячески стараться не допускать к власти коммунистов. При помощи наших друзей создать такие предпосылки, чтобы в парламентской гонке были поставлены все мыслимые и немыслимые препоны для левых партий. Для решения важных политических моментов необходимо сделать так, чтобы из президентского окружения Ельцина ушли те, кто скомпрометировал себя. И даже незначительное «полевение» нынешнего президента не означает нашего

поражения. Это будет лишь ловким политическим трюком. Цель оправдывает средства.

Если нами будут решены эти задачи, то в ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем: расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы в Югославии; окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии; установление режимов в оторвавшихся республиках, нужных нам. Да, мы позволим России быть державой, но империей будет только одна страна— США» [8.32. С. 221–223].

Запад готовится к следующему удару по России. Это видно даже по подходу к кадровым расстановкам: «Президент США только что ввел новую должность советника президента США по стратегическому планированию и привел ряд ведущих руководителей RAND Corporation для работы в своем правительстве» [8.33. С. 44]. Кроме хорошо известного советолога К. Райе в Администрацию 43-го Президента США входят еще и другие аналитики, мы найдем их на самых ключевых постах: Пол О'Нил — министр финансов, в прошлом — Председатель RAND Corporation; Дональд Рамсфельд — министр обороны, входил в руководство Гуверовского института войны, революции и мира и в состав Попечительского Совета RAND Corporation; Гейл Нортон — министр внутренних дел, являлась научным сотрудником Института тихоокеанских исследований; Дональд Луис Эванс — министр торговли, а также — Председатель попечительского совета Техасского университета; Элен Чao — министр труда, являлась научным сотрудником фонда «Наследие».

После окончания Второй мировой войны в Европе Соединенные Штаты высадили на континенте «десанты» своих ученых (мы, кстати сказать, поступили так же).

Они искали специалистов, чертежи, патенты, образцы новой техники. Спецслужбы работали на своем «фронт», выискивая руководителей гитлеровских спецслужб и их агентуру. Линии раздела зон оккупации при этом не служили особым препятствием для работы. Из всех этих операций известно только, как решались «атомная проблема» через т. н. миссию ALSOS и как происходил вывоз ракетчика Вернера фон Брауна. По аналогии мы видим, что окончание первого этапа нынешней агрессии — разгром СССР и невидимая оккупация — привело к подобной «откачке мозгов» из бывшего СССР, но некоторых специалистов перевозить к себе Штаты не торопятся и для этого есть все основания: просто необходимо, чтобы они работали на месте — так проще собирать информацию. Речь идет о российских «мозговых трестах». Помощь американским «яйцеголовым» оказывают российские «продвинутые».

Ничего принципиально нового здесь нет — такого рода совместное творчество отмечалось еще с доперестроенных времен. В настоящее время контакты с внешним врагом не так уж и законспирированы для широкой публики. Это происходит через присвоение докторских степеней и профессорских званий университетов других стран, через разовые задания (гранты), через систему выкачивания интеллектуальных сил России Дж. Соросом, через прямые и опосредованные контакты с различными институтами и «мозговыми центрами» — стыд в наши времена исчез вместе с запахом крови на долларе. Открытость такого рода дает гораздо больший эффект по сравнению с тем периодом (1945–1991), когда американцам пришлось получать информацию по крупицам и платить гораздо большие деньги. Сейчас совершенно не та ситуация. Заплатил

по контракту — и вот вам готов проект: «Американские спецслужбы, действующие в России, перешли на качественно новый уровень активности. Они создают из реальных российских политиков, политологов и отраслевых специалистов референтные группы и с их помощью, оплачивая их деятельность из многочисленных, действующих в России американских фондов, создают глубокие аналитические материалы, описывающие состояние российской экономики и политики, что было бы невозможно сделать средствами традиционной разведки. Полученные разработки используются для прямого, чаще всего разрушительного воздействия для России» [8.34. С. 1].

Дело это, как мы убедились, очень и очень серьезное. Знания аналитиков — это наистрашнейшее оружие. В связи с этим хотелось бы сделать предложение, исходя из следующего. В деятельности спецслужб, правоохранительных и фискальных органов в настоящее время практикуется т. н. система оперативных учетов. Суть ее заключается в том, что то или иное подразделение, линия или служба для своих внутренних нужд заводит базу данных по тем лицам, которые в силу характера своей деятельности находятся под пристальным наблюдением. Предварительно проделанная работа по сбору и выявлению информированного круга лиц позволяла и позволяет в случае необходимости проводить профилактические мероприятия в нужных границах, а в случае ЧП — сузить круг подозреваемых до минимальных пределов. Каждая служба имеет свою картотеку оперативного учета. Из этой же среды вербуются наименее устойчивые элементы в агентуру. (Должен сразу предупредить, что такого рода информацию в систематизированном виде из числа сотрудников криминальной милиции мне никто и никогда не рассказывал. Были указаны лишь общие направления такого рода деятельности, а все остальное я домыслил сам.)

Смысл подобных рассуждений в том, что в стране имеются лица из числа аналитиков-системщиков, способные свои знания применить для следующего этапа либеральной революции по разрушению социально-политических систем. На этот раз очередь России. Автор не знает, ведется ли оперативный учет ФСБ по таким лицам или нет, но выдвинуть идею о создании такой системы с целью сдержать развал России вправе.

Избранные российские «мозговые центры» сумели установить связи с RAND Corporation и поработать с ней на договорных началах. Открытая информация об этих связях имеет безусловно рекламный характер и указывает на ряд следующих московских организаций.

Это — Неправительственное объединение политиков, предпринимателей, государственных служащих, представителей СМИ и академических кругов «Совет по внешней и оборонной политике» (СВОП). Председателем Президиума является С.А. Караганов, заместитель Директора Института Европы РАН. В марте 1994 г. Советом было проведено исследование «Российско-американские стратегические интересы после «холодной войны». В реализации этого проекта принимали также участие Институт Европы РАН и RAND Corporation [8.35. С. 108].

Это — Автономная некоммерческая организация «Центр этнополитических и региональных исследований» (ЦЭПРИ). Этот центр выделился из Внешнеполитической ассоциации, основанной Э.А. Шеварднадзе, он расположен в этом же здании, его Генеральным директором является Э.А. Паин. Центром налажено постоянное сотрудничество в форме научных контактов с RAND Corporation. Совместно с ней выполнен ряд исследований, например: «Беженцы и вынужденные переселенцы в государствах СНГ» (1994–1997), «Механизм

принятия политических решений об использовании силы в конфликтных зонах (опыт США и России)» (1995–1996); по материалам этих исследований выпущен ряд книг и брошюр, в том числе под редактированием Д. Эзраэля, проведены научно-практические конференции [8.35. С. 115].

Это — Научно-благотворительный фонд «Экспертный институт», Председатель научного совета — Е. Г. Ясин, Председатель благотворительного совета — А.И. Вольский. RAND Corporation выступает как потребитель информации [8.35. С. 120].

RAND Corporation совместно с Институтом углубленных российских исследований Кеннана принимала участие во второй сессии Независимого исследовательского Совета по миграции стран СНГ и Балтии 28–29 января 1999 г. [8.36. С. 45]. Интерес американских ученых к миграции очевиден в свете изложенной нами «внутренней geopolитике» — они ищут новые потенциальные «горячие точки».

Вашингтонский филиал провел семинар вместе с Отделением общественных наук РАН «Россия—НАТО: механизмы взаимодействия» в июне 2003 г.

* * *

Больше всего мне бы хотелось подобную книгу не написать, а только прочитать. Пусть бы кто-нибудь другой: аналитик из КГБ или ЦРУ, какой-нибудь доктор наук — специалист по системным исследованиям или историк, достаточно открытый широким трактовкам, — изложил все это.

В процессе сбора материалов книги я был только наблюдателем, далеким от основных развивающихся событий в Москве, на Кавказе, в Прибалтике, Берлине или Бухаресте и, тем более, от разработчиков этих событий в Штатах. И все же, как мне кажется, смог увидеть те ключевые вещи, которые позволили пусть и «десять лет спустя», но высказать свою версию. Что же касается ее восприятия, то позволю себе высказать на этот счет следующие соображения. Полагаю, есть как бы несколько этапов в способностях людей в познании и осознании неких процессов.

1. **Все видеть, но ничего не знать.** И спустя полгода после ГКЧП его деятели утверждали, что ЦРУ ни при чем, а замысел принадлежит только им.

2. **Все видеть и все знать.** В приложении к изложенному нами — это только RAND Corporation. Даже Горбачев здесь — полный нуль.

3. **Ничего не видеть, ничего не знать.** Этот класс людей совсем пустой, но он есть.

4. **Ничего не видеть, но все знать.** Теперь это мы с тобой, читатель. Мы не были вовремя допущены к событию. Мы могли смотреть только на экран ТВ, но теперь-то уж — хотя и ужасно поздно! — мы можем знать все. И дай нам Бог больше не ошибаться в оценках!

Мы сами были только зрителями, иногда, на короткое время, нас самих вызывали на сцену и делали участниками этого спектакля... Прежде нам были известны только актеры спектакля, потом — в меньшей степени — закулисные режиссеры, и только-только теперь мы добрались до авторов жутких сценариев.

Многое из того, что мы собрали и систематизировали под новым углом зрения, уже было известно, а в иных случаях детально проанализировано и освещено. Однако многие и многие объекты нашего исследования продолжают

отрицать вполне очевидные факты. Это в высшей степени безрассудно, но они пытаются это делать. Даже когда их никто не тянет за язык, они умудряются лишний раз вставить, что СССР-де развалился сам по себе, как изначально плохо сложенная поленица дров, но «...мы в такое совпадение случайностей поверить не можем. Мы фиксируем за этим нагромождением случайностей отлично выстроенную блестящими специалистами игру. Он добился своей цели, этот высококвалифицированный советолог из «Рэнд-корпорейшн» или «Лэнгли». Он вычислил все» [8.37. С. 3].

Добросовестные наблюдатели из той же Америки, хотя и не сочувствуя нам, а лишь восхищаясь блеском проведенной перестройки, утверждают, что «анализ причин развала Советского Союза вне контекста американской политики напоминает расследование по делу о внезапной, неожиданной и таинственной смерти, где не берется во внимание возможность убийства и даже не делается попытки изучить обстоятельства данной смерти.

Но даже если жертва была больна неизлечимой болезнью, следователь обязан изучить все возможное. <...> Не было ли каких-либо необычных обстоятельств, сопутствовавших этой смерти, или каких-то непривычных вещей, с ней связанных. <...> На сегодняшний день связь между политикой Рейгана и крахом Советского Союза мало изучается. <...> Некоторые считают, что между американской политикой 1980-х гг. и крахом Советского Союза существует незначительная связь или ее почти не существует» [60. С. 6–7].

Да, действительно, если трактовать события в духе модного сейчас *правового подхода*, то можно сказать, что было убийство Советского Союза, или отчасти, может быть, доведение до самоубийства.

Итак, виновны ли Соединенные Штаты Америки в этом убийстве? — Да, виновны.

Виновно ли высшее руководство Советского Союза в соучастии в этом преступлении? — Да, виновно.

Кто еще кроме них? — Определенные круги в Израиле, в западноевропейских странах.

В неизвестной нам степени этому способствовали китайские спецслужбы и пропагандистские центры, как, например, «Радио Урумчи». Так утверждает бывший работник ЦРУ со ссылкой на документ RAND Corporation N-1713-NA от августа 1981 года [60. С. 125]. Укажем также на то, что Китай вел разведывательную работу по СССР с 1952 года. «Симметричный» ответ СССР состоялся лишь в 1963 г. [19. С. 78, 79].

Главное в нашей книге — это поиск ответа на все тот же извечный вопрос, который поднял еще не превзойденный Гений и Великий Русский Поэт Александр Сергеевич Пушкин: «Гений и злодейство — две вещи несовместные?» Увы — совместили. И даже совсем наоборот, «добро» (не абсолютное умозрительное Добро, а добро в руках, сердцах и умах людей) не смогло еще не только адекватно ответить, а даже поведать нам о катастрофе...

Мы узнали обо всем последними. И тот, кто это сделал, просто не примет чьих бы то ни было упреков. В 1945 г. после кошмара Хиросимы и Нагасаки один из создателей американской атомной бомбы Э. Ферми сказал: «Причем тут нравственность? — Просто интересная физика!» И упрекать американского Неизвестного Аналитика в безнравственности просто нелепо, он обязательно

повторит: «Причем тут нравственность? — Просто интересный системный подход!»

Сегодня уже не столько (по выражению Д. Сороса) большие деньги делают политику, сколько тонкие интеллектуальные технологии. И хотелось бы, чтобы методологический ответ России был не только зеркальным, но и превзошел предложенные правила игры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ. ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Альбац Е.М. Мина замедленного действия. М.: РУС-СЛИТ, 1992.
2. Анисин Н.М. Про политику и политиков. М.: Палея-Мишин, 1999.
3. Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление. (1953–1985 гг.) Свидетельство современника. М.: Международные отношения, 1991.
4. Белая книга российских спецслужб. Всероссийское государственно-патриотическое объединение «Духовное наследие», Международная неправительственная научно-исследовательская и образовательная организация «РАУ-корпорация», РАУ-университет. Научно-редакционный совет: Подберезкин А.И. (председатель) и др. — 2-е изд. перераб. М.: Информационно-издательское агентство «Обозреватель», 1996.
5. Бернстайн К. Священный союз. // За рубежом. 1992, февраль. № 9. (со ссылкой на: Time).
6. Бешлосс М., Тэлботт С. На самом высоком уровне. Закулисная история окончания «холодной войны». М.: АО «Все для вас», 1994.
7. Болдин В.И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева. М.: Республика, 1995.
8. Болдин В.И. Путь в Геростраты. // Досье гласности. 2001. № 11.
9. Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники. О Хрущеве, Андропове и не только о них... М.: Политиздат, 1990.
10. Виноградов А. Тайные битвы XX века. М.: Олма-пресс, 1999.
11. Власов Ю.П. Временщики. Судьба национальной России. Ее друзья и враги. М.: Детектив-Пресс, 2000.
12. Гайдар ЕЛ. Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1997.
13. Гане Р- Спонсоры и ренегаты. // Советская Россия. 1992, 5 декабря. № 153.
14. Голик Ю., Энгвер Н., Бабурин С., Шашвиашвили И. Агенты влияния. Кто и что скрывается за этими таинственными словами. // Советская Россия. 1992, 21 ноября. № 147.
15. Голик Ю., Энгвер Н., Шашвиашвили И. После согласования с госдепом. // Советская Россия. 1993, 29 мая. № 63.
16. Горбачев М.С. Декабрь-91. Моя позиция. М.: Новости, 1992.
17. Гордиевский О., Эндрю К. КГБ. Разведывательные операции от Ленина до Горбачева. М.: Центрполиграф, 1999.
18. Докучаев М.С. Москва. Кремль. Охрана. М.: Бизнес-пресс, 1995.
19. Дроздов Ю.И. Записки начальника нелегальной разведки. М.: Олма-Пресс, 2000.
20. Дроздов Ю.И., Фартышев В.И. Юрий Андропов и Владимир Путин. На пути к возрождению. М.: ОЛМА-пресс, 2001.
21. Зенькович Н.А. Михаил Горбачев: жизнь до Кремля. М.: Олма-Пресс, 2001.
22. Зенькович Н.А. Покушения и инсценировки. От Ленина до Ельцина. М.: Олма-Пресс. 1998.
23. Зиновьев А.А. Посткоммунистическая Россия. М.: Республика, 1996.

24. Зиновьев А.А. Советская контрреволюция. // Советская Россия. 1998, 19 сентября. № ПО.
25. Зиновьев А.А. «Систему разрушили без меня...» // Совершенно секретно. 1993. № 9.
26. Игнатьев А.Н. «Пятая колонна». Изд. 2-е, перераб. и доп., М., 1998.
27. Израэлян В. Несостоявшаяся встреча. // Аргументы и факты. 1991. № 25.
28. Казначеев В.А. Последний генсек. М.: Гудок, 1996.
29. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. В 2-х кн. М.: Алгоритм, 2001.
30. Карапулов А.В. Частушки. «Плохой мальчик». Новый вариант известной книги. — М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1997.
31. Катасонов Ю.В. Разгром без сражений. // Наш современник. 1991. № 10.
32. Козенков Ю. Спасет ли Путин Россию??? М.: Профиздат, 2001.
33. Королев В. «Секреты» секретных служб. Исповедь бывшего контрразведчика. // Огонек. 1990, октябрь. № 43.
34. Красильников Р.С. Призраки с улицы Чайковского. М.: Гея итэрум, 1999.
35. Крючков В.А. Личное дело. В двух частях. М.: Олимп, АСТ, 1996, XX век глазами очевидцев.
36. Кургинян СЕ. Седьмой сценарий. В трех частях. М.: ЭТЦ, 1992, 1993.
37. Легостаев В.М. Гебист магнетический. Заметки о Ю.В. Андропове. // Завтра. 2004, февраль-март. №№ 5–8.
38. Легостаев В.М. Генсек кровавый. // Завтра. 2001, март. №№ 9, 10.
39. Легостаев В.М. «Теневик демократии». // Завтра. 1998, декабрь. №№ 48, 49.
40. Леонов Н.С. Лихолетье. М.: Терра, 1997.
41. Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Глобальная империя Зла. М.: Крымский мост—9Д, Форум, 2001.
42. Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая информационно-психологическая война. М.: Институт социально-политических исследований АСН, 2000.
43. Медведев В. Т. Человек за спиной. М.: Русслит, 1994.
44. Морозов М. Кремлевские секреты хорошо идут под водочку. // Комсомольская правда. 1997, 4 февраля. № 20.
45. Никаш Б. План «Голгофа»: Андропов, Крючков, Горбачев, Ельцин. // За Русское Дело (СПб). 1997. № 10.
46. Огден К. Маргарет, Михаил и Раиса. //Аргументы и факты. 1991. № 36.
47. Отдел политики «КП». И все-таки кремлевские секреты хорошо идут под водочку. // Комсомольская правда. 1997, 4 марта. № 40.
48. Павлов В.С. Август изнутри. Горбачев-путч. М.: Деловой мир, 1993.
49. Павлов В.С. Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку. М.: Терра, 1995.
50. Печенев В.А. Горбачев: К вершинам власти: (Из теоретико-мемуарных размышлений.) М.: Господин народ, Феномен человека, 1991. Политические мемуары.
51. Платонов О.А. Почему погибнет Америка? Тайное мировое правительство. Краснодар: Советская Кубань, 2001.

52. Платонов О.А. Россия под властью масонов. М.: Русский вестник, 2000.
53. Платонов О.А. Терновый венец России. Тайная история масонства. В 2-х тт. М.: Родник, 1996.
54. Политология. Энциклопедический словарь. / Общ. ред. и сост.: Аверьянов Ю.И. М.: Изд-во Моск. коммерч. унта. 1993.
55. Россия-2000. Современная политическая история (1985–1999 годы): Справочно-энциклопедическое издание. / Под общ. ред. Подберезкина А.И. — 3-е изд. доп. и перераб. М.: РАУ-Университет; Духовное наследие. В 2 т. Т. 1: Хроника и аналитика; Т. 2: Лица. / Отв. ред. Котилевский М.Д., Лебедев Ю.В. и др., 2000.
56. Семичастный В.Е. «Мне нестерпимо больно...» // Завтра. 1997, июнь. № 25.
57. Терещенко М.Н. На западном направлении. // Военно-исторический журнал. 1993. № 5.
58. Фроянов И.Я. Погружение в бездну. С-Пб.: Издательство С.-ПбГУ, 1999.
59. Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1991.
60. Швейцер 77. Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. Мн.: СП «Авест», 1995.
61. Широнин В.И. КГБ— ЦРУ. Секретные пружины перестройки. М.: Ягуар, 1997.
62. Широнин В.И. Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки. М.: Палея, 1996.
63. Шубин А.В. От «застоя» к реформам. СССР в 1917–1985 гг. М.: РОССПЭН, 2001.
64. Яковлев А.Н. Маленькие тайны великого времени // Аргументы и факты. 2000. № 18.
65. Яковлев Н.Н. Мечтатель с Лубянки. // Молодая гвардия. 1992. № 8.
66. Яковлев Э.Н. Подлость генсека. Путь к трагедии августа 1991-го. // Советская Россия. 1997, 16, 19 августа. № 95, 96.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА К «ВМЕСТО ПРЕАМБУЛЫ» И ГЛАВЕ I

- 1.01. Берия С.Л. Мой отец — Лаврентий Берия. М.: Современник, 1994.
- 1.02. Зенькович Н.А. В тени Кремля. Смоленск: Русич, 2000.
- 1.03. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. Переписка с Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном (авг. 1941 г. — дек. 1945 г.) // М-во иностр. дел СССР. — 2-е изд. М.: Политиздат, 1989.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ II

- 2.01. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1992.
- 2.02. Единство РПС (рабочих — патриотов — сталинцев). Кто такие сталинцы? // Молодая Гвардия. 1993. № 2.
- 2.03. Из рабочей записи заседания Политбюро ЦК КПСС от 12 июля 1984 г. Цит. по: Совершенно секретно. 1995. № 9.
- 2.04. *Семичастный В.Е.* Устная история. Хрущевские времена. Беседа Барсукова А.Н. с Шелепиным А.Н., Семичастным В.Е. от 27 марта и 22 мая 1989 г. // Неизвестная Россия. XX век. Книга вторая. М.: Историческое наследие, 1992.
- 2.05. *Кузьмин С.* К репрессиям причастен. (Штрихи к политическому портрету Н.С. Хрущева.) // Молодая гвардия. 1996. № 3.
- 2.06. *Пономаренко П.К. II* Куманев Г.А. Рядом со Сталиным: Откровенные свидетельства. Встречи, беседы, интервью, документы. М.: Былина, 1999.
- 2.07. *Кунаев Д.А.* Трудно угодить всем. // Совершенно секретно. 1991. № 2.
- 2.08. *Мильнер Б.З.* Такой простой и сложный менеджмент! // Огонек. 1989. № 9.
- 2.09. *Зиновьев А.А.* «Домой, в Россию!» // Завтра. 1999, июнь. № 25.
- 2.10. *Терещенко В.И. II* Неделя. 1990, ноябрь. № 46.
- 2.11. *Еременко В.Н.* Вблизи сильных мира... // Литературная Россия. 2002. № 3–4.
- 2.12. *Смирнов Г.Л.* Маленькие секреты Большого дома. // Неизвестная Россия. XX век. Книга третья. М.: Историческое наследие, 1993.
- 2.13. Партийное строительство: Учебное пособие. / Рук-ль авт. колл. — *Петровичев Н.А.*, изд. 5-е, доп. М.: Политиздат, 1978.
- 2.14. *Armstrong J.A.* Ideology, Politics, and Goverment in the Soviet Union. An Introduction. Third Ed. NY, W: Praeger Publishers, 1974.
- 2.15. Известия ЦК КПСС. 1989. № 1.
- 2.16. *Геворкян Н., Мурсалиев А.* Четыре времени Евгения Примакова. // Московские новости. 1995, 11–18 июня. № 41.
- 2.17. *Косолапое Р.И.* Иудино семя. Лики Смутного времени. М., 1996.
- 2.18. *Медведев В.А.* В команде Горбачева. Взгляд изнутри. М.: Былина, 1994.
- 2.19. *Восленский М.С.* Номенклатура, М.: МП Октябрь, Советская Россия, 1990.
- 2.20. КГБ известный и неизвестный. // Дайджест-Куранты. 1992, январь. № 2.
- 2.21. *Василькова В.В.* Порядок и хаос в развитии социальных систем. Синергетика и теория социальной самоорганизации. СПб., 1999.
- 2.22. *Жириновский В.В.* Последний вагон на Север. М.: Фолиант, 1998.
- 2.23. *Легостаев В.* Загадки Лигачева. // Завтра. 2000, декабрь. № 52.
- 2.24. *Терехов А.* Грановского, З. // Совершенно секретно. 1996. № 6.

- 2.25. *Гриневский О.* Проболтался: Как зам. министра иностранных дел СССР Я. Малик выдал государственную тайну и едва не сорвал Н. Хрущеву крупную международную игру. // Родина. 1996. № 1.
- 2.26. *Баранец В.* «МиГ перебежчика». // Комсомольская правда. 1998, 26 сентября. № 179.
- 2.27. *Новиков А.* КГБ и ЦРУ в поисках «Нового мирового порядка». // Москва. 1993. № 10.
- 2.28. *Ельцин Б.Н.* Исповедь на заданную тему. Красноярск: Кн. Изд-во, 1990.
- 2.29. *Карпович Я.В.* Стыдно молчать! // Огонек. 1989. № 29.
- 2.30. *Почепцов Г. Г.* Информационные войны. М.: Рефл-бук, Киев: Ваклер, 2000.
- 2.31. *Сантос А.* Номенклатура и мафия против патриотизма. // Латинский квартал, прил. к Новой ежедневной газете. 1995, 17 января. С. 5. Цит. по: Козенков Ю. Спасет ли Путин Россию??? М.: Профиздат, 2001.
- 2.32. *Вудфорд Б.* Признание шефа разведки. М.: Политиздат, 1990.
- 2.33. *Кургинян С.Е., Мамиконян М., Подкопаева М.* Экспериментальный творческий центр. Четвертый Рим — или Вторая Орда? Доклад на клубе «Содержательное единство». // Завтра. 1998, январь. № 3.
- 2.34. *Кургинян С.Е., Аутеншлюс Б.Р., Гончаров П.С. и др.* Постперестройка: Концептуальная модель развития нашего общества, политических партий и общественных организаций. М.: Политиздат, 1990.
- 2.35. *Долгов В., Полов М.* От разбитого корыта к созиданию. // Молодая гвардия. 1991. № 4.
- 2.36. *Легостаев В.М.* Как умер Брежnev? // Завтра, 2002, ноябрь. № 44.
- 2.37. *Захаров О.А.* Записки секретаря трех генсеков. // Гласность. 1992, 4—10 июня. № 20.
- 2.38. *Калугин О.Д.* «Андропов напугал многих». Отрывок из книги «Сжигая мосты». // Совершенно секретно. 1993. № 9.
- 2.39. *Ярузельский В.* Военное положение — наименьшее зло. // Совершенно секретно. 1993. № 4.
- 2.40. *Ржевский В.* «Подвиг разведчика» в исполнении пана Куклинского. // Новости разведки и контрразведки. 1998. № 8.
- 2.41. *Ржевский В.* «Подвиг разведчика» в исполнении пана Куклинского. // Новости разведки и контрразведки. 2001. №№П—12.
- 2.42. *Крэймер М.* Кризисы в отношениях СССР со странами Восточной Европы, 1948–1981: использование новых данных. / Холодная война. Новые подходы, новые документы. М., 1995. Со ссылкой на: Wojna z narodom widziana jd srodra. // Kulturaa (Paris), 4/475 (April 1987), p. 23.
- 2.43. *Чазов Е.И.* Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского врача». М.: Новости, 1992. Время, события, люди.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ III

- 3.01. *Душенко К.В.* Словарь современных цитат. 4300 ходячих цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировка. М.: Аграф, 1997.
- 3.02. *Новиков А.* Разведка войной. Завтра № 44, 2001.
- 3.03. *Даллес А.* II Вопросы истории. 1998. № 4.
- 3.04. *Зазворка Г.* Психологическая война НАТО. (Организация, способы и методы ведения психологической войны.) / Пер. с нем. М.: Воениздат, 1963.
- 3.05. Необъявленная война против Польши. М., 1984.
- 3.06. «Это по сути дела— война. (О работе ЦРУ. — А.Ш.) Война беспощадная, где нет запрещенных приемов, где все разрешено. (...) Война необъявленная, то здесь, то там переходящая в неприкрытую интервенцию, вооруженные конфликты...» (*Герэн А., Варэн Ж.* Люди из ЦРУ. / Пер. с франц. М.: Международные отношения. 1985. С. 10)
- 3.07. «Соединенные Штаты оказывают слишком большое давление как с помощью тайных операций, так и через шпионаж и подслушивание. Некоторые даже говорят, что все это похоже на объявление Советам некой «разведывательной» войны». Общий итог этого «пассивного» сбора разведывательных данных — «жучок» там, спутник-шпион — тут, подслушивание по всему миру, подводные лодки в том или ином море — выражается в чем-то большем, чем простая сумма этих элементов. (...) Сведите все это вместе и вы получите нечто довольно близкое к разведывательной войне. Да, это была война». (*Вудворд Б.* Пелена. Секретные войны ЦРУ в 1981–1987 гг. / *Woodward B. Viel: The Secret wars of the CIA 1881–1987.* N.-Y, 1987.) 1. Разведка США в действии. Шпионаж, тайные операции, саботаж. Сборник материалов. Пер. с англ. общая редакция и предисловие Яковлева Н.Н. Рассыпается по особому списку «А». М: Прогресс, 1988.
- 3.08. *Косолапое Р.И.* Полет совы. Философско-исторические этюды Смутного времени. М.: Палея, 1994.
- 3.09. *Гареев М.М.* /Национальная безопасность в поисках приоритетов. Материалы совещаний аналитической группы при Совете Обороны Российской Федерации. М.: Московский общественный научный фонд. 1998.
- 3.10. *Гареев М.М.* О стратегии прямых и непрямых действий. /7 Кто есть кто в современном мире. 1994, декабрь. № 22.
- 3.11. *Сунь Цзы.* Трактат о военном искусстве. М.: Воениздат, 1955.
- 3.12. *Могилевкин ИМ.* Невидимые войны XX века. М.: Экономика, 1989. Со ссылкой на: *Фараго Л.* Война умов. (Нью-Йорк, 1954.)
- 3.13. *Дроздов Ю.И.* Вымысел исключен. (Записки начальника нелегальной разведки). // Наш современник. 1996. № 8.
- 3.14. *Ротт Р.* Своя разведка. Способы вербовки агентуры, методы проникновения в психику, форсированное воздействие на личность, технические средства скрытого наблюдения и съема информации. Практическое пособие. Мн.: Харвест, 1998.
- 3.15. *Комов В.* Существует ли «Организационное оружие»? // Строительная газета. 1987, 25 июня. № 146.

- 3.16. *Почепцов Г. Г.* Информационно-психологическая война. М.: СИНТЕГ, 2000.
- 3.17. *Расторгуев С.П.* Информационная война. М.: Радио и связь, 1998.
- 3.18. *Файоль А.* Общее и промышленное управление. М.: Контроллинг, 1992.
- 3.19. Великая Октябрьская социалистическая революция. Изд. 3-е, доп. Под ред. *Голуба П.А.* и др. М.: Советская энциклопедия, 1987.
- 3.20. *Ленин В.И.* ПСС. Т.36.
- 3.21. *Сталин И.В.* Сочинения. Т.5. М.: Госполитиздат, 1952. Биографическая хроника (1921–1923).
- 3.22. БСЭ. 2-е изд. Т.12. М.: БСЭ, 1952.
- 3.23. *Медведев Р.А. Н.С. Хрущев. Год 1964-й— неожиданное смещение.* // Никита Сергеевич Хрущев. Материалы к биографии. Сост. Аксютин Ю.В. М.: Политиздат, 1989.
- 3.24. *Медведев Р.А. Н.С. Хрущев. Год 1964-й— неожиданное смещение.* // Аргументы и факты. 1988. № 27.
- 3.25. *Брежнев Л.И.* Ленинским курсом. Т.3. М.: Политиздат.
- 3.26. *Кургинян С.Е., Овчинский В.С., Аврех Г.Л.* Финансовая война. // Наш современник. 1991. № 5.
- 3.27. *Катасонов Ю.В.* Природа на экспорт. // Наш современник. 1989. № 11.
- 3.28. *Мельников Ю.М.* Внешнеполитические доктрины США. М.: Наука, 1970.
- 3.29. *Батюк В.И.* Истоки «холодной войны»: Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. М.: Российский научный фонд, 1992, Научные доклады.
- 3.30. *Калашников М.* Сломанный меч империи.: М.: Крымский мост-9Д, Палея, Форум, 1999.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ IV

- 4.01. *Fainsod M.* Smolensk under Soviet Rule. (Смоленск— подчиненная советская роль). Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1958.
- 4.02. Международная жизнь. 1990. № 11.
- 4.03. *Батюк В.И., Евстафьев Д. Г.* Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945–1950 гг. М.: Российский научный фонд, Российское университетское издательство. Монографии.
- 4.04. *Smith B.L.R.* The RAND Corporation: Case Study of a Nonprofit Advisory Corporation. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1966.
- 4.05. *Guttman D., and Willner B.* Shadow Government. The Government's multi-billion-dollar Giveaway of its Decision-Making Power to Private Management Consultants, «Experts», and Think Tanks. NY: Panteon books A Division of Random House, 1976.
- 4.06. *Стерн С.* «Мыслительная фабрика» Пентагона. // За рубежом. 1967. № 43 (со ссылкой на: New-York Time Magazin).
- 4.07. *Диксон П.* Фабрики мысли. М.: Прогресс, 1976.
- 4.08. *Dickson P.* Think Tanks. NY: Atheneum, 1971.
- 4.09. *Лебедева Е.А., Недотко П.А.* Программно-целевой подход к научным исследованиям в США. М.: Наука, 1980.
- 4.10. *Wohlstetter A.J., Hoffman F.S., Lutz R.J., and Rowen H.S.* Selection and Use of Strategic Air Bases. (Отбор и применение баз стратегической авиации.) R-266, Apr. 1954. Declassified 1962.
- 4.11. *Sheppard J.J.* Human Color Perception. (Восприятие цвета человеком.) N.Y.: John Wiley & Sons Inc. 1968.
- 4.12. *Leites N.* The Operational Code of the Politburo. (Операционный код Политбюро.) 1950.
- 4.13. *Dinerstein H.S., Gome L., and Wolfe T.W.* Trans, and annotations. Soviet Military Strategy. Original (in Russian) ed. V.D. Sokolovskij. (Перевод на английский и аннотации к книге в русском оригинале «Советская военная стратегия» под редакцией В.Д. Соколовского.) 1963.
- 4.14. *Garthoff R.L.* Soviet Military Doctrine. (Советская военная доктрина.) 1953.
- 4.15. *Goldhammer H.* Soviet Military Management at Troop Level. (Советское военное искусство на поле боя.) R-1513-PR, May 1974.
- 4.16. *Goure L.* Notes on the Second Edition of Marshal V.D. Sokolovskii's «Military Strategy». (Записки ко второй редакции книги «Военная стратегия» Маршала В.Д. Соколовского.) RM-3972-PR, Febr. 1964.
- 4.17. *Mead M.* Soviet Attitudes toward Authority: An Interdisciplinary Approach to Problems of Soviet Character. (Советское отношение к власти: Запретительный подход в проблемах советского характера.) 1951.
- 4.18. *Ханин Г.И.* Советский экономический рост: анализ западных оценок. Новосибирск: ЭКОР, 1993.
- 4.19. *Янч Э.* Прогнозирование научно-технического прогресса. / Пер. с англ. Общая редакция и предисловие Гвишиани Д.М. Изд. 2-е, доп. М.: Прогресс, 1974.

- 4.20. Араб-Оглы Э.А. Кан Герман. // Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия.
- 4.21. Петров В.Л. Геополитика России. Возрождение или гибель? М.: Вече, 2003.
- 4.22. Амелин В.И., Дегтярев А.А. Социология политики: становление и современное состояние. / Социология в России. Под ред. Ядова В.А. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998.
- 4.23. Becker A.S. Soviet Military Outlays Since 1955. (Советские военные расходы с 1955 г.) RM-3886-PR. July 1964.
- 4.24. Dinerstein Я. The Soviet Military Posture as a Reflection of Soviet Strategy. (Позиция советских военных при размышлении в советской стратегии.) RM-2102, 1958.
- 4.25. Dinerstein H.S. War and the Soviet Union: Nuclear Weapons and the Revolution in Soviet Military and Political Thinking. (Война и Советский Союз: Ядерное оружие и революция в советском военном деле и политическое мышление.) Frederick A. Praeger, Inc., 1959.
- 4.26. Horelick A.L. The Cuban Missile Crisis: An Analysis of Soviet Calculations and Behavior. (Кубинский ракетный кризис: По советским аналитическим отчетам и поведению.) RM-3779-PR, Sept. 1963.
- 4.27. Horelick A.L. «Deterrence» and Surprise Attack in Soviet Strategic Thought. («Сдерживание» и все-таки неожиданное нападение в советской стратегии.) RM-2618, July 1960.
- 4.28. Horelick A.L., and Rush M. Strategic Power and Soviet Foreign Policy. (Стратегические силы и советская внешняя политика.) Chicago, 111.: The Univ. of Chicago Press, 1966.
- 4.29. Horelick A.L., and Rush M. The Political Use of Soviet Strategic Power. (Политическое применение советской стратегической силы.) RM-2831-PR, Jan. 1962.
- 4.30. Kolkowicz R. Soviet Strategic Debates: An Important Addendum. (Дискуссия вокруг советской стратегии: Прикладное значение.) P-2936, July 1964.
- 4.31. Kolkowicz R. The Red «Hawks» on the Rationality of Nuclear War. (Красные «ястребы» о целесообразности ядерной войны.) RM-4899, 1965.
- 4.32. Lambeth B.S. Selective Nuclear Operations and Soviet Strategy. (Выбор ядерных операций и советская стратегия.) P-5506, 1975.
- 4.33. Snyder J.L. The Soviet Strategic Culture: Implications for Limited Nuclear Options. (Советская военно-стратегическая культура: Вовлечение в ограниченную ядерную войну. Извлечения.) R-2154, 1977.
- 4.34. Wolfe T. W. The Convergence Issue and Soviet Strategic Policy. (Схождение в одной точке на выходе и советская политическая стратегия.) // The RAND 25th Anniversary Volume. 1973.
- 4.35. Wolfe T.W. A First Reaction to the New Soviet Book «Military Strategy». (Первая реакция на выход новой советской книги «Военная стратегия».) RM-3495, 1963.
- 4.36. Wolfe T.W. Soviet Power and Europe, 1945–1970. (Советская сила и Европа в 1945–1970 гг.) Baltimore, Md: The Johns Hopkins Press, 1970.

- 4.37. *Wolfe T.W.* Soviet Strategy at the Crossroads. (Советская стратегия на распутье.) Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1964 and 1965.
- 4.38. *Wolfe T.W.* The Soviet Military Scene: Institutional and Defence Policy. Considerations. (Советский военный театр: Установка и военная политика. Соображения.) RM-4913, 1966.
- 4.39. *Carthoff R.L.* Soviet Doctrine. (Советская доктрина.) The Free Press, 1953.
- 4.40. *Davison W. Ph.* The Berlin Blockade: A Study in Cold War Politics. (Берлинская блокада: Изучение политики «холодной войны».) Princeton Univ. Press: 1958.
- 4.41. *Dinerstein H.S.* Soviet Policy in Latin America. (Советская политика в Латинской Америке.) RM-4957-PR, May 1966.
- 4.42. *Kecskemeti P.* The Unexpected Revolution: Social Forces in the Hungarian Uprising. (Непредвиденная революция: Народная сила Венгерского восстания.) Stanford, Cal.: Stanford Univ. Press, 1961.
- 4.43. *Kolkowicz R.* Conflict in Soviet Party-Military Relations, 1962–1963. (Конфликт в советских взаимоотношениях между партийными и военными кругами.) RM-3760-PR, Aug. 1963.
- 4.44. *Rush M.* The Rise of Khrushchev. (Возышение Н.С. Хрущева.) Public Affairs Press, Other Publishers: 1958.
- 4.45. *Selznick Ph.* The Organizational Weapon in Bolshevik Strategy and Tactics. (Организационное оружие в большевистской стратегии и тактике.) 1952.
- 4.46. *Speier H.* Divided Berlin: The Anatomy of Soviet Political Blackmail. (Раздел Берлина: Анатомия советского политического кошмара.) Frederick A. Praeger, Inc., 1961.
- 4.47. *Tucker R.C.* Stalin and the Uses of Psychology. (Сталин и применение психологии.)
- 4.48. *Tucker R.C.* The Political of Soviet De-Stalinization. (Политика советской десталинизации.)
- 4.49. *Tucker R.C.* Stalinism and Cold War. (Сталинизм и «холодная война».)
- 4.50. *Becker A.S.* Prices of Producers' Durabs in the United States and the USSR in 1955. (Цена продукта в США и в СССР на протяжении 1955 г.) RM-2432, 15 Aug. 1959.
- 4.51. *Becker A.S.* Soviet National Income and Product in 1965: The Goals of the Seven Year Plan. (Советский национальный доход и продукт в 1965: Цель семилетнего плана.) RM-3520-PR, Mar. 1963.
- 4.52. *Becker A.S.* Soviet National Income 1958–1964. National Accounts of the USSR in the Seven Year Plan Period. (Советский национальный доход в 1958–1964 гг. Национальная отчетность в СССР в годы семилетнего плана.) Berkeley, Los Angeles: Univ. of California press.
- 4.53. *Becker A.S.* Soviet National Income and Product 1958–1962: Part I—National Income at Established Prices. (Советский национальный доход и продукт в 1958–1962 гг.: Часть I — Национальный продукт при назначении цен.) RM-4394-PR, June 1965.
- 4.54. *Becker A.S.* Soviet National Income and Product 1958–1962: Part II—National Income at Factor Cost and Constant Prices. (Советский национальный

доход и продукт в 1958–1962 гг.: Часть II — Национальный продукт при факторе стоимости и постоянные цены.) RM-4881-PR, May 1966.

4.55. Becker A.S. Soviet Military Outlays Since 1955. (Советские военные расходы с 1955 г.) RM-3886-PR, July 1964.

4.56. Bergson A., and Heymann H. Soviet National Income and Product, 1940–1948. (Советский национальный доход и продукт в 1940–1948 гг.) 1954.

4.57. Bergson A. The Real National Income of Soviet Russia Since 1928. (Реальный национальный доход в Советской России со времен 1928 г.) Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1961.

4.58. Bergson A., Heymann H., and Hoeffding O. Soviet National Income and Soviet National Income and Product, 1928–1948: Revised Data. (Советский национальный доход и советский национальный доход и продукт в 1928–1948 гг.: Факты проверки.) RM-2544, Nov 1960.

4.59. Hoeffding O., and Nimitz N. Soviet National Income and Product 1949–1955. (Советский национальный доход и продукт в 1949–1955 гг.) RM-2101, 6 Apr. 1959. На ее основе издано: Hoeffding O. Soviet National Income and Product in 1928–1954. (Советский национальный доход и продукт в 1928–1954 гг.)

4.60. Johnson D.G., Kahan S. The Soviet Agricultural Program: An Evaluation of the Goals. (Советская Продовольственная Программа: На пути к цели.) RM-2848-PR, May 1962.

4.61. Jonas A.M. The Soviet Union and the Atom: Peaceful Sharing, 1954–1958. (Советский Союз и атом: Мирное овладение.) RM-2290, 1958.

4.62. Kaplan N.M., and White W.L. A Comparison of 1950 Wholesale Prices in Soviet and American Industry. (Сравнение оптовых цен в советской и американской индустриях.) RM-1443, 1 May 1955.

4.63. Kaplan N.M. Soviet Transport and Communications: Output Indexes, 1928–1962. (Советский транспорт и коммуникации в 1928–1962 гг.: Вне индексации.) RM-4262-PR, Now 1964.

4.64. Krieger F.J. Soviet Space Experiments and Astronautics. (Советские космические эксперименты и космонавтика). P-2261, 31 Mar. 1961.

4.65. Moorrsteen R. Prices and Production of Machinery in the Soviet Union, 1928, 1958. (Цена и продукт организации в Советском Союзе в 1928 г. и в 1958 г.) Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1962.

4.66. Nimitz N. Soviet Expenditures on Scientific Research. (Советские расходы на научные исследования.) RM-3384-PR, Jan. 1963.

4.67. Nimitz N. Soviet National Income and Product, 1956–1958. (Советский национальный доход и продукт в 1956–1958 гг.) RM-3112-PR, June 1962.

4.68. Yeh K.C. Soviet and Communist Chinese Industrialization Strategies. (Стратегия индустриализации Советского Союза и коммунистического Китая.) P-3150, May 1965.

4.69. Hsieh A.L. The Chinese Genie: Peking's Role in the Nuclear Test Ban Negotiations. (Китайские гении: Роль Пекина в переговорах о запрещении ядерных испытаний.) P-2022, 1960-.

4.70. Hsieh A.L. Communist China's Military Doctrine and Strategy. (Военная доктрина и стратегия коммунистического Китая.) RM-3833-PR (abridged), Oct. 1963.

- 4.71. *Hsieh A.L.* Communist China's Strategy in Nuclear Era. (Стратегия коммунистического Китая в ядерную эру.) Printice-Hall, Other Publishers, 1962.
- 4.72. *Kramish A.* The Chinese People's Republic and the Bomb. (Китайская Народная Республика и атомная бомба.) Р-1950, 1960.
- 4.73. *Liu, Ta-Chung, and Yeh, Kung-Chia.* The Economy of the Chinese Mainland: National Income and Economic Development, 1933–1959. (Экономика китайского материка: Национальный продукт и экономические разработки в 1933–1959 гг.) Princeton, N.J.: Princeton Univ. Press, 1965.
- 4.74. *Robinson T.W.* A National Interest Analysis of Cino-Soviet Relations. (Анализ национальных интересов в китайско-советских отношениях.) Р-3319, 1966.
- 4.75. *Robinson T.W. (ed.), et al.* The Cultural Revolution in China. («Культурная революция» в Китае.) Berkeley, Cal.: Univ. of California Press, 1971.
- 4.76. *Zasloff J.J.* The Role of the Sanctuary in Insurgency: Communist China's Support to the Vietminh 1946–1954. (Роль санкций в восстании: Поддержка коммунистическим Китаем Вьетнама в 1946–1954 гг.) RM-4618-PR, May 1967.
- 4.77. Применив теории игр в военном деле. / Сборник переводов с англ. под ред. Ашkenазы В.О. М.: Советское радио, 1961.
- 4.78. *Bellman R.E.* Intriduction to Matrix Analysis. N.Y., Toronto. L. McGraw — Hill Book Co. Inc., 1960. *Беллман Р.Е.* Введение в теорию матриц. / Пер. с англ. под ред. Лидского И.И... М.: Наука, 1969; 2-е изд. М.: Наука, 1976.
- 4.79. *Bellman R.E., and Dreyfus S.E.* Applied Dynamic Programming. Princeton. N.J.: Princeton Univ. Press, 1962. *Беллман Р.Е., Дрейфус С.Е.* Прикладные задачи динамического программирования. / Пер. с англ. под ред. Первозванского А.А. М.: Наука, 1965.
- 4.80. *Brodie B.* Strategy in the Missile Age. Princeton. (N.J.): Princeton Univ. Press, 1959. Советское издание: *Броди Б.* Стратегия в век ракетного оружия. / Пер. с англ. М.: Воениздат, 1961.
- 4.81. *Dresner M.* Games of Strategy: Theory and Applications. (Стратегические игры: Теория и приложения). R-360. May 1961. Также опубликовано отдельной книгой — Printice-Hall, NJ Englewood Cliggs, NJ, 1961. *Дрешер М.* Стратегические игры. Теория и приложения.) / Пер. с англ. М.: Советское радио, 1964.
- 4.82. *McKinsey J.* Introduction to the thoeory of Games.. A Rand Corporation research study, N.Y.: McGraw — Hill Book Co. Inc., 1954. *Мак-Кинси Дж.* Введение в теорию игр. М.: Физматиз, 1960.
- 4.83. *Quade E.S. (ed).* Analysis for Military Decisions. RAND Corporation, Santa-Monika, Cal., Chicago, 111., Amsterdam: Rand Mc Nally & Co., 1964. *Квейд Э.С.* Анализ сложных систем. (Методология при подготовке военных решений.) / Пер. с англ. М.: Советское радио, 1969.
- 4.84. *Williams J.D.* The Compleat Strategyst. A Rand Corporation research study, N.Y.: McGraw — Hill Book Co. Inc. 1954. *Вильямс Дж.Д.* Совершенный стратег, или Букварь по теории стратегических игр. / Пер. с англ. под ред. и с предисловием *Полетаева И.А.* М.: Советское радио, 1960.
- 4.85. *Alexander A.J.* Perestroika and change in Soviet weapons acquisition. (Перестройка и перемена в приобретениях советского оружия.) 1990.
- 4.86. *Alexander. A.J.* Soviet science and weapons acquisition. (Советская наука и вооруженные приобретения.) 1982.

- 4.87. *Alexander A.J.* The conversion of Soviet defense industry. (Конверсия в советской оборонной промышленности.) 1990.
- 4.88. *Alexiev A. R.* Dissident and nationalism in the Soviet Baltic. (Диссидентство и национализм в советской Прибалтике.) // A Project Air Force report prepared for the United States Air Force. 1983.
- 4.89. *Alexiev A.R.* Inside the Soviet Army in Afghanistan. (Внутри Советской Армии в Афганистане). 1988.
- 4.90. *Alexiev A.* Soviet nationalities in German wartime strategy, 1941–1945. (Советские национальности в германской стратегии военного времени 1941–1945 гг.) 1982.
- 4.91. *Alexiev A.R., Nurick R.C.* The Soviet Military Under Gorbachev. (Советские военные в подчинении Горбачева.) Report on a RAND Workshop. R-3907-RC, 1990.
- 4.92. *Azrael J.R.* The KGB in Kremlin Politics. (КГБ в кремлевской политике.) // RAND/UCLA Center for the Study of Soviet International Behavior, 1989.
- 4.93. *Azrael J.R.* The Soviet Civilian Leadership and the Military High Command, 1976–1986. (Советское гражданское руководство и высшее военное командование в 1976–1986 гг.) R-3521.
- 4.94. *Becker A.S.* Ogarcov's Complaint and Gorbachev's Dilemma: The Soviet Defence Burden and Party-Military Conflict. (Выражение недовольства Старковым и дилемма перед Горбачевым: Советское оборонное бремя и конфликт между военными и партийными кругами.) Dec. 1987.
- 4.95. *Becker A.S.* Sitting on Bayonets: The Soviet Defence Burden and the Slowdown of Soviet Defence Spending. (Усидеть на штыках: Советское оборонное бремя и медленное сползание вниз при деградации советских расходов.) Los-Angeles: RAND Corporation / UCLA Center for the Study of Soviet International Behavior, Dec. 1985.
- 4.96. *Becker A.S.* The burden of Soviet defense: a political-economic essay. (Ноша советской обороны: Политико-экономическое эссе.) 1981.
- 4.97. *Becker A.S., and Horelick A.L.* Managing U.S.-Soviet relations in the 1990s. (Управление в американо-советских отношениях в 1990-е гг.) 1989.
- 4.98. *Bonan J.J.* The Current Debate Over Soviet Defence Policy. (Текущие дебаты вокруг советской оборонной политики.) P-7526, Jan. 1989.
- 4.99. *Checinski M.* A comparison of the Polish and Soviet armaments decisionmaking systems. (Сравнение польской и советской системы принятия решений в вооружении.) 1981.
- 4.100. *Curran S.L., and Ponomareff D.* Managing the ethnic factor in the Russian and Soviet Armed Forces: an historical overview. (Этнический фактор в Вооруженных Силах России и Советского Союза: Исторический обзор.) 1982.
- 4.101. *Davis P.AT.* Studying first-strike stability with knowledge-based models of human decision-making. (Изучение устоявшихся первых забастовок совместно с современной базой познания в принятии решений в общественной жизни.) Rand/UCLA Center for the Study of Soviet International Behavior, 1989.
- 4.102. *Alexiev A.R., and Wimbush S.E. (Ed.)* Ethnic minorities in the Red Army: asset or liability? (Этнический фактор в Советской Армии: Премущество над долгом?) Boulder: Westview Press, 1988.

4.103. *Fukuyama F.* Soviet civil-military relations and the power projection mission. (Советские гражданско-военные отношения и призывание силовых планов.) 1987.

4.104. *Gelman H.* Gorbachev's first five years in the Soviet leadership: the clash of personalities and the remaking of institutions. (Первые пять лет Горбачева в советском руководстве: Конфликт среди личностей и преобразования в институтах.) 1990.

4.105. *Gelman H.* Gorbachev's policies toward Western Europe: a balance sheet. (Политика Горбачева к Западной Европе: Широкая полоса равновесия.) 1987.

4.106. *Gelman H.* The Politburo's management of its America problem, executive summary. (Управление Политбюро американской проблемой, конспект к исполнению.) 1981.

4.107. *Gelman H.* The Politburo's management of its America problem: prepared for the Director of Net Assessment, Office of the Secretary of Defense. (Управление Политбюро американской проблемой: готовность директората в сети обложения, службы министерства обороны.) 1981.

4.108. *Gelman //.* The Soviet Far East buildup and Soviet risk-taking against China. (Конструкция советского Дальнего Востока и советский риск прибылей против Китая). Prepared for the United States Air Force. 1982.

4.109. *Gelman H.* The Soviet military leadership and the question of Soviet deployment retreats. (Советское военное командование и проблема отступления советской дипломатии.) 1988.

4.110. *Gelman H.* The Soviet Turn Toward Conventional Force Reduction: The Internal Struggle and the Variables at Play. (Советский поворот к Договору по сокращению вооружений: Внутренняя борьба и перемены в играх). R-3876-AF, 1990.

4.111. *Gottemoeller R.E.* Conflict and Consensus in the Soviet Armed Forces. (Конфликт и примирение в Советских Вооруженных Силах.) R-3759-AF, 1989.

4.112. *Gottemoeller R.E., and Longer P.F.* Foreign area studies in the USSR: training and employment of specialists. (Изучение внешнеполитического свободного пространства в СССР: Обучение и использование специалистов.) 1983.

4.113. *Gur O.* The relative efficiency of military research and development in the Soviet Union: a systems approach. (Соответствующая эффективность в военных исследованиях и разработках в Советском Союзе: Системный подход.) 1980.

4.114. *Gustafson T.* Soviet negotiating strategy: the east-west gas pipeline deal, 1980–1984. (Советская стратегия ведения переговоров: Восточно-западное распределение «газ-трубы» в 1980–1984 гг.) 1985.

4.115. *Gustafson T.* The Soviet economy in the 1980s. (Советская экономика в 1980-е гг.) 1982.

4.116. *Gustafson T.* The Soviet gas campaign: politics and policy in Soviet decisionmaking. (Советская газовая кампания: Политики и политика в принятии советских решений.) 1983.

4.117. *Hildebrandt G.G.* Military expenditure, force potential and relative military power. (Военные затраты, силовой потенциал и отношение военной силы.) 1980.

4.118. *Hines J.G., and Mahoney D.* Defense and Counteroffensive Under the New Soviet Military Doctrine. (Снижение значения обороны и контрнаступления в новой советской военной доктрине.) R-3982-USDP, 1990.

4.119. *Huland W.G.* Soviet-American Relations: A New Cold War? (Советско-американские отношения: Новая «холодная война»?) 1981.

4.120. *Johnson A.R.* The Warsaw Pact: Soviet military policy in Eastern Europe. (Варшавский пакт: Советская военная политика в Восточной Европе.) 1981.

4.121. *Kassel S., Campbell C.* The Soviet Academy of Sciences and technological development: prepared for the Defense Advanced Research Projects Agency. (Академия Наук СССР и технология управления: Агентство по подготовке оборонных продвинутых проектов исследований.) 1980.

4.122. *Lambeth B.S.* Moscow's Defense Intellectuals. (Московские военные интеллектуалы.) Р-7545, Jan. 1990. (Originally written in Jan. 1970).

4.123. *Lambeth B.S.* Risk and uncertainty in Soviet deliberations about war. (Риск и сомнения в советских околовоенных обсуждениях.) 1981.

4.124. *Lambeth B.S.* Soviet strategic conduct and the prospects for stability. (Советское стратегическое управление и перспектива устойчивости.) 1980.

4.125. *Lambeth B.S.* Trends in Soviet military policy. (Тенденции в советской военной политике.) 1982.

4.126. *Lambeth B.S., and Lewis K.N.* The Strategic Defense Initiative in Soviet planning and policy. (Стратегическая оборонная инициатива (СОИ) в советском планировании и политике.) 1988.

4.127. *Larrabee F.S.* The challenge to Soviet interests in Eastern Europe: Romania, Hungary, East Germany. (Вызов советским интересам в Восточной Европе: Румыния, Венгрия, Восточная Германия.) 1984.

4.128. *Leites N.* Soviet style in management. (Советский стиль в управлении.) / foreword by Marshall A. N.Y.: C. Russak, 1985.

4.129. *Leites N.* Soviet style in war. (Советский стиль в войне.) 1982.

4.130. *Lewis K.N.* Reorganizing U.S. defense planning to deal with new contingencies: U.S.-Soviet conflict in the Third World. (Реорганизация американского военного планирования в нанесении удара вместе с новым контингентом: Американо-советский конфликт в третьем мире.) 1982.

4.131. *Neu C.R., and Lund J.* Toward a profile of Soviet behavior in international financial markets. (К разрезу советского поведения во внешнеторговых финансовых делах.) 1987.

4.132. *Pollack J.D.* The Sino-Soviet rivalry and Chinese security debate. (Китайско-советское соперничество и обсуждение китайской безопасности.) / A Project Air Force report prepared for the United States Air Force. 1983.

4.133. *Popper S.W.* The prospects for modernizing Soviet industry. (Планы модернизации советской промышленности.) 1990.

4.134. *Hildebrandt G.G. (ed.)* Rand Conference on Models of the Soviet Economy: October 11–12, 1984. (Конференция РЭНД о моделях советской экономики 11–12 октября 1984 г.) 1985.

4.135. *Rumer E.B.* The end of a monolith: the politics of military reform in the Soviet Armed Forces. (Конец монолита: Политика военной реформы в Советских Вооруженных Силах.) 1991.

4.136. *Sadykiewicz M.* Soviet-Warsaw Pact Western Theater of Military Operations: Organizations and Missions. (Западный театр военных действий

Советов и Варшавского Договора в боевых действиях: Организация и значение.) Aug. 1987.

4.137. *Sail agar F.M.* An overview of the Soviet threat. (Обозрение вокруг советской угрозы.) 1980.

4.138. *Van Oudenaren J.* Potential threats to U.S. Soviet deterrence: the political dimension. (Потенциальные угрозы Соединенным Штатам советского сдерживания: Политическое измерение.) 1982.

4.139. *Van Oudenaren J.* The Role of Shevardnadze and the Ministry of Foreign Affairs in the Making of Soviet Defence and Arms Control Policy. (Роль Шеварднадзе и Министерства иностранных дел в распоряжении советской обороной и в армейском силовом управлении.) R-3898, 1990.

4.140. *Van Oudenaren J.* The Soviet Union and Eastern Europe: options for the 1980s and beyond. (Советский Союз и Восточная Европа: Право выбора на 1980-е и последующие годы.) 1984.

4.141. *Van Oudenaren J.* The Urengoi pipeline: prospects for Soviet leverage. (Уренгойская труба: Перспектива советского подъема.) 1984.

4.142. *Warner H/ E.L.* The Defence Policy of the Soviet Union. (Оборонная политика в Советском Союзе.) 1989.

4.143. *Warner E.L. III, Bonan J.J., and Packman E.F.* Key personnel and organizations of the Soviet military high command. (Ключевые персонажи и организации в советском высшем военном командовании.) Prepared for the United States Air Force. 1987.

4.144. *Wimbush S. E., and Alexiev A.* The ethnic factor in the Soviet armed forces: preliminary findings. (Этнический фактор в Советских Вооруженных Силах: Предварительные открытия.) 1980, 1984.

4.145. *Wolf Ch.* Developing Cooperative Forces in the Third World. (Развитие кооперативной силы в третьем мире.) 1985.

4.146. *Wolf Ch. Jr., et al.* East-West economic relations and the Soviet Union's defense posture: report of a Rand conference, March 20, 1982. (Восточно-западные экономические отношения и положение обороны Советского Союза: Доклад конференции РЭНД от 20 марта 1982 г.) 1982.

4.147. *Wolf Ch.Jr. et al.* Gorbachev's allocative choices: constraints, dilemmas, and policy directions. (Альтернатива ассигнований Горбачевым: Принуждения, дилеммы и политика директората.) 1990.

4.148. *WolfCh. Jr., et al.* The Costs and benefits of the Soviet empire, 1981–1983. (Расходы и прибыли в Советской империи за 1981–1983 гг.) 1986.

4.149. «И я начал тогда мой деятельный эксперимент. Это не было моим желанием разрушить Советский Союз, как не было желания сохранить его.

<... >Когда я еще студентом был, меня выделили. Почему? Потому что- я делал необычные вещи, поэтому меня здесь преследовали, не выпускали... Когда, переехав на Запад, я опомнился, меня сразу лишили всякой поддержки, как потом писали на Западе: «Зиновьев проскочил по ошибке: его приняли за диссidenta, а он не был таковым». И все-таки меня использовали? Работники ЦРУ показывали мне «Зияющие высоты», подчеркнутые красным, зеленым, синим карандашами. Они вычитали все и сказали: «Вы знаете, нашим учебником по Советскому Союзу был не «Архипеллаг ГУЛАГ», а «Зияющие высоты». Там, хотя и

в литературной форме, вся анатомия Советского Союза была показана» (*Зиновьев А.А. Посткоммунистическая Россия*, М.: Республика, 1996).

4.150. «Но как бы то ни было, на Западе я жил с чувством вины, что мои работы использовались против моей страны». (*Зиновьев А.А. «Домой, в Россию!» // Завтра. 1999, июнь. № 25*).

См. также Список литературы, 23. С. 71: «Ко мне приходили политики, журналисты, представители секретных служб. Меня спрашивали: «Можно разрушить Советский Союз?» Я говорил: «Можно. Но давайте договоримся с самого начала — то, что я скажу, не есть мои желания. Советскую систему можно разрушить так-то, так-то и так-то. Но это не значит, что я хочу этого».

См. также Список литературы, 23. С. 191: «Педантично велась работа, и я сам стал объектом "холодной войны"».

См. также Список литературы, 25. «Я попал в сферу холодной войны в качестве объекта. Многие подвергались такой обработке. Как советский человек я должен был донести на тех агентов ЦРУ, которые со мной работали, но я не мог донести, у меня принцип — не доносить.

— А вы знали, что это агенты ЦРУ?

— Они почти не скрывали. Мне дали заполнить анкету. Я заполнил ее так, чтобы уклониться, хотя сведения я мог дать. Ну а поскольку я анкету заполнил, меня в агенты ЦРУ зачислили. <...> Я вот расскажу историю, вы поймете, что не все так просто. Я не хочу себя обелять. Мне повезло в том смысле, что я не смог внести свою лепту во все это, мне просто не дали внести, а то внес бы. Приходят ко мне и спрашивают: «Господин Зиновьев, как можно разрушить советскую систему? Ну как?» — «Предварительно изучив как следует, на хорошем научном уровне». Они спрашивают: «А вы можете научить, как это сделать?» — «Могу» — «Что для этого нужно?» — «Талантливых, математически способных ребят года три учить» — «У нас нет такого времени». Ушли. Через три года те же люди и тот же вопрос: «Как разрушить систему?» Опять говорю: «Учить людей, на хорошем теоретическом уровне» — «Сколько лет?» — «Теперь пять. Если вы через пять лет снова придетете, будет поздно». А через пять лет они ее разрушили без меня». (*Зиновьев А.А. «Систему разрушили без меня...» // Совершенно секретно. 1993. № 9*).

4.151. *Ватель И.А., Ерешко Ф.И.* Математика конфликта и сотрудничества. М.: Знание, 1973.

4.152. *Дружинин В.В., Конторов Д.С.* Вопросы военной системотехники. М.: Воениздат, 1976.

4.153. *Дружинин В.В., Конторов Д.С, Конторов М.Д.* Введение в теорию конфликта. М.: Радио и связь, 1989.

4.154. *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. М., 1967.

4.155. *Лефевр В.А., Смолян Г.Л.* Алгебра конфликта. М.: Знание, 1968.

4.156. *Могилевский В.Д.* Конфликтная ситуация: формализация и управление. / Препринт ИПМ им. М.В. Келдыша, АН СССР, 1991. № 118.

4.157. *Богданов А.А.* Тектология: Всеобщая организационная наука. В 2-х тт. М.: Наука, 1989.

4.158. *Пиллetti Н.* Академия бизнеса. // За рубежом. 1968. № 39. (со ссылкой на: Saturday Evening Post).

4.159. *Rudwick B.H.* Systems Analysis for Effective Planning: Principles and Cases. (Системный анализ для эффективного планирования: Принципы и примеры.) N.Y.: 1969.

432

4.160. *Гвишиани Д.М.* Организация и управление. 2-е, доп. изд. М.: Наука, 1972.

4.161. *Quade E.S., Boucher W.I. (Ed)*. System Anlysis and Policy Planning. Applications in defense. (Системный анализ и политическое планирование. Применение в обороне.) N.Y., L., Amsterdam: American Elsevier P. Co. Inc., 1968.

4.162. *Kahn H., and Mann J.* Techniques of Sistems Analysis. (Техника системного анализа.) RM-1829-1, 3 Dec.1957.

4.163. *Mc Kean R.N.* Efficiecy in Goverment Through Systems Analysis: With Emphasis on Water Resource Development. (Эффективность в государстве через системный анализ: Вместе с особым значением развития водных ресурсов.) A RAND Corporation Study. N.Y.: John Wiley & Sons Inc. 1958.

4.164. *Спицнадель В.Н.* Основы системного анализа. Уч. Пособие. СПб.: Бизнес-пресса, 2000.

4.165. *Джонс Дж. К.* Методы проектирования. Изд. 2-е, доп, пер. с англ. М.: Мир, 1986.

4.166. *Диксон Дж.* Проектирование систем: изобретательство, анализ и принятие решений. М.: Мир, 1969.

4.167. *Мелия М.* Советы психолога. // Аргументы и факты. 1992. № 5.

4.168. *Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П.* Введение в системный анализ. М.: Высшая школа, 1989.

4.169. *Перлаки И.* Нововведения в организациях. Пер. со словац. /Науч. ред. *Лапин Н.И.* М.: Экономика, 1981.

4.170. Словарь по кибернетике. / Под. ред. *Глушкова В.М.* Киев: Главная редакция Украинской Советской энциклопедии, 1979.

4.171. *Чумиков А.Н.* Мозговая атака. / Политическая энциклопедия. В 2-х томах. Рук-ль научного проекта *Семигин Г.Ю.* М.: Мысль, 1999. Т.1. А-М.

4.172. *Юксаяров Р.К., Хабакук М.Я., Лейманн Я.А.* Управленческое консультирование: теория и практика. М.: Экономика, 1988.

4.173. *Андреев А.К., Семейко Л.С.* Прогнозирование международных отношений в американских исследовательских центрах. // США: ЭПИ. 1974. № 5.

4.174. Управление. Информация. Интеллект. / Под ред. Берга А.И. М.: Мысль, 1976.

4.175. *Dalkey N.C.* The Delphi method: An experimental study of group opinion. (Метод «Дельфи»: Экспериментальное изучение мнения групп.) RM-5888-PR, 1969.

4.176. *Dalkey N.C* Families of Models. (Модель семьи.) P-3198.

4.177. *Dalkey N.C.* Games and Simulations. (Игры и имитация.) P-2901, Apr. 1964.

4.178. *Dalkey N.C, Wegner L.H.* The Strategic Operations Model: A Summery Report (U). (Модель стратегических операций: Обобщенный отчет.) RM-2221, 28 July 1958, (Confidential).

- 4.179. *Geisler M.A.* Development of Man-Machine Simulation Techniques. (Разработка техникой имитации «человека-машины».) Р-1945, 17 Mar. 1960.
- 4.180. *Geisler M.A.* Simulation Techniques. (Имитационная технология.) Р-1808, 4 Sept. 1959.
- 4.181. *Newell A., and Simon H.A.* Computer Simulation on Human Thinking and Problem Solving. (Компьютерная имитация о человеческом мышлении и проблема решения.) Р-2312, 1961.
- 4.182. *Козлов Ю.К.* Предисловие к русскому изданию. / Форрестер Дж. В. Динамика развития города. / Пер с англ. М.: Прогресс, 1974.
- 4.183. *Чугаев С.* Россия обречена на стабильность, считают американские эксперты. Московские политологи и журналисты стали первыми иностранцами, принявшими участие в мозговой атаке на главной политической кухне США. // Известия. 1995, 5 апреля. № 62.
- 4.184. *Лигачев Е.К.* Из воспоминаний. // Аргументы и факты. 1991. № 3.
- 4.185. *Передерни СВ.* Политологический анализ американской советологии периода «перестройки» в СССР. СПб., Издательство СПб университета, 1996, со ссылкой на: *Abele D.* Looking back at Sovietology: An Interview with William Odom and Alexander Dallin. Washington, 1990, p.l.
- 4.186. *Батурина Ю., Доброчеева О.* Россия не столь фатально обречена на стабильность. Среди прочего ей может помешать американский кризис. // Известия. 1995, 28 апреля. № 79.
- 4.187. *Лацис О.* Потребитель всегда прав. О пользе исследования, проводимого сорок лет в США и четыре года в России. // Известия. 1997, 6 марта. № 43.
- 4.188. *Helmer O.* Social Technology. (Социальная технология.) Р-3063, Feb. 1965. Также опубликовано отдельной книгой— N.Y.: Basic Books, 1966. Французский перевод: Technologie sociale. // Analyse et Prévision, Tome 1, № 1, Paris, Jan. 1966.
- 4.189. *Горшков М.К.* Общественное мнение. М.: Политиздат, 1988.
- 4.190. *Каменнова М.С.* Системный подход к проектированию сложных систем. // Журнал доктора Добба. 1993. № 1.
- 4.191. *Helmer O.* Analysis of the Future: The Delphi Method. (Анализ будущего: метод «Дельфи».) Р-3558, Mar. 1967.
- 4.192. *Докучаев А.* Сети шпионажа. // Молодая гвардия. 1995. № 9.
- 4.193. *Николаев Д.* Информация в системе внешнеполитических отношений. (Организация и функционирование информационных органов внешнеполитического механизма США). М.: Международные отношения, 1978.
- 4.194. *Плэтт В.* Информационная работа стратегической разведки. Основные принципы. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958.
- 4.195. *Кучкаров З.* Системная точка зрения на кризис: потеря управляемости. // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. / Ред. — сост. Чернышев С.Б. Т. 2. Россия как субъект. М.: Арус, 1995.
- 4.196. *Ransom H.H.* The Intelligence Establishment. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1970.

4.197. *Богданов Р. Г.* Проблемы внешнеполитической информации в государственном аппарате США. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук М.: ИМЭМО, 1975.

4.198. *Троицкий В.Ю.* «Коллективный Даллес». Чиновники Минобразования расчищают путь к национальной катастрофе. // Завтра. 2002, сентябрь. № 37.

4.199. *Зернецкая О.В.* Формы и методы буржуазного идеологического воздействия на советских граждан в процессе социально ориентированного общения. Для служебного пользования. Киев: ИСЭПЗС АН УССР, 1986.

4.200. *Иванов И.* Анафема: Хроника государственного переворота: записки разведчика. С-Пб.: Палея Л 995.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ V

5.01. История ВКП(б). Краткий курс. М.: Госполитиздат, 1946.

5.02. *Пиков Н.И.* и др. Война в Афганистане. М.: Воениздат, 1991. Со ссылкой: *Wolf Ch.* Developing Cooperation ve Forces in the Third World. Rand Соргорацию. 1985. Р.4.

5.03. *Перин Р.Л.* Гильотина для бесов. Этнические и психогенетические аспекты кадровой политики 1934–2000 гг. СПб.: ЛИО Редактор, 2001.

5.04. *Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1993.

5.05. Краткий философский словарь. / Под ред. Алексеева А.П. М.: Проспект, 1998.

5.06. *Медведев В. Т.* Откровения бывшего начальника личной охраны Горбачева и Брежнева. // Советская Белоруссия. 1992, 11 ноября. № 211.

5.07. *Расторгуев СП.* Информационная война. М.: Радио и связь, 1998.

5.08. *Каинеллинбойген А.И.* Методологические проблемы управления сложными системами. / Проблемы методологии системного исследования. М.: Мысль, 1970.

5.09. *Степанов В.П.* О чем молчат «гэкачеписты»? // Правда. 2001, 23 августа. № 94.

5.10. *Некрасов А.А.* Становление и этапы развития западной советологии: Текст лекций. Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2000.

5.11. «НАМАКОН». Закулиса. Из досье на «мировое правительство». // Завтра. 2000, ноябрь. № 48.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ VI

- 6.01. *Хемингуэй Э.* Пятая колонна. Избранное. М.: Просвещение, 1987.
- 6.02. *Gaither R.A.* Report of 10-th Anniversary Session. RAND Corporation, Board of Trustees, 21 Nov. 1958 (Unpublisher). Цит. по: *Хитч Ч.* Руководство обороной. М.: Советское радио. 1968.
- 6.03. *Калмыков А.* Программируемое безумие. // Русский Вестник. 1993. № 15.
- 6.04. *Шенин О.А.* «Возврата к прошлому никто не хотел». Ответы на вопросы французского журнала «Пари матч», датированные 15 июня 1992 г. // Красноярская газета. 1992, 27 июня. № 73
- 6.05. *Фартышев В.И.* Спецслужбы сами о себе. В досье аналитика // Кто есть кто в современном мире. 1994, октябрь. № 18.
- 6.06. *Куркин Б.* Как охраняют президентов. // Кто есть кто в современном мире. 1994, апрель. № 8.
- 6.07. Коренной вопрос перестройки. Совещание в ЦК КПСС. // Правда. 1987, 13 июня. № 164.
- 6.08. Известия ЦК КПСС. 1989. № 1.
- 6.09. *К.Маркс, Ф.Энгельс.* Сочинения. 2-е изд. Т.33.
- 6.10. Цена оккупации. // Согласие (Вильнюс). 1991, 30 апреля. № 18.
- 6.11. *Зенькович Н.А.* ЦК закрыт, все ушли... Очень личная книга. М.: Олма-Пресс, 1998. (Досье).
- 6.12. *Громыко Анат. А.* Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля: Воспоминания и размышления сына. М.: ИПО «Автор», 1997.
- 6.13. *Васильев А.* Зачем Бессмертных едет в Израиль. Вместо прогноза. // Комсомольская правда. 1991, 6 мая.
- 6.14. *Шевченко Г.А.* Остаюсь Шевченко. // Аргументы и факты. 1990. № 45.
- 6.15. *Яковлев А.Н.* Омут памяти. М.: Вагриус, 2001.
- 6.16. *Косолапое Р.И.* Иудино семя. Лики смутного времени. М., 1996.
- 6.17. Как взять «Белый дом» без танков, десантников и спецподразделения «Альфа». Об организационно-политических проблемах, возникших в первые месяцы деятельности президентской власти в Российской Федерации. 21 сентября 1991. // Реванш. Недопереворт: версия Центра «РФ-политика». Составители: *Варов В., Юрьев Д.М.* М: Литература и политика, 1994.
- 6.18. *Баранец В.* Капризы президента. // Совершенно секретно. 1998. № 12.
- 6.19. *Караулов А.В.* Отцы нашей демократии. Главы из книги «Русское солнце». // Совершенно секретно. 2001. № 1.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ VII

- 7.01. *Бобков Ф.Д.* КГБ и власть. М.: Ветеран МП, 1995.
- 7.02. *Легостаев В.М.* Гибкий съезд. К 10-й годовщине XXVIII съезда КПСС.// Завтра. 2000, июль. № 29.
- 7.03. *Филатов В.* Славянский саркофаг. // Молодая гвардия. 1995. № 3.
- 7.04. *Легостаев В.М.* Загадки Лигачева. // Завтра. 2000, декабрь. № 52.
- 7.05. *Вудвард Б.* Пелена. Секретные войны ЦРУ в 1981–1987 гг. / Woodward B. Viel: The Secret wars of the CIA 1881–1987. New York, 1987/ 1. Разведка США в действии. Шпионаж, тайные операции, саботаж. Сборник материалов. Пер. с англ. Общая редакция и предисловие Яковлева Н.Н. Рассыпается по особому списку «А». М.: Прогресс, 1988.
- 7.06. *Ципко А.* Правда никогда не опаздывает. Предисловие. /Яковлев А.Н. Предисловие. Обвал. Послесловие. М.: Новости, 1992.
- 7.07. *Горбачев М.С.* Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1987.
- 7.08. *Овчинский В.С.* Контрперестройка. // Наш современник. 1992. № 5.
- 7.09. Неизвестный работник российских спецслужб. После Герострата. // День. 1992, 26 апреля— 2 мая 1992. № 17.
- 7.10. *Бабич Д.* Экономический архив КГБ. / КГБ: вчера, сегодня, завтра. Международные конференции и круглые столы. Законодательство. Общественный контроль. Спецслужбы и права человека. М.: Общественный фонд «Гласность», 1994.
- 7.11. Наращивать интеллектуальный потенциал перестройки. // Правда. 1989, 8 января. № 8.
- 7.12. *Кондратенко Н.И.* Ложь и лицемерие перестройщиков. // Молодая гвардия. 1991. № 8.
- 7.13. *Cox A.* Russian roulette: The Superpower game. / With a Sov. Comment, by G. Arbatov. N.Y., 1982.
- 7.14. *Хенкш К.В.* «КГБ способен выполнить любую функцию». // Сибирская газета (Новосибирск). 1990. 30 июля — 5 августа. № 5. (со ссылкой на Балтийское время. 1990, 25 июня. № 24).
- 7.15. *Крыштановская О.* Теперь их знают не только в лицо. Что открывают архивы социологической службы КГБ? // Московские новости. 1991, 3 ноября. № 44.
- 7.16. *Олейник Б.И.* Князь тьмы. Два года в Кремле. М.: Палея, 1992.
- 7.17. *Яковлев И. Г.* Информационно-аналитические технологии и политическое консультирование. // Полис. 1998. № 3.
- 7.18. *Тихомиров В.Б.* «Колеса Тихомирова» помогут точно «вписаться» в крутые виражи перестройки». //Диалог, 1990. № 3.
- 7.19. *Бабок Ю.Л., Яковлев И. Г.* Информатизация партии: граничные условия, противоречия, желательное состояние. // Проблемы использования современно-вычислительных средств в практике партийной работы и подготовке партийных кадров. Материалы международной научно-практической конференции 14–16 марта 1989 г. в АОН при ЦК КПСС. М.: АОН, 1989. Со ссылкой на: *Bloombecker B.* Of systems, Solidarity and Stratugge. //Datamation. 1987. № 11.

- 7.20. Золотых О.П. Международный общественный фонд корпорации «Экспериментальный Творческий Центр». // Политическая энциклопедия. В 2-х томах. Рук-ль научного проекта Семигин Г.Ю. М.: Мысль, 1999. Т.1. А-М.
- 7.21. Блинова О. Советники. Исследовательские и консалтинговые структуры России. Центр политической информации Фонда социальных технологий «Содействие и партнерство». М., 2002.
- 7.22. Кургинян СЕ. «Раскол вертикальный, проходящий через все слои общества». // Красноярская газета. 1993, 17 июля. № 17.
- 7.23. Зиновьев А.А. Историческая трагедия.//День. 1991, сентябрь. № 13.
- 7.24. Кургинян С.Е. Коммунизм начинает побеждать в мировом масштабе. // Комсомольская правда. 1991, 13 августа. № 184.
- 7.25. Лубянка. ВЧК— ОГПУ— НКВД— НКГБ — МГБ — МВД — КГБ. 1917–1960. Справочник. / Сост. Кокурин А.И., Петров Н.В. Науч. ред. Пихойя Р. Г. М.: Издание МФД, 2003, Россия. XX век. Документы.
- 7.26. Полковник ФСБ. Блеск и нищета ФСБ. // Завтра. 2001, май. № 20.
- 7.27. Сталин И.В. Отчетный доклад на XVIII о работе ЦК ВКП(б), 10 марта 1939 г. Цит. по: Ленин В.И., Сталин И.В. О социалистическом государстве и советской демократии. М.: ОГИЗ, 1947.
- 7.28. Аграновский В.А. Профессия: Иностранец. М.: Вагриус, 2000.
- 7.29. Прохоров Д., Лемехов О. Перебежчики. Заочно расстреляны. М.: Вече, ЗАО «АРИА-Аиф», 2001.
- 7.30. Бакатин В.В. Избавление от КГБ. М.: Новости, 1992.
- 7.31. Альбац Е.М., Геворкян Н. КГБ СССР: Что будет с ним завтра? // Московские Новости. 1991, 1 сентября. № 35.
- 7.32. Саранов В. Михаил Сергеевич Руст. // Версия. 2000, 7–13 ноября. № 43.
- 7.33. Национальная безопасность: в поисках приоритетов. Материалы совещаний аналитической группы при Совете Обороны Российской Федерации. М.: Московский общественный научный фонд, 1998.
- 7.34. Беляев И. Терроризм — общий враг! // Литературная газета. 1989, 18 октября. № 42.
- 7.35. Перестройка Храма Соломона. // За Русское Дело (СПб). 1996. № 3.
- 7.36. Абаринов В. Шпион из преисподней. // Совершенно секретно. 2002. № 11.
- 7.37. Публикация подготовлена Соколовой И. Итальянские спецслужбы знали о планах гэкачепистов. Адмирал Мартини был заранее информирован об августовском путче, утверждает итальянский журнал «Эспрессо». // Известия, московский выпуск. 1992, 2 января. № 2.
- 7.38. СССР—США: советско-американский ответ терроризму. Возможен ли он? // Литературная газета. 1989, 15 марта. № 11.
- 7.39. Вооруженные и военизированные формирования в СССР. Взгляды. Позиции. Документы. / Ред. Белов Г. Г. Российско-Американский Университет. Центр международных и военно-политических исследований. М.: ИПЦ РАУ, 1991.
- 7.40. Табло. Агентурные донесения Службы Безопасности «День». // Завтра. 1999, ноябрь. № 45.

- 7.41. *Бобков Ф.Д.* Вспоминая Гегеля. // Наш современник. 1994. № 3.
- 7.42. Обществоведение. Учебник для выпускного класса средней школы и средних специальных учебных заведений. Издание 22-е, под ред. Шахназарова Г.Х. М.: Политиздат, 1984.
- 7.43. *Драпеко Е.* II Советская Россия. 1999, 9 сентября. № 105.
- 7.44. *Баранов А., Ляско А.* Список, сеющий смерть. Правда ли, что 2200 видных деятелей новой России были агентами КГБ? // Комсомольская правда. 1995, 25 августа — 1 сентября. № 153.
- 7.45. *Герасимов В.* 2200 стукачей КГБ в авангарде «перестройки» — их список стал самым секретным документом. // Потаенное. СПб, № 4.

ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ VIII И ЗАКЛЮЧЕНИЮ

- 8.01. XXVIII съезд КПСС. Речь товарища Ситникова В.И. (Первый секретарь Иркутского обкома КПСС). // Правда. 1986, 6 марта 1986. № 65.
- 8.02. *Беляев И.* Ислам и политика. // Литературная газета. 1987, 13 мая. № 20. 1987, 20 мая. № 21.
- 8.03. «Кто на что претендует? Основные территориально-этнические притязания и конфликты в СССР. Материалы и карту подготовили сотрудники Института географии АН СССР Глазер О., Колосов В., Петров П., Стрелецкий В., Трейвиш А. // Московские Новости. 1991, 17 марта. № 11.
- 8.04. *Кургинян С.Е., Овчинский В.С., Аврех Г.Л.* Финансовая война. // Наш современник. 1991. № 5.
- 8.05. *Антонов Б.* Куда ведут нити заговора. // Новое время. 1982. № 6.
- 8.06. *Рыбаков А.М.* 91.01.001. Революции в Восточной Европе: прошлое и будущее. (Обзор материалов журнала «Политик энтранжер») со ссылкой на: Ayache G. Enigmes roumaines. // Polit. Etrangere. Paris. 1990. № 1. р. 63–70. / Советологи о современном мире. Реферативный журнал. 1991. № 1 (78).
- 8.07. *Борзенко А.С.* Румынский секундомер бежит быстрее. // Наш современник. 1992. № 6.
- 8.08. *Монастырский М.Л.* Россия и Геополитика. Пресс-релиз. // Известия. 1996, 17 апреля. № 72.
- 8.09. *Петухов А.* Компартии отвергают «новое мышление». // Молодая гвардия. 1991. № 2.
- 8.10. *Бондарев В.* Кто станет диктором. // Голос. 1991, 29 апреля— 12 мая. № 17.
- 8.11. К чему бы это все? // Голос. 1991, 3, 1–7 апреля. № 13.
- 8.12. *Пушкарь Д.* Суженное заседание объявляется открытым. // Московские новости. 1991, 7 июля. № 27.
- 8.13. *Губарев В., Стадник И., Геворкян Н.* Опора власти. // Московские новости. 1991, 21 июля. № 29.
- 8.14. Голос. 1991, 8—14 августа. № 31.

8.15. *Семичастный В.* «Хрущев был тем плодом, который перезрел для нашего общества». // Правда, 1997, 20 ноября. № 174.

8.16. Из архива национальной безопасности США. Прогнозы ЦРУ в отношении СССР. 1991. Введение *М. Бирна и В.М. Зубока*. II Новая и новейшая история, 1996, март-апрель. № 2.

8.17. *Попов Г.Х.* Август девяносто первого. // Известия, 1992, 22 августа.

8.18. *Проханов А.А.* «Гэкачеписты», Сталин дал приказ...» // Завтра. 2001, август. № 33.

8.19. *Качановский Ю.* На откосе. // Советская Россия. 1996, 3 августа. № 89.

8.20. *Альбац Е.М.* Нас не предупредят, когда это случится. // Московские новости. 1991, 13 октября. № 41.

8.21. *Смоленцев В.* Гарнизоны и перевороты. Боже, спаси Москву! // Завтра. 1998, октябрь. № 41.

8.22. Новости разведки и контрразведки, 1994. №№ 3–4.

8.23. *Гарифуллина Н.Х.* Тот, кто не предал. Олег Шенин. страницы жизни и борьбы. М.: Внешторгиздат, 1995.

8.24. *Анисин Н.М.* Тайны политзэка Шенина. // День. 1991, 17–23 ноября. № 23.

8.25. Р.С. К статьям о заказных убийствах (Досье № 7). // Досье гласности. 2000. № 8.

8.26. *Качановский Ю.* Хозяин или слуга? // Красноярская газета. 1993, 13 апреля. № 38.

8.27. *Ахромеева Т.В.* «Я никогда не поверю, что он уходил на смерть...» // Совершенно секретно. 1995. № 7.

8.28. *Соколов С, Плужников С.* Как КГБ сводил счеты с КПСС// Комсомольская правда, 1992, 22 января. № 15.

8.29. *Белоусова Т.* Деньги дышат страхом. // Совершенно секретно № 8, 1995.

8.30. *Гуртовой М.* Чем пахнут деньги КПСС. // Московские новости № 41, 13 октября 1991.

8.31. ЦРУ—КГБ: «канал Гаврилова». Статья из «Лос-Анджелес тайме» под заголовком: «Вещи, о которых ваши отцы никогда не рассказывали». // Новости разведки и контрразведки. 1998. № 11.

8.32. Выступление президента США Б. Клинтона на закрытом совещании Объединенного комитета начальников штабов 25 октября 1995 г. (*Исаиченков В.* Запад против России. Изд. Всероссийского общественно-политического движения «Духовное наследие», Московская региональная организация, 1999. Цит. по: *Лисичкин В.А., Шелепин Л.А.* Глобальная империя Зла. Великое противостояние. М.: Крымский мост-9Д, 2001).

8.33. *Кузнецова Т.Ю., Шмерлинг Д.С.* Некоторые проблемы и тенденции отечественной аналитики: от стратегического планирования к моделированию. / Решение есть всегда. Сборник трудов Фонда ИНДЕМ, посвященный десятилетней годовщине его деятельности. Сост. *Сатаров Г.А.*, М.: ИНДЕМ, 2001.

8.34. Проект «Лавина частоты». // Завтра. 1998, июль. № 29.

8.35. Международные исследования в России и СНГ. Научно-аналитические и образовательные центры, ученые и специалисты в области международных

отношений, внешней политики и безопасности. Справочник. / Московский общественный научный фонд. Центр конвертируемости образования. М.: Московский рабочий, 1999.

8.36. Иванова Т. Совет по миграции стран СНГ и Балтии. // Миграция. 1999. № 3–4.

8.37. Кургинян С.Е., Овчинский В. Литовский синдром. События в Вильнюсе: глазами системного аналитика. // Московская правда. 1991, 1 февраля. № 21.

Примечания

1

Фраза приписывается Мао Цзэдуну, но неоднократно повторялась Горбачевым.

Содержание

ВМЕСТО ПРЕАМБУЛЫ	3
Глава I ИСТОКИ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ». GAME.EXE	4
Глава II СОВЕТСКАЯ СИСТЕМА. 1953-1985	
ОТ СМЕРТИ СТАЛИНА ДО ПРИХОДА ГОРБАЧЕВА	7
ХРУЩЕВ: ЗАПУСК МЕХАНИЗМА РАЗРУШЕНИЯ	9
НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ТАЙМЕР ВЗВЕДЕН	10
СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ СССР. 1953-1985	13
АППАРАТ ЦК КПСС: НА ВЕРШИНЕ ВЛАСТИ	16
«МОЗГОВЫЕ ЦЕНТРЫ» СССР: «ОАЗИСЫ СВОБОДНОЙ МЫСЛИ»	20
КГБ СССР: ДВА ЛАГЕРЯ В ОДНОЙ СИСТЕМЕ	24
БРЕЖНЕВ: НЕУДАЧНЫЙ ВАРИАНТ СДЕРЖИВАНИЯ	30
МАШЕРОВ И СУСЛОВ: ЗВЕЗДА И СМЕРТЬ ПАРТИЙНЫХ СЕКРЕТАРЕЙ	
МАШЕРОВ	34
СУСЛОВ	35
АНДРОПОВ: ПУТЬ НАВЕРХ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ	36
«ГОНКА НА ЛАФЕТАХ»	
БРЕЖНЕВ	41
АНДРОПОВ	43
ЧЕРНЕНКО	45
СМЕРТЬ ЧЕТЫРЕХ МИНИСТРОВ ОБОРОНЫ: СОВПАДЕНИЕ ИЛИ ЗЛЫЙ УМЫСЕЛ?	45
Глава III «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»	
ЭПИЗОД 1. ИМПЕРИЯ ПОД УДАРОМ	49
ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА: ОТРАБОТКА «НОУ-ХАУ»	53
НЕЙРО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПРОГРАММИРОВАНИЕ (НЛП)	54
ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ВОЙНА: КАДРЫ И СТРУКТУРЫ	
КАДРОВЫЙ ПОДХОД	55
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЙ ПОДХОД	58
ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА	
ПОЛЕ БИТВЫ: ОТХЛЕБА ДО РАКЕТ	63
ПАДЕНИЕ ЦЕН НА НЕФТЬ	64
ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА	65
ПРОДАЖА ЗОЛОТА	66
ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ	68

ГЛАВА IV «МОЗГОВЫЕ ЦЕНТРЫ» США

«ЯЙЦЕГОЛОВЫЕ» ЗА РАБОТОЙ	70
RAND CORPORATION: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ЛОКОМОТИВ	72
ПРОДУКЦИЯ МОЗГОВЫХ ЦЕНТРОВ: ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ (R&D), ДОКТРИНЫ	84
ИССЛЕДОВАНИЯ И РАЗРАБОТКИ (RESEARCH AND DEVELOPMENT)	85
СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ (SYSTEM ANALYSIS)	86
«МОЗГОВАЯ АТАКА» (BRAINSTORMING)	89
СЦЕНАРИЙ (SCENARIO)	94
ИМИТАЦИОННЫЕ ИГРЫ(SIMULATIONS GAMES)	95
ТЕХНИКИ ИМИТАЦИИ (SIMULATION TECHNIQUE)	98
АНАЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА «FACTION» (РАЗНОГЛАСИЯ)	99
ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ (CONSUMER SENTIMENT INDEX)	101
CASE- ТЕХНОЛОГИИ	102
МАТЕМАТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ	103
МЕТОДЫ ИНФОРМАЦИОННО — АНАЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ РАЗВЕДКИ	108
СЕКРЕТНЫЕ ДИРЕКТИВЫ	113

**Глава V «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» ЭПИЗОД II. ОПЕРАЦИЯ
«ГОЛГОФА»**

КАНАЛЫ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ ЗАГОВОРЩИКОВ	118
СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ПОДРЫВА СССР	127
«МУЖАЙТЕСЬ! ЗАПАД НАМ ПОМОЖЕТ»	135

Глава VI «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА». ЭПИЗОД III

ВОЙНА КЛОНОВ	132
ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА: «ВСЕ ИДЕТ ПО ПЛАНУ»	139
ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ВОЙНА: «ОГОНЬ ПО ШТАБАМ!» [1]	141
ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА: ОТ АНТИАЛКОГОЛЬНОЙ КАМПАНИИ ДО ОБВАЛЬНОЙ ИНФЛЯЦИИ	143
РАИСА И МИХАИЛ ГОРБАЧЕВЫ: ПОСЛЕ — ХОТЬ ПОТОП!	144

Глава VII СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ СССР. 1985–1991

АППАРАТ ЦК КПСС: ПАДЕНИЕ В ПРОПАСТЬ	159
«МОЗГОВЫЕ ЦЕНТРЫ» СССР: «ЧЕРЕЗ ПРОПАСТЬ- В ДВА ПРЫЖКА»	161
КГБ СССР: НОВЫЙ ФИЛИАЛ ЦРУ	172
ОПАСНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: КРЮЧКОВ & БАКАТИН	183
«ПЯТАЯ КОЛОННА»: МУТАЦИЯ КАДРОВ	187

Глава VIII «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА». ЭПИЗОД VI. ФИНАЛЬНЫЙ СЦЕНАРИЙ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ПОДРЫВ ГИГАНТСКОГО ФУГАСА	192
ЛАГЕРЬ СОЦИАЛИЗМА: ОТ «БАРХАТНЫХ» РЕВОЛЮЦИЙ ДО КРОВАВЫХ ПЕРЕВОРОТОВ	193
«ПУТЧ» — 1991	
ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ	199
РАЗРАБОТКА ДОКУМЕНТОВ	201
СТОЛИЧНЫЙ УЗЕЛ БЕЗОПАСНОСТИ: РОТАЦИЯ РУКОВОДСТВА И ДИСЛОКАЦИЯ СПЕЦЧАСТЕЙ	205
СИТУАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ	209
ПУГО И АХРОМЕЕВ: ПЛАТА ЗА СТОЙКОСТЬ	213
ПУГО	213
АХРОМЕЕВ	214
КРУЧИНА И ДРУГИЕ: ЗОЛОТО ПАРТИИ	215
ЧЕКИСТЫ ПОД ОГНЕМ	216
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. GAMEOVER	218
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ. ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ	224
ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА К «ВМЕСТО ПРЕАМБУЛЫ» И ГЛАВЕ I	226
ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ II	227
ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ III	229
ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ IV	231
ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ V	243
ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ VI	244
ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ VII	245
ПРИМЕЧАНИЯ И ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВЕ VIII И ЗАКЛЮЧЕНИЮ	247
Примечания	249